

The background is a stylized, artistic map of Tyumen, Russia. The city's grid-like street pattern is rendered in shades of red and orange, set against a textured, brownish-gold background that suggests a topographical map. A prominent blue river, likely the Tyumen River, flows through the city. A large, black, decorative flourish or scrollwork element is superimposed over the map, partially obscuring the city's layout.

Большое Городище

Тюменский элитный клуб краеведов

2018 ● 45

В большой стране уже все были не согласны с царем; с ним было кончено, а он продолжал существовать и издавать законы, в его руках было государство, хотя руки его немели... Февральская революция произошла, а не была организована...

Виктор Шкловский.

Жили-были. Москва, 1966. С. 56, 118.

Главная мысль статьи заключалась в том, что большевикам с самого начала было присуще имперское сознание, хотя сами они этого не понимали. И поэтому, отрицая патриотизм, согласно своей формальной доктрине, они с псевдопатриотическим неистовством всегда отрицали золото Вильгельма, хотя чудовищный свой террор легко оправдывали как историческую необходимость. И поэтому, по иронии истории, большевики, сокрушившие одряхлевшую империю, объективно были единственной силой, способной ее воссоздать. Империя для своего сохранения нуждалась в новой вывеске, чтобы оправдать новую энергию соединяющего гнета. И то и другое она получила от большевиков. И поэтому, отрицая золото Вильгельма, большевики, сами того не осознавая, проявляли имперское самолюбие, а не революционное.

Фазиль Искандер.

Золото Вильгельма. Москва, 2011. С. 538–539.

«Лукич» издается с июня 1998 г.

Приостановлен в декабре 2003 г.

Всего увидело свет 27 частей.

В 2008 и 2009 гг. вышло четыре номера стенгазеты **«Лук & Чок»**.

«Лукич вернулся» в 2010 г.

с порядковым номером 32.

Часть 33 датирована апрелем 2011 г.

«Большое городище» продолжило жизнь краеведческого издания в 2014 г.

Нумерация общая.

Хроники «желтого» рева

«Мсье... Ежели вы тут срали, хотя бы скажите, куда именно. Я прикажу прибрать. У меня здесь гости бывают».¹

Денис Драгунский. Версия плюс.

Владельцы апартаментов, которые мы арендовали во время своего визита в Португалию, пригласили нас к себе на ужин. Едва переступив порог, обратили внимание: русских гостей здесь ждали. По краям ступенек лестницы, ведущей на второй этаж виллы, лежали аккуратно сложенные книги. Вершину одной из стоп украшал толстенный том Льва Толстого, имя которого хорошо прочитывалось, несмотря на убранство в изуродованную латиницу.

Нынче хрестоматийный классик куда-то задевался. Мы с сыном Михаилом никак не могли отыскать ужас российского старшеклассника «Войну и мир». Зато на столе в гостиной красовался второй номер «Большого городища», подаренный мной хозяевам во время предыдущего посещения богатой и дружной португальской семьи, в casa которых витал дух искусства.

Михаил молниеносно оценил ситуацию и иронично заметил:

— Мельчает автор...

В тот момент мне так хотелось, чтобы реплика была не более чем тривиальной шуткой. Но процесс «мельчания», особенно заметный в жизни провинции, не исчезал вместе со временем, а только угрожающе менял динамику, стремясь в темпах к бесконечности.

На заре своей издательской деятельности, когда по кончине «Софт-Дизайна» еще не снимали по призыву старого еврея² Рафаэля Голь-

¹ Те, кому не нравится эта цитата, открывающая «Слово редактора», могут заменить ее на эпиграф из «Египетских ночей» А.С. Пушкина, в котором владельцу уникального *голоса* предлагают сделать *из него* штаны.

² Автор этих строк данным словом маркирует символ мудрости человека с богатейшим жизненным опытом.

дберга «шляпы господ и товарищи»³, мы делали заказную книгу «с колес». Практически ежедневно автор приносила очередную порцию рукописи с вклеенными в нее вырезками из разных изданий, тексты которых не принадлежали создательнице издаваемого нами произведения. Стояли девяностые, речь скорее шла о выживаемости, но не авторском праве. Да и авторов у книги было два. Один из них — писал-резал-клеил, а второй — финансировал процесс подготовки издания. Пятитысячный тираж вполне гарантировал обладательнице ножниц и клея «на хлеб и молоко» благодаря вынужденно растущей покупательной способности студентов, идущих на зачет...

С начала моей издательской деятельности прошла почти четверть века. За это время встречалось и банальное заавторство (практически все воспоминания, значащиеся за Сергеем Великопольским, прошли через письменный стол Юрия Переплеткина; так называемая литературная запись — случай в практике издательства не единственный), о котором знают все. И не претендующий на оригинальность плагиат. И вопиющее невежество, за читку которого корректоры издательства настаивали на «молоке за вредность». И нахальное графоманство, требовавшее в ответ на замечания редактора научить придумывать и разрабатывать оригинальные сюжеты.

Помню, как покойному А.В. Чернышову за право поставить имя под его библиографией региональной литературы по религии и церкви предлагали пузырь. От силы два. Высокая цена для пьющего человека! Видите ли, вынуждавшему к такой сделке требовалась ученая степень. Для движения по служебной лестнице. «Должность обязывает», — считал претендент на обладание чужим трудом.

Или история и того чище. Выходил сборник статей. Два уважаемых доцента обнаружили плагиат, который предложила для публикации их коллега по факультету. Последняя переписала у лингвиста из Твери часть научного исследования с точностью до запятой. Только сноски у «плагиаторши» перекочевали в основной текст. Об этом преподады сообщили, но только после выхода книги из типографии (не предупредить проступок, а уличить и сдать коллегу — оказалось важнее!). И доложили о вопиющем факте не обществу, а *начальству* в ожидании: как вышестоящее поступит с опороченным? Оно сочло, что даже такой доктор наук вузу нужнее, нежели столь сногсшибательная новость в педагогической среде. Оно на то и ОНО. Что с него взять...

³ Цитата из «Тюменского курьера»...

Все что произошло в научно-педагогической среде, на мой взгляд, от рейтингомании, когда опубликованная работа дает плюс N баллов автору. Уровень новизны публикации почему-то никем и никак не учитывается... Какой же вуз станет себя «оговаривать»?

...Недавно мне захотелось поведать столичному журналу историю появления в свет книги Антона Сорокина «Тююн-Бот», уже рассказанную единожды в «БГ». Появился повод обнародовать ее более широкой аудитории. Тем более что удалось обнаружить письмо омскому писателю, подтверждающее, что «оттиски», из которых «выросла» книга «Тююн-Бот», печатались в Тюмени.

«6 января 1918 г.

Уважаемый коллега!

Псылаю Вам с попутчиком Осинцевым оттиски Ваших произведений. Если некоторых из них не досчитаетесь, б.м., порозь в кладовой. Если будете добры, то приоттите Осинцева у себя. Редактор “Ку-ка-ре-ку” просит передать Вам просьбу о высылке ему материала. Полученные им от Вас рукописи не подошли вследствие того, что они носят характер саморекламы. Ждем Вашего сообщения относительно желательных клише. “Свободное слово” на этих днях начнет печатание Ваших произведений. Николай Типикин».⁴

История «Тююн-Бот», рассказанная мной главному редактору одного из столичных журналов, показалась собеседнику достойной страниц его издания. Но доверить мне, человеку с улицы, он, наверное, побоялся, чтобы ему не подсунили чего-нибудь... Прозвучала фамилия известного сибирского книговеда. Без этого имени впереди моего текста претендовать на публикацию я не мог. Только в соавторстве. Стремясь обнародовать неизвестный факт литературной жизни и не претендуя при этом на место на Олимпе, я стал жертвой борьбы за качество публикации, в которой определяло новизну и уровень написанного текста лишь имя автора...

В активе краеведческого издательства, в котором я проработал более двадцати лет, значился сочинитель текстов о родной стороне, находившийся на дружеской ноге со всеми жителями города. Этот N всегда знал, кто из этого бесконечного множества может быть ему полезен: профессиональная деформация. Его слово, ка-

⁴ ГИАОМО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 371. Л. 79. — После 6 января 1918 г. в «Свободном слове» появилось еще 19 новелл, которые составили почти две третьих самопальной книги «Тююн-Бот».

сающееся собственного творчества, было тверже закона. Автор приходил в издательство, радостно сообщал, что завтра садится за написание очередной книжки. И ровно через месяц приносил рукопись, написанную шариковой ручкой с одной стороны бумаги. Прямо как у профессионального писателя, только даже без одной-единственной правочки-помарочки. И это «начистоту» всегда удивляло меня: а как же творческие муки? А ночные бдения? Или это и есть настоящий талант, из которого слово будущей книги прет только в рамках рабочего дня: с девяти до шести с перерывом на обед?

Я сделал с N несколько книг, выступая подрядчиком при подготовке издания к печати. Но в одной из последних работ при набивке текста наша машинистка потеряла страничку рукописи: малолетняя внучка, очевидно, зажевала ее по нечаянности. Прискорбный факт обнаружился при верстке книги. Озадачили автора, попросили вписать связку между обрывками текста.

Трудно сказать, что случилось с педантичным N. Потерял бдительность, уверовал в своего партнера, которого обеспечивал щедрыми финансовыми спонсорскими вливаниями на очередное издание, а может, времени было в обрез? Но он принес в издательство страницу машинописи (лет 10–15 пишмашинки исчезли из нашего обихода), да к тому же не ближе пятого-шестого под копирку оттиска, обрезанную от первого до последнего недостающих слов в верстке. Этаким бумажный многоугольник неправильной формы.

Вопрос возникал сам собой: откуда взялся этот текст? Автор часто выступал с популяризаторскими статьями в местной прессе. N вполне был способен написать то, что было в рукописи очередной его книги. Но из архива ли автора эта энная копия машинописи? Если да, то что заставило его переписывать от руки текст? Вопросы не исчезли до сих пор: бывает так важно понять творческий метод того, чью книгу ты готовишь к печати...

...С потугами на художественность — история особая. Одних манит звездное небо, другие видят в этом лишь нарратив своей жизни.

Покойного Бориса Сюбаева уходящее поколение журналистов помнит лишь как ответственного секретаря Тюменского отделения Союза журналистов СССР. Иногда в местных газетах появлялись за его подписью небольшие информации. О фактах других публикаций память ничего не сохранила. Хотя она, коварная, часто подводит... А иногда и попросту лжет!

Под конец своей жизни Б.И. Слюбаев начал писать так называемую прозу, издавать на свои сбережения книги, не попрошайничая, как некоторые графоманы, у спонсоров. А когда ослеп, нанимал машинистку, надиктовывал ей очередной рассказ, а во время читки вносил изменения в текст. Когда я решил спросить у внука Бориса Ивановича, может, деньги нужнее семье, родственникам, чем трата их на издание не очень высокого качества литературы, тот мне ответил: «Это теперь его жизнь. Не претендуя ни на что в писательстве, дед, пока живой, не хочет потерять себя»...

Машинистка издательства Наталья Нохрина при набивке текстов умудрялась вносить правку, требуя доплаты за редактирование. При работе над одной из последних книг Б. Слюбаева она сильно «постаралась», ужав рассказы с десяти до шести авторских листов. Несмотря на свое состояние здоровья, тотальную слепоту и возраст, автор «на слух» заметил «утруску» своего произведения и потребовал восстановить первоначальный текст. Пришлось Наталье под страхом увольнения набирать книгу заново...

...Предыдущий номер «БГ» завершился сообщением (с. 345), что в отделе книжных фондов Государственного литературного музея сохранилась книга Антона Сорокина «Желтый рев», изданная в Омске в 1919 г. Посмотреть сохранившийся экземпляр до выхода краеведческого ежегодника я не успел. Отдел музея переехал в другое здание. И на проверку фондов должна была уйти как минимум пара лет, прежде чем смогут допустить к ним исследователей. Но мне пошли навстречу. Оказалось, что литературный музей владеет спшитым вручную экземпляром «Тююн-Бот», но книга носит другое имя.

Заведующий отделом Александр Юрьевич Бобосов, выслушав историю превращений одного самопального «макета»⁵ в целый ряд **якобы** книг с различными наименованиями, спросил: «Автор что, сумасшедший?». На этом редактору можно было бы и завершить свое слово, проведя параллель между сорокинской историей, где у автора одного текста целая «куча» названий, и быличками, рассказанными мною выше, где зачастую текст в разных изданиях оди-

⁵ Так А.Ю. Бобосов определил скрепленные булавкой воедино запечатанные с двух сторон и сфальцованные листы бумаги, одетые в самодельную обложку. — Об эволюции печатной продукции в процессе пользования им см.: Мандрика Ю.Л. Сибириада Степана Мамеева: библиографические указатели как маркеры становления сибирской книжности // Благотворители, книголюбые, библиотекари, читатели: материалы науч.-практ. конф. Тюмень, 2013. С. 79–108.

наков, а авторами его выступают несколько лиц... Параллель очевидна. Можно смело ставить точку. Но не тут-то было.

На беду столкнулся с человеком, который представился как эксперт. К нему **якобы** обратились из энциклопедии «Русские писатели» за консультацией. Нужно было просмотреть статью об Антоне Сорокине, идущую в очередной том. Именно в ней без авторских комментариев упоминался сборник «Желтый рева». Что скажешь, в последнее время для энциклопедий пишут **якобы** только специалисты. Правда, нуждающиеся в экспертной оценке лиц, знающих тему.

Я решил, что самое время вернуть репутацию Тюмени, которая по касательной, но все-таки сыграла определенную роль в жизни Антона Сорокина. С экспертом мы поторговались и пошли на уступки друг другу. Я предложил несколько иное библиографическое описание «Тююн-Бот», нежели приведено в «БГ». Изменил место издания, указав Тюмень и Омск. И привел название издательства «Словосвет», рекламировавшееся «Свободным словом». Мой заочный оппонент **якобы** согласился на уточнения, но при условии, если пойдет на это редколлегия тома энциклопедии, кажется, шестого.

Лучше бы он этого не говорил. Фраза **якобы** эксперта по Антону Сорокину стимулировала меня на поиск редколлегии «Русских писателей», от которой зависело, укажут ли город Тюмень в статье об авторе-«озорнике» из Омска? Это занятие оказалось, пожалуй, даже интереснее, чем охота за очередным сохранившимся экземпляром «Тююн-Бот».

Дом русского зарубежья прекратил финансирование проекта давно. Научное издательство «Большая российская энциклопедия» не смогла подсказать адрес нахождения редколлегии очередного тома. Да и в планах тиражирования его уже не было... Этот ряд отрицательного опыта моих поисков можно продолжить... Наконец-то удалось найти **якобы** редактора проекта лишь с помощью «друзей» на ФБ. По телефону я не скрывал целей своей встречи с ним. Мне хотелось, по возможности, посмотреть на изменения, которые внесены **якобы** экспертом в статью об Антоне Сорокине. И еще уточнить: есть ли в ней упоминание о Тюмени?

Встретились с **якобы** главным редактором очередного тома «Русских писателей» почти в самом центре Москвы, в кафе с популярным названием. Мой новый знакомый извлек из андроида **якобы** измененный текст о сибирском писателе. Сообщил, что окончательный вариант статьи уже написан. Занимает она более двух листов

(для энциклопедии, на мой взгляд, показалось многовато; хотя для писателя формата a la Пушкин вполне нормально). После этого прозвучала фамилия автора. Он оказался однофамильцем **якобы** эксперта. **Якобы** главред зачитал с экрана то место, где говорилось, что книга «Тююн-Боот» отпечатана в типографии «Свободного слова», и пообещал, что отправит мне окончательный вариант статьи. Прошли почти два года. Извините, но у меня ничего не случилось, кроме счета в кофейне за двоих.

При разговоре с **якобы** экспертом я разрешил последнему, что тот может в своих публикациях не ссылаться на мое маленькое открытие. Автор предисловий к книгам и комментариям в «Литературных памятниках» очень верно понял мое отношение к цитированию... И, как всякий великий литературовед, поспешил высказать свою точку зрения (во всяком случае, это прозвучало из уст **якобы** главреда «Русских писателей»), что «Словосвет», скорее, еще один из перфомансов Антона Сорокина. **Якобы** эксперт считал, что имеет право на умозрительное заключение в силу своей великости. Он еще не знал, что в «Тюменском рабочем» (1918. № 45) отыскалось сообщение о выходе в свет первого номера ежемесячного сибирского журнала «Словосвет», в котором напечатан рассказ «Среди башибузуков» Г.П. Трохина. «Чистенько изданная книжечка», — сообщала тюменская газета. Кстати, на факт издания указывает и Н.В. Здобнов в «Материалах для сибирского словаря писателей» (Москва, 1927. С. 51)...

После перечисленных перипетий все эти **ЯКОБЫ** ассоциировались у меня с «желтым» ревом, выдуманном с целью лишь саморекламы, которая заразна сегодня, как туберкулез, быстро превращающий здорового человека в хроника. За ней иногда обнаруживалась иная сущность, именуемая в народе совсем по-иному, часто весьма нелицеприятно. К такой саморекламе прибегают скорее дилетанты-просветители, нежели профессионалы-эксперты...

Грустно, но все эти **ЯКОБЫ** пока не выросли в моих глазах хотя бы в одного Якобсона... Хотя, казалось, согласно общепринятому де-факто, имели на то полное право...

№ 4–5 (37–38)

большое Городище

**Редактор-
издатель**

Ю. Мандрика

**Адрес редакции
(для переписки):**

109390, г. Москва,
до востребования.
Тел. +7(977) 29-444-36
E-mail: lukitsch_mandr@mail.ru

Подписано в печать 16.09.2018.

Формат 60x84/16.

Гарнитура «PeterburgC».

Офсетная печать.

Бумага офсетная № 1.

Усл.-печ. 25,42

Уч.-изд. 19,58

Тираж 50.

Отпечатано в ООО «Курганский
дом печати»

640022, г. Курган, ул. Карла Маркса,
д. 106. Тел. 8-352-2-65-55-51.

Юрий Мандрика

Канцелярия Гражданской войны

Отношения у меня с Гражданской войной очень непростые. О ее духе я знал до сих пор лишь по фильму «Бег», который поставили советские режиссеры В. Наумов и А. Алов. Обе стороны военного конфликта сражались за Россию. Каждый за свою. И в этом трагедия всего народа, который не смог разобраться в текущем моменте: где свои, а где чужие?

Если вспомнить героиню рассказа Миколы Хвывелевого «Из Варинной биографии»¹, то она была из того же булгаковского ряда людей, ищущих, куда пристроить себя с имеющимися убеждениями (или без них), чтобы не ошибиться в выборе своего будущего.

Дочери богодуховской бублейницы Варе очень хотелось быть любимой, но «едва ли не все прапорщики и прочие революционные воины настаивали, чтоб Варя “принесла ребенка несвоевременно”, а Варе этого не хотелось». Но когда она встретила «с офицером гетманским Сергием Петренко», женской участи со всеми наворотами супружеской жизни, которые привнес в жизнь большевистский «народ», Варе не удалось избежать. И все бы ничего, но пришла «савецкая власть». Надо было бежать. Но вдруг оказалось, что Сергей «был шпионом в гетмановском войске и совсем не гетмановец или петлюровец, а “камунический большевик”»...

Размеренную жизнь двух любящих людей внезапно поменял контрреволюционный юг, который при поддержке пушек «англо-французских рантье» перешел в наступление. И вот героиня рассказа снова готова бежать, но теперь уже за Сергием Петренко, «одним их тех отважных и преданных революции людей, которые добровольно спешили на самые опасные участки фронта и которых не могли остановить даже нежные глаза молодых жен». Последовать примеру жен декабристов подстегивало мнение жителей Богоду-

¹ Хвывелевый М.Г. Синий ноябрь: избранное. М., 1991. С. 420–446.

хова. В этот момент только ленивый не говорил в глаза Варе о «коммуническом приплоте для нового офицерского режима», тем более, что ей удалось пожить на «панской фатере», не заплатив ни гроша ее владельцу. «Неужели ж, <> думаете, что ее белые не расстреляют?», — спрашивали доброжелатели у бублейницы... Такая озлобленная трезвость пугала не только мать, но и Варю...

Это была не моя тема. Но, зацепившись в канун сотой годовщины революции в описях РГВА за дела фонда «Управление Тюменского военного округа на театре военных действий», вдруг понял, интересного в жизни города в годы Гражданской войны было немало. О чем-то забыли даже краеведы и историки, чьи-то имена заслуживали возвращения в память пусть даже небольшого количества тюменцев, интересовавшихся прошлым своего родного города.

Порадовали сохранившиеся коллекции приказов. Конечно, хайп вокруг истории Белого движения в Тюмени уже не устроишь. Но детали быта, которые сумела сохранить канцелярия Гражданской войны, иногда потрясали воображение человека, знавшего лишь имена Чапаева, Буденного. Или даже Блюхера...

Удивляло, что в развалившейся на части стране находились люди, которые продолжали жить по законам Российской империи, руководствуясь в своих действиях государственными решениями прошлого века. Значит, верили, что все наладится. И красные, скорее, ветрянка, которой должно переболеть всякое общественное устройство с царящей во всех сферах жизни государственной монополией.

Я хорошо понимаю, что просматривая приказы, был тенденциозен в подборке их к публикации. Не знаю, как у красных, но несмотря на военные действия, белогвардейцы предоставляли своим воинам отпуска для завершения учебы в заведениях, из которых ушли на фронт. Командиров волновало, что посещающие местный театр бойцы курят и сорят окурками в столь возвышенном заведении. Что печатались приказы в типографии журнала «Аккорд», который не выходил в свет более десяти лет тому назад. Значит, Афромеев не сидел без дела, продав газету «Ермак» с типографией. Иногда детали приказа говорили об устройстве военного округа: в нем находились части, которые не подчинялись коменданту города... Можно было восстановить историю некоторых зданий, сохранивших свое тело, но душу — лишь с купорами.

Многие параграфы были настолько интересны, что я захотел рассказать о них всем, кто хотя бы иногда заглядывает в альманах «Большое городище». Несомненно, они нуждаются в грамотных комментариях. Можно было найти специалиста, но виделось иное прочтение выписок из приказов: читатель должен в каждом параграфе найти причину, по которой его извлекли на свет...

Детали быта в документах фонда сохранились лучше, нежели сведения о военных действиях. Идеологи нового строя заботились об исторической миссии работодателя, направляя не потерявшиеся на фронтах войны *бумаги* в чистилище охранительных органов прежде, чем сдать *их* на архивный склад. История должна иметь логику правящего режима, в которой не могло быть червоточин. Тысячи исследований советских историков неистово подтверждали хорошо спланированную истину...

В классе, в котором однажды был классным руководителем, одна девочка уже пятиклассницей знала, кем будем, когда вырастет. Мама ее преподавала научный коммунизм в вузе, старшая сестра завершала учебу и собиралась пойти по стопам родительницы. Моя подопечная была уверена, что ее жизнь возможна лишь в таком же качестве, при котором можно считать себя элитой общества, интеллигенцией, претендуя на всевозможные привилегии. Не удивительно, что названная прослойка практически полностью исчезла в перестроечные годы в один момент вместе с научным коммунизмом, обнажив корни противоречий государства мало чем отличавшимся от имперской России.

Сегодняшний день, когда исследователям, казалось, становятся доступными любые документы времен Гражданской войны, историкам из провинции они недостижимы из-за отдаленности от столичных архивов, куда перекочевали бумажные очевидцы событий практически сразу с их завершением. Стоимость копирования, согласованная хранилищами с вышестоящими финансовыми учреждениями, по сути — **налог на интерес к своему прошлому**. И здесь мы впереди планеты всей. Чтобы заиметь копии рукописей Петра Городцова, в свое время нахраписто вывезенные из Тюмени в Москву горе-этнографом, в РГАЛИ с издательства требовали двести тысяч рублей. Партикулярному исследователю такая сумма не под силу. И только после длительной тяжбы с архивом, оказалось, что цена копий не может превышать максимум десятку, в которую вхо-

дили стоимость бумаги, порошка, но львиную долю окончательной суммы, все-таки съедала работа копировальщиц.

Т.е., существует еще один рычаг направления интереса исследователей истории своей Родины — финансовый. На этом фронте архивы преуспели, особенно устраивая очереди с помощью сроков исполнения заказов читателей.

Дикий рост цен на копирование фрагментов дореволюционных газет в РГБ снизил посещаемость читального зала в Химках в разы. Могу утверждать это как очевидец...

А грант — это всегда государственный заказ предприятия, которое хочет быть уверенным в своем незыблемом прошлом...

* * *

Не будучи в силах опубликовать документы с интригующими названиями, решил подверстать некоторые интересные для меня выписки, которые случились в процессе работы с фондами Российского государственного военного архива (РГВА).

* * *

Срочно.

Челябинск. Генералам Дитерихсу и Трегубову.

Копии: Омск. Наштаверх и Наштарм Сибирской.

Екатеринбург. Генералу Гайда.

Бирск. Генералу Лютову.

Уфа. Генералу Войцеховскому.

Курган. Генералу Артемьеву.

29-го сего октября я прибыл со штабом и учреждениями в Тюмень и на основании приказа войск Западного фронта 16 октября номер 3 вступаю в исполнение обязанностей начальника Тюменского военного округа. 29 октября. Тюмень.

Генлейтенант

Рычков

Ф. 39610. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1–1 об.

Штаб Тюменского военного округа на театре военных действий
8 ноября 1918 г.

В Тюменскую городскую управу
Отводимые помещения для школ д. Шайчикова №35 по Спасской
улице и д. Кривоногова (угол Спасской и Голицинской) прошу оборудовать по указаниям начальников школ — полковника Головина и под-

полковника Заалова. Все соображения по оборудованию названных помещений будут представлены незамедлительно.

Начальник штаба, Генерального штаба генерал-майор *Вихирев*
Ф. 39610. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1.

[Подразделения, находящиеся в подчинении начальника Тюменского военного округа]

11 дек. 1918 г.

1. Штаб округа.
2. Окружное санитарное управление.
3. Окружное военно-ветеринарное управление.
4. Управление инспектора артиллерии бывшего Казанского корпуса (расформировываемое).
5. Контрразведывательное управление №5.
6. Штаб-офицер для поручений по артиллерийской части.
7. Военный следователь.
8. Управление коменданта города.
9. Управление уездного военачальника.
10. Офицерская пехотная школа.
11. Унтер-офицерская пехотная школа.
12. Офицерская артиллерийская школа.
13. Фейерверкерская артиллерийская школа.
14. 8 кадровый Тюменский стрелковый полк.
15. 6 Сибирский кадровый степной полк.
16. Тюменская кадровая батарея.
17. Казанская отдельная легкая батарея.
18. Первый чехословацкий казачий полк.
19. Сербская рота полка имени майора Благодича.
20. Третий батальон отряда охраны железной дороги.
21. Конвойная команда.
22. Местная команда.
23. Управление коменданта железнодорожной станции.
24. Продовольственный пункт при железнодорожной станции.
25. Интендантский промежуточный магазин.
26. Интендантский вещевой магазин.
27. 91 сводный эвакуационный госпиталь.
28. Временный госпиталь.
29. Американский госпиталь.
30. Первый военно-санитарный транспорт.
31. Местный военный лазарет.
32. Эвакуационный пункт.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 23. Л. 43.

[Дислокация некоторых воинских частей в г. Тюмени]

31 октября 1918 г.

II чешский конный полк, штаб полка, хор трубачей и все полковые мастерские — дом Брюханова, угол Республики и Подаруевской;

I сотня — ипподром; II сотня — холодильник; III сотня — Дом Попова (Подаруевская);

IV сотня — фабрика Лонгинова.

Учебная команда — городская конюшня (Спасская улица).

Пулеметная — Иркутская улица (бывшее помещение конной милиции).

Саперная — дом Колокольникова (Подаруевская улица).

Полковой лазарет — дом Кулакова (Ишимская улица) [Л. 10].

Ноябрь 1918 г.

3 батарея Казанского артиллерийского легкого дивизиона — Жабынский завод [Л. 7].

7 Стрелковая дивизия (штаб: Вокзальная, №№ «Республики»).

3 Стрелковая дивизия (штаб угол Спасской и Голицинской, д. Кривоногова).

8 кадровый стрелковый полк (штаб Иркутская и Знаменская, №№ Пале-рояль)

6 Сибирский степной кадровый полк [Л. 15].

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 29.

Телеграмма

К населению Сибири

(Официально)

Борящаяся за спасение Родины, за устройство спокойной трудовой жизни наша возрождающаяся армия несмотря на все усилия правительства в значительной своей части не обеспечена шинелями и теплой одеждой.

Для постройки обмундирования в Сибири недостаточно материалов. Получить необходимые материалы из-за границы в течение ближайшего времени до наступления холодов нет возможности за дальностью расстояния и вследствие подорванного транспорта.

Армия должна быть одета в ближайшие дни и будет одета, хотя бы для этого потребовались такие исключительные меры как воспрещение ношения одежды казенного образца лицам, не принадлежащим к составу армии и даже реквизиция всего необходимого.

Правительство верит, что встретит у населения поддержку и помощь в эту трудную минуту и предлагает населению в течение недели со дня распубликования настоящего воззвания добровольно сдать местным властям шинели серошинельного сукна по цене от 60 до 80 руб.; походные суконные рубахи по цене от 40 до 60 руб.; походные суконные шаровары и ватные тужурки по цене от 30 до 50 руб.

Сдаче и приемке подлежат указанные вещи вполне годные к носке. Если добровольно сданных вещей окажется недостаточно, то будет объявлена реквизиция этих вещей по цене: за шинель — 28 руб. 25 коп., за походную рубаху — 27 руб. 50 коп.; за суконные шаровары — 21 руб. 25 коп., за ватную тужурку 30 руб.

Нравственный долг обязывает нас помочь тем, кто в жертву родине приносит свою жизнь.

Министр снабжения

Серебренников

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 69. Л. 33.

Его превосходительству начальнику гарнизона г. Тюмени
Заявление

В ночь на 11 ноября в мое отсутствие милицией и частями войск вверенного Вам гарнизона было из запертых сундуков подобранными ключами взято суконные брюки защитного цвета, вязанная серая папаха и палатка. Вышесказанные вещи мною были получены в собственность на военной службе, на которой я прослужил в течение семи лет с половиной, т.е. с 1910 ноября по 1918 марта месяца. Вследствие чего я имел нравственное право на имение и ношение этих вещей. Настоящая безвозмездная конфискация ставит меня в затруднительное положение, а посему прошу Ваше превосходительство о возврате мне моих вещей или же выдачи за них вознаграждения. Свое отсутствие и действительность, что я прослужил на военной службе 7 ¹/₂ могу подтвердить документами.

Гражданин Рязанской губернии Касымовского уезда и волости Ерахтура Григорий.

Яковлев Рябов (жительство), Копыловские сараи, № 99. П. Тюрина.

г. Тюмень

5 ноября 1918 г.

Начальнику Тюменской милиции

По приказанию начальника округа предлагаю объявить гражданину Рябову, что обмундирование казенного образца отобрано от него на основании распоряжения Министра снабжения о реквизиции такого у населения, не принадлежащего к войскам, в целях обмундирования армии

Начальник штаба Тюменского военного округа генерал-майор

Вихирев

28 ноября 1918 г.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 69. Л. 66–67 об.

Г-ну начальнику Тюменского гарнизона
 гражданина Иосифа Михайловича Гржибовского, жительствоющего
 по ул. Республики, д. 7 — 13, Гилева

Заявление

В ночь с 10 на 11-е ноября сего года ко мне на квартиру явились три чека в штатских костюмах и произвели подробный самый тщательный обыск, в результате которого забрали у меня 145 серебряных однорублевых монет и 40 рублей полтинниками. Обыск производили с половины первого часа ночи до половины пятого час. утра. Перерыли все, читали бумаги, но не было мне объявлено, что ищут и на основании чьего распоряжения. После обыска чехи повели меня в штаб Юго-западного фронта, где дежурный офицер выдал мне расписку в получении монет.

Имея в виду, что объявлений о сборе звонкой монеты у жителей не было расклеено по городу и не пропечатано в местных газетах, что обыск производили чехи, а не подданные России, я считаю не только оскорбительным для себя, но и сделанными вопреки распоряжению Временного правительства, гарантировавшего неприкосновенность жилищ, и затрудняюсь допустить, чтобы Временным правительством было дано право иностранцам, не знающим даже русского языка, производить обыски и беспокоить мирных жителей ночью, а если такое разрешение дано могло быть, то полагаю с тем, чтобы обыск производился в присутствии депутатов от местной милиции или начальника гарнизона.

В виду вышеизложенного прошу Вас, господин начальник гарнизона, приказать вернуть мне отобранные деньги. Если необходим личный вызов меня, то прошу вызвать днем, я как парикмахер, всегда дома, так как род занятий не позволяет мне отлучаться.

М. Гржибовский

Агентурно-политическое отделение №3
 штаба Юго-западного фронта

18 ноября 1918 г.

Начальнику гарнизона г. Тюмени

Рапорт

Согласно резолюции Вашей на прилагаемом при сем прошении гражданина Гржибовского доношу: по имеющимся веским данным (вплоть до свидетельских показаний) Гржибовский принимал активное участие в издевательствах над полковником Дмитриевым и имел связь с советской властью. По моему письменному приказанию (ордеру) три чина вверенного мне отделения произвели обыск в квартире вышеупомянутого гражданина. Перед обыском был предъявлен ордер. При сем прилагаю засвидетельствованные выписки из показаний Гржибовского.

Серебряные монеты, найденные в его квартире, были вручены дежурному офицеру, который выдал владельцу соответствующую расписку. Принимая во внимание случаи из моего предыдущего опыта, когда золотые и серебряные монеты сдавались в казну, я запросил местное казначейство о современных правилах в таких случаях.

Мне было сообщено, что деньги подлежат сдаче в казначейство с обменом на бумажные.

В соответствии с этим Гржибовскому было объявлено о том, что взамен серебряных денег он может получить бумажные по нарицательной цене.

Из вышеизложенного видно, что Гржибовский в своем прошении на Ваше имя оклеветал моих подчиненных (говоря, что ему не было объявлено по чьему приказанию производился обыск) за что, в случае его освобождения от обвинений в антигосударственных поступках, он будет мной привлечен к гражданскому суду.

Начальник отделения поручик

Курпреянов

Делопроизводитель прапорщик

П. Данилов

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 69. Л. 93–94 об.

14 ноября 1918 г.

В тюменском концентрационном лагере для военнопленных состоит военнопленных германской, австрийской и турецкой армий: офицеров — 5, всего — 3128 [Л. 5–15 об.].

В тюменском концентрационном лагере налицо 2969 человек [Л. 15].

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 62.

1 января 1919 г.

*Начальнику штаба Западного округа
Дитерихсу Михаилу Константиновичу*

В должности моего помощника состоит Генерального штаба генерал-лейтенант Панов. В то время, как молодые генералы и полковники получают корпуса и даже военные округа, генерал Панов продолжает оставаться на своей должности, хотя и высокой в своей служебной иерархии, но несамостоятельной и мало отвечающей его дарованиям и темпераменту.

Генерал Панов, человек высокой доблести и чести, обладает обширным боевым опытом (участник трех компаний). В последней войне он командовал 2-й Туркестанской стрелковой дивизией и имеет все боевые награды за исключением Георгиевского креста. По своему образованию, развитию, опыту он может занимать с успехом любую высшую военную и административную должность, и если до настоящего времени остается в тени, то в силу лишь своей удивительной скромности.

Никогда не бывая в высших штабах и управлениях он не любит не только просить, но и вообще напоминать о себе. В прежнее время, когда в военном ведомстве существовал известный строгий порядок при назначении на должности подобные честные деятели все-таки получали назначения. При современных же условиях я опасаясь, что этот способный генерал так и останется в тени, и его опыт и знания не будут использованы в должной мере, между тем, как работники нужны, и их, к сожалению, немного.

В силу изложенного я позволю себе обратиться к Вам с покорнейшей просьбой, доложить Главнокомандующему фронтом не признает ли его превосходительство возможным предоставить или же иметь в виду для назначения на должность генерала Панова, человека с безупречной репутацией.

Прошу принять уверение в совершенном моем к Вам уважении и преданности

[генлейтенант *Рычков*]

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 66. Л. 444–444 об.

*Командир 8-го кадрового стрелкового полка
Начальнику штаба Тюменского военного округа*

25 ноября 1918 г.

Рапорт

Доношу, что из 65 солдат 15 Белебеевского полка в полк прибыло только 35 человек, а из остальных 30 человек, по докладу начальника команды, 13 заболело и 17 самовольно отлучились.

Из числа 35 прибывших в полк солдат 16 служивших ранее в войсках, а 19 не проходивших военной службы. У всех отсутствует воинский вид, обмундированы очень плохо, не все имеют шинели. А обувь требует замены.

Полковник

Имшенецкий

Ф. 39610. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 41–41 об.

Начальник Контрразведывательного отделения № 5
при штабе Тюменского военного округа

1 января 1919 г.

Начальнику штаба Тюменского военного округа

Рапорт

Согласно Вашему словесному приказанию от 28-го сего декабря доношу о составе и численности милиции г. Тюмени.

Численность милиции г. Тюмени достигает 300 человек. Несмотря на это количество, можно констатировать, что результаты работы милиции весьма нерадостны. Сравнительно частые убийства, еще более частые грабежи, кражи и массовые конокрадства являются ясными

доказательствами неправильности конструкций и деятельности местной милиции. В то время как в наружной милиции насчитывается более 250 человек, в уголовной имеется 5 младших и 3 старших агентов, 1 писарь и начальник с помощниками. Исходя из своего предыдущего опыта в области контрразведки я, по аналогии могу заключить, что в изловлении преступного элемента секретные агенты могут принести гораздо большую пользу нежели наружные милиционеры, почти вся работа которых сводится к стоянию на постах. Количественная ничтожность уголовной милиции совершенно парализует ее деятельность, несмотря на то, что агенты подобраны удачно, а во главе стоят весьма опытные работники — Кислицкий и Краюшкин.

Материально уголовная милиция обставлена очень плохо: нет теплой одежды для командировок, нет ни одной лошади (в случае необходимости устроить погоню — милиция бессильна), командировочным не полагается суточных, хотя содержание чинов уголовной милиции ничтожно (не более 300 рублей в месяц). Принимая во внимание количество разного сброда, проживающего в Сараях, я прихожу к заключению, что уголовная милиция в составе чуть ли не 110 чел., обремененная текущей работой по розыску воров и конокрадов, совершенно не имеет возможности вести организованную борьбу с преступным миром, обосновавшимся за Тюменкой. Я нахожу необходимым в самом непродолжительном времени увеличить состав уголовной милиции хотя бы за счет наружной и, как контрразведчик, ведущий борьбу с большевизмом, тесно связанным с жизнью преступного мира, прошу Вашего ходатайства о распоряжении в этом направлении.

Качественный состав наружной милиции ниже всякой критики; большинство состоит из лиц, не сумевших найти себе работу в других отраслях жизни: встречаются люди с уголовным прошлым, а иногда — политические.

Несение службы постовыми милиционерами оставляет желать много лучшего. В данном случае позволю себе привести рапорт моего помощника, вр. исполнявшего должность начальника, начальнику гарнизона за № 472, содержавший следующее: «В ночь с 10 –го на 11-ое декабря между 12 и 4 ¹/₂ час. ночи будучи по делам службы в районе улиц Водопроводная и Сенной площади, Вокзальной и близ вокзала, Городище и самой реки Туры и от реки Туры по всей Царской улице, я не застал стоящими на посту ни одного милиционера.

Из указанного явствует, что в ночное время иногда город остается без всякой охраны. Такое положение создалось отчасти из-за плохого несения службы чинами милиции, а главным образом из-за отсутствия теплой одежды, при местных холодах трудно требовать аккуратного исполнения своих обязанностей, заключающихся в 7-мичасовом стоянии на посту.

За время пребывания моего в гор. Тюмени мне приходилось сталкиваться часто с пьяными милиционерами, а два раза и с начальниками участков. Один случай из практики, когда моими подчиненными была установлена торговля водкой бывшим начальником конного отряда милиции, устроившего притон в доме, в котором помещается управление 1-го участка, причем администрация упомянутого участка заступилась за владельца водки весьма энергично, позволяет думать, что отдельные случаи дружбы чинов милиции с содержателями притонов не единичны. Бывали, установленные ныне судебным следствием, случаи взяточничества за право вывоза различного товара и вообще спекулятивного характера. <...>

Начальник отделения поручик

Куприянов

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 81–83.

12 января 1919

№ 28

г. Тюмень

§ 1. ...Установлен по всей Сибири военнопленным, привлеченным на работы, ежемесячный оклад жалованья 20 рублей с производством всех видов довольствия наравне с русскими бойцами...

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 14–14 об.

Главный начальник Тюменского военного округа

Министру внутренних дел

11 февраля 1919 г.

Обстоятельства военного времени, дороговизна жизни и большевистское насилие вынудили многих жителей покинуть крупные городские центры и поселиться в менее населенных и более дешевых городах окраин России. Переселенцы-беженцы двинулись и на город Тюмень.

В короткое время из заурядного уездного города Тюмень превратилась в большой; население возросло от 40 до 100 с лишком тысяч. Постепенно по мере очищения Восточной Сибири от большевиков в виду экономического и стратегического значения города Тюмени в последнем созданся и военно-административный центр...

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 58. Л. 142.

Управляющий Тобольской губернией

Главному начальнику Тюменского военного округа

27 февраля 1919 г.

<...> ввиду выделения гор. Тюмени в самостоятельную единицу, предположено отнести этот город по численности населения, к значительным городам Сибири...

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 58. Л. 139.

27 февраля 1919

№ 110

...довольствие военнопленных красноармейцев должно производиться по нормам, установленным для военнопленных германцев и, что при передвижении, в сутки должны удовлетворяться кормовыми деньгами по окладам, установленным военнопленных же германцев.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 37. Л. 88.

6 марта 1919

№ 132

§ 2. Захваченные в плен красноармейцы не могут быть приравнены к военнопленным и никакого довольствия им не положено. Те же из них, которые будут приняты в армию, перестают быть красноармейцами и должны получать то же, что и другие солдаты.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 37. Л. 95.

Обязательное постановление № 8

13 марта 1919 г.

В виду возникших случаев нарушения общественного порядка и спокойствия некоторыми лицами из мобилизованных в г. Тюмени, находящемся на военном положении, приказываю впредь до распоряжения:

1) всякие народные, общественные и частные собрания и сборища воспретить;

2) свободное хождение по улицам города прекратить с 8 часов вечера до 7 часов утра; в запретное время допускается ходить по городу с особыми разрешениями, выдаваемыми комендантом города, или же гарнизонным адъютантом, командиром 2-го Чехо-Словацкого конного полка, командиром 6-го Ганацкого Чехо-Словацкого полка и комендантом станции Тюмень. Удостоверения должны быть скреплены казенной печатью.

3) к этому же времени должны быть закрыты все кинематографы, театры, клубы, рестораны и т.п.

За нарушение этого обязательного постановления виновные будут подвергнуты тюремному заключению сроком до 3-х месяцев или денежному взысканию до 3000 рублей.

Всех задержанных, не имеющих надлежащих удостоверений препровождать в распоряжение начальников милицейских участков, куда командиром 2-го чехо-словацкого полка будут командированы контрольные заставы.

Вместе с тем приказываю всякого рода сборища и скопища рассеивать вооруженной силой, действуя самым решительным образом, а равно пресекать всякие попытки к устройству подобных сборищ.

Не подчиняющихся при задержании требованию патрулей РАС-СТРЕЛИВАТЬ НА МЕСТЕ.

Настоящее обязательное постановление входит в силу с момента его опубликования.

Уполномоченный Главного начальника Тюменского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия полковник *Зенкевич*

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 81. Л. 92

Обязательное постановление №10

31 марта 1919 г.

Екатеринбург.

В силу предоставленных мне прав как главному начальнику округа объявляю территорию Тюменского военного округа на театре военных действий на военном положении сроком на 6 месяцев, считая таковой, для однообразного исчисления, по всей территории округа с 1 февраля по 1 августа 1919 г.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Ед. хр. 1. С. 13–13 об.

Телеграмма

Омск, *Начмобглавштаба*

Содержащиеся в тюрьме 350 китайцев тире красноармейцев были взяты в плен оружием руках точка Основании приказа Наштаверха номер 273 означенные китайцы отнесены сортировочном пункте первой категории и заключены тюрьму зачислением из содержанием за Тюменской следственной комиссией точка Исполнение упомянутого приказа Наштаверха пленные китайцы подлежат преданию военному суду

Наштаокр Тюменского генмайор

Вихирев

13 мая 1919 г.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 83. Л. 219.

Приказы *по гарнизону гор. Тюмени* *(январь — начало марта 1918 г.)*

Копия

№ 1

1 января 1918 г.

§ 1. Всем полковым, ротным и взводным войсковым комитетам немедленно принять к точному и неуклонному исполнению нижеследующие параграфы приказа войскам Омского военного округа от 14 дек. 1917 г. за № 840:

§ 8. Должность начальника гарнизона упраздняется, функции его переходят гарнизонному комитету.

§ 9. Должность батальонного командира упраздняется.

§ 12. Все воинские чины и звания упраздняются; все состоящие на воинской службе носят общее наименование: военнослужащих; упраздняются все знаки отличия (погоны, кокарды и прочее) и ордена — за исключением полученных в качестве боевых наград. Генералы и офицеры приравниваются по своему положению к солдатам со всеми вытекающими из сего последствиями, именно: в отношении довольствия всех видов (равным образом их семьи приравниваются к семьям солдат) и в отношении всех прав.

Примечание: содержание офицерам за декабрь 1917 г. должно быть выдано полностью.

§ 13. Полковые суды упраздняются. Дела их передаются в местные демократически-организованные общегородские суды.

§ 16. Дела о дисциплинарных проступках передаются впредь на разрешение полковым комитетам.

Об исполнении изложенных параграфов донести гарнизонному комитету.

Т[оварищ] Председателя гарнизонного комитета ***Шестаков***

Л. 1.

№ 2

3 января 1918 г.

§ 3. В понедельник 8 сего января назначается комиссия для проверки денежных сумм и книг Тюменского гарнизонного воинского началь-

ника и солдатской лавки Тюменской местной команды. Для участия в комиссии назначить по одному военнотружущему от 35-го Сибирского стрелкового запасного полка и гарнизонной караульной команды управления воинского начальника по указанию комитетов...

§ 4. Начальнику гарнизонной караульной команды выслать сего числа ефрейторскую команду в Андреевское отделение 149-го сводного эвакуационного госпиталя для сопровождения арестованного больного.

Председатель гаркома*

Тростинский

Л. 2.

№ 3

4 января 1918 г.

§ 1. Всем полковым, ротным и вообще комитетам немедленно принять к точному и неуклонному исполнению нижеследующие параграфы приказа войскам Омского военного округа от 14 дек. 1917 г. за № 840:

§ 9. Полковые, ротные, взводные и отделенные командиры, фельдфебели, каптенармусы и артельщики выбираются всеми солдатами соответствующей строевой единицы всеобщим прямым, равным тайным голосованием. Избранным может быть всякий военнотружущий независимо от всякого ценза... <...>

§ 17. Инициатива отзыва должностных лиц предоставляется всем низшим и высшим организациям, но подлежит утверждению высшей инстанции.

Л. 3.

№ 11

19 января 1918 г.

§ 2. На должность Тюменского уездного воинского начальника назначается в/служащий 35-го Сиб. стр. зап. полка Чувиков. Предписывается бывшему уездному воинскому начальнику означенную должность сдать, а в/служащему Чуикову принять, об исполнении доложить.

Основаие: протокол Гар. ком. от 10 янв. за № 3 и утверждение Омского окр. уездного комитета в означенной должности Чуикова от 15 января за № 1095.

Л. 9.

№ 13

23 января 1918 г.

§ 1. Объявляется для сведения и руководства приказ по войскам округа № 847.

* Гарком — гарнизонный комитет.

Бывшие генералы и офицеры, не вошедшие в новый выборный командный состав, обязаны сдать имеющееся у них и присвоенное их прежнему званию оружие (пашку и револьвер с патронами) в комитет своей части в означенный гарнизонным советом срок. Сдаче не подлежит:

1) холодное оружие, полученное в качестве награды; 2) оружие, приобретенное на собственные деньги, сверх положенного по штату; 3) оружие, представляющее особую ценность; 4) оружие в целях технического и специального назначения военнослужащих, в коих присвоено холодное оружие и револьвер; 5) оружие, на ношение которого получено разрешение от полкового комитета и утверждено местным советом рабочих и солдатских депутатов. Стоимость сдаваемого оружия по казенной расценке возвращается владельцу из сумм военного ведомства. <...>

Невозвратившие оружие... а также давшие неправильные сведения об оружии передаются революционному суду.

Л. 11.

№ 17

29 января 1918 г.

§ 3. Ввиду острой нужды в старом обмундировании гарнизонный комитет предписывает частям Тюменского гарнизона прекратить продажу старого обмундирования и приготовить таковое для сдачи. Означенное обмундирование будет передано Тюменскому уездному воинскому начальнику для обмундирования эвакуированных военнослужащих и военнопленных, которые ходят совершенно раздетыми.

Л. 13.

§ 6. Объявляется копия приказа по военному ведомству за № 58 от 20 декабря 1917 г. для руководства к неуклонному исполнению:

Предписываю уволить с военной службы: 1) всех учителей независимо от их учительских и воинских званий, а также сроков службы, призванных на службу с учительских мест; 2) всех лиц, окончивших учительские институты, учительские семинарии и педагогические курсы и курсы и церковные учительские школы и призванные до окончания курса означенных учебных заведений в действующую армию, а также имеющих специальное учительское звание на основании выдержанного экзамена; 3) учителей, поступивших для продолжения своего педагогического образования в специальные учебные заведения и призванных оттуда по мобилизации до окончания курса.

Подписали:

Народный комиссар по военным делам *Н. Подвойский*

Товарищ народного комиссара по военным делам *М. Кедров*

Л. 13 об.

§ 8. Командиру 35-го Сиб. стр. зап. полка создать команду при вверенном ему полку, довести таковую до 250 чел. Временно назначить для формирования таковой соответствующим должностям лиц, чтобы таковая часть была на своем месте и при надобности можно было взять требуемое число людей.

Л. 14.

№ 19

31 января 1918 г.

§ 1. Объявляется для руководства и точного исполнения телеграмма Наоштаб* № 3225. Отдан приказ по округу декрет народных комиссаров введению нового календаря принять точному исполнению выдачу содержания произвести двадцатого февраля нового счисления удержав 13/30 оклада Наоштаб Таубе

Л. 16.

§ 3. При сем объявляю ведомость на отпуск сахара на январь частям воинского гарнизона из Омского продовольственного интендантского магазина:

Тюменской караульной команде	32 ф. 30 з.**
Отделению конского запаса	26 ф. 24 з.
Концентрационный лаз. в/пленных	19 фунт 36 з.
710-й пеший Томской дружине	15 ф. 48 з.
Тюменскому уездному военному начальнику	96 пудов
149-му св. эвакуационному госпиталю	36 ф. 78 з.
Тюменской конвойкоманде	1 пуд 6 ф. 90 з.
Итого	110 п. 17 ф. 78 з.

Л. 16 об.

№ 26

23/10 февраля 1918 г.

§ 1. Тюменскому уездному воинскому начальнику предписывается румын-добровольцев из в/пленных довольствовать как в/пленных австро-венгерской армии, а не как в/служащих русских войск.

Председатель гаркома *Тростинский*

Л. 23.

№ 28

27/14 февраля 1918 г.

§ 2. Бывший Тюменский уездный воинский начальник в/служащий Глясс означенную должность сдал, в/служащий Чувигов такую принял.

Л. 25.

* Наоштаб — Начальник окружного штаба.

** П. — пуд = 16,38 кг; ф. — фунт = 409,5124 г; з. — золотник = 4,2657 г.

№ 29

18 [февраля]/3 марта 1918 г.*

§ 1. Объявляется для сведения приказ № 7 в дополнение приказа № 3 военного комиссара Северного района и Западной Сибири: «Приказываю немедленно приступить к роспуску гарнизона. Оставить для ликвидации хозяйства и отчетностей лиц по усмотрению полковых и командных комитетов».

За председателя гаркома *Зарс*

Л. 26.

№ 30

5/20 марта 1918 г.**

§ 1. Вследствие болезни и увольнения от воинской службы председателя гарнизонного комитета Тростинского обязанности председателя гарнизона возлагаю на товарища председателя Высоковского.

§ 4. Объявляется для сведения и неуклонного исполнения приказ № 6 военного комиссара Северного района и Западной Сибири: «Всем конным, пешим ротным командным, артельщикам, каптенармусам, оружейникам, обозным и всей охраны предлагаю продолжить работы в том же порядке, как о настоящего времени, впредь до особого распоряжения не распускать».

Л. 27.

№ 32

10/25 марта 1918 г.

§ 1. В дополнение и разъяснение § 3 приказа по гарнизону № 30 объявляется: выдача чайного довольствия прекращается только тем в/пленным, которые не несут разного рода службу. Находящиеся на службе как-то: конюхи, повара, сторожа, разного рода мастера и проч. получают чайное и сахарное довольствие на прежних основаниях.

Л. 30.

№ 34

15/2 марта 1918 г.

§ 2. Комиссаром Тюменского концентрационного лагеря военнопленных назначается Шишаков Петр, помощником комиссара — быв-

* В Советской России «европейский» календарь был введен правительством Ленина с 1 февраля 1918 года, которое стало считаться 14 февраля «по новому стилю». Если в приказах № 26 и № 28 в датах указаны числа вначале по новому стилю, а затем по старому, то в данном случае вначале идет 18 февраля (т.е. по ст. ст.), а затем указана дата приказа по новому стилю — 3 марта.

** Даты в приказах № 30, 32, 34, 39, 40, 41 не поддаются логической интерпретации редактора-издателя. Буду благодарен за любую помощь.

ший начальник лагеря Константин Смирнов. На комиссара лагеря возлагаются обязанности по заведованию в/пленными офицерами и всей канцелярией военнопленных, каковая вся должна быть сосредоточена в лагере; на помощника комиссара лагеря возлагаются обязанности заведующего хозяйством лагеря. В/служащие помощник начальника лагеря в/пленных Жуков и заведующий хозяйством Щеулин увольняются с означенных должностей с сохранением содержания за март.

Председатель гаркома *Высоковский*
Секретарь *Зарс*

Л. 32.

№ 39

25/12 марта 1918 г.

§ 1. Всем частям гарнизона объявляется для сведения к исполнению: полковые, ротные и другие комитеты после полной сдачи имущества должны немедленно расформироваться, члены комитетов увольняются от воинской службы наравне с прочими военнослужащими.

Л. 37.

№ 40

27/14 марта 1918 г.

§ 1. Объявляется для сведения и исполнения всем частям гарнизона, что на основании постановления Тюменского совдепа все части гарнизона подлежат немедленному расформированию. Имущество и отчетность 35-го Сиб. стр. зап. полка и других частей подлежат сдаче в ликвидационную комиссию, выбранную из членов совдепа...

Основание: предписание совдепа от 25/12.

Л. 38.

№ 41

28/15 марта 1918 г.

§ 1. ...с 28 марта гарнизонный комитет расформирован. Члены гарнизонного комитета увольняются от военной службы.

§ 2. Должность коменданта города Тюмени с сего числа упраздняется, дела передать заведующему строевой частью управления Тюменского воинского начальника.

Л. 39.

Приказы *по гарнизону г. Тюмени* *(август 1918 г.)*

№ 3

2 августа 1918 г.

§ 1. Сего числа я вступил в должность командира 8-го стрелкового Сибирского полка и начальника гарнизона. Приказываю учреждениям и должностным лицам обращаться ко мне.

§ 2. Военно-следственная комиссия с 1 августа открыла свои действия в доме Воробейчиковой по ул. Республики в составе председателя полковника Бржинского и членов: подполковника Анисимова и капитана Солодникова, штабс-капитана Панина.

Занятия будут производиться с 8 час. утра до 1 пополудни и с 5 до 8 час. вечера.

Начальник гарнизона полковник **Черкасов**

Л. 1.

№ 5

5 августа 1918 г.

§ 1. Временно командуящему Тюменским запасным полком назначить комиссию из трех опытных офицеров (председателя и 2 членов) для производства дознания о расхищении имущества и лошадей Тюменского воинского начальника. Комиссии собраться в управлении воинского начальника 6 августа в 10 часов, а воинскому начальнику дать соответствующие указания.

§ 3. Для проверки сумм, оставшихся от большевиков при управлении уездного воинского начальника, а также сумм, израсходованных большевиками при названном управлении, назначаю комиссию под председательством поручика Ремезова и членов прапорщика Шендерей и воинского чиновника Васильева...

§ 4. Мною возбуждено ходатайство о назначении гарнизонного врача. До назначения последнего обязанности гарнизонного врача возлагаю на ст. врача местного лазарета Платонова, коему поручаю следить за санитарным состоянием частей гарнизона и их помещений.

Л. 3.

№ 6

6 августа 1918 г.

§ 2. Для освидетельствования состояния здоровья арестованного следственной комиссией подполковника Хрожон...(*нрзб*) назначаю комиссию под председательством врача лагеря военнопленных Папитова и двух врачей по назначению старшего врача местного лазарета Платонова. Представителем от военного ведомства назначается прапорщик Лошкомоев.

Л. 4.

№ 5

10 августа 1918 г.

11 августа в 11 часов дня прибудет тело замученного красноармейцами прапорщика Гусева. С паровой пристани погребальная процессия направится в Ильинскую церковь, где будет отслужена панихида по усопшему. Отпевание и погребение будет совершено в Вознесенском монастыре. Для отдания воинских почестей наряжается рота от 8-го полка под командой капитана Голохвастова, который и должен прибыть с ротой к указанному времени на паровую пристань. Форма одежды караульная. Коменданту города озаботиться высылкой к тому же времени оркестра.

Полковник *Черкасов**Л. 7.*

№ 13

10 августа 1918 г.

Всех новобранцев, солдат и военнопленных иудейского вероисповедания освободить от занятий в дни праздника «Куци» с 20-го сего сентября с 5 часов пополудни на 21 и 22 сентября; с 27-го сего сентября с 5 часов пополудни на 28 и 29 сентября.

*Л. 15.**РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Ед. хр. 1382.*

Приказы *по войскам Тюменского гарнизона* *(1 января 1919 г. — 29 июня 1919 г.)*

№ 1

1 января 1919 г.

§ 1. В отношении возвращающихся из плена русских солдат, прибывающих в г. Тюмень, приказываю принять к точному исполнению следующее:

1) Всех прибывающих по железной дороге в Тюменский уезд и ближайшие районы направлять для опросов и регистрации в комиссию при управлении Тюменского уездного воинского начальника.

2) Всех проходящих для дальнейшего следования в глубь Сибири — опрашивать и регистрировать комиссии на вокзале.

3) Снабжение теплыми вещами, пожертвованными обывателями г. Тюмени и американским Красным Крестом, производить через Тюменского уездного воинского начальника.

4) Больных из эшелонов, проходящих через Тюмень и по состоянию здоровья не могущих следовать далее, сдавать в железнодорожную больницу и в частные и военные врачебные заведения города по распоряжению коменданта станции.

5) На железнодорожной станции «Тюмень» и при управлении Тюменского уездного воинского начальника должны быть вывески «Питательный пункт для возвращающихся из плена русских солдат».

Подлинный подписал: генерал-лейтенант **Рычков**

Л. 1.

№ 2

3 января 1919 г.

§ 2. Объявляю для сведения, что с 29-го минувшего декабря 6-й кадровый полк переименован в 49-й Сибирский стрелковый полк.

§ 3. Прикомандированного к Тюменской унтер-офицерской школе штабс-капитана Долгополова и 8-го кадрового полка поручика Виноградова арестовываю на 30 суток с содержанием на гарнизонной гауптвахте за то, что, будучи арестованными на гауптвахте и отпущенными комендантом города в баню, не возвратились на гауптвахту своевременно, а были задержаны милицией в нетрезвом виде. Коменданту города предписываю означенных обер-офицеров в течение срока ареста в баню не отпускать.

Л. 2.

№ 3

4 января 1919 г.

§ 2. Сообщаю для сведения всех начальствующих лиц гарнизона, что получение воды из водоразборных будок городского водопровода в предстоящие рождественские праздники будет производиться по следующему расписанию:

в первый день Рождества все водоразборы должны быть открыты с 11 час. до 1 час. дня; на второй и третий день с 7 час. утра до 1 час. дня.

Л. 3.

§ 2. В дополнение приказа по войскам гарнизона от 28 декабря 1918 г. за № 60 сообщаю для сведения начальствующих лиц гарнизона, что отпуск керосина в войсковые части и вверенные мне учреждения г. Тюмени по распоряжению уполномоченного министра снабжения управою с 3-го сего января прекращен, так как запаса керосина больше нет.

Л. 3–3 об.

№ 4

9 января 1919 г.

§ 5. Тюменская городская управа сношением от 25 декабря 1918 г. за № 2334 на имя начальника гарнизона города Тюмени сообщила, что некоторые части войск гарнизона позволяют требовать дрова от управы на отопление занимаемых помещений, на варку пищи и хлебопечение в количестве, далеко превышающем положенную по закону норму отпуска.

На основании устава о земских повинностях и особых распоряжений по Омскому военному округу, сделанных в 1915 г., городская управа обязана отпускать воинским частям, расквартированным в г. Тюмени, дрова двенадцативершковой длины в количестве, положенном по следующему экономическому расчету, а именно: на отопление на каждую простую печь в месяц — березовых по 38,5 вершка* или сосновых по 44 вершка. На варку пищи и хлебопечение причитается на каждые 10 человек в месяц при простых же печах — березовых 23, 38 вершка или сосновых 26, 72 вершка.

При экономических двухъярусных печах генерала Васмунда причитается в месяц березовых 18,57 вершка или сосновых 21,21 вершка.

Объявляя положенное, приказываю частям Тюменского гарнизона при требовании дров от городской управы руководствоваться установленными для отпуска дров нормами, отнюдь не допуская излишних требований сверх положенного. <...>

Л. 4 об.

* Вершок — старорусская единица измерения длины, первоначально равнялась длине основной фаланги указательного пальца. 1 вершок = 44,45 мм.

№ 5

16 января 1919 г.

§ 2. Комендант города полковник Михайлов и капитан 8-го Тюменского кадрового полка Антонов рапортами от 12 сего января за № 343 и 344 донесли, что первый из них сдал, а второй во временное исполнение должности коменданта гор. Тюмени 12 января вступил.

§ 5. С 17-го сего января назначаю ефрейторский караул для охраны склада оружия и огнестрельных припасов, находящегося на Садовой улице в доме ремесленного училища.

Коменданту города приказываю: сделать соответствующие распоряжения о наряде означенного караула.

Л. 6.

№ 6

28 января 1919 г.

§ 1. Комендантом города Тюмени назначаю полковника Кобылинского, коему предписываю принять денежные суммы и дела управления от вр. исп. обязанности коменданта Антонова. О приеме и сдаче донести.

§ 4. Тюменская городская управа уведомила, что некоторые воинские части оставляют трупы падших животных на поверхности скотского кладбища, последнее с санитарной точки зрения является совершенно недопустимым, а потому приказываю трупы павших лошадей воинских частей зарывать своими средствами в надлежащих местах и на установленную глубину. Воинские части, желающие пользоваться готовыми ямами, уплачивают Тюменской городской управе за такую по 100 рублей.

Л. 7.

§ 5. При сем объявляю краткий ветеринарный отчет по гарнизону за ноябрь и декабрь 1918 г.

Конский состав гарнизона 608 лошадей.

Заболело 98, или 161,18 на 1000 среднесписочного состава, из них выздоровело 25, пало — 5, пристрелено: неизлечимо больных — 3, сапных* — 8. Осталось больных к 1 января 1919 г. 57. Всего убыло за 2 месяца 16 лошадей, или 26, 31 на 1000 среднесписочного состава (17,3 на 100 заболевших). Из них в пехотных частях убыло 13 лошадей, в артиллерийских — 3 лошади.

Из заразных болезней наблюдался сап — 8 случаев. В 4-м Тюменском кадровом полку — 5 лошадей, в 49-м Сибирском стрелковом полку

* Сап — инфекционная, преимущественно хронически протекающая болезнь однокопытных (лошадей, ослов, мулов и др.) животных, вызываемая микробом, характеризующаяся развитием в легких и других внутренних органах, на слизистых оболочках и коже специфических узелков, распад которых ведет к образованию язв. Человек восприимчив к сапу.

ку — 1 лошадь; в унтер-офицерской школе — 1 лошадь и в 1-й кадровой батарее — 1 лошадь. Среди болезней преобладала чесотка (из 92 заболевших — 35 случаев чесотки, или 38% заболеваний) и наблюдалась в большинстве в 4-м кадровом полку, а именно — 25 из 35 общего числа.

Л. 7–7 об.

§ 6. При сем объявляю для сведения и руководства выписку из протокола комиссии от 23 октября 1918 г. по определению платы за реквизируемые помещения, при чем сообщаю, что указанные нормы сего протокола распространяются лишь на те помещения, которые заняты по ордерам комиссии при уполномоченном Мин. внут. дел.

Постановила: расценить подлежащий обсуждению вопрос на составные части: А) определение платы за пользование стенами помещения; Б) определение платы за освещение; В) определение платы за отопление; Г) определение платы за пользование помещением кухни; Д) определение платы за пользование мебелью.

По вопросу А) комиссия постановила: принять выработанные Распорядительным комитетом ставки, а именно — помещение жилое, благоустроенное — 6 руб. квадратная сажень*; менее благоустроенное — 4 руб. кв. саж.; нежилое помещение — 2 руб. кв. саж.; навесы — 1 руб. кв. саж.

Примечание: степень благоустроенности помещений определяется комиссией в каждом отдельном случае.

По вопросу Б) комиссия постановила: при наличии электрического освещения стоимость такого определяется по количеству лампочек согласно ставкам муниципального отдела городской управы или пропорционально числу лампочек при условии нахождения в квартире счетчика.

По вопросу В) комиссия постановила: стоимость отопления, при условии найма помещения с отоплением, определяется по справочным ценам городской управы из расчета 3/4 сажени дров на каждую печь.

Примечание: 1) расчет 3/4 саж. действителен для русской печи; и 2) если печь отапливает две комнаты, принадлежащие разным жильцам, то каждый из них платит 1/2 стоимости.

По вопросу Г) комиссия постановила: за пользование помещением кухни уплачивается владельцу квартиры по 2 рубля с каждого жилья, считая и детей старше 5 лет.

Л. 7 об.

По вопросу Д) комиссия постановила: при наличии у владельца квартиры необходимой для жилья мебели таковая должна быть от-

* Сажень — название происходит от глагола «сягать», что означает — дотгиваться рукой. Равна 2,1336 м.

дана в пользование за плату, составляющую 25% стоимости занимаемого жильцом помещения.

Примечание: необходимой мебелью считается — кровать, стол, два стула, комод или шкаф, умывальник или таз с кувшином, если почему то нельзя пользоваться общим умывальником. Сверх перечисленного по обоюдному согласию.

Л. 8.

№ 7

30 января 1919 г.

§ 1. Невзирая на мой приказ от 24 декабря 1918 г. за № 59, § 5, комендирами частей до сего времени не установлен порядок пользования коноводами поильными колодами у водонапорной башни. Из сношения городской управы от 25 сего января видно, что поильные колоды совершенно заполнены льдом, что лишает их возможности пополнить их водой. На днях на этой почве возник инцидент между администрацией водоразбора и коноводами неизвестной воинской части, последние в знак недовольства разбили в башне несколько окон. Приказываю коменданту города: произвести дознание по поводу этого безобразия, выяснить часть коноводов и донести мне; установить порядок пользования поильными колодами, вывесив в башне расписание воинских частей; определить время пользования водоразбором каждой частью; и включить дневальных к водонапорной башне в состав гарнизонного караула, назначая их от частей, пользующихся поильными колодами у означенной башни.

§ 2. На основании приказа по Тюменскому военному округу № 137 1918 года объявляю для сведения и руководства тех частей гарнизона, коим не отпускали белый хлеб на первый день Рождества и день Нового года, [что они] имеют возможность получить из Тюменского базисного магазина по нормам белую муку, проводя таковую приходом и расходом по отчетным листам.

Л. 9.

§ 3. Приказываю всем командирам частей, управлений, учреждений и заведений вверенного мне гарнизона не позднее 10 февраля с.г. внести в гарнизонную канцелярию плату за высылаемые приказы по гарнизону, считая за 1 экземпляр получаемых приказов в ноябре — 18 руб., в декабре — 9 руб. и в январе — 9 руб.:

Военно-окружное санитарное управление	4 экз.	144 руб.
Военно-окружное ветеринарное управление	1	36
Окружное интендантское управление	2	72
Камера военного следователя, 2 участка	1	36
Комендантское управление	1	36
Управление Тюменского воинского начальника	1	36

Конвойная команда	1	36
Контрразведывательное отделение № 5	1	36
49-й Сибирский стрелковый полк	1	36
4-й кадровый стрелковый полк	1	36
2-й Чехо-словацкий конный полк	1	36
Сербская рота полка майора Благодича	1	36
Особая Казанская легкая батарея	1	36
1-я Кадровая Тюменская батарея	1	36
Артиллерийская офицерская школа	1	36
Артиллерийская фейерверкерская школа	1	36
Пехотная офицерская школа	1	36
Пехотная унтер-офицерская школа	1	36
3-й батальон охраны ж.д.	1 экз.	36 руб.*

Л. 9–9 об.

§ 4. Объявляю для сведения, что чистый сбор с гарнизонного концерта-бала, устроенного 10-го сего января в пользу русских солдат, возвращающихся из австро-германского плена, выразился в сумме 25785 руб. 66 коп., каковые сдать в Государственное казначейство на текущий счет главного начальника Тюменского военного округа.

Л. 9 об.

№ 8

10 февраля 1919 г.

§ 4. Предписываю командирам частей для напутствия солдат-мусульман, входящих в состав маршевых частей пополнения, приглашать гарнизонного муллу Шагидуллина перед отправкой их на фронт.

§ 5. Старшему врачу Тюменского местного лазарета предписываю в кратчайший срок оборудовать при лазарете одну палату для арестованных воинских чинов, нуждающихся в госпитальном лечении.

Л. 10.

§ 7. Некоторыми воинскими частями навоз сваливается на площади напротив казенного винного склада по дороге, идущей с вокзала в город. Так как это место является запрещенным для свалок, приказываю командирам частей принять меры к устранению подобных явлений, указав надлежащие места для свалок, как-то: за железнодорожную линию или же в лог к заводу Котельникова на Большом Городище.

Л. 10 об.

* На большинстве экз. приказов по войскам Тюменского гарнизона (1 января 1919 г. — 29 июня 1919 г.) помечено, что они были получены военно-окружным судом, который в приведенном списке не значится.

№ 9

12 февраля 1919 г.

§ 1. Сего числа уезжая по делам службы в г. Омск, обязанности начальника гарнизона возлагаю на помощника главного начальника округа генерал-лейтенанта Панова.

Начальник гарнизона генерал-лейтенант *Рычков**

№ 10

13 февраля 1919 г.

§ 1. Сего числа уезжаю в штаб Сибирской армии по делам службы. Обязанности начальника гарнизона возлагаю на начальника штаба округа генерал-майора Вихирева.

Исп. об. начальника гарнизона генерал-лейтенант *Панов*

№ 11

18 февраля 1919 г.

§ 1. Для охраны обмундировальной мастерской интендантского ведомства, помещающейся в д. Калмакова по Царской улице, назначаю караул в составе двух сторожевых постов. Коменданту города озарботиться оборудованием караульного помещения и представить на утверждение табель постам означенного караула.

Л. 12.

§ 2. На основании счетов, представленных комиссией по устройству общего обеда для георгиевских кавалеров в день Св. Великомученика и Победоносца Георгия 26 ноября ст. ст. минувшего года, расход выразился в сумме 4053 руб. 35 коп.

Приказываю командирам частей, управлений и учреждений вне-сти причитающуюся сумму с каждой части по расчету присутствующих георгиевских кавалеров, считать по 32 руб. 17 коп. на человека. Деньги должны быть внесены к 1-му марта с.г. казначею штаба округа для передачи по принадлежности.

Исп. об. начальника гарнизона генерал-лейтенант *Вихирев*

**Ведомость причитающихся денег с частей гарнизона
по устройству общего обеда для георгиевских кавалеров**

49-й Сибирский стрелковый полк	9 чел.
4-й кадровый стрелковый полк	19 чел.
3-й батальон охраны железной дороги	6 чел.
Отдельная легкая Казанская батарея	6 чел.
1-я Кадровая легкая батарея	11 чел.
Штаб Тюменского военного округа	2 чел.
Офицерская артиллерийская школа	2 чел.

* В целях экономии места редактор-издатель принял решение ставить фамилию подписывающего приказы только в моменты смены должностного лица, имеющего на это право.

Сенсация № 1

Фейерверкерская артиллерийская школа	1 чел.
Унтер-офицерская пехотная школа	5 чел.
Управление коменданта г. Тюмени	3 чел.
Управление Тюменского уездного воинского начальника	6 чел.
Окружное интендантское управление	2 чел.
Тюменский союз увечных воинов	26 чел.
Тюменская уездная милиция	28 чел.

№ 12

21 февраля 1919 г.

§ 3. Объявляю для сведения, что управление коменданта города переведено в дом Жернакова, находящийся на углу Ишимской и Томской улиц.

Развод караулов приказываю производить при комендантском управлении.

§ 4. Ввиду выступления из гор. Тюмени 49-го Сибирского стрелкового полка полковую гауптвахту, помещающуюся в городских казармах на Царской улице, переименовать в гарнизонную с передачей ее в ведение коменданта города, коему включить караул при означенной гауптвахте в состав гарнизонного караула и поставить на утверждение табель постам. В случае недостаточного количества карцеров при частях гарнизона арестовываемые воинские чины должны направляться в распоряжение коменданта города.

§ 5. Объявляю для сведения, что канцелярия главного регистрационного пункта прибывающих из Германии и Австрии русских военнопленных помещается в гостинице «Петроград», угол Иркутской и Архангельской улиц.

Л. 14.

§ 6. Прибывших 19 сего января на формирование передового отделения Тюменского конского запаса подполковника Петрова и прапорщика Белоусова полагать на лицо. Временный адрес: номера «Север», кв. 2, по Архангельской улице.

Л. 14–14 об.

§ 7. Выступившую в гор. Тобольск Сербскую роту полка майора Благотича исключить из частей гарнизона с 17 сего февраля.

Л. 14 об.

Начальник гарнизона

генерал-лейтенант *Рычков*

№ 13

27 февраля 1919 г.

§ 2. Выступающий на фронт 49-й Сибирский стрелковый полк исключить из частей гарнизона с 25 сего февраля.

Л. 15.

№ 14

3 марта 1919 г.

§ 1. Полковник Кобылинский назначается на должность штаб-офицера при главном начальнике округа. Вместо него на должность коменданта города назначаю помощника начальника офицерской пехотной школы подполковника Иванова, которому предписываю принять, а полковнику Кобылинскому сдать личный состав, имущество, суммы и дела комендантского управления, во исполнение чего мне донести.

§ 3. Прибывшее в гор. Тюмень на расквартирование окружное инженерное управление Тюменского военного округа зачисляется в состав частей Тюменского гарнизона с 28 минувшего февраля.

Адрес управления: номера «Эрмитаж», телефон 225.

§ 4. Прибывший окружной суд с прокурорским надзором Тюменского военного округа зачисляется в состав частей гарнизона с 1-го его марта.

Адрес суда: Тюменское общественное собрание.

Л. 16.

Исп. об. начальника гарнизона   генерал-лейтенант *Панов*

Приложение к приказу по гарнизону № 14

Перечень караулов Тюменского гарнизона

Гарнизонная гауптвахта

Тюменская тюрьма

Пристань «Тура» № 1, 2, 3

Интендантский вещевой склад (Ишимская ул., № 3)

Государственный банк

Почтово-телеграфная контора

Винный склад (угол Царской и Голицинской)

Интендантский склад (угол Царской и Голицинской)

Ремесленное училище (угол Томской и Садовой)

Вещевой склад (д. Лагиной, Царская улица)

Тюменский местный лазарет, Романовское отд. (Всесвятская ул.)

Тюменский местный лазарет (Базарная площадь)

Интендантский вещевой склад (угол Базарной и Водопроводной)

Контрразведывательное отд. (Садовая ул., № 36)

Лагерь военнопленных (за городом «Бараки»)

Комендантское управление (угол Тобольской и Ишимской)

Заразное отд. Тюменского местного лазарета (за городом «Бараки»)

Штаб округа (Номера Лошкормоева)

Комендант ст. Тюмень

Всего на 21 посту задействовано: офицеров — 1, унтер-офицеров — 7, ефрейторов — 22, рядовых — 127, дневальных и посыльных — 15, конвоиров — 20. Всего — 192 чел.

Л. 17.

№ 15

7 марта 1919 г.

§ 2. Во изменение предыдущего приказа № 14 вместо подполковника Иванова временно исполнение должности коменданта города возлагаю на командира 1-й кадровой батареи подполковника Корзуна.

§ 3. Выступивший в гор. Курган 4-й Тюменский кадровый полк исключить из состава гарнизона с 27 минувшего февраля.

§ 4. С 4-го сего марта Тюменский местный лазарет переформирован в Тюменский военный госпиталь (постоянный).

§ 5. Отъезжая сего числа со штабом Тюменского военного округа на расквартирование в г. Екатеринбург, начальником гарнизона назначаю начальника окружного артиллерийского управления полковника Зенкевича.

Начальник гарнизона генерал-лейтенант *Рычков*

Л. 18.

№ 16

10 марта 1919 г.

§ 1. Сего числа в исполнение обязанностей начальника гарнизона г. Тюмени вступил. За всеми справками служебного характера обращаться ко мне с 10 до 1 час. Царская ул. Дом Шмыровой. Окружное артиллерийское управление.

Л. 19.

Начальник гарнизона

полковник *Зенкевич*

№ 17

16 марта 1919 г.

§ 1. Во исполнение телеграммы начальника Тюменского военного округа от 14 марта 1919 г. за № 676 вступил в обязанности начальника гарнизона г. Тюмени.

§ 2. Прибывшего в мое распоряжение помощника старшего адъютанта военно-цензурного отделения штаба Тюменского военного округа поручика Трофимова прикомандировываю на довольствие к комендантскому управлению с 9 сего марта с возложением на него обязанностей военного цензора.

§ 3. Прибывших в г. Тюмень на расквартирование 1-й, 2-й и 3-й батальоны 2-го Барабинского кадрового полка зачислить в состав гарнизона: 1-й батальон — с 11 сего марта, 2-й батальон — с 13 сего марта и 3-й батальон — с 15 сего марта.

Л. 21.

§ 6. Объявляю для сведения, что окружное инженерное управление перешло из номеров «Эрмитаж» в номера Лопшкочева.

§ 7. Объявляю для сведения, что окружное артиллерийское управление перешло из дома Шмыровой в д. Воробейчиковой, Царская ул.

Л. 21 об.

§ 9. Приказываю командирам всех частей гарнизона донести мне в срочном порядке, сколько студентов состоит в подведомственных им частях, с указанием количества офицеров и солдат отдельно.

Начальник гарнизона

подполковник *Корзун*

Л. 22.

№ 18

19 марта 1919 г.

§ 1. Офицерскую пехотную школу, убывшую из г. Тюмени в г. Екатеринбург, исключить из состава гарнизона с 16-го сего марта.

§ 2. Окружное интендантское управление, убывшее из г. Тюмени в г. Екатеринбург, исключить из состава гарнизона с 14-го сего марта.

Л. 23.

№ 19

23 марта 1919 г.

§ 1. Прибывшие 1-й и 2-й батальоны 1-го Ново-Николаевского кадрового полка на расквартирование в г. Тюмень зачислить в состав гарнизона: 1-й — с 18-го сего марта, 2-й — с 22-го сего марта.

§ 2. Прибывший на расквартирование в г. Тюмень штаб 2-го Барабинского полка с полковыми командами полагать в составе Тюменского гарнизона с 19-го марта.

Адрес штаба 2-го Барабинского полка: гостиница «Пале-Рояль». Тел. 46.

§ 3. Во изменение § 6 приказа 12 объявляю для сведения, что канцелярия Тюменского передового отделения конского запаса переведена из №№ «Север» в дом Михалева на Базарной площади, № 24.

§ 5. Окружное военно-санитарное управление, убывшее из г. Тюмени в Екатеринбург, исключить из состава гарнизона с 23-го сего марта.

Л. 24.

№ 20

25 марта 1919 г.

§ 1. Ввиду переезда окружного военно-санитарного управления в г. Екатеринбург обязанности председателя межведомственного комитета возлагаю на старшего ординатора Тюменского военного госпиталя надворного советника Петрова.

На главного врача 125-го эвакуационного госпиталя статского советника Гиришмана возлагаются обязанности по эвакуации и распределению больных и раненых по лечебным заведениям г. Тюмени. <...>

Гарнизонным врачом, объединяющим работу по эпидемии среди частей гарнизона и наблюдающим за их санитарным состоянием остается старший врач лазарета при лагере военнопленных доктор Папитов. <...>

Во врачебную комиссию при Американском госпитале Красного Креста для освидетельствования чинов русской армии, а также во все другие комиссии весь состав назначается из врачей гарнизона статским советником Гиршманом по мере надобности.

Л. 25.

§ 2. 1-й Военно-санитарный транспорт, убывший из города Тюмени в Екатеринбург, исключить из состава гарнизона с 23-го сего марта.

Л. 25–25 об.

№ 21

2 апреля 1919 г.

§ 2. Унтер-офицерскую пехотную школу, убывшую из города Тюмени в город Екатеринбург, исключить из состава гарнизона с 29-го сего марта.

§ 3. 1-й и 2-й батальоны 1-го Ново-Николаевского полка, убывшие из г. Тюмени в г. Пермь, исключить из состава гарнизона с 29-го марта с.г.

§ 4. Объявляю для сведения, что Тюменское отделение конского запаса считать сформированным с 3-го марта с.г.

§ 5. Приказываю всем командирам частей, управлений, учреждений и заведений с получением сего сообщить в гарнизонную канцелярию, не состоят ли на службе в частях гарнизона братья: поручик Петр Говве и прапорщик Дмитрий Говве.

Л. 26.

№ 22

8 апреля 1919 г.

§ 1. Объявляю для сведения приговоры военно-полевого суда Тюменского гарнизона от 18, 19 и 24 марта сего года.

1919 года 18-го дня на основании приказа по войскам Тюменского гарнизона от 17 марта 1919 г. за № 2 военно-полевой суд Тюменского гарнизона в законном составе рассмотрел дело о гражданине хутора Тарасовского поселка Фоминской волости Тюменского уезда Афонасии Яковлевиче Мошкине, 27 лет, по обвинению его в хранении у себя на квартире одной обоймы патронов японского образца, признал его виновным в хранении без надлежащего разрешения предметов вооружения, а потому на основании приказа по войскам Тюменского гарнизона от 30 ноября 1918 года за № 52, § 5 постановил: подвергнуть подсудимого Афонасия Мошкина, 27 лет, содержанию в тюрьме сроком на 1 месяц с заменой денежным штрафом.

§ 2. 1919 года марта 19-го дня военно-полевой суд Тюменского гарнизона, сформированный на основании приказа по войскам Тюменского гарнизона от 19 марта за № 5 в судебном заседании в законном составе, рассмотрев дело о мобилизованном солдате Тюменского во-

инского начальника Федоре Алексеевиче Сысолятине, 22-х лет, по обвинению его в оказании насильственного противодействия вооруженной силе, а потому и на основании ст. 123, п. 1-го Уголовного уложения постановил: лишить подсудимого Федора Алексеевича Сысолятина, 22-х лет, воинского звания, всех прав состояния и сослать его на каторжные работы сроком на восемь лет.

Л. 27.

§ 4. 1919 года марта 24 дня военно-полевой суд Тюменского гарнизона, сформированный на основании приказа по войскам Тюменского гарнизона от 24 марта с.г. за № 6 в судебном своем заседании в законном составе, рассмотрев дело о гражданине Тюменского уезда Велижанской волости Сергее Васильевиче Шахове, 38 лет, по обвинению его в том, что он, Шахов, 12-го сего марта произносил в пьяном виде у ворот унтер-офицерской школы при солдатах последней слова: «Всех военных надо разоружить, а потом мы разделимся с ними по-своему», признал себя виновным в заявлении своего сочувствия готовившемуся восстанию, а потому и на основании ст. 121 части 1-й Уголовного уложения и ст. 36 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных постановил: подвергнуть подсудимого Сергея Шахова, 38 лет, временному заключению в тюрьму сроком на 8 месяцев и лишению некоторых особенных лично по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ.

Л. 27 об.

№ 23

11 апреля 1919 г.

§ 2. Заведующий мясным делом в Тюменском районе доносит, что представители некоторых воинских частей являются к мясоротовцам для скупки мясопродуктов, совершенно не считаясь с существующими рыночными ценами на товар, предлагая на 15–20% выше нормальных.

Ввиду явного ущерба для казны и для прекращения вредной конкуренции приказываю всем войсковым частям и организациям, работающим на нужды тех же войсковых частей, впредь самостоятельно скупку не производить, не справившись с существующими на мясопродукты ценами, каковы всегда можно узнать в конторе заведующего мясным делом в Тюменском подрайоне.

Л. 29–29 об.

§ 3. По случаю праздника «Тахвиль-уль-Кибла» приказываю освободить всех солдат-мусульман от служебных нарядов во вторник 15 апреля, каковых команды направить в театр «Миниатюр» к 3-м часам дня, где будет устроено духовно-религиозное собеседование.

§ 4. По случаю пасхальных праздников 15, 16, 21 и 22 апреля солдат иудейского вероисповедания освободить от служебных нарядов начи-

ная с 12 час. дня 14 сего апреля, а также в промежуточные пасхальные дни 17, 18 и 19 сего апреля отпускать на пасхальные обеды и ужины.

§ 7. 1-й и 2-й батальоны 2-го Барабинского полка, убывшие из г. Тюмени в г. Пермь, исключить из состава гарнизона: первый — с 31 марта, а второй — с 3 апреля сего года.

Л. 29 об.

§ 8. Прибывший на расквартирование в г. Тюмень 5-й отдельный ударный батальон зачислить в состав гарнизона с 10-го сего апреля.

§ 9. Прибывшие на расквартирование в г. Тюмень 1-й, 2-й и 3-й батальоны 50-го Сибирского стрелкового полка зачислить в состав гарнизона: первый батальон с 5-го, второй батальон с 9-го, третий батальон с 11-го сего апреля.

Л. 30.

№ 24

16 апреля 1919 г.

§ 7. Ввиду возникших в г. Тюмени эпидемических заболеваний приказываю всем расквартированным в г. Тюмени воинским частям, управлениям и учреждениям военного ведомства принять самые энергичные меры к очистке и содержанию в чистоте и порядке помещений, дворов, конюшен и т.д. Очистка должна быть произведена в местах, точно обозначаемых для этой цели городской управой.

Приказываю особенно тщательно следить за содержанием в чистоте ретиратов. Приказываю всем командирам частей, начальникам управлений и учреждений военного ведомства следить за тем, чтобы солдаты вверенных им частей, управлений и учреждений имели возможность периодически и возможно чаще пользоваться банею и менять белье. Приказываю во всех воинских частях, управлениях и учреждениях военного ведомства образовать санитарные комиссии в составе одного врача и двух офицеров или классных чинов, которые обязаны через каждые две недели осматривать занимаемые воинской частью помещения, дворы и т.д. <...>

Л. 31 об. — 32.

§ 9. 16 апреля сего года группа граждан гор. Тюмени в лице своих представителей членов Биржевого комитета Д.И. Копытова, М.Е. Дементьева, В.Г. Рымшевича, В.А. Собенникова, К.П. Самцова обратилась ко мне как представителю Тюменского гарнизона с адресом следующего содержания:

«Гарнизону гор. Тюмени.

Тяжелый скорбный путь совершила наша Родина, выковывая свою судьбу на заре ее существования, бродившие вокруг нее хищные соседи совершали набеги, предавая все огню и мечу. Русский народ, объединяясь вокруг своих доблестных вождей и печальников о земле Рус-

ской, общими силами отстаивал свою свободу и право на существование отгоняя в степь своих врагов. История занесла их имена на свои скрижали. В постоянной напряженной борьбе за свое существование, русский народ выделил из себя армию, которая и взяла в свои руки защиту матери-Родины. Во главе армии стояли доблестные офицеры, которые, наследовав великий дух печальников о земле Русской, довели армию до совершенства, вызывая зависть врагов. Армия под водительством доблестных офицеров совершала чудеса храбрости, и не было той силы, которая устояла бы против нее, побеждая врага, она победила и природу с ее стихийными силами. Благодаря армии, водимой покрытым славой офицерством, Русская земля отвоевала свое право на существование, стала сильной и могущественной.

Но настал грозный час испытания! 19 июля 1914 года Россия была вовлечена в мировую войну. Дерзкий Вильгельм II с девизом Аттилы: «Пусть трава не растет, где ступит мой конь» поднял меч для порабощения. С девизом «За право за свободное существование народов, за свободу и братство его» Русская армия под водительством офицеров подняла брошенную перчатку и с честью выполнила свою историческую задачу. Уже дрогнула рука дерзкого врага, готовая выпустить поднятый меч, уже близок был конец победы, как в запломбированных вагонах прибыли в Россию из Германии предатели и изменники родины — Ленин, Троцкий и другие, которые бескровную революцию превратили в кровавую бойню. Обманом, ложными обещаниями путем социальной революции устроить земной рай они разнуздали страсти темной массы и довели страну до полного разрушения и падения. Они быстро разложили армию, и часть невежественных солдат быстро повернула свой штык на своего вождя офицера. Последний не дрогнул и не пал духом. Быстро оправившись от страшного удара, офицеры объединились и, вступив в борьбу с предателями и изменниками родины, тесным железным кольцом окружили их. Близок час освобождения родины, и заря свободы, опирающаяся на право и закон, восходит на ней. Многие из вас приняли мученический венец, многие пали в бою и лежат в сырой земле. Деяние павших не забудется, и грядущее потомство, посетив могилы погибших героев, преклонив колени, с благодарностью скажет, как сказал Петр Великий у гробницы Козьмы Минина Сухорукого: «Здесь покоятся спасители отечества!» Мир покоящимся в могиле, честь и слава здравствующему офицерству! Да здравствует великая, сильная и свободная Россия! Да здравствует доблестное офицерство и возрождающаяся земля! Да здравствует великий печальник и собиратель земли Русской — Верховный правитель адмирал Александр Васильевич Колчак! Вперед, вперед, за честь и свободу России!».

*Д. Копытов, М. Дементьев, В. Рымшевич,
В. Собенников, К.П. Самцов*

рова и Владимира Вьюшкова лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни.

Согласно телеграммы начальника штаба Тюменского военного округа за № 1465 распоряжением командующего армией смертная казнь Владимиру Вьюшкову и Николаю Захарову заменена бессрочной каторгой.

§ 10. Окружное инженерное управление, убывшее из г. Тюмени в г. Екатеринбург, исключить из состава гарнизона с 25 апреля сего года.

Л. 34 об.

§ 11. Главный врач Тюменского военного госпиталя рапортом донес о том, что с 19-го сего апреля при вверенном ему госпитале открыто Спасское отделение (в доме Шайчика на Спасской улице) на 100 кроватей для хирургических больных.

Л. 34 об. — 35.

§ 13. Согласно телеграммы начальника штаба Тюменского военного округа № 137 офицерскую артиллерийскую школу считать расформированной с 20-го сего апреля. Офицеры, солдаты и имущество переданы полковнику Беренс.

Л. 35.

№ 26*

5 мая 1919 г.

§ 8. Объявляю для сведения результат благотворительных спектаклей и сеансов 9 марта с.г. в пользу возвращающихся из австро-германского плена офицеров и солдат.

Приход:

По буфету	4864 =85
По городскому театру	2109 =40
От кинематографа «Гигант»	7410 =
От кинематографа «Вольдемар»	4270 =
Интимного театра	566 =70
Пожертвовано управляющим завода минеральных вод Поклевского Козелл	100 =
Пожертвовано неизвестным	14 руб.
Итого:	19334 =95

Л. 26 об.

№ 27

9 мая 1919 г.

§ 5. Приказываю всем командирам частей управлений, учреждений и заведений вверенного мне гарнизона не позднее 15-го сего марта вне* В деле отсутствуют §§ приказа с 8 (нет окончания) и по 16 включительно (нет начала § 16) при сохранившейся нумерации листов означенной единицы хранения.

сти в гарнизонную канцелярию плату за высылаемые приказы по гарнизону, считая за 1 экземпляр получаемых приказов в ноябре—апреле:

Управление Тюменского воинского начальника	26 руб.
Комендантское управление	26
Тюменская конвойная команда	26
Базисный магазин	26
Камера военного следователя, 2 участка	26
Вещевой магазин	26
Канцелярия конского запаса	26
Тюменский военный госпиталь	26
Начальник контрразведки	26
Комендант станции Тюмени	26
Ветеринарный лазарет	26
Команда выздоравливающих	26
Обмундировальная мастерская	26
125-й эвакуационный госпиталь	26
Начальник артиллерий 2-й Сарапульской дивизии	26
Центральный регистрационный пункт	26
Гарнизонная хлебопекарня	26
Военно-окружной суд	26
50-й Сибирский стрелковый полк	26
5-й ударный батальон	26
Военный прокурор Тюм. военного окружного суда	26 руб.

Л. 38—38 об.

№ 28

14 мая 1919 г.

§ 5. Согласно телеграммы начдива 2-й ударной за № 3234 5-й ударный батальон убыл из г. Тюмени в г. Оханск и исключен из состава гарнизона с 12 сего мая.

Л. 40.

§ 9. Объявляю для сведения и руководства:

Приказ № 275
Войскам Сибирской армии

г. Екатеринбург

6 мая 1919 года

Официальные донесения и жалобы обиженных и пострадавших называют, что самочинные расправы, порки, расстрелы и даже карательные экспедиции, чинимые представителями власти, к сожалению, не прекращаются.

Подобная система произвола может вселить в умах населения представление о новой власти не как о носительнице здоровых начал законности и правопорядка, но как о власти, чуждой этим началам, идущей по стопам предшественников, сгубивших родину.

Закон и право — спутники сильной и здоровой власти, олицетворяющей собою идею государственного правопорядка.

И этот путь — единственный для каждого, на чью долю выпало счастье стать проводниками начал государственности, правопорядка, права и законности.

Л. 40 об.

Воссоздание правового государства немислимо, пока агенты власти — от высших начальников до рядовых исполнителей воли последних — не проникнутся сознанием, что власть государственная сильна своим правом и законностью.

Между тем многим понятия законности чужды или непонятны.

Они не мыслят, что расправы и порка и даже расстрелы, творимые без суда одной лишь их волей, нарушают создающийся с неимоверным трудом государственный аппарат, роняют авторитет власти и, ничего не создавая, губят великое дело — воссоздание России.

Такие явления недопустимы.

Вся сила карающего возмездия должна пасть на головы тех, кто своими действиями играет на руку врагов государства, кто создает для них столь удобную обстановку для нового натиска на молодую Россию.

Сознавая великую ответственность за будущее народа, я не могу щадить творящих произвол, попирающих элементарные понятия законности и права.

Всех, кто будет самочинно производить экзекуции, расправы и расстрелы, я буду предавать военно-полевому суду за истязания и обыкновенное убийство.

Предваряю, что лишить кого бы то ни было жизни, даже самых злых и очевидных преступников — врагов государства и народа, — можно лишь по суду — общему корпусному, военно-окружному или военно-полевому, учреждаемому каждый раз по моему приказанию или приказаниями генералов Пепеляева, Вержбицкого.

Командующий Сибирской армии генерал-лейтенант *Гайда*

Начальник штаба, Генерального штаба генерал-майор *Богословский*

Л. 41.

№ 29

21 мая 1919 г.

§ 2. За появление на Пасхальной заутрени в Знаменском соборе г. Тюмени в неустановленной форме без погон объявляю врачу Яковлеву выговор.

Л. 42.

§ 3. Объявляю для сведения и руководства:

Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 128

Омск

6 мая 1919 года

В настоящее время идет война с большевиками. Мы боремся за то, чтобы в Русском государстве водворился твердый законный государственный поря-

док, чтобы личность каждого и его имущество были неприкосновенны, чтобы каждый мог спокойно работать и пользоваться плодами своего труда. Теперь пока только армия может дать все это населению. Армия, действуя против врага оружием, в то же время своим примером строгого соблюдения законности и порядка должна вселить в население уверенность, что она создает порядок, а не нарушает его. Войска должны вести себя так, чтобы население относилось к ним с уважением и благодарностью, видя в каждом офицере и солдате защитника; войска и население должны видеть друг в друге братьев. Необходимо, чтобы войска бережно относились к нуждам крестьян и вообще населения, бережно относились к их имуществу, ничего не разрушая самовольно и не позволяя себе ничем пользоваться даром, а тем более не посягать на личную неприкосновенность. Все должно совершаться на основании закона и в необходимых случаях по решению суда или приказа высшего начальства, когда это необходимо по боевой обстановке. Никакие самовольные действия отдельных лиц недопустимы. Начальникам и всем офицерам надлежит быть первыми при исполнении своих обязанностей и примером законных и справедливых отношений к населению и твердо и настойчиво требовать того же от своих подчиненных. Настоящий приказ прочесть во всех ротах и командах.

Верховный правитель и

Верховный главнокомандующий

адмирал *Колчак*

Л. 42–42 об.

Приказ Начальника штаба Верховного главнокомандующего № 400

г. Омск

6 мая 1919 г.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий повелел:

1) Командующим армиями и отдельными корпусами установить порядок оплаты населению за забираемые продукты, фураж, подводы и проч.

2) Строжайше воспретить бесплатное пользование чем бы то ни было от населения.

3) При уходе каждой части с места своего квартирования требовать от местных гражданских властей квитанции о благополучном квартировании. Местные власти в случае каких-либо недоразумений с частями должны вносить в эти квитанции заявление претензий, представлять начальникам дивизий на распоряжение. Об изложенном порядке широко оповестить население.

4) Для удовлетворения личных претензий к войскам учредить в армиях комиссии по разбору жалоб <...>

6) В случае надобности закупки у всего населения припасов, фуража уполномоченные от частей должны со своими требованиями обращаться к местному гражданскому начальству, которое уже должно распределять поставку требуемого между населением.

7) В каждом случае при реквизиции не должно отбираться то, что необходимо для пропитания и работы населения.

Вр. исп. делами начальника штаба, Генерального штаба

генерал-майор *Бурлин*

§ 4. Объявляю для сведения и руководства:

Приказ № 258

Войскам Тюменского военного округа на театре военных действий
г. Екатеринбург 30 апреля 1919 г.

Объявляю для руководства и исполнения приказа Командующего войсками Сибирской армии от 4 марта с.г. за № 101.

Приказ № 101. За последнее время среди гарнизона г. Екатеринбурга участились случаи пьянства. На улицах и общественных местах встречаются офицеры и чиновники в нетрезвом виде, доходящие иногда до буйства.

Если в среде офицеров, ныне поколебленной в своем составе, есть чины, не понимающие своего долга в деле возрождения нашей армии, то вся среда должна подействовать на них и внедрить сознание чести и достоинства офицера, призванного везде и во всем являть пример своим подчиненным.

Долг каждого офицера, встретившего на улице или в общественном месте воинского чина в нетрезвом виде, независимо от чина последнего арестовать его и препроводить в управление коменданта города. Если арестовать единолично не представляется возможным, следует вызвать комендантского адъютанта, который и обязан арестовать виновного.

Предписываю коменданту города ежедневно высылать офицерские патрули, которые должны обходить общественные увеселительные учреждения и арестовать всех офицеров, чиновников и солдат, находящихся в нетрезвом виде.

На следующий день к 10 часам утра все офицеры и чиновники должны препровождаться коменданту штаба армии.

Так как все приказы, в которых неоднократно указывалось на недопустимость подобного поведения офицеров, не оказывают должного воздействия и дабы положить конец разнузданности некоторых офицеров и чиновников, виновные будут мною предаваться военно-полевому суду, которому приказываю руководствоваться следующим:

1) За пьянство и неприличное поведение офицеров и военных чиновников кроме разжалования приговаривать к каторге до пяти лет.

Л. 43

2) За пьянство, связанное с буйством или даже с ранением чинов, нарушающих порядок, виновных приговаривать к расстрелу.

О наложении взыскания на виновных в будущем будет объявляться в приказах, публикуемых в газетах.

Л. 44 об. — 45.

Приказ Тюменского военного округа № 238

г. Екатеринбург 11 апреля 1919 г.

Главный интендант телеграммой от 17 апреля с.г. за № 6679 на имя окружного интенданта сообщил, что приказом по военному ведомству сего года за № 70 в тыловых районах положено для солдата табачное

довольствие, полагая на каждого человека табак махорки по три золотника в сутки, десять листов курительной бумаги и пять короб спичек в месяц.

В случае неполучения табачного довольствия натурою от интендантства таковое войскам надлежит заготовлять собственным полечением не дороже средне-справочных цен, современных заготовлению для табака, махорки и бумаги, а спичек не дороже фабричных цен, по которым военное ведомство получает их с фабрики.

Расход на табачное довольствие надлежит проводить отдельной строкой по приварочным отчетным листам из приварочных денег.

Главный начальник округа генерал-лейтенант *Рычков*

Л. 43–43 об.

§ 6. В последнее время на нашу молодую армию бросаются семена вражды к благодарным и доблестным союзникам нашим чехо-словацким войскам. Ясно и не приходится объяснять, откуда идет эта агитация, кому надо посеять рознь, пользуясь подчас доверчивостью и простодушием нашего солдата, между нашей и чехо-словацкой армией. До сведения моего дошло, что распространяются между частями и командами гарнизона слухи, что на наши деньги чехи щеголевато одеты, получают от российского правительства огромное жалованье, всем снабжены за наш счет.

Объявляю для общего сведения, что это явная и преступная ложь: со времени заключения Брест-Литовского договора чехо-словацкая армия в России содержится исключительно на средства правительства Чехо-Словацкой Республики. Что касается до периода Брест-Литовского договора, когда чехо-словацкие части были частью российской армии, — то этот вопрос, если он еще не разрешен, то будет ликвидирован или мирной конференцией или правительствами обоих заинтересованных государств.

Призываю всех распространяющих подобные слухи с явной преступной целью задерживать и о случае доносить мне.

В частях приказываю по этому поводу сделать беседы, объяснить солдатам истинное значение в истории нашего освободительного движения чехо-словацких войск, первых поднявших меч за освобождение России от большевизма и кровью многих сынов своих запечатлевших многочисленные подвиги наряду с лучшими сынами нашей Родины.

Л. 44 об.

№ 30

21 мая 1919 г.

§ 1. Сего числа я вступил в исполнение обязанностей начальника гарнизона г. Тюмени и уполномоченного главного начальника Тюмен-

ского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия в городе и уезде.

По делам службы приказываю обращаться ко мне.

Начальник гарнизона г. Тюмени полковник **Осинов**

Л. 46.

№ 31

28 мая 1919 г.

§ 1. Сего числа сдал должность начальника гарнизона подполковнику Корзуну.

Начальник гарнизона г. Тюмени полковник **Осинов**

Л. 47.

№ 32

31 мая 1919 г.

§ 1. Гарнизонную хлебопекарню, выбывшую в г. Пермь, исключить из состава гарнизона с 24 сего мая.

§ 3. Объявляю для сведения, что зубоврачебный кабинет при 125-м эвакуационном госпитале отправляется в 8-й корпус, вследствие чего технические работы в зубоврачебном кабинете проводиться не будут.

§ 4. Ветеринарный надзор за лошадьми гарнизона города Тюмени возлагается на старшего ветеринарного врача при начальнике артиллерии Сарапульской дивизии и впредь до выхода его из состава гарнизона. В случае ухода артиллерии из г. Тюмени надзор будет возложен на старшего ветеринарного врача Тюменского отделения конского запаса Красовского.

Л. 48.

§ 5. Вследствие перевода в Пермь Тюменского вещевого магазина второе теплое обмундирование, сдаваемое частями, а также другие предметы интендантского вещевого довольствия, подлежащие сдаче интендантству, должны направляться на Екатеринбургский вещевой склад.

Л. 48 об. – 49.

§ 12. Объявляю для сведения, что 50-й Сибирский стрелковый полк переименован в 7-й Степной сибирский кадровый полк. Всю корреспонденцию, адресованную на имя Сибирского стрелкового полка, направлять в канцелярию 7-го Степного сибирского кадрового полка.

§ 13. Солдат и военнопленных иудейского вероисповедания освободить от служебных нарядов в праздничные дни «Шовуэйс» — «Законодательство», 4-го и 5-го июня, начиная с 12 часов дня 3-го июня с.г.

Приложение к приказу № 32, § 10

**Список на выданные деньги частям гарнизона на улучшение
пищи солдатам к празднику Св. Пасхи,
пожертвованные биржевым комитетом**

Управление коменданта г. Тюмени	24 чел.	72 руб.
Тюменский уездный воинский начальник	206	618
3-й батальон охраны железной дороги	590	1770
Тюменская конвойная команда	38	114
Базисный магазин	46	138
Тюменский военный госпиталь	190	570
125-й эвакуационный госпиталь	215	645
Тюменский отдельный вещевого магазин	31	93
Обмундировальная мастерская	73	219
Гарнизонная хлебопекарня	45	135
Караульный батальон 49-го Сиб. полка	981	2943
Комендант станции Тюмени	4	12
Тюменское отделение конского запаса	128	384
Команда выздоравливающих	140	420
Центральный регистрационный пункт	10	30
Тюменский ветеринарный лазарет	75	225
Окружное инженерное управление	30	90
Прокурорский надзор военно-окр. суда	8	24
3-й батальон 2-го Барабинского полка	296	883
50-й Сибирский стрелковый полк	2198	6594
5-й отдельный ударный батальон	962	2886
Начальник артиллерий 2-й Сарапульской дивизии	385	1155
Тюменский военно-окружной суд	9	27
Итого	6684 чел.	20052 руб.

Л. 51 об.

№ 33**10 июня 1919 г.**

§ 1. Приказываю частям войск, управлениям, учреждениям и заведениям Тюменского гарнизона всех военнопленных венгров немедленно снять с работ и поместить в концентрационном лагере, а военнообязанных венгров убрать с частных квартир и впредь воспретить проживание на частных квартирах.

§ 2. Объявляю для сведения, что управление начальника центрального регистрационного пункта военнопленных русских солдат перешло в новое помещение: улица Республики, помещение Сибирского банка, бывшее помещение офицерской артиллерийской школы.

§ 3. Артиллерию 16-й Сарапульской дивизии, убывшую из г. Тюмени к новому месту формирования, исключить из состава гарнизона с 3-го июня с.г.

§ 4. Сообщаю для сведения, что канцелярия представителя военнo-окружного интендантского управления Тюменского военного округа помещается по Садовой, № 11 с 5 сего июня.

Л. 52.

§ 8. Ко мне поступила жалоба заведующего обмундировальной мастерской, что многие гг. офицеры злоупотребляют заказами и под видом своих родственников дают заказы на совершенно посторонних лиц. Приказываю всем гг. офицерам, желающим дать заказ обмундировальной мастерской для себя и для членов своей семьи, предъявлять удостоверение личности от начальников частей, управлений, учреждений и заведений, где они состоят на службе. В противном же случае заказ не будет приниматься мастерской.

§ 9. Объявляю для сведения: 1) заразное отделение Тюменского военного госпиталя в переселенческих бараках за городом временно закрыто для приема сыпнотифозных больных, и больные эти будут принимать в Потаскуйское отделение; 2) что сортировочное отделение из Романовского отделения, куда поступали все больные, подозрительные по сыпному или возвратному тифам, переведено в то же Потаскуевское отделение; 3) что в Романовское отделение будут приниматься больные исключительно внутренними, незаразными болезнями.

§ 10. Объявляю для сведения, что 5-го сего июня при Тюменском военном госпитале открыто Потаскуевское отделение — в Потаскуевском училище на углу Серебряковской и Водопроводной улиц, на 100 кроватей для заразных больных.

Л. 52 об.

§ 13. Несмотря на неоднократные мои замечания, многие гг. офицеры при несении караульной службы не имеют оружия. Приказываю впредь всем караульным начальникам офицерам, не имеющим револьверов, быть вооруженными винтовками с патронами и проходить с рапортом, держа винтовку на ремне через плечо.

§ 14. Объявляю для сведения копию телеграммы: «Согласно постановления Совета министров, утвержденного Верховным правителем, с 8 июня 24 часов перевести исчисление времени действующей армии на один час вперед». Получение этой телеграммы прошу телеграфировать. Первый генкварверх Генштаба   генмайор *Леонов*»

Л. 53.

№ 34

23 июня 1919 г.

§ 1. Прибывший на расквартирование в г. Тюмень запасный дивизион 1-й отдельной кавалерийской бригады партизанского отряда атамана Анненкова зачислить в состав гарнизона с 12 июня с.г.

Л. 54.

§ 7. С 15-го сего июня в Тюмени открывается отделение офицерского экономического общества действующей армии.

Л. 59 об.

§ 10. Управление начальника Ижевских оружейного и сталелитейного заводов в составе 3 штаб-офицеров, 30 чиновников и 5 вольнонаемных в состав гарнизона вошло 21 июня сего года.

§ 11. Армейский подвижной артиллерийский запас Тюменского военного округа, убывший в город Екатеринбург, исключить из состава гарнизона с 21 июня сего года.

§ 12. Армейскую починочную мастерскую Тюменского военного округа, убывшую в город Екатеринбург, исключить из состава гарнизона с 21 июня сего года.

Л. 60 об.

§ 13. Приказываю в свидетельствах, выдаваемых военными госпиталями о смерти солдат частей войск, находящихся на фронте, обязательно указывать часть войск, какой губернии, уезда, волости и деревни — за неимением указанных сведений нет никакой возможности уведомлять родственников умершего о смерти.

Л. 61 об. — 60.

№ 36*

29 июня 1919 г.

§ 1. Прибывшее на расквартирование в г. Тюмень управление начальника Уфимской речной опорной базы боевой флотилии в составе 0 обер-офицеров, 5 чиновников, 81 солдата зачислить в состав гарнизона с 24 июня с.г. Управление базы находится на пристани Западно-Сибирского пароходства. Телефон № 11.

§ 2. Прибывший на расквартирование в г. Тюмень штаб тыловой кадровой бригады 3-го Степного Сибирского армейского корпуса в составе 1 штаб-офицера, 4 обер-офицеров, 1 чиновника и 16 солдат зачислить в состав гарнизона с 29 июня с.г.

Управление помещается по Царской ул., д. Некрасова. Телефон № 257.

§ 3. Прибывшее на расквартирование в г. Тюмень управление начальника Пермской местной бригады в составе 2 штаб-офицеров, 4 чиновников и 28 нестроевых солдат зачислить в состав гарнизона с 30 июня с.г.

Управление штаба Пермской местной бригады помещается в 1-м Высшем начальном училище по Подаруевской ул. Тел. № 337.

§ 4. Объявляю для сведения, что солдатом 7-го Степного кадрового полка Ефремом Бородиным найден Георгиевский крест 4 ст. за

---

* В деле отсутствует приказ за № 35.

№ 89993. Найденный крест можно получить у адъютанта 7-го кадрового полка.

Л. 55.

§ 6. Прибывшее на расквартирование в г. Тюмень управление начальника центрального отделения военно-морской и речной контрразведки в составе 3 штаб-офицеров, 13 обер-офицеров, 8 чиновников и 24 солдат зачислить в состав гарнизона с 30 сего июня 1919 г.

Управление начальника Центрального отделения военно-морской и речной контрразведки помещается по Архангельской ул, д. № 10.

Л. 55 об.

§ 10. Прибывшее на расквартирование управление начальника службы речной связи флотилии в составе 4 обер-офицеров, 5 кондукторов флота и 63 солдат зачислить в состав гарнизона со 2-го июля с.г.

Управление начальника района службы связи помещается в Заречной части, Береговая ул, д. № 29.

Л. 56*.

РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Ед. хр. 856.

---

* Всего в деле 61 лист.

Приказы*
*по 6-му Сибирскому Степному кадровому полку
(ноябрь—декабрь 1918 г.)*

№ 159**

29.11.1918 г.

По части хозяйственной

§ 1. Объявляю ведомость деньгам, предписываю деньги, показанные в графе прихода, записать на приход, а показанные в графе расхода записать в расход, как указано ниже в ведомости.

Л. 1.

6. Зачислено на текущий счет полка по переводным билетам Тобольского государственного банка за №№ 260630, 260631 переведенное командиром 5-й роты нерозданное солдатам жалованье за август, сентябрь и октябрь сего года 5193 рубля 47 коп. и за собственные вещи — 374 руб. 67 коп. Всего пять тысяч пятьсот шестьдесят восемь руб. 14 коп. *Приход.*

9. Израсходованные командиром 9-й литерной роты по счетам на улучшение пищи солдатам в день ротного праздника — двести руб. *Расход.*

13. Тюменскому обществу потребителей «Пчела» по счету № 119 за 615 тазов для пищи и один умывальник — две тысячи шестьсот двадцать восемь руб. 25 коп. *Расход.*

14. Тюменскому кредитному ссудо-сберегательному товариществу по счету № 33 за одну кипу бумаги писчей — двести шестьдесят рублей. *Расход.*

Л. 1 об.

17. Командиру 2-й маршевой роты жалованье солдату Герасиму Сухорукову за сентябрь с.г. — сорок рублей. *Расход.*

§ 2. Расход денег по документам.

Разрешаю позаимствовать из полковых сумм шесть тысяч семьдесят семь (6077) рублей 13 коп. и выдать по документам:

№ 152 — начальникам команд на путевое и кормовое довольствие по приходно-расходным тетрадам № 5293 — подпоручику Жезлову 2100 рублей, № 4383 — прапорщику Злыгостеву 10 рублей и № 4629 мичману Курош — 45 руб. — [Итого] 2155 руб.

* Печатались в типографии журнала «Аккорд». См.: Л. 5, 9 об. и т.д.

** Дело открывается этим приказом.

№ 153 — командирам рот для выдачи солдатам за носку собственных вещей: командиру 4-й роты 1814 рублей 45 копеек и командиру 6-й литерной роты 847 руб. — [Итого] 2661 руб. 45 коп.

№ 154 — командирам рот для раздачи солдатам жалованья за ноябрь с.г. Командиру 6-й роты 760 рублей, 9-й литерной роты 110 руб. 68 коп. и начальнику учебной команды 40 рублей. — [Итого] 910 руб. 68 коп.

№ 155 — начальникам команд аванс на хозяйственные надобности: пулеметной, саперной, разведчиков, траншейных орудий, комендантской и изоляционным пунктам № 1 и № 2 каждому по 50 руб. — [Итого] 350 руб.

Документы погасить по получении денег на сей предмет и представлений счетов.

§ 3. *Приход муки.* Полученную муку простого размола для хлебопечения из Омского интендантского продовольственного склада по накладной № 1321 в количестве 1166 мешков весом пять тысяч (5000) пудов записать на приход по продуктовой книге квартирмистра.

§ 4. *Приход масла.* Полученное от Тюменского интендантского промежуточного магазина сливочное масло в количестве ста сорока пяти (145) бочонков весом четыреста девяносто шесть (496) пудов 15 фунтов записать на приход по продуктовой книге квартирмистра.

Л. 2.

№ 161

30.11.1918 г.

§ 2. Занятий не производить, людей, желающих идти в церковь, отправить под командами офицеров.

Л. 3.

§ 22. Возвратившихся из самовольной отлучки молодых солдат 2-й роты нештатного батальона Александра Лаврова и Ефима Чельтемова зачислить на провиантское, приварочное и чайное довольствие, первого с 23 ноября и последнего с 24 ноября с.г.

Л. 4.

§ 28. Самовольно отлучившегося из полка молодого солдата 3-й роты Прохора Иванова исключить с провиантского, приварочного и чайного довольствия с 22 ноября с.г.

Л. 5.

№ 162

30.11.1918 г.

По хозяйственной части

§ 1. Объявляю ведомость деньгам, предписываю деньги, показанные в графе приход, записать на приход, а показанные в графе расход выписать в расход, как указано ниже в ведомости.

Ведомость

1. Командиру 9-й роты — жалованье вольнонаемному писарю Михаилу Романову за ноябрь м-ц с.г. Двести пятьдесят рублей. *Расход.*

Л. 6.

5. От полкового квартирмистра — полученные за отпущенные продукты офицерским чинам, убывающим из полка: за 9 с половиной фунтов чаю — 104 руб. 50 коп., 17 фунтов сахару — 25 руб. 50 коп., 1 пуд 10 фунт. крупы — 29 руб., 20 фунт. картофеля — 3 руб., 2 пуда 26 фунт. масла — 265 руб., 2 пуда 5 фунт. керосина — 42 руб. 50 коп. и 1 пуд 5 фунт. соли — 6 руб. 75 коп. Всего Четыреста семьдесят шесть руб. 75 коп. *Расход.*

10. Тюменскому союзу извозопромышленников за перевозку с вокзала Тюмень на склад квартирмистра 999 пудов муки. Двести сорок девять рублей 75 коп. *Расход.*

Л. 6 об.

13. Командиру нестроевой роты для раздачи солдатам, не довольствующимся из котла, за ноябрь с.г. Одна тысяча шестьсот шестьдесят четыре руб. 91 коп. *Расход.*

16. Гражданину В.Е. Духовских за поставленные две тысячи тридцать пять (2035) пудов 11 фунтов мяса в ноябре с.г. Сто одиннадцать тысяч девятьсот сорок рублей 12 коп. *Расход.*

Л. 7.

23. Командирам рот за собственные вещи солдат, принятые в казну. Командиру 7-й роты 1858 р. 24 коп. Командиру 6-й литерной роты 1586 р. 92 к. *Расход.*

27. Поручику Крупину за заготовленный для полка лук в количестве 99 пуд. 16 фун. — три тысячи сто семьдесят руб. 80 коп. *Расход.*

Л. 7 об.

§ 2. Объявление расчета. При сем объявляю счет о причитающихся деньгах на приварочное и чайное довольствие, хозяйственные надобности, на посуду и уголь солдатам полка за ноябрь 1918 г.

На приварочное довольствие по 1 р. 17 коп. на каждую суточную дачу. Для всего полка число дач 168236. Всего 196836=12.

На чайное довольствие по зол. на дачу, считая по 8 руб. 64 к. фунт. Для всего полка число дач 168236. Всего 7570=62.

На хозяйственные надобности, считая по 3 коп. на суточную дачу. Для всего полка число дач 168236. Всего 5046=98.

На посуду и уголь, считая по 3 коп. на чел. в месяц. Для всего полка число дач 5454. Всего 163=62.

Всего 209617=34.

Л. 8.

§ 9. *Приход оружия.* Доставленные прапорщиком Садчиковым из деревни Головиной Богандинской волости: бомб ручных — 7 штук, гранат ручных 3 штуки без капсюлей, 4 винтовки 3-линейные, из них 3 винтовки без затворов, и 90 штук 3-лин. патронов; №№ винтовок: 278840 и без затворов 14910, 275349 и 1066 — записано на приход по описи заведующего оружием.

§ 14. *Расход обмундирования и снаряжения.* Обмундирование и снаряжение, унесенное солдатом В. Константиновым, уволенным вовсе от службы, выписать в расход по описи имущества полка и команды связи, как указано ниже сего.

1) 1 пара сапог; 2) 1 суконная гимнастерка; 3) 1 пара погон; 4) 2 нательных рубахи; 5) 2 исподних брюк; 6) 1 полотенце; 7) 1 суконные брюки; 8) 1 фуражка; 9) 2 носовых платка; 10) 1 портянки холщовые; 11) 1 кокарда.

Л. 9.

№ 163

1.12.1918 г.

§ 3. Для поверки денежных сумм полка и отчетности солдатской лавки назначаю комиссию в составе председателя капитана Солодниковова и членов штабс-капитана Флоринского и штабс-капитана Пойменова. Комиссии собраться 4 сего декабря в 9 часов утра в полковой канцелярии. Акт комссии представить мне.

Л. 10.

№ 164

2.12.1918 г.

§ 1. Завтра развод караулов в 12 часов дня.

Домашний наряд и гарнизонный караул от 2-го батальона.

Дежурный по полку прапорщик Огибенин.

Помощник прапорщик Шаврин.

Дежурный по караулам штабс-капитан Флоринский.

Рундом* прапорщик Слепнев.

Караульный начальник на гарнизонной гауптвахте под. Марков.

Дежурный фельдфебель от 6-й роты.

§ 2. Объявляю при сем копию приказа по 2-й Степной Сибирской кадровой дивизии от 18 ноября 1918 г. за № 24, § 3.

Копия

Ко мне поступают сведения о случаях продажи на базарах и толкучках солдатами выданных им казенного обмундирования и обуви. Такие случаи, хотя бы и единичные, свидетельствуют, с одной стороны, что не все еще воинские чины проникнуты сознанием долга, чес-

* Рунд — старинное обозначение ночного обхода; различался главный рунд (осматривавший караулы и арестантские) и визитир-рунд (поверявший часовых).

ти и воинской дисциплины, так как порядочный солдат на подобное дело никогда не пойдет, с другой же стороны — указывают на полное отсутствие надзора за внутренним порядком в некоторых частях со стороны начальствующих лиц. Предупреждаю, что при повторении подобных случаев и обнаружении виновных буду беспощадно карать как уличенных в таких бесчестных поступках, так и тех начальствующих лиц, в ведении коих состоят виновные.

Подлинный за надлежащими подписями.

Л. 12.

§ 9. Нижепоименованных солдат за отличное поведение, знание службы и усердие к таковой переименовываю: старшего писаря 3-й маршевой роты Александра Дацкевича в полковые писаря, из 3-й маршевой роты Петра Медведева, нестроевой роты Петра Кушкина и Бориса Скачкова, 1-й роты Ивана Грифцева и 2-й роты Владимира Минина и Константина Медведева в младшие писаря старшего разряда на имеющиеся свободные вакансии с перечислением в штат писарей.

§ 11. Поступивших добровольцев в Сербский отряд Петра Приевич и Спиридона Инич зачислить в списки отряда и в списки прикомандированных к полку и на денежное довольствие: первого с 28 ноября и последнего на все виды довольствия с того же числа.

Л. 12 об.

№ 165

3.12.1918 г.

§ 5. Взводного офицера учебной команды прапорщика Горявина впредь числить не прапорщиком а подпоручиком.

§ 6. Начальник команды траншейных орудий поручик Бершадский вступил в первый законный брак с гражданской девицей Минской губернии Еленой Иосифовной Жишко. Означенную перемену внести в его послушной список.

Л. 14.

§ 7. Заболевшего чиновника военного времени Штанникова полагать больным при квартире с 27 ноября с.г.

§ 8. Молодого солдата 6-й роты Леонарда Сантоцкого перевожу в нестроевую роту и утверждаю в должности оружейного каптенармуса.

§ 9. Молодого солдата 8-й роты Егора Шадрина перевожу в команду конных разведчиков.

Л. 14 об.

№ 166

4.12.1918 г.

§ 1. Мною замечено, что в зрительном зале городского театра во время действия курят, и как ни прискорбно, курят и гг. офицеры, да-

вая тем дурной пример солдатам, следствием чего из верхних ярусов в партер бросаются спички, окурки. Не говоря о правилах приличия и этики, такие явления недопустимы в противопожарном отношении. Приказываю коменданту города всеми имеющимися у него средствами искоренить это безобразие. Нарушающих порядок арестовывать в театре же, донося мне в каждом случае, для привлечения виновных к ответственности.

§ 3. Выздоровевшего помощника полкового адъютанта прапорщика Афромеева полагать налицо с 29 сего ноября.

Л. 16.

§ 14. Прибывших на службу в Сербский отряд сербов-добровольцев от Тюменского уездного воинского начальника: ст. унтер-офицера Николоич Александра, младшего унтер-офицера Чардошич Владимира и рядовых Гпич Александра, Кавачевич Михаила, Средоевич Степана, Навакович Михаила и Чичич Владимира зачислить в списки отряда и прикомандированных к полку на провиантское, приварочное и чайное довольствие с 1 декабря.

Справка: рапорт начальника Сербского отряда за № 523 и аттестат Тюменского уездного воинского начальника за № 20609.

§ 20. Отправленного на службу в Юго-славянский полк серба-добровольца Сербского отряда рядового Степана Загорьян исключить из списков отряда и прикомандированных к полку, с провиантского, приварочного и чайного довольствия со 2 декабря и денежного с 1 декабря сего года.

Л. 17.

§ 21. Уволенного в краткосрочный отпуск и до сих пор не возвратившегося серба-добровольца Сербского отряда рядового Раде Бузад-жия исключить из списков отряда и прикомандированных к полку, с денежного довольствия с 1 сего декабря.

Л. 17 об.

№ 167

5.12.1918 г.

§ 2. Объявляю при сем копию приказа по войскам Тюменского гарнизона от 30 ноября с.г. за № 53, § 6.

Копия

При посещении городского театра мною замечено, что воинские чины сидят во время антрактов или занимают места, когда им заблагорассудится.

Коменданту города предписываю следить за выполнением ст. 36 Устава внутренней службы изд. 1916 г.

§ 3. Объявляю при сем копию приказа по войскам Тюменского гарнизона от 1 декабря с.г. за № 54, § 1.

Копия

9 декабря (26 ноября ст. ст.) в день Великомученика и Победоносца Св. Георгия назначаю парад войскам в Знаменском соборе.

Для парада назначаю:

- 1) от 6-го и 8-го кадровых стрелковых полков и Сербской роты полка имени майора Благотича по полуроте;
- 2) от 3-й легкой и кадровой батарей по взводу;
- 3) от 1-й Чехо-Словацкого казачьего полка полсотни. Артиллерии и казакам быть в пешем строю.

От 6-го кадрового Сибирского степного полка назначаю хор музыки.

Парадом командовать командиру 8-го кадрового Тюменского стрелкового полка полковнику Имшенецкому.

На параде присутствовать всем георгиевским кавалерам гарнизона, всем гв. офицерам, имеющим георгиевское оружие, коменданту города и всем начальникам отдельных частей. Всем войскам, участвующим в параде, быть с оружием и в походной форме.

Начало обедни в 9 час.; войскам прибыть к 10 час. к Знаменскому собору, куда заблаговременно выслать линейных в распоряжение офицера по назначению полковника Имшенецкого для распределения мест между войсковыми частями.

Подлинный за надлежащими подписями.

Л. 18.

§ 4. Объявляю при сем список гв. офицеров-фельдфебелей поротно:

- 1-й роты — подпоручик Каволин
- 2-й роты — подпоручик Марков
- 3-й роты — прапорщик Шимов
- 4-й роты — юнкер Нестеров
- 5-й роты — прапорщик Неймушин
- 6-й роты — прапорщик Кучин
- 7-й роты — прапорщик Шаврин
- 8-й роты — прапорщик Жуков
- 9-й роты — прапорщик Гусев
- 10-й роты — прапорщик Шевнин
- 1-й роты нештатного батальона — подпоручик Тропашко
- 2-й роты нештатного батальона — поручик Добрынин
- 3-й роты нештатного батальона — поручик Тихонов
- 1-й маршевой роты — прапорщик Барановский
- 2-й маршевой роты — прапорщик Иванов
- 3-й маршевой роты — подпоручик Щетинский
- Учебной команды — подпоручик Селянкин
- Пулеметной команды — юнкер Конев
- Саперной команды — прапорщик Кудрявцев
- Команды конных разведчиков — поручик Затыкин
- Команды службы связи — прапорщик Задырский.

Л. 18. об.

§ 20. Уволенного вовсе от службы как неправильно призванного на такую мол. солд. 2-й роты Браун Вольдемара исключить из списков полка, роты с провиантского, приварочного и чайного довольствия с 5 декабря и с мыльного и денежного с 1 декабря с.г.

Л. 19 об.

№ 168

6.12.1918 г.

§ 4. Взводного офицера 2-й маршевой роты прапорщика Иванова назначаю взводным офицером команды конных разведчиков.

Л. 20.

§ 7. Назначаю при сем список гг. офицеров, назначенных на взвод поротно: <...> 4 рота.

Поручик Васильев

Прапорщик Огибенин

Прапорщик Алерганд

Прапорщик Лешедко <...>

Л. 20 об.

§ 18. 20 ноября с.г. караульный начальник на полковой гауптвахте солдат 6-й роты Бурдин Григорий, небрежно исполняя обязанности службы, допустил вывод арестованных в отхожее место большими партиями, в числе от 18 до 30 человек, под охраной лишь 4 выводных; не позаботился о том, чтобы отхожее место было освещено, и не следил за точным исполнением своих обязанностей чинами караула, вследствие чего арестованному молодому солдату 11-й роты Лопатинскому Василию удалось бежать с гауптвахты.

Арестовываю караульного начальника солдата 6-й роты Бурдина Григория на 15 суток и выводных солдат 8-й роты Соловьева Михаила, Полякова Федора, Заровнятных Диоида и 6-й роты Гусакина Петра, каждого на 10 суток при полковой гауптвахте.

Ограничиваюсь на первый раз дисциплинарным взысканием, предупреждаю, что впредь виновных в неисправном несении караульной службы буду предавать суду. Командирам рот взыскания привести в исполнение и по отбытии таковых донести.

Командир полка подполковник *Троицкий*

Полковой адъютант поручик *Лемеш*

Л. 21 об.

№ 169

7.12.1918 г.

§ 7. Прибывших по выздоровлении из Тюменского местного военного лазарета и 3-го временного госпиталя нижепоименованных молодых солдат зачислить на провиантское, приварочное и чайное довольствие согласно отметок в списке:.... (*Перечислено 17 фамилий.*)

Л. 23 об.

§ 14. Самовольно отлучившегося из полка молодого солдата 12-й роты, состоящего в прикомандировании к полковой хлебопекарне, Тимофея Попкова исключить с провиантского, приварочного и чайного довольствия с 1 декабря с.г.

Л. 24.

§ 16. Переданных в 8-й Сибирский степной полк 4-х обозных лошадей исключить с фуражного довольствия с 3 сентября с.г.

Л. 24 об.

№ 171*

7.12.1918 г.

§ 2. Во исполнение приказа по гарнизону за № 54 завтра, 9 декабря (26 ноября старого стиля), в день полкового праздника Великомученика и Победоносца Святого Георгия в парад назначаю:

Учебную роту, 1-ю роту и 3-ю маршевую роту. Ротам прибыть к Знаменскому собору к 10 часам утра. Для переноски иконы из Единоверческой церкви в Знаменский собор назначаю учебную команду, которой с оркестром к 10 час. прибыть к единоверческой церкви.

Нести икону назначаю подпоручиков Колокольникова и Бобрика. Ассистентами — подпоручиков Четверкина и Кондратенкова.

На параде присутствовать командирам батальонов и по одному офицеру от каждой роты, остальным офицерам быть с солдатами в ротах. Присутствующим на параде офицерам церемониальным маршем не проходить.

Л. 25.

§ 13. Добровольца старшего писаря нестроевой роты Ефима Сташкевич зачислить на добавочное жалованье по Георгиевской медали 4-й степени с 15 сентября с.г.

Л. 25 об.

§ 15. Солдат 12-го Бугульминского стрелкового полка в числе 504 человек исключить с провиантского, приварочного и чайного довольствия с 1 ноября с.г.

§ 22. 9 декабря с.г. в 8 ч. по случаю полкового праздника приказываю дежурному по полку освободить из-под ареста с полковой гауптвахты всех арестованных в дисциплинарном порядке солдат, вне зависимости от количества отбытого ими срока наказания.

Командирам рот и начальникам команд выслать к указанному сроку на полковую гауптвахту приемщиков.

Л. 26 об.

* Приказ № 170 в деле отсутствует.

№ 172

9.12.1918 г.

§ 2. Комиссией врачей при Земском городском лазарете города Ирбити взводный офицер 2-й роты прапорщик Морозов признан годным на нестроевую должность. Означенную перемену внести в его послужной список.

Л. 27.

№ 173

10.12.1918 г.

§ 13. Отправленных на излечение в Тюменский военный местный лазарет и 3-й Самарский госпиталь нижепоименованных молодых солдат исключить с провиантского, приварочного и чайного довольствия согласно отметок в списке:... *(Перечислено 16 фамилий.)*

§ 17. Отправленного в распоряжение начальника концентрационного лагеря военнопленного Пилипича Людовика исключить из списков прикомандированных к полку, нестроевой роте с провиантского, приварочного и чайного и мыльного довольствия с 8 декабря с.г.

Л. 29 об.

№ 174

11.12.1918 г.

§ 2. Возвратившегося из командировки из города Тобольска командира Сербского отряда прапорщика Братина полагать на лицо с 5 декабря с.г.

Л. 31.

№ 175

12.12.1918 г.

§ 2. Временно командующим дивизией полковником Лесковым были преподаны моему помощнику капитану Гуковскому, в бытность последнего по делам службы в штабе дивизии, нижеследующие указания, каковые приказываю принять к неуклонному и точному исполнению:

1) Отвечая на приветствие или благодарность, не кивать головой.
2) Ближайшие начальники должны во всякое время знать подробный расход подчиненных им чинов. При расчете роты, взвода, отделения таковой производить исключительно подачей соответствующих команд, отнюдь не прибегая к помощи рук.

3) Начальствующие лица, до ротного командира включительно, должны знать всех своих людей как по фамилиям, так и их качества.

4) Командиры батальонов должны знать всех унтер-офицеров своего батальона.

5) Уставы проходить показным порядком, как в поле, так и в казарме. Причем повторять одно и то же по несколько раз, пока не будет усвоено обучаемыми.

6) Рота или команда исполняет по команде только своего ротного командира или начальника команды, а не высшего начальника, так, например, команда «вольно», поданная командиром батальона, подлежит исполнению ротой лишь после подачи ее ротным командиром <...>

Л. 33.

14) Всем начальникам, не исключая и старшего звена, иметь по два заместителя.

15) Начальник полевого караула, отлучаясь, указывает, кто из заместителей остается за него.

Л. 33 об.

§ 5. Прапорщика Заглядимова назначаю заведующим солдатским клубом.

Л. 34.

№ 177*

13.12.1918 г.

§ 5. Объявляю при сем надпись на пожертвованной вверенному мне полку иконе единоверцами-прихожанами градотюменской Свято-Троицкой единоверческой церкви:

«Солдаты единой Всероссийской армии.

В сей день Святого Великомученика Георгия Победоносца — кровителя Вашего полка вручается Вам этот дар в память возрождения русской армии. Могущество России может вернуть лишь армия неисполнимая веры-надежды и призыва Божия, армия, созданная на чувствах любви к родине, долга и дисциплины. Молодые русские воины, в Ваших руках судьба возрождения Родины. Пусть Ваша самоотверженная работа и доблесть в бою помогут залечить раны нашей истерзанной родины и привести молодую русскую армию к победе и былому могуществу России и славе русского оружия.

Надпись на иконе подписали представители прихода: настоятель благочинный священник Владимир Бирюков, церковный староста Андрей Аверкиев. 1918 года октября 30 дня.

На лицевой стороне иконы написано:

«Дар 6-му кадровому Степному сибирскому полку от единоверцев-прихожан градотюменской Свято-Троицкой единоверческой церкви Тобольской губернии».

Л. 36.

§ 27. Во изменение § 14 приказа по полку за № 173 молодого солдата Левина полагать не Александром, а Евгением.

Л. 37 об.

---

* В деле отсутствует приказ № 176.

№ 178

14.12.1918 г.

§ 3. Мною замечено, что многие из солдат неправильно носят шапки американского образца, набок или на затылок. Приказываю одевать шапки прямо, слегка надвигая козырек на лоб. Наушники шапки связывать тесьмой наверху, если же они опущены, то обязательно связывать тесьму под подбородком, а не носить распущенными.

Л. 39.

§ 8. Чиновник военного времени Зайцев вступил во второй законный брак с девицей Лидией Фоминой Милютиной, означенную перемену внести в его послужной список.

§ 9. Молодых солдат саперной команды Михаила Барабанщикова и Михаила Соловьева откомандировываю обратно в 8-ю роту как неспособных для прохождения курса саперной команды.

Л. 39 об.

§ 26. Полковой каптенармус Владимир Хвесюк, несмотря на понесенное в дисциплинарном порядке взыскание за неоказание должного уважения чиновнику военного времени Стружинскому, 4 сего декабря, проходя по улице, при встрече со штаб-капитаном Флоринским не отдал последнему установленной чести и на вопрос штаб-капитана Флоринского «как фамилия» долго не хотел назвать себя.

За означенное вторичное nepочтительное отношение к начальнику смецна полкового каптенармуса Хвесюка с должности и арестовываю на семь суток при полковой гауптвахте. Командиру нестроевой роты наказание привести в исполнение и по отбытии мне донести.

§ 27. Молодого солдата 4-й роты Федора Ласката за ропот на тяжесть службы и порядка на основании 1 ч. 96 ст. В.У. о наказании арестовываю на 20 суток с зачетом предварительного заключения в тюрьме.

Л. 40 об. — 41.

№ 179

15.12.1918 г.

§ 10. Нижепоиименованных молодых солдат команды конных разведчиков как неспособных к разведке откомандировываю в свои роты согласно отметок в списке:... (*Перечислено 5 фамилий.*)

Л. 42 об.

§ 17. Находящегося в командировке в гор. Тобольске и умершего серба-добровольца Петара Шкрбич исключить из списков отряда и прикомандированных к полку и с мыльного и денежного довольствия с 1 декабря с.г.

Л. 43.

§ 21. Уволенного в краткосрочный отпуск на 10 суток добровольца музыкантской команды Гилева Бориса исключить с провиантского,

приварочного и чайного довольствия с 15 декабря с.г. и полагать в отпуск.

Л. 43 об.

№ 180

16.12.1918 г.

§ 4. Убывшего в командировку в гор. Омск за получением табака из окружного интендантства 2-го Степного сибирского корпуса капельмейстера Карпова исключить с провиантского, приварочного и чайного довольствия с 15 декабря с.г.

§ 7. Отправленных в распоряжение начальника 5-й Сибирской Степной стрелковой дивизии солдат в числе 500 человек исключить из списков полка с провиантского, приварочного и чайного довольствия с 17 декабря с.г., денежного и мыльного с 1 января 1919 г.

Л. 44.

№ 182*

17.12.1918 г.

§ 9. Отправленных в распоряжение начальника концентрационного лагеря нижепоименованных военнопленных в числе 13 человек исключить из списков прикомандированных к полку, нестроевой роте с провиантского, приварочного и чайного довольствия с 30 ноября, денежного и мыльного с 1 декабря с.г.

Л. 47.

№ 183

18.12.1918 г.

§ 6. За отличное поведение, знание службы и усердие к таковой нижепоименованных солдат нестроевой роты переименовываю в следующие звания с утверждением в должностях согласно отметок в списке.

1. Рядовой Волков Валентин: в мл. унтер-офицеры, каптенармуса.
2. Мл. унтер-офицер Фраткин Николай: в ст. унтер-офицеры.
3. Рядовой Носков Василий: в мл. унтер-офицеры, фуражира.
4. Рядовой Молодкин Никита: в мл. унтер-офицеры, обоз. унт.-офиц.
5. Рядовой Выходцев Михаил: в мл. унтер-офицеры, обоз. унт.-офиц.
6. Рядовой Спицин Константин: в мл. унтер-офицеры, обоз. унт.-офиц.
7. Рядовой Мартынов Иван: в мл. унтер-офицеры, артельщика.

Л. 48.

* В деле отсутствует приказ № 181.

§ 15. Уволенных в отпуск для окончания образования на 2 месяца молодых солдат музыкантской команды Путята Сергея, Могилева Николая и Усова Михаила исключить с провиантского, приварочного, чайного и мыльного довольствия с 18 декабря сего года.

Л. 49.

№ 184

19.12.1918 г.

§ 9. Взводного офицера учебной команды прапорщика Гладких исключить из общего котла с 15 декабря сего года и с того же числа зачислить на порцион.

Л. 50 об.

№ 185

20.12.1918 г.

§ 2. Объявляю при сем сношение дивизионного врача 1-й Степной Сибирской кадровой дивизии от 12 декабря с.г. за № 469 на мое имя:

В силу имеющихся в полках заболеваний гг. офицеров брюшным тифом начальник дивизии приказал просить сделать распоряжение с вашей стороны, чтобы прививкам против брюшного тифа подверглись также и гг. офицеры все без исключения. Подписал дивизионный врач.

§ 3. Находящегося на излечении в Тюменском местном военном лазарете с 1 сентября с.г., т.е. более трех месяцев, поручика Лебедева исключить из списков полка.

Л. 52.

№ 186

21.12.1918 г.

§ 3. Объявляю копию приказа по военному ведомству за № 15 от 8 декабря 1918 г.

Копия

«<...> Новый табель окладов жалования военнослужащим.

Советом министров в заседании 3 декабря по представлении Военного министерства утверждена табель окладов жалования военнослужащих строевых частей Русской армии. Согласно новой таблицы оклады месячного жалования определяются:

Для солдат, призванных для обязательной службы: рядовым всех наименований, как-то: всадник, казак, канонир, хорный музыкант, трубач, сигналист и т.д. — по 40 руб., отделенному — 75 руб., взводному — 90 руб. и фельдфебелю — 120 руб.

Добровольцам, впредь до окончания ими срока службы, сохраняются оклады, установленные Указом Временного Сибирского правительства от 31 июня с.г. (приказ по В.В. № 31), рядовому — 60 руб., отделенному — 200 руб., взводному — 250 руб. и фельдфебелю — 300 руб.

Л. 57.

<...> Кроме указанных выше окладов жалования чинам полагаются квартирные:

1) Семейным сверхсрочнослужащим отделенным, взводным и фельдфебелям (как добровольцам, так и из солдат обязательной службы) в размере одной четверти оклада жалования, получаемого по занимаемой должности.

2) Семействам добровольцев (рядовым, отделенным, взводным, фельдфебелям) сохраняются, впредь до окончания главами их установленного срока добровольной службы, квартирные деньги в размере одной трети жалования, назначаемого главами по должности...

<...> Отпускается из казны бесплатно полное обмундирование...

<...> Офицеры, получающие боевые оклады, получают от казны натурой все виды положенного солдатам продовольствия без права замены деньгами.

Семьям солдат-добровольцев сохраняется ежемесячный паек по 100 руб. в месяц...».

Л. 57 об.

§ 4. Днем праздника команды траншейных орудий выбран 2 февраля, Сретение Господне, и команды службы связи — 21 ноября, Введение во Храм Пресвятой Богородицы.

§ 6. Выздоровевшего помощника полкового адъютанта прапорщика Афромеева полагать на лицо с 19 декабря с.г.

§ 11. Горниста 1-й роты Прокопия Степанова назначаю штаб-горнистом.

Л. 58.

№ 188*

22.12.1918 г.

§ 2. Штабс-капитан Гадзяцкий и штабс-капитан Соколов рапортом донесли, что первый имущество сдал, а второй принял 17 декабря с.г.

Л. 64.

№ 189

23.12.1918 г.

§ 11. Самовольно отлучившихся с изоляционного пункта нижепоименованных солдат исключить с провиантского, приварочного и чайного довольствия согласно отметок в списке (4 фамилии).

Л. 66 об.

№ 190

24.12.1918 г.

§ 2. Объявляю при сем копии приказов во 2-й Степной сибирской кадровой дивизии за № 35, § 2 и № 37, §§ 1 и 2.

* В деле отсутствует приказ № 187.

23 сего ноября в 9 часов утра в 9-й роте 1-го Степного кадрового полка ввиду проведенных накануне прививок занятия не проводились, и люди занимались своим делом. Считаю это недопустимой тратой столь дорогого для нас времени: не только каждый день, но и каждый час должен быть на учете и использован наилучшим образом в целях создания нашей армии.

В данном случае следовало провести словесные занятия, не требующие никаких физических усилий: я уверен, что сведения из гарнизонного устава и обязанности рядового в рассыпном строю не усвоены еще настолько хорошо, чтобы не повторить их, поясняя наглядными примерами.

В тот же день не было на местах, указанных в расписании для занятий, 1-го и 2-го батальонов 1-го полка, а об изменении расписания мне сообщено не было. Для чего же пишутся тогда расписания?

На офицерских занятиях в 3-м батальоне того же полка командиром б-на прочитывалось офицерам «Наставление для обучения стрельбе» с краткими разъяснениями.

Считаю такой способ занятия с офицерами недопустимым: чтение устава командиром без живого обмена мнений, без примеров из боевой жизни, без привлечения тут же к умственной работе всех присутствующих офицеров — скучно, бесполезно и напрасная трата времени: такие сведения всякий из офицеров может сам почерпнуть из того же учебника для унтер-офицеров, и для этого слишком долго те единственные два часа, которые отведены для офицерских занятий в течение всей недели.

Л. 68.

Приказываю немедленно во всех частях, начиная с батальона, организовать обязательные военные игры, отдельно в каждом батальоне, полку и дивизии. Подлинный подписал вр. командующий корпусом генерал-майор Романов.

Л. 68 об.

§ 14. Нижепоименованных солдат перевожу из рот в команду службы связи (41 фамилия).

Л. 69 об.

§ 20. Прибывших из командировки от заведующего Тюменским продовольственным пунктом солдат 2-й роты нештатного батальона Ивана Лопынина и Василия Модина зачислить на провиантское, приварочное и чайное довольствие с 22 сего декабря и мыльное с 1 декабря с.г. и полагать на лицо.

Л. 70 об.

№ 192*

25.12.1918 г.

§ 3. При сем объявляю сношение начальника штаба 2-й Степной Сибирской кадровой дивизии от 20 декабря с.г. за № 1333 на мое имя.

Спешно. Циркулярно

Командующий дивизией приказал на первое время, т.е. до включения в штат пехотного полка команды пеших разведчиков, организовать согласно данных им на месте указаний по 4 человека на каждый взвод ротных разведчиков, коих обучать и натаскивать на разведку под руководством ротных командиров.

Подлинное за надлежащими подписями.

§ 5. Для составления программы дальнейшего обучения солдат вверенного мне полка по окончании пятидневного срока обучения 26 сего декабря в 6 ч. вечера в солдатском клубе назначаю комиссию под председательством моего помощника капитана Гуковского и членов: командиров батальонов и командиров рот. Председателю комиссии о результатах мне донести.

§ 6. Для устройства развлечений и улучшения пищи для солдат полка на празднике Рождества Христова назначаю комиссию под председательством капитана Дыкина и членов штабс-капитана Рыбакова, подпоручика Четверкина, поручика Крупина и прапорщика Заглядимова.

Л. 73.

§ 7. Старшему врачу провести медицинский осмотр полка 26 декабря — 1-й батальон, 27 декабря — 2-й батальон, 28 декабря — 3-й батальон, 29 декабря — нештатный батальон и 30 декабря — все команды.

§ 8. Наблюдающим солдатской лавкой назначаю капитана Гуковского.

§ 9. заведующим полковой баней назначаю чиновника военного времени Гориславского.

§ 12. За отличное поведение, твердое знание службы и добросовестное исполнение таковой нижепоименованных солдат музыкантской команды: ефрейтора Широкова Никиту, добровольцев Варламова Павла, Жильцева Георгия, Бальчугова Александра, Козина Станислава и Тимофеева Николая и рядового Пантера Хана переименовую в младшие унтер-офицеры.

Л. 73 об.

№ 193

26.12.1918 г.

§ 7. У подпоручика Горявина и его законной жены родился сын, означенную перемену внести в его послужной список.

Л. 76 об.

* В деле отсутствует приказ № 191.

§ 22. Умерших в Тюменском местном военном лазарете и 3-м временном госпитале солдат: 6-й роты Сухарченкова Андрея, 11-й роты Башкатова Георгия, 1-й роты нештатного батальона Казачихина Степана и 4-й роты Коробейникова Василия исключить из списков полка и рот денежного и мыльного довольствия с 1 декабря сего года.

Л. 77 об.

§ 29. Уволенных в краткосрочный отпуск на 10 суток молодых солдат: 9-й [роты] Минина Александра, Сивелецкого Гавриила, Куликова Якова, 10-й роты Пургина Петра исключить с провиантского, приварочного и чайного довольствия с 24 декабря с.г.

Л. 78.

№ 194

27.12.1918 г.

§ 2. Мною замечено, что команды, проходящие по городу, следуют не в порядке, а именно: нет равнения, в строю разговоры, старшие не на местах, при встрече начальствующих лиц не подается команда «смирно», равно не подается команда «смирно» и при встрече одной команды с другой, шаг редкий, идут вразвалку.

Трудно допустить, чтобы при прохождении пятого месяца курса обучения могли быть такие недочеты.

В настоящий тяжелый переживаемый редкий момент — момент свержения большевизма, который может быть свергнут только лишь мощной боеспособной армией, каждый из нас всецело должен отдаваться к созданию таковой.

Приказываю всем начальствующим лицам от отделенного до батальонного командира включительно устранить все указанные недочеты. Предваряю, если на будущее время мною будет замечена команда, следующая не в порядке, — старшие команды будут арестовываться. А с батальонных и ротных командиров будут взыскивать.

§ 3. Приказываю во время занятий и при следовании команд установить шаг стрелковый 120 в минуту.

§ 4. Днем праздника в пулеметной команде выбран 2 февраля, Сретение Господне, в команде конных разведчиков — 26 ноября, в честь Св. Георгия Победоносца, в саперной команде — 7 января, в честь Иоанна Крестителя, и в комендантской команде — 9 мая, в память Св. Николая Чудотворца.

Л. 79.

§ 14. Состоящего в прикомандировании к Знаменскому собору в качестве сторожа солдата 6-й роты Зыкова Андрея как несоответствующего своему назначению откомандировываю в свою роту. Взамен его назначаю солдата 3-й роты нештатного батальона Уженцева Федора.

Л. 80.

§ 25. Проданных с аукционного торга 24 сего декабря забракованных обозных лошадей: 1) мерин гнедой масти, грива направо, 20 лет, бирка № 923, кличка «Грозный»; 2) мерин саврасый, грива налево, на лбу белая кривая полоса, 25 лет, бирка № 941, кличка «Палач» — исключить из списков полка нестроевой роты и фуражного довольствия с 25 декабря с.г.

Л. 80 об.

№ 195

28.12.1918 г.

§ 3. Командирам рот и начальникам команд: всех людей, прибывающих из отпусков, командировок, лазаретов, и вновь прибывающих новобранцев отправлять в изоляционный пункт № 1.

Л. 82.

§ 26. Уволенного в краткосрочный отпуск солдата 9-й роты Ошева Ивана и до сего времени не явившегося полагать в самовольной отлучке с 21 декабря с.г.

Л. 83 об.

§ 31. Уволенных в 2-месячный для окончания образования отпуск нижепоименованных молодых солдат исключить с провиантского, приварочного и чайного довольствия согласно отметок в списке:... (*11 фамилий.*)

§ 32. Солдат северного отряда особого назначения, уволенных в 2-месячный для держания выпускных экзаменов отпуск, Поникаровского Антона и Швитка Виктора полагать в отпуску.

Л. 84.

№ 197*

29.12.1918 г.

§ 2. Впредь 6-й Степной Сибирский кадровый полк именовать 49-м Сибирским стрелковым полком.

Основание: Приказ 2-му Степному Сибирскому армейскому корпусу от 14 декабря с.г. № 225 и предписание штаба 2-й Степной Сибирской кадровой дивизии от 27 декабря с.г. за № 130.

§ 3. При сем объявляю приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России от 7 декабря сего года за № 70.

Копия

г. Омск

7 декабря 1918 г.

Впредь до выхода из печати вновь переработанного Дисциплинарного устава приказываю руководствоваться во всех случаях книгой ХХIII Св. В. П. 1869 г., изд. 4.

Верховный правитель

и Верховный главнокомандующий адмирал **Колчак**

* В деле отсутствует приказ № 196.

§ 4. Поручик вверенного мне полка Тепляков окончил инструкторские по противогазовой борьбе курсы при Военно-окружном артиллерийском управлении и выдержал испытание комиссии, состоявшейся 19 декабря с.г. Означенную перемену внести в его послужной список.

Л. 85.

№ 198

30.12.1918 г.

§ 2. Объявляю при сем копию приговора Семипалатинского прифронтового военно-полевого суда:

Приговор

Л. 87.

<...> суд признал рядовых солдат Андрея Корякова и Якова Глазунова в том, что 19 сентября 1918 г. открыто заявили своему начальству, что они не готовы исполнять его приказание одеть погоны, причем у одевших погоны таковые срывали и бросали <...>

Деяние, в коем подсудимые Андрей Коряков и Яков Глазунов признаны виновными, составляет явное восстание с намерением воспротивиться начальству, и так как таковое подсудимые совершили в военное время, то они подлежат ответственности <...> полагается лишение всех прав состояния и смертная казнь.

На основании вышеизложенного Семипалатинский прифронтовой военно-полевой суд постановил: рядовых Андрея Корякова и Якова Глазунова за восстание с намерением воспротивиться начальству, совершенное в военное время, лишить воинского звания, исключить с военной службы и по лишении их всех прав состояния подвергнуть смертной казни через расстреляние.

Вместе с тем, принимая во внимание несовершеннолетие подсудимых Корякова [19 л.] и Глазунова [19 л.], их неразвитость, легкомыслие и совершение преступления под влиянием чувства стадности, суд постановил войти с представлением во Временное сибирское правительство о смягчении наказания подсудимых...

Л. 87 об.

Командир полка   подполковник *Троицкий*
Полковой адъютант   поручик *Лемеш*

РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Ед. хр. 805.

Юрий Мандрика

Пока еще некомплект...

В поиске номеров «Свободного слова», издававшегося в Тюмени в годы Гражданской войны

Историки столицы деревень никогда не занимались основательно жизнью дореволюционной местной печати. Даже «Сибирская торговая газета», тюменская долгожительница, так и не удостоилась фундаментального исследования. Не говоря уже о мелких изданиях, вышедших в свет всего несколько лет или месяцев. Причин тому много, но основная — отсутствие большинства изданий в местных архивных и книгохранилищах.

Еще во времена «Лукича» автор этих строчек пытался зареферировать все публикации «Сибирского голоса»¹ и «Зауралья»², чтобы заинтересованный читатель мог себе представить издания без ярлыковой принадлежности к той или иной партии, составить свое представление о названной периодике. С первой газетой все было несложно: виртуальный комплект удалось составить, посетив только два библиотечных учреждения. В подшивке «Зауралья» отсутствовал один номер. И

пришлось долго побегать по разным столичным хранилищам, чтобы распisać его. Сейчас этот номер хранится в филиале Государственной исторической библиотеки (Вильгельма Пика, 4).

С газетами и журналами 1917–1919 гг., особенно если они издавались на территории, которую занимали белогвардейцы, и во время их власти, еще сложнее. Насколько я понимаю, все это богатство практически стопроцентно было вывезено из Сибири и отсмотрено в соответствующих органах. Судя по отсутствию одних и тех же номеров в разных комплектах, можно предполагать два различных варианта: или обязательные экземпляры по пути следования почты в Омск погибли в огне, или те, кто готовил издания для спецхранов, позаботился о том, чтобы неко-

¹ Мандрика Ю.Л. Начнем с «Сибирского голоса» // Лукич. 2002. Ч. 2. С. 92–122; Ч. 3. С. 98–133.

² Мандрика Ю.Л. Просандеевское «Зауралье» // Лукич. 2002. Ч. 4. С. 132–140.

торые события и люди не попали под пристальное внимание кого бы то ни было.

Идея обозначить места хранения издания возникла после того, как я перебрался в очередной раз на житие в столицу и надыбал библиотеку в ГАРФе, о которой не знал ранее. Попытка найти себе единомышленника в тюменских кругах оказалась неудачной. Тоболяки требовали официальное письмо и план проекта. Уйдя на пенсию, я уже не представлял интересы какого-либо юрица. Счет, который мне предполагалось выставить за мою же идею, оплатить я вряд ли мог. А провинциальные учреждения культуры давно перестали быть инициаторами чего-либо. Их интересовал лишь госзаказ. Но лучше — платные услуги...

Тюменский человек, который по своему официальному статусу должен был бы заботиться о существовании такого рода библиографии, вообще не стал разговаривать со мной (во всяком случае, ответного звонка от секретаря, через которого теперь можно попасть на прием к директору обыкновенной провинциальной библиотеки, мне не по-

ступало). У того с некоторых пор появилась охранная грамота: его учреждение как-то обслуживало посещение Владимира Путина. Вексель, в моем представлении, обеспечивающий долгую трудовую жизнь и безбедную старость. Что тому тюменскому человеку до памятника культуры, который еще не появился на горизонте, но своим отсутствием уже похоронил несколько лет жизни города и тысячи горожан?

А ведь я пытался безвозмездно провести все поисковые работы. От местных деятелей нужна была лишь информация о наличии изданий в местных хранилищах. И, может, малотиражное издание справочника для своих же нужд. Чего проще?

Мне удалось два комплекта, пусть и неполных, просмотреть в ГАРФе, а также в отделе Русского зарубежья в РГБ. *T.e. de visu*. Напротив этих номеров указаны даты выхода в свет.

Данные о наличии издания в РНБ взяты из справочника³. Их я получил благодаря доценту кафедры истории журналистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ, канд. филолог. наук Елене Сониной.

О наличии номеров «Свободного слова» в Научной библиотеке Национального исследова-

³ Несоветские газеты: кат. собр. Рос. нац. б-ки / Рос. нац. б-ка; [сост.: Т.В. Акоюн и др.]. Санкт-Петербург: Рос. нац. б-ка, 2003.

тельского Томского государственного университета сообщил герой одной из сносок в моей книге «Цензура поэтики и поэтика цензуры» (с. 236–237) доктор истории В.В. Шевцов⁴. Лично я сильно им благодарен. За помощь в работе в их адрес будет отправлено по экземпляру издания вот с такой специфической библиографией.

И еще о «Свободном слове».

В предыдущем номере «БГ» ему было посвящено немало места⁵. На номере тридцать шестом прервалось издание. Вот как характеризовала ситуацию одна из влиятельных сибирских газет того времени: «В общем, разгром полный... Для нужд большевистского читателя, конечно, создана “своя” большев. пресса, со специфическим “языком” и “запахом”, но это относится главным образом к ежедневной прессе, для создания же своих “толстых” журналов у большевизма, очевидно, нет ни сил, ни желания, а вернее всего, читателя...»

...в Тюмени прекратило свое существование беспартийное “Свободное слово”, небольшая, но довольно содержательная газетка. ...Везде вместо закрытых или наряду с не закрытыми, но готовящимися к этому, появлялось какое-нибудь “Знамя” или “Дело революции”, для нужд ко-

торого реквизирувалась типография и бумага и создавалась монополия объявлений административным порядком»⁶.

Т.е. составителя библиографического списка интересовали лишь номера, которые начали выходить в свет после освобождения белогвардейцами Тюмени от большевиков летом 1918 г.

И буду признателен всем, кто подскажет местонахождение номеров «Свободного слова», без которых комплект издания не будет считаться полным.

1918

№ 37 — РНБ

№ 41 — РНБ

№ 42 — РНБ

№ 43 — РНБ

№ 44 — РНБ

№ 46 (4 авг.) — ГАРФ, РНБ

№ 47 (6 авг.) — ГАРФ, РНБ

№ 48 (7 авг.) — ГАРФ, РНБ

№ 50 (11 авг.) — ГАРФ, РНБ

№ 51 (15 авг.) — ГАРФ, РНБ

№ 52 — РНБ

№ 53 — РНБ

№ 54 — РНБ

№ 55 — РНБ

⁴ Обмен такими колкостями отнюдь не предполагает прекращения общения, а тем более помощи друг другу. Учитесь у томича!

⁵ Мандрика Ю.Л. Национализация как показатель приближающегося банкротства // Большое городище. 2016. № 3 (36). С. 264–271 и др.

⁶ Рудин Д. Большевизм и журналистика // Русская речь. Ново-Николаевск, 1919. 5 февр., № 25.

- № 56 – РНБ
№ 57 – РНБ
№ 58 (25 авг.) – ГАРФ, РНБ
№ 59 – РНБ
№ 60 – РНБ
№ 61 – РНБ
№ 62 – РНБ
№ 63 (1 сент.) – РГБ, РНБ
№ 64 (3 сент.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 65 (4 сент.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 66 (5 сент.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 67 (6 сент.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 68 (7 сент.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 69 (8 сент.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 70 (10 сент.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 71 (11 сент.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 72 (13 сент.) – ГАРФ, РНБ
№ 73 (14 сент.) – ГАРФ, РНБ
№ 74 (15 сент.) – ГАРФ, РНБ
№ 75 (17 сент.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 76 (18 сент.) – ГАРФ, РНБ
№ 78 (20 сент.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 79 (21 сент.) – ГАРФ, РНБ
№ 80 (24 сент.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 81 (25 сент.) – ГАРФ, РНБ
№ 82 (26 сент.) – ГАРФ, РНБ
№ 83 (27 сент.) – ГАРФ, РНБ
№ 84 (29 сент.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 85 (1 окт.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 86 (2 окт.) – ГАРФ, РНБ
№ 87 – РНБ
№ 88 (4 окт.) – ГАРФ, РНБ
№ 89 (5 окт.) – ГАРФ, РНБ
№ 90 (6 окт.) – ГАРФ
№ 91 (8 окт.) – ГАРФ
№ 92 (9 окт.) – ГАРФ, РНБ
№ 93 (10 окт.) – ГАРФ, РНБ
№ 94 (11 окт.) – ГАРФ
№ 95 (12 окт.) – ГАРФ, РНБ
№ 96 (13 окт.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 97 (16 окт.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 98 (17 окт.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 99 (18 окт.) – ГАРФ, РНБ
№ 100 (19 окт.) – ГАРФ, РНБ
№ 101 (20 окт.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 102 (22 окт.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 103 (23 окт.) – ГАРФ, РНБ
№ 104 (24 окт.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 105 (25 окт.) – ГАРФ, РНБ
№ 106 (26 окт.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 107 (27 окт.) – ГАРФ, РНБ
№ 108 (29 окт.) – ГАРФ, РНБ
№ 109 (30 окт.) – ГАРФ, РНБ
№ 110 (31 окт.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 111 (1 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 112 (2 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 113 (3 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 114 (6 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 115 (7 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 116 (8 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 117 (9 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 118 (10 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 119 (12 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 120 (13 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 121 (14 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 122 (15 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 123 (16 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 124 (17 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 125 (19 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 126 (20 нояб.) – ГАРФ
№ 127 (21 нояб.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 128 (22 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 129 (23 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 130 – РНБ
№ 131 (26 нояб.) – ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 132 (27 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 133 (28 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 134 (29 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 135 (30 нояб.) – ГАРФ, РНБ
№ 136 (1 дек.) – ГАРФ
№ 137 (3 дек.) – ГАРФ
№ 138 (7 дек.) – ГАРФ, РНБ
№ 139 (8 дек.) – ГАРФ
№ 140 (10 дек.) – ГАРФ
№ 141 (11 дек.) – ГАРФ
№ 142 (12 дек.) – ГАРФ, РНБ
№ 143 (13 дек.) – ГАРФ, РНБ
№ 144 (14 дек.) – ГАРФ
№ 145 (15 дек.) – ГАРФ
№ 146 (17 дек.) – ГАРФ
№ 150 (22 дек.) – ГАРФ
№ 151 (24 дек.) – ГАРФ
№ 152 (25 дек.) – ГАРФ
№ 153 (26 дек.) – ГАРФ, РНБ

№ 154 (27 дек.) — ГАРФ
№ 155 (28 дек.) — ГАРФ, РНБ
№ 156 (29 дек.) — ГАРФ
№ 157 (31 дек.) — ГАРФ

1919

№ 7 — РНБ
№ 8 — РНБ
№ 9 — РНБ
№ 11 — РНБ
№ 12 — РНБ
№ 13 — РНБ
№ 14 — РНБ
№ 16 — РНБ
№ 18 — РНБ
№ 19 — РНБ
№ 20 — РНБ
№ 21 — РНБ
№ 22 — РНБ
№ 23 — РНБ
№ 24 (5 февр.) — ГАРФ, РНБ
№ 25 — РНБ
№ 26 (7 февр.) — ГАРФ, РНБ
№ 27 — РНБ
№ 28 — РНБ
№ 29 — РНБ
№ 30 — РНБ
№ 31 (13 февр.) — ГАРФ, РНБ
№ 32 — РНБ
№ 33 (15 февр.) — ГАРФ, РНБ
№ 34 — РНБ
№ 35 — РНБ
№ 36 — РНБ
№ 37 (21 февр.) — ГАРФ, РНБ
№ 38 (22 февр.) — ГАРФ, РНБ
№ 39 (23 февр.) — ГАРФ, РНБ
№ 40 (25 февр.) — ГАРФ, РНБ
№ 41 (26 февр.) — ГАРФ, РНБ
№ 42 — РНБ
№ 43 — РНБ
№ 44 — РНБ
№ 49 (9 марта) — ГАРФ, РНБ
№ 50 (11 марта) — ГАРФ, РНБ
№ 51 — НБ ТомГУ
№ 52 — НБ ТомГУ
№ 53 — РНБ, НБ ТомГУ
№ 54 — РНБ, НБ ТомГУ
№ 55 — НБ ТомГУ

№ 56 (19 марта) — ГАРФ, РНБ, НБ
ТомГУ
№ 57 — НБ ТомГУ
№ 58 — РНБ, НБ ТомГУ
№ 59 (22 марта) — ГАРФ, НБ Том-
ГУ
№ 60 — РНБ, НБ ТомГУ
№ 61 (25 марта) — ГАРФ, РНБ, НБ
ТомГУ
№ 62 — НБ ТомГУ
№ 63 — РНБ, НБ ТомГУ
№ 64 — РНБ
№ 65 — НБ ТомГУ
№ 66 — НБ ТомГУ
№ 67 — НБ ТомГУ
№ 68 — НБ ТомГУ
№ 69 — НБ ТомГУ
№ 70 — РНБ, НБ ТомГУ
№ 71 — НБ ТомГУ
№ 72 (6 апр.) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 73 — НБ ТомГУ
№ 74 (10 апр.) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 75 — НБ ТомГУ
№ 76 — НБ ТомГУ
№ 77 — НБ ТомГУ
№ 79 — НБ ТомГУ
№ 80 (17 апр.) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 81 — РНБ
№ 83 (26 апр.) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 84 (27 апр.) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 86 (30 апр.) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 87 (1 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 88 (3 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 89 (4 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 90 — НБ ТомГУ
№ 91 (7 мая) — ГАРФ, РГБ, НБ Том-
ГУ
№ 92 — НБ ТомГУ
№ 93 (9 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 94 — НБ ТомГУ
№ 95 — НБ ТомГУ
№ 96 (13 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 97 (14 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 98 (15 мая) — ГАРФ
№ 99 (16 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 100 (17 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 101 (18 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 102 (20 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ

- № 104 (24 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 105 (25 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 106 (27 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 107 (28 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 108 (29 мая) — ГАРФ
№ 109 (31 мая) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 110 (1 июня) — ГАРФ, НБ Том-
ГУ
№ 111 (3 июня) — ГАРФ, НБ Том-
ГУ
№ 112 (4 июня) — ГАРФ, НБ Том-
ГУ
№ 113 (5 июня) — ГАРФ, РГБ, НБ
ТомГУ
№ 114 (6 июня) — ГАРФ, НБ Том-
ГУ
№ 115 (7 июня) — ГАРФ
№ 116 (8 июня) — ГАРФ, НБ Том-
ГУ
№ 117 (11 июня) — ГАРФ, НБ ТомГУ
№ 118 (12 июня) — ГАРФ, РГБ, РНБ
№ 119 (13 июня) — ГАРФ, РНБ, НБ
ТомГУ
№ 120 (14 июня) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 121 (15 июня) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 122 (17 июня) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 123 (18 июня) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 124 (19 июня) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 125 (20 июня) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 126 (21 июня) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 127 (22 июня) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 128 (24 июня) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 129 (25 июня) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 130 (26 июня) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 131 (27 июня) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 132 (28 июня) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 133 (29 июня) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 134 (1 июля) — ГАРФ, РГБ, РНБ,
НБ ТомГУ
№ 135 (2 июля) — ГАРФ, РГБ, РНБ,
НБ ТомГУ
№ 136 (3 июля) — ГАРФ, РГБ, РНБ,
НБ ТомГУ
№ 137 (4 июля) — ГАРФ, РНБ, НБ
ТомГУ
№ 138 (5 июля) — ГАРФ, РНБ, НБ
ТомГУ
№ 139 (6 июля) — ГАРФ, РНБ, НБ
ТомГУ
№ 140 (8 июля) — ГАРФ, РНБ, НБ
ТомГУ
№ 141 (9 июля) — ГАРФ, РГБ, РНБ,
НБ ТомГУ
№ 142 (10 июля) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 143 (11 июля) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 144 (12 июля) — ГАРФ, НБ Том-
ГУ
№ 145 (15 июля) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 146 (16 июля) — ГАРФ, НБ Том-
ГУ
№ 147 (17 июля) — ГАРФ, НБ Том-
ГУ
№ 148 (18 июля) — ГАРФ
№ 149 (19 июля) — ГАРФ, РГБ, НБ
ТомГУ
№ 150 (20 июля) — ГАРФ, НБ Том-
ГУ
№ 151 (22 июля) — ГАРФ, НБ Том-
ГУ
№ 152 (23 июля) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ
№ 153 (24 июля) — ГАРФ, РГБ,
РНБ, НБ ТомГУ

Юрий Мандрика

Судьба офицерства *красного и белого*

Автор «Коня бледного» В. Ропшин бывал в Тюмени

Рукопись, обнаруженная в архиве, всегда таит в себе бесчисленное количество тайн, которые предстоит разгадать исследователю. Опубликована ли? Что кроется за фамилией ее автора? Насколько актуален был текст, когда появился из-под пера героя того времени?

В РГВА сохранились рукописная и несколько машинописных копий статьи Константина Язвина «Герои и предатели нашей Родины». Вместе с ними в деле находился и стихотворный вариант, посвященный событию, которое взволновало автора.

Обратившись к всезнающему интернету, обнаружил, что герой статьи руководитель Академии Генерального штаба А.И. Андогский был освобожден от занимаемой должности несколько позднее времени написания текста К.Г. Язвиным — на каких-то два-три месяца. Просмотрев все дела фонда «Управление Тюменского военного округа на театре военных действий» (Ф. 39610. Оп. 1), выяснил, что к конфликту причастна и местная газета «Свободное слово». Автор рукописи, устроивший скандал сибирского масштаба, был смелым человеком. Кто он? Региональная история Гражданской войны не сохранила в своих анналах имя этого человека. А мне всегда было интересно вернуть в записную книжку краеведов хотя бы еще одну человеческую жизнь, связанную с историей Тюмени.

В газетах, выходивших в городах Сибири во время Гражданской войны, Тюмень упоминалась изредка. И то лишь во времена М.А. Запкуса¹. Под властью белых пресса все-таки иногда писала о столкновении старых и новых вооруженных сил России в районах Ялуторовска и Ишима. И не больше. Очевидно, положение Тюмени, этого провинциального городишки, было столь незначительным

¹ Секретарь Петроградского военно-революционного комитета, именовавший себя «военным комиссаром Северного района и Западной Сибири». См.: Кононенко А.А. Первое пришествие коммунизма // <http://www.proza.ru/2009/12/24/74>

на карте военных действий, что даже Верховный правитель А.И. Колчак, несколько раз проезжавший через него по пути в Екатеринбург, не задерживался в нем.

В журнале регистрации лиц, бывших на приеме у Верховного правителя (ГАРФ. Ф. 176. Оп. 4. Д. 147), зафиксировано лишь одно длительное по времени посещение Тюмени. Датированная 25 февраля 1919 г. запись гласит, что А.И. Колчак прибыл в 10.25. Встречали его генерал-лейтенант В.В. Рычков, почетный караул от 2-го Чешского кавалерийского полка и железнодорожной охраны, представители города. «Посетили госпиталь в реальном училище, Андреевский госпиталь. Раненые офицеры жаловались о неполучении прибавки согласно постановлению Совета министров в декабре 1915 г. Выдано раненым солдатам 9 крестов. Молебен в Знаменском соборе. В поезде представлялся управляющий². Отбыли в 6 час. вечера» (л. 53).

Остальные записи более лаконичны.

Телеграфный стиль: «Среда, 7 мая. 17.45 — прибыли в Тюмень. 20.45. Выбыли из Тюмени (л. 123)... 13.30. Поезд Верховного правителя прибыл в гор. Тюмень. 16 час. Поезд Верховного правителя отбыл из Тюмени (л. 150)... 30 июня. 16.35. Прибыл в гор. Тюмень. 17.35. Отбыл из гор. Тюмени. 21.40. Прибытие на ст. Поклевскую. Делегация в составе Поклевского-Козелл, Угрюмова, Корелина и Витязева пожертвовали на нужды армии 20000 руб. 22.10. Отбытие со ст. Поклевской (л. 177)... 9 июля. 3 ч. Прибытие в Тюмень. 3.45. Вышли из Тюмени (л. 187)».

И с этой точки зрения скандал, затеянный на страницах газеты старшим адъютантом начальника Тюменского военного округа Константином Геннадьевичем Язвиным (30.10.1886—20.01.1958), — событие значительное.

Выпускник Павловского военного училища (1905) и Императорской Николаевской военной академии (1912), во время Первой мировой войны подполковник К.Г. Язвин вырос до штабс-офицера армейско-² Очевидно, речь идет об уездном комиссаре Витольде Эдмундовиче Бончковском.

го корпуса. После поражения белогвардейцев эмигрировал в США. Похоронен на Св.-Владимирском кладбище при ферме РОВА³.

Даже портрет К.Г. Язвина (см. фото) удалось обнаружить в интернете. Заботятся же о своих корнях русские в Америке...

Но, полистав газеты того времени, попытавшись разобраться в хитросплетениях скандального сюжета, понял, что ноги у последнего растут вовсе не от К.Г. Язвина. Он, скорее, лишь участник, и его выступление, вне сомнения, санкционировано молчаливым согласием на такой поступок начальником штаба Верховного главнокомандующего Д.А. Лебедевым (см. письмо на с. 83–84).

Разговор был начат редактором «Отечественных ведомостей» А.С. Белевским. В статье, подписанной псевдонимом, он обрисовал ситуацию, которая обозначила тему.

В редакцию пришел участник освобождения Казани от большевиков и рассказал, как во время взятия гостиницы «Волга», где помещалась Красная академия Генерального штаба, «арестовывал генералов и профессоров, имевших на околыше красную пентаграмму большевиков и отдававших знания в распоряжение последних». Гость редакции с возмущением задавал вопрос: «Почему одних за измену расстреливают, почему другие, несмотря на измену, благоденствуют?». Автор публикации обозначил проблему: «участие русских офицеров в качестве начальников, руководителей, инструкторов и чинов различных штабов в армии большевиков.

Русское офицерство, так ужасно пострадавшее от революции вообще, от большевиков в особенности, тем не менее поставило Красной армии множество своих членов, и не только прапорщиков запаса, которые или были увлечены потоком революции, или были с самого начала ее активными деятелями, но генералов, полковников etc., составивших свое положение при старой России, служивших ей верой и правдой, а затем по разнообразнейшим мотивам совершивших *volte-face*⁴ и оказавшихся в рядах Красной армии.

...Весною прошлого года по команде дан был совет: офицерам входить в Красную армию. Конечно, при этом умалчивалось о том, что входить надо с целью овладеть армией и бросить ее на большевиков⁵.

³ Русское объединенное общество взаимопомощи в Америке (ранее — РООВА). Организовано в 1926 г. Иногда поселок называют «Фарма РОВА».

⁴ (*фр.*) Крутой поворот в другую сторону.

⁵ Белоруссов А.С. Красное офицерство // Отечеств. вед. Екатеринбург, 1918. 26 дек., № 38.

Автор статьи «Красное офицерство» умышленно умолчал фамилию гостя редакции, ранее отказав последнему в публикации его воспоминаний. Она была достаточно известна людям, занимавшимся политикой. Им был «неизменный адъютант-телохранитель Б.В. Савинкова»⁶ Флегонт Клепиков. Его мемуары начало печатать «Свободное слово» на неделю раньше⁷, нежели решился поднять тему «красного офицерства» редактор «Отечественных ведомостей»...

Тезисы проблемы были четко изложены А.С. Белоруссовым:

«...Мы стоим перед грустным и возмутительным фактом: большевистская армия, сражающаяся против патриотов, руководится и командует русскими офицерами. Она создана ими...

...Эти предатели родины, носившие еще недавно мундир офицера (без пентаграммы), теперь, когда внутренняя война скоро кончится, — опять войдут в ряды русского офицерства, чтобы лишать нас, русских граждан, возможности знать, кому, подавая руку русскому офицеру, свидетельствуем мы свое уважение, лучшему защитнику родины или ее предателю?»

...Должен быть создан чрезвычайный суд чести. И все без исключения русские офицеры, служившие у большевиков, должны предстать перед ним...

...Мундир офицера обновленной русской армии должен быть чист от грязи».

Как и полагается быть газете, «Свободное слово» оставалось не только злободневным изданием, но и старалось оценивать проблему «красного офицерства» под определенной точкой зрения, или, проще говоря, тенденциозно. Старший адъютант военно-цензурного отделения Тюменского округа штабс-капитан А.П. Голышев считал, что «политический сыск не есть специальность офицеров Генштаба», к тому же он был «совершенно неподготовленным в этом отношении. Для того чтобы руководить политической цензурой, необходимо быть в курсе стремлений и направлений всех партий и Всероссийского правительства»⁸, да и воспитали его «держаться вдали

⁶ Дикгоф-Деренталь А. Союз защиты Родины и Свободы // Отечеств. вед. Екатеринбург, 1918. 12 нояб., № 13.

⁷ Клепиков Флегонт. Воспоминания о событиях при взятии г. Казани чехословаками // Свободное слово. 1918. №№ 147, 152, 155. — № 147, в котором шла речь об офицерах Академии Генерального штаба и который наружить пока нигде не удалось, вышел в свет между 17 и 22 декабря 1918 г. Статья «Красное офицерство» опубликована лишь 26 декабря.

⁸ РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 32. Л. 3–3 об.

от политики». Но кто-то очень умело нащупывал необходимое направление в отношении «красного офицерства». Редакция организовала публикацию откликов на статью К.Г. Язвина «Герои и предатели нашей Родины».

И снова телохранителю литератора Б. Савинкова предоставили слово: «Писал воспоминания о занятии чехо-словаками и добровольцами г. Казани; о событиях, в которых мне лично приходилось принимать участие. Не моя вина, что г. Андогский оказался одним из объектов, против которого мне пришлось применить силу и потому припомнить его в моих воспоминаниях. В гостинице “Волга” я его арестовал; если бы я тогда знал, что это он то лицо, которое принимало участие в заключении предательского Брестского мира, я бы застрелил его там же, на месте, не считаясь ни с какими записками...»⁹. А несколькими абзацами ранее Флегонт Клепиков писал: «...профессора и проч. авторитетом своего знания, опыта и положения поддерживали и, так сказать, санкционировали преступление против страны и народа».

Финалом этой дискуссии в прессе было отнюдь не освобождение начальника Академии Генерального штаба от занимаемой должности, а весьма гуманистическая статья редактора «Отечественных ведомостей» А.С. Белевского. Он писал: «...все-таки неправильно требовать от массы, — а ведь подобных “красных офицеров” не единицы, а множество, — высоких проявлений героизма. Кого бы этот героизм украшал, если бы он был свойственен всем?..

...С того, кому много дано, можно и должно много спрашивать. Но рядовой офицер. Иногда запуганный, иногда заблудшийся и потом мучавшийся в минуты раскаяния, иногда поступивший к красным с прямой целью пробраться к фронту и перейти к нам...

...Но меня в данную минуту интересует не принципиальный, а практический вопрос. В Красной армии идет разложение, и все сильнее сказывается стремление переходить на нашу сторону; сказывается оно и среди офицеров из разряда приневоленных и раскаявшихся. Движение будет расти, и поэтому не мешает установить точку зрения на желательное к таким перебежчикам отношение в наших рядах.

И прежде всего надо принять положение, что такой переход из Красной армии в нашу сторону желателен как с военной, так и с

⁹ Клепиков Флегонт. Красная паутина // Свободное слово. 1919. 1 февр., № 21.

общеполитической точки зрения». Но интересен не этими умозаключениями А.С. Белевского финал дискуссии.

Выступление Флегонта Клепикова в «Свободном слове» — прямое доказательство тому, что автор известного нам всем «Коня бледного» В. Ропшин (псевдоним Б.В. Савинкова) бывал в Тюмени.

В конце сентября 1918 г. была создана директория (Временное Всероссийское правительство). В начале октября «Борис Викторович при участии своего соратника А.А. Дикгоф-Деренталя созывает в Уфе совещание представителей различных контрреволюционных группировок». Среди них «Союз защиты родины и свободы», «Единство» и др. На этом совещании приняли решение о создании «Всероссийского национального союза».

А «в начале двадцатых чисел октября Б.В. Савинков вслед за директорией прибыл в Омск»¹⁰. Он претендовал на пост министра внутренних дел.

Очевидно, по дороге литератор «потерял»¹¹ своего верного адъютанта-телохранителя, личного секретаря и казначея «Союза защиты родины и свободы» Флегонта Фирсовича Клепикова. В Тюмени ему нашлось хорошее место, где он мог демонстрировать унаследованные от своего бывшего шефа все качества литератора.

9 марта 1919 г. местная газета под заголовком «Отъезд г. начальника Тюменского военного округа» сообщала: «В субботу выехал из Тюмени генерал-лейтенант В.В. Рычков вместе с его личным адъютантом нашим сотрудником Ф.Ф. Клепиковым в г. N»¹². Жители провинциального городишки были осведомлены, что за латинской буквой, по цензурным соображениям, спрятался Екатеринбург, куда перевели начальника Тюменского военного округа...

¹⁰ Лифшиц С.Г. Борис Савинков в Сибири // Барнаул. 1994. № 1. С. 153–158.

¹¹ Читай: пристроил.

¹² Свободное слово. 1919. 9 марта, № 49.

Скандал сибирского масштаба

*История из жизни белых офицеров,
служивших в Тюменском военном округе
(в документах)*

[Л. 316] Старший адъютант штаба
Тюменского военного округа на театре военных действий
18 декабря 1918 г. г. Тюмень

Его превосходительству начальнику штаба
Верховного главнокомандующего Д.А. Лебедеву¹

Копия. В собственные руки
Глубокоуважаемый Дмитрий Антонович!

Посылаю Вам для прочтения № 147 газеты «Свободное слово»², в котором помещена статья о бывшем генерале Генерального штаба Андогском³. Со своей стороны прошу обратить на эту статью внимание и довести до сведения всех офицеров Генерального штаба, находящихся в Сибири, о преступной и предательской деятельности бывшего генерала Андогского.

В то время, когда наши товарищи-герои Романовский, Деникин, Лукомский, Скалон, Сахаров, Пронин, Роснянский⁴ и многие дру-

¹ Лебедев Дмитрий Антонович (1883–1921?, 1928), полковник (1917), генерал-майор (11.1918). Участник переворота в Омске 18.11.1918. Начальник штаба Верховного главнокомандующего адмирала Колчака (21.12.1918–09.08.1919). Снят с поста начальника штаба Верховного главнокомандующего за поражения у Златоуста и под Челябинском, которые послужили началом полного разгрома Русской армии адмирала Колчака.

² Указанный номер пока не удалось обнаружить.

³ Александр Иванович Андогский (25 июля 1876 – 25 февраля 1931) – российский военный деятель, генерал-майор, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войны. Последний начальник Николаевской военной академии. Публиковался в газете «Русская армия». Псевдоним А.И. Волховский (РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 175. Л. 126).

⁴ Деникин А.И. (1872–1947), Лукомский А.С. (1868–1939), Пронин В.М. (1882–1965), Романовский (*их было несколько*), Роснянский (*их было несколько*), Сахаров К.В. (1881–1941), Скалон Н.Д. (1886–1946) – активные участники Белого движения.

гие беззаветно погибали и находились в тюрьмах под угрозой расстрела за спасение Родины, бывший генерал Андогский, как теперь документально выясняется, не только подписал позорнейший для России Брестский мир, но и в течение всего 1918 года работал на [Л. 316 об.] укрепление проклятой советской большевистской власти. Я не могу себе представить, что история, как было сказано на банкете Академии Генерального штаба, уже высказала свое беспристрастное суждение. Я маленький и скромный человек. Но я, как офицер Генерального штаба, никогда не примирюсь с тем, чтобы в нашей корпорации оставались государственные изменники. Я был также лично арестован советскими властями в Казани в июле месяце за попытку организовать восстание и 10 дней был под угрозой расстрела. Поэтому считаю своим правом высказать осуждение бывшему генералу Андогскому, который не спасал Россию, а губил ее.

Что касается членов конференции Академии Генерального штаба, то я с чувством глубокого возмущения узнал, что они, убежавшие из Екатеринбурга в Казань, вместе с большевиками спасаясь от преследования Сибирской армии, теперь имеют дерзость и нахальство, прикрываясь званием офицеров Генерального штаба, признавать свои суждения за суд истории. Нет. Их также история в будущем не оправдает. В этом я убежден. Это малодушные люди, которые также подлежат преданию военно-полевому суду и лишению почетного звания офицеров Генерального штаба. Армия никогда им этого не простит.

Бросая тяжелое обвинение всему личному составу большевистской Академии Генерального штаба во главе с ее начальником — государственным изменником Андогским, — я не убоюсь ответить за свои слова.

Обращаюсь к Вам, глубокоуважаемый Дмитрий Антонович, с глубокою своей печалью, как к бывшему сослуживцу по ставке покойного генерала Корнилова и как к человеку с кристаллически чистым именем, и прошу Вас всемерно не оставить мое слово без внимания во имя всех тех нравственных мучений и лишений, какие многим из нас пришлось пережить за последний год.

Глубоко уважающий Вас

Генерального штаба

подполковник *Язвин*

Константин Язвин

Герои и предатели *нашей Родины*¹

[Л. 446] 26-го ноября, в день праздника храбрых, произошло крупное событие, имеющее дня нас, военных, не только в настоящее время, но особенно в будущем большое общественное значение.

26-го ноября Академия Генерального штаба в былые годы праздновала свой годовой праздник; в настоящем году, несмотря на ход политических событий и несмотря на свое прошлое, Академия также праздновала этот день и устроила банкет. На этом банкете были произнесены речи, которые затрагивают самолюбие и доброе имя не только офицеров Генерального штаба, но вообще всех офицеров Русской армии. На банкете чествовали начальника Академии генерала Андогского, называли его «маститым», «великим», восхищались тем, что он унижался перед советскими войсками ради спасения Академии, сравнивали его с выдающимися русскими генералами, созидателями и воспитателями Русской армии — в общем, представили его сибирскому народу как героя настоящего времени. Я не в силах удержаться, чтобы не выразить своего глубокого возмущения; мне отлично известна личность начальника «Всероссийской Академии Генерального штаба» генерала Андогского, и я хорошо знаю, насколько полезна была деятельность этого рокового для России человека.

В настоящее время наша Родина напрягает все свои живые силы, чтобы возродить армию и довести до желанного конца борьбу с ненавистной советской большевистской властью. Россия, разоренная нашествием австро-германских полчищ и изнемогающая в кровопролитной гражданской войне, жаждет порядка и выхода из этого тупика, куда привела его бандитская власть большевиков. Народ ищет путей, чтобы сбросить с себя этот неописуемый кошмар позора и всеобщего разорения; народ стремится объединиться; он хочет вновь окрепнуть и стать на тех

¹ Печатается по машинописной копии, сохранившейся в РГВА. Ф. 39610.

Оп. 1. Д. 66. Было опубликовано: Свободное слово. Тюмень, 1918. 27 дек., № 154.

исторических путях, какие принадлежат великому народу наряду с другими культурными странами. Среди всего этого хаоса понятий и стремлений народ ищет своих вождей, которые [по]могли бы ему осуществить свои исторические задачи. Но под влиянием различных причин, зачастую просто случайных, народу также, как и отдельным личностям, свойственно ошибаться в выборе своих вождей, и только расплатившись многими несчастиями за свой выбор, народ поймет свою ошибку. Армия также жаждет порядка и ищет вождей. Чтобы и в настоящее время не произошли непоправимые ошибки в выборе таких вождей, Сибирская армия [Л. 447] и общество должны понять, что цвет нашего офицерства ведет сейчас героическую борьбу на фронте, а большинство офицерства томится в большевистском плену. Поэтому говорить сейчас от имени всего русского офицерства никто не имеет права; никто не смеет именем истории произносить приговоры над теми личностями, у которых было сомнительное прошлое и которых теперь кучка людей стремится выдвинуть в вожди народа.

Я, как и многие другие, недавно избавился из большевистского плена и случайно попал в Сибирь; но я во всеуслышание протестую против восхваления заслуг перед Родиной начальника Академии Генерального штаба «маститого» и «великого» «генерала» Андогского.

Я не могу себе представить, чтобы после всего пережитого государственный изменник остался у власти и имел бы еще претензии стать вождем Русской возрождающейся армии.

После большевистского переворота, ровно год тому назад, русское офицерство, униженное и оскорбленное, стало уходить из рядов армии, видя полную невозможность справиться с разбушевавшейся народной стихией. Ушел командный состав, и армия разрушилась. Преступная советская большевистская власть, с которой сейчас вступили в борьбу народы всего мира, решила заключить позорнейший для России Брестский мир с нашими исконными врагами — немцами-тевтонами и тем самым предательски изменить союзным нам народам Франции, Англии, Америки, Италии, Сербии, Румынии, Японии и другим. В то время как один из наших товарищей, также офицер Генерального штаба, честный и благородный генерал Скалон, вечная слава рыцарю, не мог пережить неслыханного позора своей Родины при подписании Брестского мира и решил лучше лишиться себя жизни, — другой генерал «Генерального штаба», «профессор», «маститый» и «великий» Андогский пред-

почел сохранить свою жизнь и поместить свое имя наряду с проклятыми именами советских представителей. Неужели народ не поймет, кто же из двух генералов истинный герой и кто предатель?

В то время, когда военные действия на Австро-Германском фронте прекратились и когда началась кровопролитнейшая междоусобная война, разрушившая окончательно остатки нашей разложившейся армии, наше доблестное и честное офицерство в огромном большинстве отказалось от службы в Красной гвардии; лишь немногие негодяи-офицеры нанялись за большие деньги служить у той большевистской власти, которая разрушила [Л. 448] государственность нашей Родины, разорила наше имущество, нашу семью, заплевала всю нашу душу и ввергла всю страну в неслыханный позор и всеобщую нищету. В то время, когда одни наши товарищи, офицеры-герои, беззаветно погибали во имя сохранения чистого и святого имени русского воина, томились в тюрьмах из-за отказа служить в Красной армии, бедствовали, голодали, — другие офицеры-предатели во имя своей личной выгоды и материального благополучия вступали в ряды «Красной армии», добываясь дружбы и доверия у большевистских руководителей, становились их сподвижниками, получая высокие назначения, а вместе с ними и огромные оклады жалованья; ради этих презренных большевистских денег, залитых офицерской кровью, они подняли руку на своих же братьев. Где же в это кошмарное время находился начальник Академии ученый Андогский? Он в это время был у большевиков на службе.

В это время он, позабыв всякий стыд и совесть, руководил обучением большевистских офицеров и других разбойников и подготавливал их к занятию ими командных должностей в Красной армии. Эти самые ученики Андогского — «академики» — сейчас управляют большевистскими вооруженными силами, организуют их в полки и проливают драгоценнейшую кровь возрождающейся Русской армии. В августе в Казани вся большевистская академия во главе с ее начальником наконец попала в плен; ее случайно захватили чехо-словаки в Казани, куда она попала после бегства из Екатеринбурга, спасаясь вместе с остатками Красной армии от преследования сибирских войск. Теперь все эти большевистские деятели, «профессора», оказались в сибирском лагере, и им является необходимость оправдать всю свою предыдущую преступную деятельность. Как ни в чем не бывало они собирают вокруг себя своих единомышленников и, прикрываясь честными и незапятнанными именами своих бывших

товарищей, офицеров Генерального штаба, стараются ввести старших начальников и общество в заблуждение. Они при помощи подтасовки фактов самые позорнейшие свои проступки стараются перекрасить в какие-то заслуги... Оратор на банкете 26-го ноября дошел до такого бесстыдства, что позволил сравнивать сотрудника Троцкого-Бронштейна господина Андогского с нашими старыми русскими вождями, генералами Леером, Драгомировым и Сухотинным. Еще один оратор видит подвиг Андогского в том, что он, русский генерал, унижается перед негодяем Троцким, жидом, которого проклинаят вся честная Россия. Другие ораторы, профессора, имеют [Л. 449] дерзость восхищаться Андогским, говоря, что он ведет «государственный корабль» по бушующему красному морю. Действительно, любящие его ученики, негодяи-офицеры, «сознательные» рабочие и безграмотные матросы — «академики», — все они сейчас под Пермью и Уфой заливают «государственный корабль» братской кровью Сибирской армии и союзников наших чехо-словаков, французов и англичан. Наконец, еще один оратор в заключение провозглашает, что история уже оправдала годичную преступную деятельность господина Андогского и всех его приспешников-профессоров. Какое возмутительное глумление!

Так знайте же, господа ораторы, что Вы не имеете никакого права говорить не только от имени истории, но даже и от имени тех офицеров Генерального штаба, которые, хотя бы и случайно, оказались здесь, в Сибири. Не только Вы сами, не только Россия, но и весь мир содрогнется от того страшного суда и от того приговора, который будет произнесен народом над всеми предателями нашей истерзанной Родины. Вы не имеете права прикрываться добрыми именами погибших героев офицеров Генерального штаба и тех, которые не запятнали себя преступной службой советским властям. Вы не смеете затягивать в компанию большевистских сотрудников людей, не ориентированных в истинном положении дел. Русский народ и история никогда не простят предателей и никогда не изберут их своими вождями. Если у некоторых и было минутное затмение, то это произошло потому, что армия и общество слишком заняты сейчас более неотложными трудами и смотрят на обезвреженных своих противников как на военнопленных. Но эти самые большевистские сотрудники, ныне военнопленные, пользуясь разобщенностью офицерской среды, уже не сидят тихо; они начинают шу-

меть; они стремятся втереться в доверие к обществу и, благодаря ловкости своей, уже стараются пробраться на высшие командные должности. И этого претерпеть я не в силах. Как мне ни противно все это говорить, но я не могу остановить своих чувств — негодование охватило меня. Я маленький и скромный человек; мне не по силам бороться и развенчивать «маститого» и «великого» генерала Андогского со всем его синклитом профессоров и прислужников. Но я, как офицер Русской армии и как офицер Генерального штаба, взываю ко всем своим друзьям, бывшим сослуживцам по фронту и ко всему обществу офицеров Сибирской армии за справедливость. Я не могу примириться с тем, чтобы среди офицеров Генерального штаба были предатели Родины и активные сотрудники [Л. 450] советской большевистской власти; оставить их в нашей среде невозможно; это значит дать право каждому офицеру и солдату не подать руки каждому из нас, так как в нашей корпорации есть члены, у которых замарана совесть и руки забрызганы офицерской и солдатской кровью. Я лично готов простить рабочему, который из жадности и по тупоумию своему пошел на грабеж своего же хозяина, у которого работал, но я никогда не примирюсь с тем, чтобы в нашей офицерской среде оставались люди, участвовавшие в грабеже нашего отечества. Я считаю не только своим правом, но и обязанностью высказать протест. Я три раза находился на краю гибели от разъяренной толпы большевиков, недавно находился под угрозой расстрела и только случайно избежал его; я потерял все свое имущество; сейчас готов быть разжалованным в солдаты, но я никогда не признаю генерала Андогского и его сотрудников, профессоров, невинными, до тех пор, пока военный суд не произнесет своего приговора. Говорю это не двусмысленно, а буквально — компромиссов или условностей сейчас быть не может; либо прав — либо виновен. Сейчас век героический, когда люди отдают для спасения Родины жизнь, бросают имущество и даже семьи...

Я бы посоветовал господину Андогскому прекратить свою деятельность в печати; он не смеет руками, которые запачканы кровавыми руками Троцкого-Бронштейна, восхвалять героизм победоносной Сибирской армии; было бы лучше всего, если бы господин Андогский покинул бы пределы России, дабы не смущать не ведающих его «подвигов», и позабыл бы навсегда, что он был русским офицером Генерального штаба.

Обращаюсь ко всему обществу офицерства Сибири и ко всем гражданам с просьбой поддержать мой протест, присоединиться к нему и просить высшее военное командование разрушить это большевистское гнездо в нашей среде — закрыть эту злосчастную Академию Генерального штаба, которая прямыми и косвенными путями принесла нам столько горя.

Раз погибла Россия как государство, армия — ее оплот, пусть погибнет и Академия, потерявшая курс своего корабля. Воссоздастся новая — свободная Россия; на развалинах старой армии возродится новая — могущественная армия; на пепелище прежней большевистской Академии будет воздвигнут храм военной науки — чистый и всеми уважаемый, честь и гордость нашей возрожденной армии.

Для того чтобы в будущем избежать заблуждений, полагаю, необходимо возбудить вопрос о предании военно-полевому суду всех офицеров Генерального штаба, а также и офицеров армии и флота, служивших у [Л. 451] большевистской власти после 12 марта 1918 года и получавших за свою службу большевистские деньги и тем самым активно, за плату, участвовавших в уничтожении русской государственности; всех этих сослуживцев большевиков лишить званий, чинов, орденов и подробным следствием выяснить степень их виновности. Всех предателей и изменников — покарать, малодушных и слабовольных — наказать, а невинных и тех офицеров, которые хотя и служили у большевиков, но в то же время состояли в офицерских организациях и принесли реальную пользу в деле возрождения армии, — вновь восстановить в чинах, званиях и во всех преимуществах, им ранее принадлежавших. Военно-полевой суд должен быть составлен из офицеров армии и флота с кристалически чистыми именами, не запятнавшими службой проклятой большевистской власти. Судопроизводство вести при полной гласности, приговоры объявлять в приказах армии и флоту, дабы ни у кого не могло быть сомнений, что допущены какие-либо снисхождения. Если суд над большевистскими офицерами будет организован правильно, тогда в армии не могут иметь места такие возмутительные случаи, какой был на банкете Академии Генерального штаба 26-го ноября.

Я уверен, что армия и русский народ сумеют тогда разобраться, кто истинные герои и верные сыны своей Родины и кто предатели и

лицемеры. Тогда народ и армия сумеют найти своих настоящих вождей, которые поведут Россию по пути чести, славы и благоденствия.

Я еще раз позволю себе сказать, что нам приходится иметь дело не с простыми людьми, а с высокообразованными, ловкими и изворотливыми, которые в целях оправдания не постесняются прибегнуть к таким же низким приемам, какие они уже применяли, унижаясь перед Троцким-Бронштейном, Нахамкесом и другими ради спасения своей жизни и своей презренной Академии. Но это не должно утратить и остановить никого — слишком у нас, офицеров, наболело на сердце. Правда должна восторжествовать. Ведь должны же мы когда-нибудь очистить нашу армию от преступного и недоброкачественного элемента и возвеличить тех истинных героев, которые сейчас на полях сражений кровью своей и неисчислимыми лишениями запечатлевают свою искреннюю любовь к Родине в ее титанической борьбе с внешними и внутренними врагами.

Да познает и возвеличит русский народ истинных своих героев и да осудит он предателей своей Родины.

К. Язвин*

---

* Главный начальник Тюменского военного округа
на театре военных действий

31 декабря 1918 г.

Начальнику штаба Верховного главнокомандующего
Рапорт

В мое отсутствие старшим адъютантом вверенного мне округа Генерального штаба подполковником Язвиным была помещена в местной газете «Свободное слово» бестактная и антидисциплинарная статья «Герои и предатели Родины», призывающая офицеров к коллективному протесту и указывающая высшему начальству меры, которые, по его мнению, необходимо принять в отношении лиц, обслуживавших большевиков.

На подполковника Язвина мною наложено дисциплинарное взыскание.

Генерал-лейтенант *Рычков*

И.д. начальника штаба генерал-майор *Вихурев*

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 66. Л. 421а.

Вениамин Рычков

Как они оправдываются? *

Сами боги не могут сделать бывшее — небывшим.
Древние греки

В семье не без урода. Были отдельные случаи, что офицеры шли в ряды большевиков.

Одни поступали сознательно и активно работали в совдепах. **Это — явные предатели**¹.

Другие — несознательно, из-за нужды и за отсутствием работы поступали на работу к большевикам. **Это — малодушные.**

Между этими двумя категориями большая разница, но как первые, так и вторые заслуживают кары.

Предатели должны быть осуждены — «их место в тюрьме».

*Из приказа по войскам Сибирской армии
генерала Иванова-Ринова № 69*

В №№ 10, 11 и 13 газеты «Наша заря» и «Сибирская речь»² за № 13 напечатана статья начальника Академии Генерального штаба генерал-майора Андогского под заголовком: «Академия Генерального штаба за 1917 и 1918 гг.».

Статья эта — живой документ величайшего значения. В ней не только отчет о деятельности Академии за 1917–1918 гг., но, что самое главное, — в ней до известной степени отражается идеология руководителей нашего высшего военного образования, их взгляды на переживаемые события и на позицию, которую, по их мнению, должна была занять Академия в исключительно тяжелое время нашей государственной жизни.

Статья эта в некоторые газеты была послана вместе с постановлением конференции Академии, в котором излагалось требование непре-

* Печатается по: Свободное слово. Тюмень, 1919. 7 февр., № 26. С. 1–3.

¹ Все выделения в тексте сделаны по первоисточнику. — *Все прим. издателя.*

² Газеты, издававшиеся в Омске. В сохранившихся подшивках (ГАРФ, РГБ) указанных номеров обнаружить не удалось.

менно ее напечатать. Таким образом, есть основания полагать, что статья эта — если и не коллективное творчество, то, во всяком случае, прежде напечатания обсуждалась членами конференции Академии; в нее вносились сообща поправки, добавления, изменения и пр. Словом, она отражает или, вернее, выражает не личный взгляд начальника Академии, но всех членов конференции ее.

В ней щедрой рукой рассыпаны перлы и алмазы академической мудрости, которые особенно ярко характеризуют нравственный облик как «маститого» начальника Академии, так и членов конференции ее.

Я старательно собрал все эти жемчужины, и вы, читатели, увидите во весь рост и начальника Академии, и его ближайших помощников. Приступим к делу.

Статья генерала Андогского, по существу, является ответом на тот, как он говорит, поход против Всероссийской Академии Генерального штаба, который открыла группа лиц на страницах газет «Свободное слово» и «Отечественные ведомости»³. Генерал Андогский заявляет, что он «ни в какую полемику с этой группой лиц вступать не будет — это ниже нашего достоинства как учреждения государственного, деятельность которого может судить история и компетентные государственные учреждения, а не отдельные безответственные лица, стремящиеся свести с Академией свои личные счеты».

Несомненно, история скажет свое веское слово о деятельности Академии, а равно и компетентные государственные учреждения разберутся в вопросе, какова была роль и деятельность ответственных лиц нашей Академии Генерального штаба в революционную эпоху.

Пока же постараемся поспособствовать правильному освещению известных фактов и событий, дабы и история, и «компетентные государственные учреждения» могли бы легче разобраться в вышеуказанном сложном вопросе.

Генерал Андогский в статьях, направленных против него и членов конференции, видит лишь сведение с ним известной группой лиц мелких личных счетов.

Я не знаю, имеются ли у него определенные данные, чтобы бросить подобный неблагоприятный упрек авторам статей, которые, конечно, не могли понравиться генералу Андогскому. О себе лично скажу, что никаких личных и служебных не только счетов, но даже соприкосновений ни с генералом Андогским, ни с членами конференции у меня

³ Орган национальной и государственной мысли. Газета была центром объединения антибольшевистских и антисоциалистических сил. Издавалась с октября 1918 по сентябрь 1919, вначале в Уфе, с 10 ноября — в Екатеринбурге. Редактор — Алексей Станиславович Белевский (Белоруссов). Практически все номера «Отечественных ведомостей» сохранились в ГАРФе.

не было. Лично я генерала Андогского видел в своей жизни всего два раза, каждый раз не более 1–2 минут. Я пишу просто, как офицер, по вопросу, который глубоко волнует меня и, знаю, многих других офицеров без различия чинов и возрастов.

Вопрос этот — один из тех проклятых вопросов, который еще *долго будет мучить совесть и душу нашего офицерства*; он еще не раз будет подниматься в общей и военной прессе и не скоро еще разрешится.

Вопрос о Вас, генерал Андогский, и членах конференции Академии — это вопрос величайшей государственной важности, так называемый вопрос о «красном офицерстве», и напрасно Вы так легко сводите все к личным нападкам на Вас.

Как относиться к «красному офицерству»? Должны ли нести они какую-то кару или нет?

Можно ли допускать на службу в нашу новую возрождающуюся армию и ко всем ли без исключения должностям, до самых высших, или же до определенных?

В отношении-солдат красноармейцев уже имеются указания⁴, как с ними поступать. Относительно «красных офицеров» у нас есть один любопытный приказ генерала Иванова-Ринова № 69. Выдержки из этого приказа приведены в эпиграфе к настоящей статье. Приказ этот,

⁴ Этот вопрос достаточно хорошо освещает запись от 3 февраля 1919 г. за № 51 в приказах войскам Тюменского военного округа на театре военных действий со ссылкой на телеграфное распоряжение дежурного генерала Верховного главнокомандующего и приказах по округу 1918 года за № 32 и 96: «Красноармейцы, взятые в плен в районе Сибирской армии, препровождаются под конвоем в сортировочные пункты, где происходит распределение их на три категории: а) к 1-й категории принадлежат злостные большевики, матросы, коммунисты; они подлежат эвакуации в тюрьмы на принудительные работы при строжайшем режиме в отдаленнейших областях Тобольской губернии; б) ко второй категории — насильственно мобилизованные, но индифферентные к тому или иному государственному порядку; они подлежат размещению в концентрационных лагерях, пустующих заводах и привлекаются для всех тыловых работ; в) к 3-й категории — насильственно мобилизованные, симпатизирующие установившемуся в Сибири государственному порядку; они подлежат отправлению в запасные части города Тюмени; из этой категории красногвардейцы, добровольно заявившие желание поступить в ряды правительственных войск, должны быть немедленно выделены, подлежат прикомандированию к управлениям подлежащих воинских начальников для подготовки их к посадке на железные дороги и отправлению для пополнения 1-го Волжского корпуса генерала Капеля» (РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 39). И немного далее: «Для распределения пленных красноармейцев по категориям образовать в г. Тюмени, Ирбита, Камышлове и Шадринске сортировочные пункты...». (*Прим. изд.*)

несомненно, отражает взгляд всего нашего честного офицерства, но, кажется, он не везде приводится в исполнение. Что касается начальника Академии Генерального штаба генерала Андогского и членов конференции, то вопрос этот носит еще более болезненный характер. Генерал Андогский и члены конференции не только офицеры Генерального штаба, но они, в силу своего положения, — идейные руководители нашего Генерального штаба. Теоретически — это сливки от сливок. Само собой понятно, что и **требования морали к ним должны изменяться строже**, чем к обыкновенным офицерам.

«Все силы: умственные, физические и жизнь — Родине; честь — мне», — говорили в былое время офицеры Генерального штаба.

Академия дала за время своего существования много известных государственных деятелей и талантливых вождей армии.

Но... наступил в России сплошной кошмар, который зовется большевизмом.

Армия развалилась совершенно; наша Родина повержена во прах, истерзана, залита кровью и неслышанно унижена в Бресте. Но, как ни ужасен большевизм, в нем все-таки есть и одна положительная сторона. Именно большевизм дал возможность каждому **выявить свою нравственную физиономию, самоопределиваться**. И вот мы видим, что, когда проходимцы и бандиты стали управлять нашей страной, все, что было честного в России, стало в оппозицию к этой проклятой власти. В рядах этой оппозиции самое почетное место заняло наше офицерство. Без всяких постановлений, истерических воплей оно в огромном большинстве не пошло в Красную армию, несмотря на высокие большевистские оклады. Одни бросились на юг в добровольческую армию генерала Алексеева; другие стали вступать на местах в различные военные противобольшевистские организации; третьи, никуда не вступая, стали зарабатывать себе хлеб на частной службе, а кому это не удалось — добывать себе пропитание тяжелым физическим трудом.

Но в семье не без урода. Нашлись предатели генералы и просто офицеры, которые личную карьеру и материальное благополучие поставили выше интересов Родины. В то время как их товарищи сражались в добровольческой армии или, загнанные в подполье, вели жизнь, полную тревог и опасностей, добывая себе хлеб продажей газет и папирос, эти сытно ели, развезжали в автомобилях и вели веселый образ жизни. Но предатели понимали, что их беспечальное существование не может длиться вечно.

Большевизм рано или поздно должен пасть. Отрезвевет русский народ, проснется. Добровольческая армия генерала Деникина и сибирская рассеют красные банды, и тогда настанет час расплаты для предателей. Это, конечно, их беспокоит. И вот для оправдания своей гнусной деятельности они придумывают различные теории: «здоровых

ячеек», «взрыва большевизма изнутри», «спасения государственных учреждений» и т.п. В своих теориях, шитых белыми нитками, силятся доказать, что они, получая жирные большевистские оклады, не предавали Родины, а наоборот, спасали ее. Они сами, конечно, не верят в убедительность своих доводов и надеются, главным образом, что общество не будет особенно глубоко вникать в их хитрые теории.

Среди большевистского лагеря оказалась и наша Академия Генерального штаба.

В статьях газет «Свободное слово» и «Отечественные ведомости» указывалось, что почтенный начальник Академии генерал Андогский и достоуважаемые члены конференции — красноармейцы. О генерале Андогском, кроме того, говорилось еще, что он вместе с Иоффе⁵ и другими бандитами ездил в Брест для заключения мира, который опозорил нашу Родину.

Возражая на эти статьи, генерал Андогский говорит, что он не служил большевикам, а только «соприкасался с представителями советской власти и унижался, чтобы спасти от погрома как самую Академию, так и три сотни старых кадровых офицеров и сохранить их до лучших дней для борьбы за возрождение России».

Посмотрим же, как он «соприкасался с представителями советской власти» и спасал Академию.

Оказывается, что еще в первые месяцы 1917 г. было принято решение эвакуировать Академию из Петрограда в направлении к тем окраинам, куда, по слухам, начинали стекаться русские люди для борьбы с большевиками.

Генералу Андогскому, «как представителю конференции, была поставлена задача — изыскать пути и средства к достижению указанной конференцией цели». Районами эвакуации конференция наметила Донскую и Кубанскую области.

Раз принято было такое патриотическое решение, то, казалось, следовало немедленно же приступить к выполнению его.

Прямые и честные сердцем люди просто разрешили бы этот вопрос, благо что и денежные средства были в избытке, как указывает генерал Андогский. Взяли бы деньги и небольшими партиями по разным путям двинулись на Дон или Кубань к заранее намеченному пункту.

Мы, читатель, были бы свидетелями пленительной картины. **Представьте:** начальник Академии, члены конференции и 300 слушателей небольшими партиями разными дорогами — железными, грунтовыми, водой, часто, может быть, и пешком — через холмы и доли, леса и реки пробираются, скажем, в Новочеркасск. Правда, вероятно, не все добрались бы благополучно. Ведь приходилось бы преодолевать мас-

⁵ Адольф Абрамович Иоффе возглавлял советскую делегацию в Брест-Литовске.

су препятствий; становиться лицом к лицу к опасности; быстро принимать определенные решения и немедленно же приводить их в исполнение, т.е. как раз упражняться в том, что именно нужно офицеру-начальнику. Все это в Академии проходят теоретически, а жизнь давала возможность преподавать это практически. Какой бы это был великодушный курс для слушателей Академии!

Сколько красоты и поэзии было бы в этом подвиге! Со временем сложились бы об этом событии целые легенды, и генерал Андогский отошел бы в потомство как великий военный педагог и легендарный герой.

Правда, для выполнения такой программы нужно иметь высокую душу и львиное сердце. Но тем не менее в моей программе нет ничего фантастического. Мне известны случаи продвижения именно таким порядком нескольких сотен офицеров, но, конечно, не в одном поезде и не одной колонной, а небольшими партиями.

Генерал Андогский разрешил ту же задачу иначе.

Вопрос об эвакуации Академии оказался не так прост. Генерал Андогский пишет: «дело касалось не нескольких лиц, кои каждый в отдельности могли бы бежать из Петрограда скрытно; дело шло о выходе целого государственного учреждения с его многомиллионным имуществом и 300 обучавшихся офицеров». Таким образом, вы видите, что генерал Андогский и члены конференции решили не более не менее эвакуироваться на Дон в пульмановских вагонах, захватив с собой обширнейшую академическую библиотеку и — как мы узнаем ниже — жен и детей, а быть может, еще сторожей и полотеров. Что же: если спасать государственное учреждение, так спасать как следует. Поистине колоссальное предприятие.

Но вот вопрос — следовало ли так осложнять дело, являлась ли надобность везти с собой библиотеку и проч.? Я отвечаю — нет. И вот почему. Россия гибнет. Бандиты заливают ее кровью, распродают оптом и в розницу, подвергают неслыханному унижению. В такой момент государственного бедствия каждый честный гражданин, а воин и подавно, ***просто берется за оружие, бросает жену, детей, имущество и идет биться с врагом, попирающим высшую для него ценность — Родину.***

Действительно, если России суждено погибнуть, то для чего нам библиотека Академии Генерального штаба? Если же, в чем мы глубоко убеждены, она возродится, то библиотеку (пусть она даже погибнет до последней книги) вновь соберем. Ведь публичные библиотеки в Петрограде и Москве существуют, и большевики, несмотря на свое варварство, их не трогают. Словом — жила бы Россия, а книги найдутся.

Быть может, по мнению генерала Андогского и членов конференции, генералу Алексееву, отправлявшемуся на Дон для формирования добровольческой армии, следовало захватить с собой и весь Главный

штаб с его архивом и библиотекой, еще более обширной, чем академическая. Но чудак-старик взял да поехал один, а библиотеку оставил в Петрограде.

Так делают простые честные люди, для которых Родина не пустой звук.

Так сделал великий патриот, гордость нашей армии Михаил Васильевич Алексеев, имя которого каждый честный русский будет произносить с непокрытой головой.

Но генерал Андогский, как я уже говорил, решил вопрос иначе. От Академии командируется член конференции полковник Дрейлинг к генералу Алексееву и полковнику Филимонову. Какой доклад сделал по возвращении из командировки полковник Дрейлинг, автор статьи умалчивает. Тем не менее с уверенностью можно сказать — неутешительный. У генерала Алексеева денег мало; формирование добровольческой армии идет не так быстро, как бы следовало ожидать; главный контингент добровольцев — офицеры, из последних формируются целые роты, батальоны и даже полки. Небольшая по численности добровольческая армия несет большие потери. Это формирование офицерских частей генералом Алексеевым противоречило программе, выработанной членами конференции. Чего доброго, Михаил Васильевич еще прикажет из 300 слушателей, кадровых офицеров, сформировать роту — членов конференции поставит за отделенных и взводных, а начальника Академии заставит командовать этой ротой. Но ведь при таких условиях возможны потери и среди академиков. А конференция твердо решила: «три сотни старых кадровых офицеров сохранить до лучших дней для борьбы за возрождение России».

Теперь мы знаем, что «лучшими днями» конференция считала те, когда чехо-словаки и сибиряки отбросят большевиков за Урал, сформируется армия, а главное... сформируются штабы.

Тогда члены конференции займут высшие штабные должности и «две сотни полезных штабных деятелей» (понимай, слушателей, прошедших 4-месячные курсы) заполнят все прочие штабные места.

Академия поехала в г. Екатеринбург. В этот город она прибыла со всем своим имуществом, семьями членов конференции и 300 слушателями.

Но вот чехо-словаки приближаются к Екатеринбургу. Они уже совсем близко. Вы думаете, что генерал Андогский со всеми своими членами конференции стихийно ринулся навстречу освободителям. Ничуть не бывало.

За несколько часов до вступления чехов в Екатеринбург генерал Андогский получил приказ большевистского штаба эвакуировать Академию в Казань. «Мне было указано, — пишет г. Андогский, — что в случае нежелания выехать мы будем принуждены к тому силою, а Академия подвергнется разгрому». Начальник Академии решает: «Вые-

хоть, уступая насилию, — членам конференции, наперечет известным большевистскому штабу, и необходимому количеству слушателей и имущества, чтобы создать впечатление эвакуации Академии; часть членов конференции, почти все имущество ее, семьи и большая половина слушателей была оставлена в Екатеринбурге».

Таким образом, многомиллионное имущество, которое не позволило членам конференции просто выехать на Дон, ради спасения которого генерал Андогский так часто унижался перед Бронштейном, брошено; брошены также семьи и большая половина слушателей.

Что это такое, читатель?

Высокий подвиг мужества и любви к Родине или просто паническое бегство «членов конференции, наперечет известных большевистскому штабу», причем они второпях забыли даже своих жен и детей, с которыми раньше не расставались? Полагаю — последнее.

В Казани, говорит генерал Андогский, Академии было предъявлено требование выезжать в глубь страны, в Муром. В этот город Академия не поехала, потому что чехи и части Народной армии внезапно нагрянули на Казань. В Казани находился я, лично, сам. Мне отлично известны все подробности падения этого города. Именно внезапность, а не что-то другое была причиной того, что Академия вместо Мурома попала в плен. Если бы большевики были бы лучше ориентированы в движении чехов, то они, также как и в Екатеринбурге, приказали бы генералу Андогскому выезжать в Муром. Сила для принуждения была налицо: бригада латышей. И Академия, уступая насилию, поехала бы еще далее на запад.

Где же тогда, читатель, «настойчивое стремление на сторону противников советской власти»? Это так же непонятно, как и то, что Академия все время стремилась на восток, а *ехала на запад*.

В Сибири, говорится в рассматриваемом отчете, Академия была встречена с полным доверием, как генералом Гришным-Алмазовым, так равно и членами Совета министров. Что же особенного, когда, не зная прошлого Академии, их встретили с доверием.

Затем генерал Андогский победно перечисляет членов конференции, которые занимают высокие посты. Но ведь никто и не отрицает, что члены конференции — ловкие господа.

Приведенный список членов конференции очень интересен, но только с другой стороны. В этом списке нет ни одного имени, хотя бы чем-нибудь заявившего себя в области науки или получившего известность на ратном поприще. Боюсь, нет ли в числе членов конференции обыкновенных старших адъютантов из числа любителей комфортабельной жизни, ничего не имеющих общего с наукой. Теперь вам делаются совершенно понятными слова «член конференции», который пестрит почти на каждой строчке статьи генерала Андогского. «Член конферен-

ции был командирован туда-то»; «член конференции такой-то вручил записку».

Член конференции — это звучит гордо; но что за ним скрывается? Вы полагаете, что это убеленный сединами известный всей России и даже Европе ученый муж вроде генералов Драгомирова, Леера, Сухотина. Ничуть не бывало. Это может быть Генерального штаба капитан Симонов.

Чем замечателен этот капитан? Вы начинаете рыться в своей памяти. Вы где-то слышали эту фамилию. А, вспомнили. Он знаменателен тем, что на банкете 26-го ноября прошлого года в своей речи сравнил генерала Андогского с Дмитрием Донским. «Как некогда, — сказал этот член конференции, — Дмитрий Донской спас Россию от разгрома, подвергаясь сам постоянным нападкам и унижениям... так и наш маститый начальник академии Александр Иванович (г. Андогский), ведя государственный корабль по бурным волнам “красного моря”, не побоялся унижений»⁶. Эта экскурсия в область истории не удалась члену конференции. Он забыл, что Дмитрий Донской унижался перед Мамаем, а генерал Андогский — перед Бронштейном. Первый унижался для спасения России, а второй — для спасения, как он сам говорит, Академии, в действительности же — жирного большевистского оклада, т.е. своей утробы. Это далеко не одно и то же. На то он и капитан. Послужит — и будет более осторожен в исторических аналогиях.

Другой член конференции — полковник Касаткин. Чем замечателен этот штаб-офицер? Вы начинаете также припоминать и, наконец, находите. Полковник Касаткин известен тем, что на том же банкете произнес замечательные слова: «Теперь нам не страшен суд. История нас оправдала, и мы гордо можем нести головы по пути созидания России»⁷ (прил. к № 18 газеты «Русская армия»). Почтенный член конференции поторопился с историей. История не произносит опрометчиво свои приговоры. Пока она могла слышать одних совдеповцев, т.е. заинтересованную сторону. Пусть выслушает она и нас. Во всяком случае, если деятельность Ваша, генерал Андогский, и членов конференции так чиста и безупречна, то как прикажете понимать вышеприведенные слова полковника Касаткина?

Почему Вы испугались суда, и в чем история Вас оправдала?

Очевидно, было что-то в деятельности лиц, руководивших Академией, что нуждалось в оправдании.

⁶ В тексте, опубликованном в приложении к № 18 газеты «Русская армия» (издание информ. отд. Штаба Верховного главнокомандующего; газета военная, общественная и литературная), далее следует: «...унижений и душевных страданий и мудро держал свой путь к светлому востоку».

⁷ В «Русской армии»: «...нести головы вперед по пути созидания России. Алекс. Иван. с нами, — успех дела обеспечен».

Таким образом, читатель, мы ознакомились и с теорией спасения государственного учреждения, и как это государственное учреждение прорывалось с большевистской территории на территорию возрождающейся России.

Если доводы, приведенные в отчете, неотразимы по своей убедительности, то на этом можно бы и кончить. Люди, поднявшие поход против генерала Андогского, посрамлены. Правда восторжествовала. Но начальник Академии этим не ограничивается: чтобы доказать чистоту своих помыслов, намерений и поступков, он прибегает к новым аргументам, которые должны если не уничтожить своих противников, так зажать им рот.

Я привожу их.

Генерал Андогский пишет: «Поднятый определенной группой лиц поход против Академии имеет несомненно антигосударственную цель: 1) лишить государственную власть ценных военных сотрудников; 2) дискредитировать корпорацию офицеров Генерального штаба... что ведет к подрыву боевой дисциплины; 3) лишить государственную власть возможности вести подготовку новых офицеров Генерального штаба...».

И далее: «дойти до такого безумного поступка (т.е. указать, что генерал Андогский со всеми присными служил раньше большевикам) **могли только враги Родины, заинтересованные в разложении боевой мощи армии и в пособничестве большевикам**».

Как вам нравится этот полемический прием?

Вам приходилось, вероятно, видеть такой фокус.

На одном столике ставится чашка с водой, а на другой — букет цветов. Фокусник накрывает их цилиндрами, дотрагивается до них своей волшебной палочкой и снимает их. И вот, к удивлению публики, оказывается: на столе, где стояла чашка с водой, стоит букет цветов, а где букет — чашка с водой. Но то чашка с водой и букет цветов.

Полюбуйтесь, что теперь проделывает ординарный профессор магии генерал Андогский.

На одной стороне стояли офицеры всех рангов и возрастов. Они жили в подполье, голодали, служили дворниками, продавали газеты, разгружали вагоны — словом, добывали тяжелым физическим трудом себе пропитание, но не шли на службу к большевикам. Они фанатически любили Россию и дорожили честью. Они работали в тайных противобольшевистских организациях, подымали восстания, как, например, в Рыбинске, Ярославле, Муроме и других городах. Они с опасностью для жизни пробирались в добровольческую армию генерала Алексея или в Сибирь. Когда чехо-словаки приближались к какому-либо пункту, они стихийно бросались им навстречу, брали винтовки, становились в ряды и бились с предателями. **Словом, здесь честь.**

На другой стороне — определенная группа лиц, которая в годину неслыханных народных бедствий и унижений России, прикрываясь громкими

фразами о необходимости спасти не Родину, а государственное учреждение с его имуществом, вкусно ела и пила, весело жила, получала деньги, хотя и «из остатков 1917 года», но по-большевистски жирным окладам, колесила истерзанную Россию в пульмановских вагонах с запада на восток и обратно, унижалась и всячески берегла себя для «лучших дней».

Тут предательство.

И вот совдепский генерал берет перо, то бишь волшебную палочку, и говорит: «ein, zwei, drei, Passez!» И оказывается: там, где была честь, — стоит предательство, а где предательство — честь. Разве это не великий престиждитатор? Каким надо обладать бесстыдством, чтобы печатно заявить, что лица, которые не шли ни на какие компромиссы со своей совестью, заинтересованы в разложении боевой мощи армии и помогают большевикам; а те, кто в течение почти целого года ежедневно продавали свою честь и совесть, — укрепляют боевую мощь армии! Что дискредитируют корпорацию офицеров Генерального штаба не те, кто обслуживал большевиков, унижался перед Бронштейном и ездил в Брест, а те, кто указывает на определенную группу лиц, которая запятнала честь офицера Генерального штаба службой у бандитов!

Хотя Вы, генерал Андогский, обладаете и неслыханным проворством рук, но этот фокус ваш не удался. И напрасно вы пытались его проделать. Им вы ничего не опровергли, но себя дискредитировали окончательно.

В заключение я коснусь тех доводов, которые приводит генерал Андогский в опровержение обвинений, направленных персонально на него.

Вот они:

1) «Все обвинения, касающиеся общего поведения Академии, не могут быть отнесены исключительно ко мне. Я действовал как председатель конференции... с ее одобрения, а равно при дружной поддержке всех слушателей-офицеров».

Успокойтесь, мы и не относим все обвинения исключительно к вам. Нам известно трогательное единодушие, царившее между председателем и членами конференции, равно и дружная поддержка слушателей. Но к вам как начальнику по нашим военно-уголовным законам будет применена высшая мера наказания.

2) «Мне делают упрек, что я попал на должность начальника Академии неправильно, благодаря будто бы дружбе с Керенским, и что избран был будто бы генерал Алексеев».

Таким образом, смысл обвинений такой: большинством голосов офицеров Генерального штаба был избран другой, а назначен генерал Андогский. Посмотрите, как опровергает эти обвинения начальник Академии. Очень любопытно. Оказывается, об этом пишет сам же генерал Андогский, что избран был не генерал Алексеев, а... вы ждете, что генерал Андогский, нет, генерал Головин. Керенского генерал Андогский

никогда не видел. Его избрал генерал Ю.Д. Романовский⁸, невзирая на то, что большинство голосов было за генерала Головина, причем с генералом Ю.Д. Романовским, добавим от себя, генерал Андогский был уже хорошо знаком. Вот как опровергается обвинение, что генерал Андогский неправильно занял должность начальника Академии.

Перехожу теперь к самому важному:

3) «Самое тяжкое обвинение, возводимое на меня, — пишет генерал Андогский, — это то, что я будто бы подписал Брестский мир. Я был отправлен в Брест по принуждению и по категорическому приказу и.о. начальника Генерального штаба генерала Н.М. Потапова».

Но ведь вы же не малолетний, а зрелый муж, генерал? Как могли вас принудить ехать, если того вы искренне не желали? Ведь вы же могли просто скрыться из Петрограда. Правда, пришлось бы расстаться с хорошим окладом содержания, присвоенным начальнику Академии. Это, конечно, неприятно.

Вы поехали в Брест по категорическому приказу начальника Генерального штаба генерала Потапова. Но позвольте, генерал Потапов со времени большевистского переворота и по сей день состоит на службе у большевиков, следовательно, он такой же бандит, как Бронштейн и генералы Бонч-Бруевич, Черемисов и др. предатели. Почему вы считали себя обязательным приказ бандитского генерала? Подчинившись этому приказу, вы только засвидетельствовали, что вы именно служили советской власти и никому больше. А ведь в начале своей статьи вы утверждали, что только соприкасались с представителями советской власти. Хорошее соприкосновение, нечего сказать.

«Участи ехать в Брест, — повествует генерал Андогский, — совместно со мной подверглись: Генерального штаба генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов и Генерального штаба капитан В.В. Липский». Если бы в Брест поехали не один, а тысяча генералов от инфантерии и столько же капитанов, что же, от этого ваш поступок делается чище?

«Мы вовсе не уполномочивались подписывать мирный договор. Наша задача была не от Совнаркома, а от Главного управления Генерального штаба».

Но, позвольте, Главное управление Генерального штаба, начиная от начальника его генерала Потапова до последнего сторожа, состояла в то время на службе у Совнаркома. При этих условиях, мы думаем, совершенно безразлично, откуда исходили задачи.

Указывая, что вы получили задачу от большевистского генерала или учреждения, вы не только ничего не опровергаете, но опять-таки

⁸ Романовский Георгий (Юрий) Дмитриевич (13 (25) декабря 1877 — 1939) — российский военачальник, герой Русско-японской войны. В 1917 году произведён в генерал-лейтенанты с назначением начальником Главного управления Генерального штаба.

самым решительным образом подтверждаете, что лично вы и Академия были на службе у Совнаркома.

Затем, неужели же вы так до сих пор не понимаете, для чего советская власть приказала командировать вас в Брест?

Главная цель вашей поездки была совсем не подписание договора, а нечто другое.

Совнаркому необходимо было показать, что он не узурпировал власть, а является общепризнанным правительством всей России. Что от этой власти не отвернулись все честные люди, но ей служат такие почтенные лица, как генералы дореволюционной России.

Это обстоятельство подчеркивалось всеми официальными и частными органами советской печати. Хотя к тому времени большевики упразднили чины, но вас и генерала Данилова везде величали генералами, даже без добавления «бывший».

Вспомните, наконец, что за компания была делегирована в Брест для заключения мирного договора.

С Иоффе ехали «пьяные, растрепанные матросы, сутенеры и публичные женщины». Большевики боялись, что немцы не пожелают с ними разговаривать, а не то что вести переговоры. И вот, чтобы придать более приличный облик этой гнусной компании, в состав ее включили: бывшего командующего армией генерала Ю. Данилова, вас, начальника Академии Генерального штаба, и генерала Скалона, о котором вы предусмотрительно умалчиваете.

Задача командированных генералов, пишет генерал Андогский, заключалась в следующем: «принять все меры к тому, чтобы хоть частично улучшить условия договора в военном положении, так как таковые ставили Россию в чрезвычайно тяжелое положение в стратегическом отношении. Наша деятельность заключалась в протестах против отдельных пунктов договора и, наконец, против самого факта заключения позорного мира».

Генералу Андогскому, как офицеру Генерального штаба, должно быть хорошо известно, что всякого рода протесты при заключении мирного договора могут иметь лишь тогда какое-либо значение, когда за ними стоит реальная сила.

К моменту заключения Брестского мира Германия имела великолепную армию, воодушевленную непрерывными победами в течение почти трех лет. Во главе этой армии стоял талантливый генерал Гинденбург. У нас к тому времени армии совершенно не было. Во главе же распушенных, разнузданных красноармейских банд стоял главковерх прапорщик Крыленко.

И при этих условиях совдеповские генералы, командированные в Брест, собирались частично улучшить условия договора в военном отношении!

Ясно, что ничего они не улучшили. Договор подписан был на условиях, которые продиктовали немцы, а генералы запятнали мундир, который носили, и покрыли себя несмываемым позором.

«Я подписал не мирный договор, — гордо заявляет генерал Андогский, — а протест против заключения Брестского мира. Поданные нами протесты в копиях имеются у меня».

Лучшим протестом, конечно, было бы, если начальник Академии просто уклонился бы от поездки в Брест. И затем, интересно знать, где и когда были подписаны протесты? В Бресте, Петрограде, Москве или в другом каком-либо пункте? Об этом говорится очень неясно. Были ли подписаны еще какие-либо документы военными экспертами? И кто вообще может знать, что они там еще подписали? Одно можно сказать, что, очевидно, дело не ограничивалось подписью одних протестов. Обстановка переговоров была настолько унижительна и тяжела, что малодушный, но, несомненно, честный генерал Скалон предпочел пустить себе пулю в лоб, чем подписывать протесты.

Таким образом, генерал Андогский — участник преступной комиссии по заключению Брестского мирного договора, покрывшего нашу родину неслыханным позором. И если он не подписал названного договора, то фактом участия в этой комиссии он морально скрепил акт, униживший истерзанную Россию.

Поэтому предъявленное ему обвинение остается неопровергнутым, несмотря на целый ряд допущенных им подтасовок и умышленных недомолвок.

Я утруждал ваше внимание, читатели, указывая самые мелкие черточки знаменательного отчета о деятельности Академии Генерального штаба в 1917, 1918 годах. Это утомительно, но необходимо. Ведь из черточек составляются буквы, а из букв — слова. И вы видите, составилось слово: *предатели*.

Так вот каков, читатели, начальник Академии Генерального штаба, ординарный профессор генерал-майор Андогский и, несомненно, все, кто его дружно поддерживал и одобрял, т.е. члены конференции.

Не будучи в состоянии привести честные доводы, оправдывающие их преступное прошлое, они вопят: как смеете вы указывать на наше прошлое: «наши сочлены заполняют четыре пятых всех должностей Генерального штаба; вы подрываете боевую дисциплину, вы разлагаете армию, вы пособничаете большевикам».

Вот таковы наши новые «Ермаки Тимофеевичи, покорители Сибири», эти воспитатели и руководители нашей военной молодежи — будущих офицеров Генерального штаба, этого мозга армии!

Еще раз о таинственном событии, которое произошло 13 марта 1919 г. в г. Тюмени

Не буду спорить с профессиональными историками, написавшими не одну сотню строк о событии 13 марта 1919 г. в г. Тюмени и утверждающими, что оно было спровоцировано призывом местных жителей в армию А.В. Колчака, ряды которой катастрофически редели на фронтах Гражданской войны.

Просмотрев в РГВА все дела фонда 39610, обнаружил премного любопытного (документы опубликованы в Приложении 1 в хронологическом порядке).

Уже в декабре 1918 г. начальник контрразведывательного отделения № 5 штаба Западного фронта поручик Купреянов докладывал начальству, что через два-два с половиной месяца в г. Тюмени планируется восстание. Более того, он обрисовал техническую сторону предполагаемого действия.

Уверен, что не надо иметь тайных осведомителей, чтобы предположить схему происходящего. Уже в тот момент, когда поручик писал рапорт о подготовке к восстанию, с депо массово увольнялись железнодорожники. Об этом свидетельствует сохранившаяся в ГАРФе «Докладная записка Тобольского губернского комиссара труда о развале железнодорожного транспорта» (Р176. Оп. 4. Д. 103). Более того, материалы этого документа были опубликованы в местной газете «Наш путь» (1919. № 35). Понятно, что до появления в свет вышеупомянутых свидетельств создавшейся в городе ситуации, вопрос обсуждался и не только среди населения.

Не лучше обстояли дела и на водном транспорте. Там решили улучшить свое экономическое положение путем забастовки поденных рабочих. Этой категории не повысили тарифную ставку, установленную профсоюзами. И виноваты в этом были не судовладельцы, а государство, т.к. суда эксплуатировала казна. Проблема переговорным путем никак не рассасывалась. Судосоюз выставил тре-

бование: если до такого-то марта не будет решен вопрос, то не исключено, что уже в первые теплые дни некоторые суда пойдут ко дну. Как точно обрисовал ситуацию представитель центрального бюро профсоюзов М.Т. Казанцев на совещании при штабе начальника Тюменского военного округа 28 февраля 1919 г. по вопросу стачки поденных рабочих водного транспорта: «Рабочие предпочитают голодать бастуя, чем работать голодая».

Социально-бытовыми условиями многие жители города также не могли похвастаться. Власть Колчака начала реквизировать для нужд армии одежду, которой так не хватало. Изымались денежные средства в серебряных и золотых монетах. В конечном итоге, ни для кого не было секретом, как идет служба рядового солдата. Почитайте документы, даже в таком количестве их предостаточно для представления о тяжелой доле новобранца.

История с расстрелом О. Дилевской и ее гражданского мужа Н. Авдеева говорит о том, что городские власти конфликтовали с военными. Иначе не случилось бы ночного заседания Думы, которая решила вынести сор из избы, пожаловалась в Омск, правительству, на действия местной контрразведки.

В придачу ко всему, буквально накануне восстания, 8 марта, было переведено руководство Тюменского военного округа в Екатеринбург, изменился комендант гарнизона. Хотя и до этого не все подразделения подчинялись ему.

Как говорят, невероятное совпадение случайностей — следствие хорошо спланированной операции. Так ли это в данном случае? Вопрос для меня не праздный. Прожив в Тюмени почти сорок лет, я ни разу не зафиксировал интереса власти, в т.ч. советской, к событию, случившемуся около ста лет. И никто до сих пор так и не уточнил цифру погибших в тот день. А ведь сохранились в архивах документы церквей (пусть не всех), фиксировавшие усопших. Но гибель русского человека чаще всего была утратой лишь для семьи. Даже если и происходила она в результате общественных конфликтов...

Но как поручик Купреянов предугадал время вооруженного столкновения в городе? Может быть таким прозорливым помогла ему информация о грядущем призыве, о котором власть объявила во всеуслышание? Даже в Тобольской губернии уже случалось нечто подобное в дни отправки новобранцев на фронт...

Некий Вл. Галин местной газете «Свободное слово» писал:

«Близок конец жалкой эпопеи, дешевого счастья, кровавого красного террора...

...И мятеж в городе 13 марта был несомненно подготовлен местными большевиками. На крупный успех они не надеялись, результат в случае невыгодного для них исхода, их беспокоил мало. Так же как и число жертв, глупых ненужных. Свое дело они сделали, пошатнув на миг установившийся порядок, посеяв в городе панику, показав этим, что в стране как будто не все спокойно, что установившаяся власть как будто уж не так твердо стоит на ногах». (Преступная провокация. 1919. № 56, 19 марта.) Корреспондент как бы вторил Николаю Авдееву, высказавшему мнение о событии: «...Это выступление бессмысленное и бездумное носило характер случайный и беспочвенный...».

В разных документах это событие называют по-разному: восстание, мятеж или еще как-то. Но игривая формулировка помощника—заместителя управляющего Тобольской губернии подп. **К. Копачелли** о количестве погибших смущает: «Даже в официальных сферах города Тюмени варьируют совершенно произвольные цифры мятежников — от 100 до 500. Милицией было подобрано и предано земле всего 34 трупа, что дает основание считать эту цифру официально установленной. Но это не исключает возможности допустить большее число погибших, оставшихся вне ведения милиции». Как и смущает то, что до сих пор нет внятного памятника кровавому событию в г. Тюмени.

Приложение 1

Секретная переписка [На обложке дела]

Сводка работ юридической части
контрразведывательного отделения № 5 штаба Западного фронта
за время с 1-го по 15-е декабря 1918 г.

**Политическая сводка, составленная на основании сведений,
полученных работой отделения № 5**

Город Тюмень

Крупная буржуазия, естественно, вполне против большевизма, но приносит бессознательно пользу ему, внося раздражение в рабочую массу, слишком энергично возвращая отнятые при советской власти преимущества. Средний класс, в состав которого я включу и более зажиточных рабочих, в политическом отношении вполне благонадежен; к событиям политического характера он относится вполне индифферентно, интересуясь, главным образом, мерами против спекуляций и для восстановления порядка, одобряя решительные шаги нового Правительства. Рядовые же рабочие, в большинстве случаев, относятся также безразлично к политическим событиям, но будучи развращены до мозга костей ничегонеделанием и получением больших окладов, существующих при советской власти, встревожены введением сдельной платы, гарантирующей производительность труда рабочего. Их официальная мотивировка: при неимении в настоящее время необходимых, часто сложных инструментов и трудно получаемых материалов, они не могут выработать достаточно производимого материала не по своей вине или нежеланию, а только вследствие отсутствия необходимых инструментов, которые заменены грубыми суррогатами домашнего производства. В общих кругах этой рабочей массы несомненно тлеет враждебность по отношению к существующей власти, но она запугана строгими мерами военных властей, и не имея возможности рассчитывать на поддержку солдат воинских частей, не решается выступить с решительными действиями.

Наиболее развращенными я считаю рабочих железнодорожного депо, несмотря на то, как это ни странно, что во времена большевизма они состояли в оппозиции к местному Совдепу. Заметна также усиленная агитация на кожевенных заводах. Лесопилки являются более благонадежными заводами; предполагавшаяся некогда забастовка — исключительно из-за экономических условий.

Нельзя обойти молчанием район Затюменки (Сараи), где скрывается масса разного сброда, выловить который не представляется возмож-

ным ввиду того, что все они имеют подложные неизвестно откуда полученные паспорта, причем их подложность установить крайне сложно.

В местном 6-м полку настроение солдат хорошее. Это обуславливается невозможностью агитации, так как день и ночь при каждой роте присутствует посменно офицер. Наиболее благонадежные части у этого полка, в случае надобности, не только отправятся на фронт и будут честно сражаться с противником, но и выступят против местных рабочих.

8-й местный полк, частью составленный из солдат-казанцев, далеко не благонадежен, и не только нельзя рассчитывать на его участие в подавлении мятежа, но можно сомневаться в его честном отношении к долгу, в случае отправления на внешний фронт. Солдаты этого полка крайне возмущаются грубым, по их мнению, обращению офицеров с ними, негодуют на золотые погоны и критикуют распоряжения военных властей, укаывая, что лучше бы было «если бы их одели и обули бы».

Поручик *Куприянов*.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 54. Л. 9–11 об.

Сводка работ контрразведывательного отделения № 5 штаба Западного фронта за время с 30-го октября по 15-е декабря 1918 г.

<...> Упорное и организованное сопротивление контрразведывательной работе со стороны местных административных органов (исключение — военные власти): это будет понятно, если вспомнить ту идиллию, которая царствовала в г. Тюмени до прибытия сюда штаба округа и контрразведки. Несмотря на существование здесь следственной комиссии, многие видные большевики разгуливают на свободе, и отделение № 5 не в силах арестовать их, так как у них на руках имеются удостоверения, что они были преданы осуждению следственной комиссией на три месяца тюремного заключения, свой срок отбыли и теперь считаются реабилитированными.

К деятельности контрразведывательного отделения следственная комиссия относится весьма неприязненно, ставя ему на каждом шагу препятствия формального характера. Так несмотря на трижды обращенную в комиссию просьбу дать имевшиеся в ее архиве материалы по делам некоторых лиц, комиссия, игнорируя отделение, не только не нашла возможным сообщить просимые материалы, но даже не сочла нужным что-либо ответить...

... Не вполне удовлетворен и состав комиссии: часть выборных членов (например, Китов, бывш. вначале товарищем председателя совдепа, а в конце до последнего момента — членом мандатной комиссии того же совдепа) играла известную общественную роль во времена большевизма, а потому склонна к отыскиванию смягчающих обстоятельств в делах лиц, возможно некогда хорошо знакомых с ними.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 54. Л. 12–13.

Командир 8 кадрового Тюменского стрелкового полка
25 ноября 1918 г.

Секретно

Главному начальнику Тюменского военного округа

Около 50 % солдат вверенного мне полка не имеет не только теплой одежды, но просто верхнего платья (гимнастерок и шинелей). Более 50 % их не имеют сапог или ботинок сколько-нибудь пригодных для носки. Размещаются люди до предела возможного скученно, по большей части в сырых, раньше нежилых, а иногда и раньше не отапливаемых помещениях (казармы в маг. Стахеева). Спать половине солдат, не имеющим шинелей, приходится не прикрываясь ничем, и всем солдатам — на голых нарах, т.к. в приобретении мешков (для закрывания сверху соломы или устройства тюфяков) полку было отказано. Л. 51 об. Плетение матов, помимо антигигиеничности их, как рассадника всевозможных паразитов, немислимо из-за буквально бешенных цен на шпагат, ограниченности его количества и плохого качества соломы (мятая и мелкая, очевидно, машинной обработки).

Отсутствие элементарных удобств и наполовину положенного от казны вещевого довольствия создают благоприятные условия для возникновения и развития недовольства и ропота, чем несомненно пользуются большевистские настроенные элементы местного населения и солдаты гарнизона, ведя противоправительственную агитацию, понижая бодрость, моральный уровень и дисциплинированность молодых солдат и вытравливая патриотический порыв у добровольцев указанием на невозможные санитарные и гигиенические условия жизни солдат, и делая отсюда выводы, вроде того, что «буржуазия и офицерство решило переморить весь простой народ», что все здесь должны перемереть и т.д. и т.п. Агитация эта, благодаря указанным благоприятным для нее условиям, а также совпавшей с ними неопределенности международногo и внутреннего положения Правительства и происходящим в нем переменам, ширится. Растет и борьба с ней только тогда будет успешна, когда будет устранена благодатная для нее почва — отсутствие одежды, сапог, другого вещевого довольствия и невозможные условия размещения людей.

Кроме того, и ведение занятий хоть сколько-нибудь планомерно в целях создания стойкого бойца, жаждущего победы, или даже просто немного обученного и дисциплинированного солдата, немислимо при таком состоянии и размещении полка.

В виду этого срочно прошу распоряжений, направленных к немедленному удовлетворению потребностей полка в одежде, шинелях, сапогах и мешках (для устройства тюфяков) и более удовлетворительном в санитарном и гигиеническом отношении, размещении полка, так как в противном случае быть уверенным в настроении солдат и рас-

считать на них в случае возникновения каких-либо волнений в городе не представляется мне возможным.

Полковник

Имшинецкий.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 54. Л. 51–52 об.

Командир 8 кадрового Тюменского стрелкового полка
26 ноября 1918 г.

Секретно

Главному начальнику Тюменского военного округа

Рапорт

Ежедневно во вверенный мне полк прибывает по несколько офицеров, командируемых, как видно из предписания им Деж. Ген. Штаба Зап. фронта и Челябинским этапным комендантом. Почти во всех случаях кроме этих предписания у гг. офицеров нет никаких документов, свидетельствующих о прежнем прохождении ими службы, удовлетворении тем или иным видом довольствия, о прежнем роде занятий, социальном положении и т.п.

Большинство из гг. офицеров находится в крайне стесненном, если не бедственном, материальном положении, Л. 53 об. некоторые указывают, что вот уже несколько дней как они сидят на норму пищи, положенной при усиленном аресте, многие просят аванса в счет следующего им содержания, каковые просьбы при отсутствии документов я, не зная совершенно прибывающих офицеров, удовлетворить не в состоянии.

С другой стороны благодаря массе офицеров (в настоящее время их в полку более 350 ч.) контроль за их деятельностью, поведением, знаниями, установление их духовной и нравственной физиономии и пополнением недочетов их, большей частью ускоренного воинского воспитания все более становится затруднительным. Производящиеся в полку побатальонно офицерские тактические занятия по условиям места и при отсутствии пособий, приспособлений и руководств многого в этом отношении дать не могут. Занятия с солдатами в ротах, где чуть ли не на каждого солдата приходится по офицеру, не могут занять всех офицеров. Вследствие скуки, определенного круга деятельности, благодаря также некоторой недисциплинированности, что является результатом непродолжительного воинского воспитания, с одной стороны, и незаметно проникшего почти во всех духа большевистского разложения всякого порядка, с другой, по всем этим причинам многие из гг. офицеров предаются праздной и даже разгульной жизни, посещают постоянно увеселительные и др. более веселые места и, вообще, усваивают недопустимый для звания и унизительный для достоинства офицера образ поведения.

Поэтому усиленно прошу, если это возможно, соответствующего распоряжения, чтобы все офицеры, командируемые с фронта во вверенный мне полк, предварительно направлялись в организуемую в Тюме-

ни офицерскую школу для пополнения пробелов их образования и, главным образом, устранения недочетов воинского их воспитания.

Полковник

Имшенецкий.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 54. Л. 53–54.

Сводка работ по отделению с 21 по 28 декабря 1918 г.

...за последнюю неделю нами установлена непосредственная связь с местным агитационным отделом. Установлено, что комитет обладает денежным фондом, из сумм которого может в течение нескольких месяцев субсидировать своих сотрудников. По имеющимся сведениям, рабочие местного железнодорожного депо хотят постепенно оставлять службу, стараясь, очевидно, своим уходом незаметно вызвать расстройство в работе депо. <...>

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 54. Л. 16.

Сводка работ по отделению с 28 декабря 1918 г. по 15 января 1919 г.

<...> Агитационный комитет большевиков выясняется в лице председателя, его заместителя и двух членов. К сожалению, раскрытие деталей и собирание фактического материала, который мог бы послужить достаточным прецедентом для ликвидации организации, затруднено вследствие измены одного из тайных агентов отделения, который в настоящее время арестован.

Что касается действительности местного отдела РСДРП, то пока еще нельзя утверждать, что они могли бы категорически отказаться от блока с большевиками. Скорее их удерживает лишь то обстоятельство, что войдя в контакт с коммунистами, они могут оказаться в случае успеха последних, в лагере угнетателей, поправших всякие демократические принципы. <...>

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 54. Л. 17–17 об.

Весьма секретно

31 декабря 1918 г.

*Начальнику штаба Тюменского военного округа
Рапорт*

В дополнение к моему словесному докладу от 29-го сего декабря доношу, что вверенному мне отделению удалось войти через секретного агента в связь с агитационным отделом, образовавшимся в г. Тюмени. Означенный отдел создан местными большевиками и левыми эсерами при моральной и материальной поддержке извне. Задачей Агитационного отдела является устройство в гор. Тюмени восстания, срок которого определяется через $2-2\frac{1}{2}$ месяца.

Отдел обладает денежными средствами, по-видимому значительными, ибо может обеспечить своих работников на срок не менее 3-4 месяцев. Конспиративная квартира и полный личный состав отдела мне пока неизвестны. Среди полноправных членов отдела находится 3 лица, отделению известных: один из них — мой агент, честность которого вне сомнения; другой — агитатор, находящийся в настоящее время в 8-м полку. Несмотря на то, что участие его в подпольной работе доказано, сама фамилия и личность известны и проверены они отделением, не задерживается в виду того, что мною получены правдоподобные и заслуживающие доверия сведения, заставляющие догадываться о целой сети агитаторов в 8-м полку, а возможно, и в других частях. Третий — из известных отделению членов Агитационного отдела — рабочий, по слухам, прибывший из царства большевиков и работающий ныне на местном заводе; фамилия его и адрес нам также известны. Аресты упомянутых двух лиц не производятся из многих соображений, главный из которых является желание использовать до максимума положение своего секретного сотрудника и вполне ликвидировать уже организовавшийся Комитет целиком. Ликвидация мною будет произведена незамедлительно по получении сведений о составе отдела.

Сотрудник мой в активной и агитационной работе Отдела участвовать не будет, ограничиваясь лишь посещениями заседаний и сходок для получения сведений о составе и деятельности Отдела. Пока считаю установленной, хотя и лишенной покамест фактических доказательств, связь большевистского Отдела с президиумом местной партии эсдеков.

Имею непроверенные сведения о технической стороне предполагаемого восстания:

1) Скрытая забастовка, заключающаяся в постепенном и незаметном уходе рабочих из местного железнодорожного Депо и станции под видом малого заработка: этих рабочих будет поддерживать материально Агитационный отдел, организуя из них боевые дружины; 2) Открытая забастовка железнодорожных рабочих с присоединением к ним всех местных заводов и фабрик и 3) Вооруженное восстание организовавшихся боевых дружин, одновременно сопровождаемое восстанием в воинских частях, заранее распропагандированных агитаторами и членами отдела.<...>

Поручик

Купреянов.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 54. Л. 18–19 об.

Обязательное постановление № 5 от 5 февраля 1919 г.

В виду установления из опроса военнопленных русских солдат, возвращающихся из Австрии и Германии, что при прохождении их через фронт большевиков, красноармейцы отбирают у них документы, и уже

с этими документами, под видом пленных, проникают большевистские агенты и шпионы для противоправительственной агитации...

Обязываю... всех прибывающих из плена солдат в города или в сельские местности на жительство или временное проживание, не принадлежащих к обществу данного населенного пункта и не известных жителям, ...немедленно задерживать и препровождать под строгим надзором... к коменданту города Тюмени.

Лица, признанные виновными в прохождении через наш фронт под видом военнопленных в целях способствования или благоприятствования неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях, подлежат... лишению всех прав состояния и смертной казни...

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 7–7 об.

Доклад начальника штаба Тюменского военного округа на театре военных действий от 16 февраля 1919 г.

... Предполагая, что будет призыв пяти возрастных классов, число призывников в Тюменском уезде будет достигать около 4100

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 54. Л. 93–97 об.

Требования рабочих, работающих поденно на зимовке
Торгового дома Плотникова, зимовки №1 и № 5
Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли
в г. Тюмени

Вследствие того, что поденные рабочие не получали прибавок в течение последних 6 месяцев, несмотря на рост дороговизны и неоднократные ходатайства Судосоюза в настоящее время поденные рабочие вынуждены требовать добавочного вознаграждения за время от 15 сентября 1918 года по 1-е февраля 1919 г. согласно разницы между получаемым окладом и соответствующими ставками профессиональных союзов, проведенными в жизнь с 15 сентября 1918 г. <...>

С подлинным верно. Секретарь Ол. Дилевская.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 85. Л. 3.

Управляющему Тюменским уездом

23 февраля 1919 г.

18 февраля с.г. забастовали поденные рабочие водного транспорта, предъявив конторам т/д Плотникова и т-ву Западно-Сибирского пароходства экономические требования, заключающиеся в повышении ставок поденной платы. Урегулирование этого вопроса путем приведения сторон к мирному обоюдному соглашению с целью прекращения забастовки поручено губернскому инспектору труда.

Принимая во внимание, что забастовка рабочих на экономической почве разрешена законом при условии мирного протекания таковых, главный начальник округа просит Вас установить за этим движением негласное наблюдение и следить за его развитием. О ходе забастовки периодически доносить главному начальнику округа.

Помощник начальника штаба подполковник *Галлер*
РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 85. Л. 5–5 об.

Протокол совещания,

состоявшегося 26 февраля 1919 г. по вопросу об исследовании
указываем в отношении от 25 февраля 1919 г.

за № 2420 Тюменского агентства водного транспорта
начальнику гарнизона г. Тюмени фактов недопущения рабочими
водного транспорта других рабочих к работам

Совещание открылось в 6 час. вечера Тобольским губернским инспектором труда Александром Григорьевичем Воробьевым в присутствии председателя Тюменского отдела судосоюза Владимира Всеволодовича Винницкого и членов стачечного комитета бастующих рабочих Гавриила Петровича Тарлопова, Владимира Петровича Петрова и Ивана Карловича Давыдова; секретарствует вр. и.д. секретаря инспекции Михаил Захарович Наумов..

По открытии собрания инспектор труда читает отношение Тюменского агентства водного транспорта к начальнику гарнизона г. Тюмени от 25 февраля с.г. за № 2420, причем доказывает, что по этому поводу он беседовал с начальником гарнизона (он же начальник Тюменского военного округа), причем было установлено, что инспектор труда должен к 27 февраля с.г. исследовать справедливость утверждений Тюменского агентства водного транспорта; он принимал все меры к вызову по телефону на настоящее совещание представителя агентства, но оказалось, что инспектор Чеботарев выбыл в Омск и что ни одно из лиц (инспектор Туренко, бухгалтер Трофимов и пом. инспектора Караваев), которые так или иначе могли быть его заместителями, не признает за собою права заместительства Чеботарева и потому отказались прибыть на настоящее совещание; вообще общее впечатление инспектора труда от разговоров по телефону со всеми означенными лицами таково, что у агентства водного транспорта нет и не было никаких оснований к правильности его утверждения, что бастующие «не допускают других к работе», поэтому необходимо предложить водному транспорту указать хотя бы один конкретный случай незаконных действий стачечников; до указания конкретного такого случая утверждение водного транспорта является голословным и не может служить достаточным основанием для применения к бастующим военной силы, чего, может быть, хочет достигнуть агентство.

В.В. Винницкий заявляет, что необходимо установить также, что словесное воздействие бастующих на тех рабочих, которые, может быть, пожелают стать штрейкбрехерами, не может считаться недопущением к работам, и это необходимо отметить в резолюции настоящего совещания.

Представители стачечного комитета заявляют, что никакого насильственного недопущения к работам с их стороны не было, и утверждение водного транспорта в этом отношении является совершенно несоответствующим действительности.

По коротком обсуждении вопроса постановлено: Предложить Тюменскому агентству водного транспорта привести конкретные случаи недопущения к работе других рабочих, причем установить, что методы борьбы, не выходящие из культурных пределов вплоть до объявления места под бойкотом не могут считаться достаточным основанием справедливости утверждения Тюменского агентства водного транспорта, а также тем более для применения вооруженной силы, чего может быть хотело бы достигнуть это агентство.

Председатель

Члены

Секретарь

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 85. Л. 8–8 об.

На совещании при штабе начальника Тюменского военного округа 28 февраля 1919 г. по вопросу стачки поденных рабочих водного транспорта:

А.М. Плотников (судовладелец): ...обсудили создавшееся положение и признали его угрожающим целостности флота. Еще 23 февраля [судовладельцы] предложили принять меры, чтобы приступить к работам на судах и баржах, которым грозит в ближайшем времени потопление; но рабочие ставят в число главнейших своих требований — уплату дополнительного вознаграждения с 15 сентября 1918 г. по 1 февраля с.г., что составляет расход Л. 11 в 200 000 руб., расход, который должен пасть, во всяком случае не на судовладельцев, так как суда находились во владении и пользовании казны.

М.Т. Казанцев (центральное бюро профсоюзов): Забастовка вызвана исключительно экономическими причинами. Рабочие водного транспорта голодают уже давно: ставки за труд у них «голодные»; им нечего терять — вот причина стачки; рабочие предпочитают голодать бастуя, чем работать голодая.

А.Г. Воробьев (инспектор труда): Обращение судовладельцев к содействию военной власти и попытки их получить военнопленных для работы — не вызываются необходимостью; помимо того — согласно закона, пока на бирже труда имеется зарегистрированный контингент

русских безработных рабочих данной специальности, обращаться к труду военнопленных не дозволяется.

А.М. Плотников (судовладелец): Стачки запрещены в прифронтовой полосе, на расстоянии не ближе 5 верст от железной дороги...

В.В. Винницкий (центральное бюро профсоюзов): Государственная точка зрения на вопрос — не есть монополия судовладельцев; из того, что предлагает г. Плотников вытекает, что вся тяжесть государственности должна почему-то лечь на плечи рабочих и только на них...

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 85. Л. 10 об. — 12.

Телеграмма

Военная срочно

1.03.1919.

18 февраля Тюмени забастовали рабочие водного транспорта выставив требование увеличение платы и выдачи им разницы ставок с 15 сентября по 1 февраля в сумме двести тысяч рублей за период когда суда фактически состояли за казной. Созванная конфликтная комиссия положение не разрешила, хотя вопрос о вознаграждении за прежнее время принципиально возможно отложить и остается только вопрос о повышении ставок, на что судовладельцы до 6 марта решения дать не могут. Ремонт судов и барж не закончен и в случае ростепели им грозит потопление. Является необходимость спешно разрешить конфликт, о чем прошу распорядиться, иначе суда могут погибнуть.

Врид Главниначокр Тюменского генлейтенант

Панов

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 83. Л. 49.

Телеграмма

Срочная

3 марта 1919

Екатеринбург командарм сибирской

Среди судовых рабочих водного транспорта 18 февраля началась забастовка экономической почве выразившаяся в предъявлении требований увеличении ставок точка бывших совещаниях из представителей судовладельцев и рабочих при участии инспектора труда стороны не пришли соглашению так как судовладельцы до решения этого вопроса омским съездом 5 марта не уполномочены на увеличение ставок точка ввиду этого и с целью ускорения разрешения положения мной послана телеграмма министрам путей сообщения запятая внутренних дел и труда следующего содержания двоеточие кавычка 18 февраля тюмени забастовали рабочие водного транспорта выставив требование увеличения платы и выдачи им разницы ставок с 15 сентября по 1 февраля в сумме двести тысяч рублей за период когда суда

фактически стояли за казной точка созванная конфликтная комиссия положение не разрешила хотя вопрос о вознаграждении за прежнее время принципиально возможно отложить и остается только вопрос о повышении ставок на что судовладельцы до 6 марта решения дать не могут точка ремонт судов и барж не закончен и случае ростепели им грозит потопление тоска является необходимым спешно разрешить конфликт о чем прошу распоряжения иначе суда могут погибнуть точка кавычка шестого марта профессиональный союз продолжал забастовку предполагает снять вахтенных и караульных причем дабы имущество судов и сами суда не подверглись грабежу и другим случайностям комиссия минсообщ просит принять меры по окарауливанию имущества военными постами точка прошу указания ибо от министерств ответа не получено

Врид Главначокр Тюменского генлейтенант

Панов

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 83. Л. 52–52 об..

8 марта 1919

№ 142.

Отъезжая сего числа в город Екатеринбург на место квартирования штаба округа назначаю начальника окружного артиллерийского управления полковника Зенкевича моим уполномоченным по охране государственного порядка и общественного спокойствия в г. Тюмени и его уезде.

Генлейтенант

Рычков

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 98 об.

Начальник Тюменского концентрационного лагеря военнопленных
10 марта 1919 г.

Начальнику гарнизона города Тюмени
Рапорт

Прошу распоряжения о назначении для охраны лагеря военнопленных соответствующего караула, причем, желательно, назначение офицерского караула, так как назначаемый караул до настоящего времени не выполняет ст. <...> устава гарнизонной службы. Часовые, стоя на посту, подпускают к себе вплотную военнопленных, здороваются за руку и разговаривают с посторонними. Часовой у ворот пропускает всех за ограду беспрепятственно, и военнопленные делают самовольные отлучки не только через забор, но и через ворота, что и получается ежедневное хождение красноармейцев партиями по городу и деревням. Врывающихся в квартиры и выпрашивая милостыню: кусков хлеба и белья, объясняя, что их не кормят и не дают хлеба, вместе с этим и форменная провокация, причем часовые не имеют соответствующего

количества патронов, как это было 10 марта, у часового у ворот не было ни одного патрона, а потому прошу распоряжение об отдаче объявления по городу и деревням: не принимать военнопленных на работу, так как иностранные военнопленные убегают по деревням для подыскания себе заработка, предупредив крестьян строгим наказанием за укрывательство.

Штабс-капитан

(подпись).

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 90. Л. 62–62 об..

Телеграмма

14 марта 1919 г.

Наштарму Сибирской Тюмень

Главному начальнику Тюменского округа

Из ставки Наштаверх приказал точка Издающуюся Тюмени газету кавычки Наш путь кавычки закрыть навсегда запятая обратив ее типографию если отдельная таковая имеется на нужды армии точка По имеющимся сведениям Винницкий председатель судосоюза запятая Дилевская секретарь профессионального союза Казанский товарищ председателя того же союза ведут большевистскую пропаганду среди рабочих точка Необходимо установить негласное наблюдение и расследование сообщив данные в контрразведку Ставку и принять самые строгие меры пресечения всякой пропаганды точка <...>

Помнаштаверха генмайор

Бурдин.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 88. Л. 69

Телеграмма

28 марта 1919

Омск Съезд судовладельцев

Тюмени бастовали судостроительные рабочие точка Забастовка носила исключительно экономический характер и прекращена моим вмешательством точка по условиям переживаемого момента и интересах армии настоятельно необходимо спокойствие тылу и непрекращающаяся планомерная работа транспорта в том числе водного точка считая своим долгом оказывать помощь промышленным предприятиям работающим на оборону для поддержания порядка и охраны имущества я прошу съезд внимательно отнестись интересам рабочих и выражаю уверенность что острый вопрос оплаты труда будет решен съездом общегосударственном масштабе как того требуют интересы родины

Командарм Сибирской генлейтенант

Гайда

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 83. Л. 99.

[Из протокола допроса]:

Авдеев Николай Николаевич, преподаватель русского языка и истории ремесленного училища имени Текутьева, лет от роду 39.

...В помещении типографии Союза потребительских обществ, при которой печаталась газета «Наш день», фактическим редактором которой был я...

...Это выступление бессмысленное и бездумное носило характер случайный и беспочвенный...

...Арестован — «неосведомленность широких слоев общества г. Тюмени о характере моей политической и общественной деятельности. Я состою членом социал-демократов меньшевиков и даже председателем комитета этой партии в г. Тюмени».

Я действительно входил в состав совдепии при большевиках, но здесь я не занимал никаких должностей, и все мои выступления носили оппозиционный характер, и все усилия мои направлены на устранение произвола и жестокостей и проявлению большей закономерности... Через все передовые статьи, помещаемые мною в газете «Наш путь» я проводил мысли, в которых ясно выражалось мое отрицательное отношение к большевизму. В частности же я неоднократно указывал на утопичность социализма в настоящее время, когда можно только мечтать о демократизме.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 51–55.

Телеграмма

1 апреля 1919 г.

Омск Начштаверху

Связи восстанием мобилизованных Тюмени был произведен ряд арестов лиц внушавших основательное подозрение антиправительственной деятельности в том числе Дилевская и Авдеев точка время сопровождения Дилевской Авдеева и трех других из тюрьмы в контрразведку запятая последние трое пытались бежать точка конвой предупреждения побега открыл огонь запятая результат все пятеро пали и казалось были убиты точка действительности оказалось что Авдеев был ранен остался жив точка следующий день четырнадцатого марта Авдеев пришел городскому голове точка последний собрал заседание управы которую осведомили случившемся слов Авдеева точка вынесенное определение было предоставлено мне, Минюст и министру внутренних дел точка выяснения обстоятельств дел мною командирован Тюмень штаб офицер поручений производства расследования точка результаты расследования донесу дополнительно

Главначокр Тюменского генлейтенант

Рычков.

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 83. Л. 112.

Событие

глазами его участника — военного руководителя

[Л. 4.] Начальник военно-окружного¹
артиллерийского училища
Управления Тюменского военного округа
18 марта 1919 г.

№ 12

г. Тюмень

Секретно

Главному начальнику Тюменского военного округа

Рапорт

В целях всестороннего освещения событий, имевших место 13 марта с.г. в г. Тюмени, а равно ознакомления с теми предупредительными мерами, которые мною приняты со дня вступления моего в исполнение обязанностей начальника гарнизона² и уполномоченного по охране государственного порядка в г. Тюмени и уезде, и теми распоряжениями, которые были отданы для подавления вспыхнувшего в г. Тюмени мятежа под влиянием большевистской пропаганды, считаю необходимым доложить нижеследующее.

8 марта я пригласил управляющего Тюменским уездом, начальника городской милиции, начальника контрразведки и коменданта города для обсуждения вопросов о необходимости установления мер для поддержания порядка в городе и уезде ввиду происходящей мобилизации. В результате было установлено патрулирование в горо-

¹ Данный документ, скорее всего, машинописный вариант телеграммы. К такому выводу приводят членение текста на предложения и отсутствие иных знаков препинания. Орфография и стилистика архивного текста сохранены. Пунктуация выполнена согласно современным правилам.

² Штабс-офицер для поручений по артиллерийской части полковник Владимир Иванович Зенкевич вступил в должность начальника гарнизона 10 марта 1919 г., практически сразу после перевода штаба Тюменского военного округа в Екатеринбург.

де из чинов конной милиции и батальона 49-го Сибирского стрелкового полка, несущего в городе караульную службу. 9 и 10 сего марта по моему приказанию адъютант начальника гарнизона обратился к командиру 2-го Чехо-Словацкого кавалерийского полка с целью выяснить, могу ли я рассчитывать на поддержку полка, если в этом будет надобность; необходимость выяснения этого вопроса диктовалась и тем, что, кроме школ, [Л. 4 об.] других вооруженных частей в моем распоряжении не было. Ожидая у телефона ответа от полковника Червинко³, я выяснил, что полковник Червинко, имея особые распоряжения, исполнять мои приказания не будет, указав между прочим, что «пора смотреть на чехов как на союзников».

10 марта в видах поддержания порядка в городе мною издано обязательное постановление о прекращении продажи и выдачи из винного склада спиртных напитков и недопущении распития таковых в ресторанах, буфетах путем наблюдения. Выполнение этого обязательного постановления было возложено на чинов милиции. Кроме принятых мер по охране города мною предложено было: начальнику милиции и начальнику контрразведки иметь бдительное постоянное наблюдение через своих агентов за настроением населения и призывных. Одновременно с этим я лично поверял как патрулирование в городе, так и караулы; выяснив недостаточность вооружения некоторых воинских частей гарнизона, я приказал временно выдать недостающее вооружение с соответствующим количеством патронов. 10–11 марта мною было отдано распоряжение о том, что по тревоге всеми воинскими частями: школы, кадровые батареи — местная команда должна собираться на Базарной площади у цирка — на сборном пункте.

11 марта уездным воинским начальником, начальником контрразведки мне было доложено, что призывные под влиянием пропаганды заявляют всевозможные требования: о выдаче им удостоверений о том, что они призваны по мобилизации, а не добровольно, о выдаче их семьям пайков, им обмундирования. Получив эти сведения и желая устранить причины недовольства, я обратился к начальнику Военно-окружного интендантского управления подполковнику Павлову, который по моему требованию отпустил сначала 1000 комплектов, а потом дополнительно еще 1500 комплек-

³ Командир 2-го Чехо-Словацкого кавалерийского полка Ярослав Ярославович Червинка.

тов теплой одежды. Для уменьшения скопления на сборном пункте у воинского начальника призывных было отдано приказание прибывающие эшелоны призывных останавливать на воинской платформе ст. Тюмень, там же их кормить и по проверке и приеме призывных воинским начальником немедленно передавать приемщикам от частей.

Ввиду [Л. 5] усилившегося брожения среди подозрительного элемента, за которым было установлено бдительное наблюдение силами контрразведки и милиции, с 11 марта на 12 марта по моему приказанию были усилены патрули, выставлены секреты чинов милиции в соседних домах ремесленного училища, где помещался артиллерийский склад. 12 марта я получил сведения, что в 2 часа ночи с 12 на 13 марта ожидается выступление скрытых большевиков, а равно и призывных. Утром 12 марта все меры предосторожности были приняты, и части находились наготове, получив от меня соответствующие приказания. Считаю, что в случае выступления единственным средством для быстрого и решительного подавления мятежа является решительный образ действий, полумерам нет места, я категорически призывал начальников всех частей: действовать беспощадно, решительно и всех вооруженных мятежников расстреливать на местах, где они будут застигнуты. 13-го сего марта я получил такое же приказание от командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Гайда.

13 марта утром около 11 час. утра толпа призывных во главе с мобилизованным Вороховым и другими большевиками с Томской⁴ и Садовой улиц ворвались в ремесленное училище, не встретив никакого сопротивления со стороны унтер-офицерского караула, отобрали у них оружие и начали разбирать ящики с оружием и патронами⁵. Разобранное оружие передавали в ведение каких-то лиц, очевидно, организаторов мятежа, которые и выдавали, и распределяли это оружие между участниками мятежа. О нападении на склад мне было доложено по телефону.

⁴ Ныне улица Осипенко.

⁵ В таблице «Сведения об огнестрельном и холодном оружии, огнестрельных припасах и прочих предметах, похищенных во время нападения на оружейный склад при оружейной мастерской 13 марта 1919 г.» значится, что мятежниками унесено 296 винтовок разных марок, из них — 147 исправных, патронов 18442 шт., штыков — 191 и револьверов — 9. См.: РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Лл. 8–9. (Далее при ссылке на вышеуказанный фонд будут указываться только номер дела и лист.)

Немедленно, не отходя от телефона, я приказал выключить все городские абонентные телефоны, поочередно осведомив всех начальников частей об обстановке вспыхнувшего мятежа, и каждой части дал соответствующее приказание. Полковнику Червинко я передал по телефону о восстании призывных, причем указал еще, что в случае отказа в содействии вся ответственность последствия ложится на него. Коменданту ст. Тюмень я приказал усилить охрану станции ж.д. за счет 3-го батальона охраны железной дороги, которому это приказание было передано мною по телефону, а частям 6-го Чехо-Словацкого пешего полка прикрыть винный склад и тюрьму. Унтер-офицерской школе⁶ я приказал двинуться по Садовой улице к ремесленному училищу, где был артиллерийский склад.

К телефону склада [Л. 5 об.] мне не удалось никого вызвать, из чего я заключил, что там в это время находились мятежники. О мятеже сообщил начальнику милиции и управляющему уездом. После этого вызвал к себе коменданта, с которым и поехал к ремесленному училищу, туда же была двинута по моему приказанию рота 2-го Барабинского полка, только что прибывшего в Тюмень батальона. По прибытии в склад мятежников я не застал, но выяснил, что мятежники направились в лагерь военнопленных, куда за ними следом направилась унтер-офицерская пехотная школа, усиленная до 150 штыков офицерской пехотной школой. Осмотрев наскоро артиллерийский склад, я приказал коменданту города выставить офицерский караул, что и было немедленно исполнено. После поехал дальше с комендантом города по направлению комендантского управления; и к этому времени были выставлены в разных местах города конные заставы и высланы разъезды от 2-го Чехо-Словацкого кавалерийского полка.

По дороге к комендантскому управлению я получил сведения, что в заречной части города идет усиленная агитация среди рабо-

⁶ В ноябре 1918 г. распоряжением Главнокомандующего Западного фронта Я. Сырового были созданы в Тюменском военном округе «повторительные школы для офицеров и школы для подготовки унтер-офицеров. Офицерские школы с курсом в шесть недель должны пройти все офицеры, посылаемые в резерв, и офицеры русских частей, прибывшие с фронта» (Д. 11. Лл. 11–12). Их было в Тюмени четыре: унтер-офицерская (полковник Заалов) и офицерская (полковник Головин) пехотные, офицерская (полковник Черский) и фейерверкерская (подполковник Стрельбицкий) артиллерийские школы.

чих на всех заводах и раздаются прокламации об избииении офицеров и обезоружении чехо-словаков. Тогда я послал туда около сотни чехо-словаков для рассеивания толпы и пресечения агитации.

В мое пребывание у артиллерийского склада явились двое рабочих с запиской, уведомляющей, что они посланы для связи, я их арестовал и приказал отвести под конвоем в комендантское управление для ареста. Стоя на улице у комендантского управления, выяснил, что тюрьма не захвачена, но штабс-капитан Веселухин, дежурный по караулам, просит подкрепления, куда и послан был отряд 2-го Барабинского полка. К комендантскому управлению прибыло 40 конных от кадровой легкой артиллерийской батареи⁷.

Во время движения мятежников от артиллерийского склада по направлению к лагерю военнопленных⁸ банда мятежников возросла до 800 человек⁹. В лагере военнопленных мятежники не встретили со стороны караула никакого сопротивления, отобрали от него оружие, сорвали погоны с офицеров и солдат и, захватив с собой красноармейцев, двинулись: частью к Сараям, а меньшая часть — к тюрьме. Будучи встречены оружейным огнем, повернули к Сараям и рассыпались в цепь по полотну железной дороги. К этому же времени подошли к полотну железной дороги: местная команда под коман- [Л. 6] дой подпоручика Пепилоука — с одной стороны и части 6-го Чехо-Словацкого пешего полка — со стороны вокзала. Местная команда и части 6-го Чехо-Словацкого полка под общей командой подпоручика Пепилоука открыли по цепи мятежников огонь.

В это время со стороны лагерей военнопленных подошла унтер-офицерская пехотная школа, которая, увидев цепь мятежников, стремительно, без выстрела бросилась в атаку. Мятежники не выдержали и бросились бежать врассыпную к Сараям, где были окружены со всех сторон правительственными войсками. Здесь все захваченные мятежники с оружием в руках были расстреляны на месте, а остальные были

⁷ В середине декабря 1918 г. в Тюмени были расквартированы Тюменская кадровая батарея и Казанская отдельная легкая батарея (Д. 23. Л. 43). Трудно предположить, о каком подразделении идет речь.

⁸ На 14 ноября 1918 г. в Тюменском концентрационном лагере находились военнопленные германской, австрийской и турецкой армий. Численность их составляла 2969 чел. (Д. 62. Л. 15.)

⁹ 18 марта в докладе штабу Тюменского военного округа в Екатеринбурге вновь назначенный начальник гарнизона г. Тюмени подполковник Корзун сообщал, что в мятеже приняло участие до 1000 чел. (Д. 86. Л. 11.)

арестованы и препровождены в тюрьму. Немедленно было приказано приступить к выяснению виновности арестованных.

В тот же день секретным приказом по гарнизону № 1 был сформирован на основании приказа Наштаверх от 4 января с.г. за № 112 военно-полевой суд, который с 14 числа открыл свои действия. Мною были преданы суду Петр и Степан Карнауховы и Степан Волков. Осуждены они были к смертной казни через расстреляние; приговор утвержден мною на основании вышеуказанного приказа Наштаверха, был приведен в исполнение немедленно. Таким образом, весь мятеж был подавлен в течение трех-четырех часов, после чего части стали возвращаться по домам. Трупы убитых мятежников мною было приказано перевезти в больницу для выяснения личности и регистрации числа трупов.

13 марта в 8 $\frac{1}{2}$ час. вечера я собрал начальников отдельных частей: управляющего уездом, начальника милиции, начальника контрразведки и командиров 2-го Чехо-Словацкого кавалерийского и 6-го Ганацкого Чехо-Словацкого пешего полков. На этом собрании на обсуждение было предложено ряд мер, имевших целью не допустить возникновение в дальнейшем каких-либо выступлений, как со стороны призывных, так и со стороны большевистских приспешников. На этом заседании было решено издать обязательное постановление о сдаче всем гражданским населением оружия, произвести обыск во всем городе для отобрания скрытого оружия и арестов подозрительных лиц. Воспрещено было появление после 8-ми часов вечера до 7-ми утра. Для ускорения производства расследования по делам об арестованных во время мятежа мною были назначены в помощь чинам контрразведки офицеры артиллерийских школ.

[Л. 6 об.] В день событий арестовано было в общем 567 человек, и число это с каждым днем возрастало. Из числа выпущенных из лагеря военнопленных скрылись и находятся в бегах 206 человек.

Со стороны правительственных и чешских войск потерь нет. Раненых насчитывается только трое: один милиционер (пулей в грудную клетку) и случайно один мужчина (пулей навывлет с раздроблением бедра) и одна женщина (пулей навывлет с раздроблением плеча). Количество разграбленного оружия и патронов при сем представляю в особом приложении.

В дополнение к вышесказанному должен добавить, что в боевых действиях не могла принять участие конвойная команда (23 чело-

века) по той причине, что она была захвачена мятежниками во время производства ею на плаце строевых занятий. Несмотря на смятение и угрозы, начальнику команды все же удалось спасти свое оружие и боевой комплект. Весь состав этой команды по моему распоряжению вр[еменно] обезоружен, а затем оружие я возвратил.

Все караулы в городе в день 13 марта значительно усилились. На телеграфе и центральной телефонной станции были установлены офицерские посты.

В ночь с 13 на 14 марта был послан отряд 50 солдат и 2-х офицеров в с. Заводо-Успенское на бумажную фабрику Ятес для пресечения большевистской пропаганды среди рабочих, с ними был отправлен и сотник 1-го Кустанайского конно-киргизского полка Кичигин. Причем трое было расстреляно на местах на фабрике и арестовано 10 человек, которые доставлены были в Тюмень. Непосредственное участие в усмирении мятежа 13 марта приняли следующие части: силой 1) унтер-офицерской пехотной школы, усиленной офицерской пехотной школой до 150 штыков при 4 пулеметах; 2) от Барабинского кадрового полка 120 штыков; 3) местная команда сборного пункта при управлении Тюменского воинского начальника — 60 штыков; 4) от 2-го кавалерийского Чехо-Словацкого полка — 400 сабель; 5) 6-го Ганацкого пешего Чехо-Словацкого полка — 500 штыков; 6) случайных офицеров и лиц — до 50-ти штыков.

Считаю долгом службы отметить доблестное поведение и решительный образ действий офицерской и унтер-офицерской пехотных школ под командой подполковника Заалова и полковника [Л. 7] Головина, благодаря которым мятеж был быстро подавлен, а также и оказанной помощи при подавлении мятежа частями 2-го Чехо-Словацкого кавалерийского полка и 6-го Ганацкого пешего Чехо-Словацкого полка.

Не могу не отметить также и весьма полезной деятельности коменданта города подполковника Корзуна и моих помощников подпоручиков Бобылева-Бобыль и Борисова, особенно последнего — за его энергичную и отважную исполнительность по моим поручениям.

Основание: положение о срочн. и внесрочн. донес. приказа по В.В. 1911 г. № 524.

Полковник

Зенкевич

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 86. Л. 4–7.

Приложение 3

Расследование *заезжего начальника*

[Л. 77]

Секретно
Копия

Господину управляющему Тобольской губернией
Помощника — заместителя управляющего губернией
К.Ф. Копачелли

Доклад о событиях в Тюмени 13-го марта 1919 года

За время, проведенное мною в Тюмени (с 1-го по 9 апреля 1919 г.), я имел беседы со следующими лицами: управляющим Тюменским уездом В.Э. Бончковским, городским головой А.С. Флоринским, членом Тюменской городской управы В.Д. Пагиревым, начальником Тюменской тюрьмы В.В. Золотаревым, начальником Тюменской милиции В.К. Островским, помощниками начальника милиции Е.И. Клепацким¹ и П.А. Емельяновым, начальником конного отряда милиции М.Н. Николаевым, участковыми начальниками милиции: 1-го уч. М.Н. Заблоцким, 2-го уч. А.Ф. Гусевым, 3 уч. И.П. Задорожным и 4 уч. Н.Н. Хеновым, с заведующим тюменским лагерем военнопленных шт.-кап. Подлащук, начальником уголовного отделения Н.Н. Кислицким, товарищем прокурора С.П. Агатовым и милиционером 1-го уч. Титовым.

Кроме того, я имел секретное совещание с начальником гарнизона гор. Тюмени подп. Корзун, начальником Тюменской контрразведки ротмистром Постниковым и управляющим Тюменским уездом В.Э. Бончковским по вопросу о поведении тюменской милиции во время событий 13-го марта.

[Л. 77 об.] Независимо сего мной был произведен детальный осмотр Тюменской тюрьмы, где имел беседу с заключенным Авде-

¹ Разночтения в инициалах должностного лица допущены в документе.

евым, и лично посетил в сопровождении управляющего Тюменским уездом В.Э. Бончковского начальника милиции В.К. Островского, помощника начальника П.А. Емельянова и начальника конного отряда милиции М.Н. Николаева, все места, где в той или иной степени развертывались события 13–15 марта.

На основании собранных сведений вся картина восстания и его ликвидации сложилась в моем представлении в таком виде.

1. Обстоятельства, предшествовавшие восстанию

1) В городе Тюмени

Восстание 13 марта не стало неожиданностью ни для представителей гражданской власти, ни для представителей военной власти.

С первого появления на Тюменском сборном пункте лишь подлежащих призыву по мобилизации 1914–1918 годов для постороннего наблюдателя было заметно, что настроение призываемых неспокойно: как сами призываемые, так и сопровождавшие их родственники не скрывали своего недовольства объявленной мобилизацией. Менее сдержанные из них открыто выражали свое недовольство, иногда с прямыми угрозами: «Пусть только нам выдадут оружие, мы им покажем».

Подобное настроение мобилизуемых не скрылось от наблюдения чинов наружной и уголовной милиции, и с 8-го марта начальником милиции был принят ряд мер к предупреждению возможности [Л. 78] беспорядков среди мобилизованных. Меры эти принимались отчасти по инициативе самого начальника милиции, отчасти вырабатывались на совместных совещаниях начальника милиции с участковыми начальниками. Было усилено негласное наблюдение в местах нахождения мобилизованных, а также на фабриках и заводах, увеличены сторожевые посты, производились объезды, усилена была охрана в управлении воинского начальника, где заседало присутствие по приему мобилизованных. Как о настроении призываемых, так и о всех принимаемых милицией предупредительных мерах доводилось до сведения управляющего Тюменским уездом В.Э. Бончковского и начальника местного гарнизона полковника Зенкевича.

Лица, принятые по мобилизации в воинском присутствии, отводились и размещались в полковых казармах, в помещении ново-

го ночлежного дома, в отведенном для постоя войск магазине Бардыгина. В последних двух помещениях мобилизованные были предоставлены сами себе. Офицерского надзора почти не было. Мобилизованные свободно во всякое время выходили из помещений, разбредались по городу, и даже далеко не все из них возвращались в помещения ночевать. Доступ посторонним лицам в помещения мобилизованных был совершенно свободен.

Такие ненормальные условия казарменной жизни мобилизованных при наличии среди них определенно враждебного отношения к объявленной мобилизации создавали чрезвычайно благоприятные условия для антигосударственной агитации в среде мобилизованных. Агитаторы проникли в помещения мобилизованных, где, разжигая недовольство [Л. 78 об.] мобилизованных, открыто пропагандировали идеи павшей советской власти. В помещениях мобилизованных образовывались сборища, носившие характер митингов: на этих сборищах участвовали родственники мобилизованных, рабочие местных заводов и др. посторонние лица. Такие же сборища наблюдались на улицах, в местах наибольшего скопления мобилизованных, и напоминали по своей внешней обстановке летучие митинги.

Милиция боролась с антиправительственной пропагандой, арестовывая агитаторов и подозрительных лиц и передавая их в распоряжение следственной комиссии.

Стали наблюдаться на улицах случаи вызывающего поведения солдат по отношению к офицерскому составу. Появились слухи, подтверждавшиеся отчасти агентурными сведениями, что где-то кто-то организует выступление мобилизованных без указания, однако, на какую-либо определенную цель такого восстания. Но все это было туманно, расплывчато и неясно. Было усилено наблюдение за лицами, известными определенностью своих крайних политических убеждений, но никаких указаний на существование где-либо организации предполагаемого восстания добыто не было.

О всех этих слухах было доложено управляющему уездом и начальнику гарнизона полковнику [В.И.] Зенкевич. Последний созвал 10-го марта секретное совещание из представителей гражданской власти, милиции и военной власти. Совещание это прошло несоорганизованно и вылилось в форму частной бессистемной беседы полк. [В.И.] Зенкевич с отдельными участниками совещания по мере их

прибывания в [Л. 79] помещение совещания. Большинство прибывших на совещание оказалось не в курсе обмена мнениями между полк. [В.И.] Зенкевич и лицами, ранее прибывшими на заседание. На этом совещании не только не было выработано определенного плана действий на случай восстания, но этот кардинальный вопрос даже не был предметом суждения. Возбужденный одним из участников совещания вопрос о степени надежности охраны здания ремесленного училища, где имелось оружие и патроны и где производилась починка ружей, остался без ответа. Кто-то из участников обратил внимание на ненадежность солдат батальона 19-го пех[отного] полка, из состава которого формируется караул для охраны ремесленного училища. Этот вопрос также был замолчан.

Приблизительно на другой день появился слух о том, что восстание мобилизованных ожидается в два часа ночи с 12-го на 13-е марта. Хотя никаких определенных данных в подтверждение этого слуха не имелось, тем не менее гражданская власть приняла ряд мер, чтобы на всякий случай быть готовой отразить восстание. Так, напр., были усилены все городские посты милиции и охрана катажных камер, стянуты на ночь в участки все наличные силы милиции, а в управлении милиции — весь резерв; приказано было в ночь с 12-го на 13-е марта провести в полной боевой готовности; все лошади конного отряда оставлены были на эту ночь под седлами, установлена была непосредственная связь между управлением милиции и участковыми канцеляриями, заранее были намечены правительственные и общественные здания (напр., телеграф, водопровод, банк и др.), подлежащие оцеплению при первых реальных попытках к [Л. 79 об.] восстанию, и т.п.

В час ночи начальник гарнизона полк. [В.И.] Зенкевич созвал из представителей военной и гражданской власти экстренное совещание, на котором принимал участие и начальник Тюменской милиции В.К. Островский. Это совещание прошло так же бессистемно, как и первое. Полк. [В.И.] Зенкевичем была проявлена полная растерянность, в силу чего присутствовавший на совещании начальник чешского кавалерийского отряда покинул комнату заседания.

Ночь с 12-го на 13-е марта прошла совершенно спокойно. В 8 час. утра 13 марта третья часть милиционеров была отпущена на отдых, и с 9 ч. утра остальная часть милиции приступила к своей обычной повседневной работе.

2) В Тюменском уезде

Помощник начальника Тюменской милиции И.Г. Клепацкий, заведующий уездной милицией, получил от военной власти сведения, что среди мобилизованных, имевших прибыть 10-го марта на жел. дор. ст. Кармак (в 30 верстах от Тюмени по направлению к Екатеринбург) для посадки на поезд, нарастает настроение, обещающее вылиться в беспорядки. Взяв с собой отряд молодых солдат в составе 30 штыков и 5 милиционеров, И.Г. Клепацкий ранним утром 10 марта прибыл на станцию Кармак, где стал ожидать прибытия мобилизованных. Солдатам отряда было выдано военной властью всего по два патрона на винтовку, милиционеры имели у себя по 15 патронов, и, кроме того, при них было до 10 ручных гранат кроме обычного вооружения.

Время посадки в поезд было заранее назначено (и объявлено мобилизованным) в 10 час. утра [Л. 80] 10-го марта. К этому времени на ст. Кармак стали прибывать мобилизованные в сопровождении многочисленных родственников и родных. Мобилизованных, подлежащих посадке в поезд, было 210 человек, но вместе с сопровождающими их лицами образовалась на станции толпа до 1000 человек.

Ст. Кармак была при бегстве большевиков сожжена дотла; в настоящее время там имеется два дощатых барака для обслуживания нужд технического персонала станции; никаких иных, хоть и временных построек для лиц, ожидающих прихода поезда, там не имеется.

Прибывшие мобилизованные были совершенно спокойны, тем более что значительное большинство их принадлежало к составу Фоминской волости, наиболее лояльной. Однако, когда ожидание поезда для посадки стало довольно продолжительным, а от начальника ст. Кармак мобилизованные узнали, что время прихода поезда остается неизвестным, причем на все свои запросы о поезде начальник станции никаких сведений со ст. Тюмень получить не может, настроение толпы стало резко повышаться. Уже к середине дня состояние толпы стало настолько угрожающим, что И.Г. Клепацкий принужден был привести весь отряд в боевую готовность. К полудню, не видя поезда, толпа стала бушевать, возмущаясь жел. дор. беспорядками, угрожала самосудом начальнику станции и предпринимала попытки снести временные станционные бараки. Только после усиленных запросов по телеграфу И.Е. Клепацкий к ве-

черу получил из Тюмени сообщение, что поезд для мобилизованных прибудет на станцию Кармак не ранее 2-х часов ночи. Известие это взвинтило настроение толпы, и были моменты, когда казалось, что огонь по толпе является единственным средством прервать [Л. 80 об.] вратить катастрофу.

Твердость и самообладание И.Е. Клепацкого, дисциплинированность, проявленная отрядом, и самовольный отъезд части мобилизованных вместе с провожающими лицами на ст. Тюмень разрядили стихийность толпы, и положение на ст. Кармак улучшилось.

Ночью И.Е. Клепацкий, найдя возможным поручить дальнейшую охрану ст. Кармак юнкеру из состава своего отряда, выехал в Тюмень вслед за уехавшей туда частью толпы. Однако по прибытии в Тюмень он получил сведения, что в Велижанах и окрестных селениях происходят среди мобилизованных беспорядки; причем мобилизованные чинят насилие над сельской администрацией и должностным составом волостных земских управ. Взяв с собой из Тюмени 25 солдат и 10 милиционеров, И.Г. Клепацкий отправился в Велижаны. Дорогой в дер. Тюновой он застал буйствовавших мобилизованных. Решительными действиями без применения оружия он быстро привел в повиновение мобилизованных и отправил их в Тюмень. То же он успел сделать и в Велижанах. Главари им были арестованы и сданы в Тюмени в распоряжение военных властей.

II. Восстание мобилизованных в Тюмени

1) Начало восстания

В 10 час. утра 13 марта неизвестная женщина, проходя мимо здания ремесленного училища, сообщила стоявшему на посту у ремесленного училища младшему милиционеру 1-го участка (из эвакуи- [Л. 81] ровавшихся чинов Ставропольской милиции) Дмитрию Титову, что по Тюменской² улице направляется к училищу отряд восставших мобилизованных. Желая проверить сообщение, Титов побегал на угол Тюменской ул., но едва он поравнялся с углом этой улицы, как из-за угла быстрым шагом в довольно стройном порядке вышел отряд мобилизованных численностью до

² Краеведы С.Н. Кубочкин и А.А. Петрушин считают, что такой улицы в Тюмени не было. Скорее всего, при печатании текста допущена ошибка: улица Томская стала Тюменской.

300 человек под командой неизвестного лица. Отряд повернул с Тюменской улицы по направлению к ремесленному училищу. Отряд не имел винтовок, но в руках немногих из состава этого отряда были заметны револьверы. Титов тотчас же бросился бежать обратно к ремесленному училищу, чтобы предупредить военный караул, находящийся внутри помещения училища, и по телефону училища дать знать о случившемся канцелярии ближайшего участка. Завидев бегущего к училищу милиционера, из отряда выделилось 10–12 человек, бросившихся вслед за Титовым с намерением задержать его, чтобы не допустить до училища. Так как расстояние между бегущим Титовым и преследовавшими его людьми было крайне незначительно, то в коридор ремесленного училища Титов успел вбежать почти одновременно с преследовавшими его лицами. Крикнув на бегу военному караулу об опасности, Титов забежал в помещение, где находится телефон, успел сделать поворот ручкой телефона, но в это время был отброшен от телефона подбежавшими людьми. До слуха Титова донеслась команда караульного начальника: «Встать!...», затем Титов увидел, что часть отряда мобилизованных ворвалась в помещение ремесленного училища, а другая часть осталась на улице и, по долетавшим до Титова отдаленным крикам, видимо, стала «митинговать». Из коридора [Л. 81 об.] училища слышен был голос заведующего ремесленным училищем, в чем-то убеждавшего восставших. Вбежавшие в училище мобилизованные сделали попытку разоружить Титова, но последний, взяв винтовку наперевес с криком «ура», угрожающе размахивая винтовкой, бросился к противоположной двери комнаты, ведущей во внутренний двор училища. Стоявшие у этой двери мобилизованные растерялись от неожиданного крика Титова и стремительного движения его к двери со штыком в руках и в смятении расступились, открыв Титову свободный доступ через дверь. Титов выбежал во внутренний двор, перелез через забор на улицу, вскочил на случайно проезжавшего свободного извозчика и погнал в канцелярию 1-го уч[астка], где доложил о происшедшем. Из участка о восстании было тотчас сообщено в управление милиции, управляющему уездом и начальнику гарнизона.

Восставшие без всякого труда обезоружили военный караул, состоявший из 7 солдат во главе с унтер-офицером, и разобрали имевшиеся в училище оружие, патроны и порох. Среди забранно-

го оружия оказалась захваченной часть оружия, подлежащего ремонту, а потому совершенно негодного к употреблению.

По получении известия о восстании начальник милиции приказал начальнику 1-го участка подпоручику М.Н. Заблоцкому отправиться с отрядом своих милиционеров к ремесленному училищу. Во исполнение этого приказа М.Н. Заблоцкий с четырьмя своими помощниками и с отрядом милиционеров в составе 27–30 человек отправился к месту происшествия. На углу Садовой ул. и Республики М.Н. Заблоцкий встретил воинский отряд в 210 человек, [Л. 82] состоящий из чинов офицерской и унтер-офицерской школ. Отряд этот был послан распоряжением начальника гарнизона к ремесленному училищу.

Когда оба отряда пришли к месту своего назначения, восставших там уже не было.

2) В центре города

Получив сообщения о восстании, начальник милиции В.К. Островский, сделав необходимые распоряжения, сам с небольшим конным отрядом милиционеров отправился к ремесленному училищу. Не застав там мятежников и получив сведения о том, что вооруженные мятежники направились к лагерю военнопленных, В.К. Островский ввиду малочисленности своего отряда не нашел возможным преграждать путь восставшим, а принял меры к охране центральных частей города. С этой целью, возложив на помощника своего Лепешникова с резервом в 15 человек милиционеров охрану управления милиции, казначейства и каталажных камер, В.К. Островский усилил охрану банка, телеграфа и городской электрической станции, а затем со вторым своим помощником поручиком П.А. Емельяновым отправился в центральную часть города.

На ул. Республики и прилегающих к ней частям центральных улиц было заметно стечение публики, которую привлекло необычное продвижение по городу вооруженных воинских и милицейских отрядов. Настроение публики, не знавших действительных событий, было спокойное, но полное любопытства. Во избежание случайных жертв и с целью освобождения улицы от празд- [Л. 82 об.] ной толпы вся местность от ремесленного училища до ул. Республики, а также улица Республики, Садовая ул. и ближайшие пере-

крестки были оцеплены милиционерами: везде были расставлены посты, прекращавшие по этим улицам движение, и, кроме того, разъезды конных милиционеров быстро, но без решительных мер, очищали улицы от любопытствующих, преграждая тем самым возможность скопления на улицах публики.

Принятие всех этих мер не вызвало никаких инцидентов, так как публика беспрекословно подчинялась предъявленным к ней требованиям.

На углу Садовой улицы и Республики начальник 1-го участка милиции М.Н. Заблоцкий, вернувшись от ремесленного училища, установил при посредстве телефона № 141 связь с начальником гарнизона и комендантом города. Отсюда М.Н. Заблоцкий имел все время наблюдение за порядком в этой части города, и в частности своего участка.

3) На пути к лагерю военнопленных

Мятежники, вооружившись в ремесленном училище, отправились по Томской улице в лагерь военнопленных, отстоящий от черты города приблизительно в 2–3 верстах. Дорогой они останавливали прохожих, предлагая им присоединиться к восстанию, и производили выстрелы в воздух. Некоторые из прохожих присоединялись к восстанию. Пройдя³ Томскую улицу, мятежники направились по Пароходской улице. Здесь они встретили местную конвойную команду в составе 25 шашек и [Л. 83] 3-х винтовок. Конвойная команда без всякой попытки к сопротивлению дала себя разоружить; отношение этой команды к мятежникам было, видимо, благожелательное или, по крайней мере, совершенно индифферентное, потому что у некоторых из состава конвойной команды мятежники сохранили их оружие.

Пройдя Пароходскую ул., мятежники разделились: часть из них направилась на пристань; как оказалось впоследствии, эта часть, минуя лагерь военнопленных, пошла к чугуноплавильному заводу Машарова; другая же часть мятежников по Островской ул. направилась в лагерь военнопленных.

³ Начиная с этого слова и включительно до «3-х винтовок» машинописный текст документа подчеркнут (здесь и далее) синим карандашом. Им же на полях сделана надпись: «Команда не принимала участия». Ниже простым карандашом: «Неправда». Последняя реплика труднообъяснима: кто лжет? Докладчик или владелец синего карандаша?

4) В лагере военнопленных

О лагере военнопленных, видимо, представители местной власти забыли, потому что появление там мятежников оказалось для администрации лагеря совершенно неожиданным.

Канцелярия лагеря занимает один из центральных барачков. С самого утра там шли обычные повседневные занятия. В помещении канцелярии, состоящей из 4-х комнат, находились администрация лагеря, канцелярские служащие и, как обычно, много военнопленных с различными справками, заявлениями, просьбами.

Приблизительно около 12 часов дня у канцелярии совершенно неожиданно появилась с шумом и криками большая толпа вооруженных мятежников, сопровождаемая военнопленными. Из толпы неслись призывы к восстанию. Часть мятежников ворвалась в канцелярию. Один из мятежников, увидя в офицерской форме помощника заведывающего лагерем, приста- [Л. 83 об.] вил к его груди винтовку со штыком, держа палец на спуске курка. Из находившихся в канцелярии военнопленных раздались тревожные крики: «Не стреляй, не смей стрелять, он ничего нам худого не сделал». Одновременно с этим часть ворвавшихся мятежников проникла в кабинет заведующего лагерем штаб-капитана Подлащука, который тотчас был мятежниками обезоружен. Из толпы мятежников раздались голоса, требовавшие немедленного расстрела Подлащука и всей администрации лагеря. Военнопленные, находившиеся в конторе, протестовали против расстрела, уверяя мятежников, что вся администрация лагеря относилась к военнопленным хорошо и что они никого расстреливать не дадут.

Среди общего шума толпа мятежников продолжала призывать военнопленных присоединиться к восстанию, уверяя, что вся власть в городе перешла в руки восставших, что к ним присоединились чехи и что из Омска и Екатеринбурга идут советские войска. Встретив со стороны военнопленных дружный отказ поддерживать восстание, толпа мятежников, к которой примкнули содержащиеся в лагере красногвардейцы, покинула лагерь и пошла по направлению к бывшей Текутьевской мельнице (ныне Гусева).

При проведенной вечером проверке оказалось, что к восставшим присоединилось 206 красногвардейцев; никто из содержащихся в лагере военнопленных австрийцев и мадьяр к восстанию не примкнул⁴.

⁴ На полях возле данного абзаца рядом с вертикальной линией поставлен вопросительный знак.

5) На пути к тюрьме

Ближайшая дорога от лагеря военнопленных к тюрьме лежит через Копыловские сараи, мимо [Л. 84] мельницы Гусева.

Когда толпа мятежников поравнялась с мельницей, часть восставших занялась призывом рабочих присоединиться к восстанию. Некоторые из рабочих примкнули к восставшим, хотя вскоре покинули ряды мятежников.

Войдя в подгородную местность (Копыловские сараи), толпа мятежников соединилась здесь с той частью восставших, которые минуя лагерь военнопленных, направились непосредственно к заводу Машарова, находящемуся в районе Копыловских сараев.

Эта последняя часть восставших, приблизившись к заводу Машарова, увидела стоявшего на посту милиционера 4-го участка Дмитрия Стрюкова. Толпа потребовала от Стрюкова оружие: последний, не отдавая оружия, бросился бежать по направлению к своей квартире. Несколько мятежников начали его преследовать; из толпы по убегающему Стрюкову был открыт огонь. Недалеко от своей квартиры Стрюков был тяжело ранен пулей в спину навывлет. Догонявшие Стрюкова мятежники, увидя, что Стрюков не убит, а лишь ранен, решили его добить. Мольба жены Стрюковой, просившей мятежников дать ей возможность проститься с умирающим мужем, несколько замедлила решение мятежников, которые, заметив, что в погоне за Стрюковым они слишком далеко отделились от остальных восставших, поспешили вернуться к заводу Машарова.

На заводе Машарова восставшие занялись агитацией, но успеха не имели. Отдельные рабочие примкнули к мятежникам, но затем оставили их..

Из Копыловских сараев дорога к тюрьме идет через железнодорожное полотно, куда все [Л. 84 об.] восставшие и вышли в два часа дня.

6) Руководство военными действиями

Руководство действиями воинских сил по подавлению восстания составляло обязанность начальника гарнизона полк. Зенкевича. Когда восстание началось, о чем немедленно было дано знать в⁵

⁵ Отсюда и до «в это время переезжал из одного» отчеркнуто на полях карандашом. Рядом комментарий: «Находился в кабинете прокурора [енного] окружного суда». Очевидно, речь идет о полк. В.И. Зенкевиче.

управление начальника гарнизона, В.К. Островский на лошади отправился к полк. Зенкевичу для получения от него личных распоряжений. В течение времени около 1 1/2 часов В.К. Островский нигде не мог найти полк. Зенкевича, т.к. последний в это время переезжал из одного дома в другой. Только около 12 час. дня В.К. Островскому удалось застать полк. Зенкевича в управлении коменданта города. Полк. Зенкевич оказался крайне растерянным и не в курсе происходивших событий, поэтому никаких указаний или распоряжений В.К. Островский добиться от него не мог. Тогда В.К. Островский рекомендовал полк. Зенкевичу отправиться вместе с ним к командиру 2-го Чехо-Словацкого кавалерийского полка полковнику Черевинко. Последнего В.К. Островский и полк. Зенкевич застали сидящим за столом, на котором была разложена карта города Тюмени. К нему все время приезжали ординарцы с донесениями. Полк. Черевинко объяснил прибывшим путь следования восставших и их местонахождение в данный момент. Далее полк. Черевинко сообщил, что вся река Тура, лагерь военнопленных (после ухода оттуда восставших), вокзал, винный [Л. 85] склад и окраины города охраняются чешскими частями.

7) В воинском присутствии

Обычно заседания воинского присутствия по приему мобилизованных происходили в помещении при управлении воинского начальника. Председательствование в воинском присутствии В.Э. Бончковским было поручено помощнику управляющего Тюменским уездом **И.В. Удинцеву**⁶.

13 марта к 10 час. утра в помещении воинского присутствия собралось много подлежащих призыву. Вскоре явились И.В. Удинцев, тюменский уездный врач Осокин, член городской управы В.Д. Пагирев, представитель Тюменского уездного земства Черноморский и представитель военного ведомства.

Слухи о начавшемся восстании быстро дошли до сведения собравшихся в присутствии. Настроение мобилизованных было спокойное. **Председательствующий И.В. Удинцев предложил отложить заседание.** К нему присоединились **врач Осокин и Черноморский.** Против предложения И.В. Удинцева горячо протес-

⁶ Здесь и далее выделенные полужирным курсивом слова подчеркнуты в документе синим карандашом.

товали В.Д. Пагирев и представитель военного ведомства, доказывая, что работу присутствия необходимо открыть немедленно, чтобы отвлечь внимание собравшихся мобилизуемых от происходящих в городе событий.

Врач Осокин откровенно заявил членам присутствия, что в такой тревожный момент он не может чувствовать себя среди призываемых в безопасности, будучи уверенным, что в случае присоединения мобилизуемых к мятежникам он [Л. 85 об.] окажется главным объектом насилия.

Необходимо отметить, что, по свидетельству В.Д. Пагирева, председательствующий И.В. Удинцев, в особенности же врач Осокин, проявляли при приеме мобилизованных крайне грубое обращение в отношении призываемых. Грубое обращение усиливало обычное недовольство призываемых, а потому всегда вызывало со стороны В.Д. Пагирева протесты.

После заявления врача Осокина все трое быстро удалились из присутствия, не объяснив, совсем ли ушли из присутствия или до более благоприятного времени. В присутствии остались В.Д. Пагирев и представитель военного ведомства.

Призываемые, видя, что присутствие долго не открывается, стали проявлять недовольство. К 12 час. дня недовольство стало принимать характер открытого возмущения.

В.Д. Пагирев вызвал к телефону управляющего уездом В.Э. Бончковского и просил его дать указания, как поступить в отношении заседания. В.Э. Бончковский признал необходимым немедленно открыть присутствие и обещал сам председательствовать на заседании.

Однако время шло, а В.Э. Бончковский не являлся. Настроенные призываемых, раздраженных долгим ожиданием заседания, стало угрожающим.

Вновь позвонили к В.Э. Бончковскому. Последний ответил, что он сам приехать в управление воинского присутствия не может, а потому им приняты меры к отысканию И.В. Удинцева, врача Осокина и Черноморцева⁷, чтобы приказать им немедленно приступить к работам по приему мобилизованных.

[Л. 86] Среди находящихся в помещении присутствия подлежащих призыву было несколько интеллигентных лиц. Тюменский во-
⁷Такова орфография фамилии в тексте (речь идет о Черноморском).

инский начальник решил использовать их в качестве боевой силы на тот случай, если беспорядки перекинутся в район воинского присутствия. Лишь эти были вызваны в особую комнату, где воинский начальник и В.Д. Пагирев обратились к ним с призывом встать в случае надобности на защиту порядка; призыв был выслушан молча; только некоторые из интеллигентных мобилизуемых неуверенно заявили о своей готовности вооружиться. Всего набралось желающих до 35 человек; под командой офицера они отправились за получением винтовок и патронов. Часть из них дорогой исчезла неизвестно куда, и только человек двадцать составили небольшой отряд, который был двинут против мятежников, когда последние приступили к тюрьме.

В 2 часа дня явились в помещение присутствия *И.В. Удинцев*, врач *Осокин* и *Черноморский*, скрывшиеся, как оказалось, в земской уездной управе. Присутствие было открыто и благополучно продолжало работать весь день.

8) В районе тюрьмы

Тюрьма оказалась забытой также, как и лагерь для военнопленных⁸.

Приблизительно после часа дня начальник Тюменской тюрьмы В.В. Золотарев приехал к управляющему уездом по служебным делам. От последнего В.В. Золотарев совершенно неожиданно узнал о происходящем в городе мятеже и что мятежники в настоящее время, захватив в ремесленном училище [Л. 86 об.] оружие⁹, направились в лагерь военнопленных. В.В. Золотарев тотчас же оставил помещение управления уездом и поехал обратно в тюрьму, чтобы немедленно привести тюрьму в боевую готовность на случай, если мятежники направятся к тюрьме для освобождения заключенных.

Дорогою на ул. Республики В.В. Золотарев встретился с начальником гарнизона полк. Зенкевичем. Последний остановил

⁸ На полях абзац помечен кривой чертой, возле которой поставлен знак вопроса и написано: «Неправда!»

⁹ Отсюда — две страницы машинописного текста — до «500-х человек заключенных, а также наличие дере-» отчеркнуто на полях карандашом. Рядом комментарий: «Все распоряжения делались шт[абс]-кап[итаном] Веселухиным, которому была поручена охрана тюрьмы по расп[оряжению] коменданта г[орода] подп[олковника] Корзуна» [Л. 86 об.]. На полях Л. 87: «Также шт[абс]-кап[итаном] Веселухиным».

В.В. Золотарева и спросил его, какие приняты меры для охраны тюрьмы.

В.В. Золотарев объяснил полк. Зенкевичу, что никаких мер им не могло быть принято, так как о происходящем в городе мятеже он случайно узнал только сейчас.

Приехав в тюрьму, В.В. Золотарев приказал немедленно созвать в тюрьму всех надзирателей без исключения, приостановить всякие работы и передвижения арестантов по тюрьме, камеры запечатать на двойные замки, вынести из цейхгауза имеющиеся там патроны и оружие для выдачи их надзирателям.

Команда надзирателей собралась в тюрьму в течение нескольких минут. При этом выяснилось, что из всего состава надзирателей не оказалось налицо троих: старшего надзирателя Григорьева, который находился на квартире, старшего надзирателя Попова, командированного в город за мукой, и младшего надзирателя Рыбьякова, находившегося с двумя арестованными на внешних работах.

Чтобы не обессиливать количественного состава надзирательской команды, В.В. Золотарев решил не посылать людей за отсутствующими тремя надзирателями.

Всего в тюрьме в тот момент оказалось 27 надзирателей и 29 солдат военного караула, несущего [Л. 87] шего наружную службу по охране тюрьмы.

Когда В.В. Золотарев приступил к вооружению надзирателей, то выяснилось, что военный караул в тот день располагал всего лишь 35-ю берданочными патронами. При таких условиях военный караул был бессилён оказать тюрьме сколько-нибудь существенную помощь. Поэтому В.В. Золотареву пришлось озаботиться не только вооружением своих надзирателей, но и снабжением караульных солдат боевыми патронами. Запас патронов в цейхгаузе тюрьмы составлял 200 штук. Эти патроны были распределены между наличными винтовками. В результате боевые силы тюрьмы выразились в 40 винтовках с 5-ю патронами на каждую винтовку, и, кроме того, 16 надзирателей были вооружены револьверами системы Смита-Вессона.

Закончив с вооружением надзирателей и солдат, В.В. Золотарев выставил на прачечной в сушилке наблюдательный пост, поместив туда надзирателя Кичигина.

Через несколько минут с наблюдательного поста были получены сведения, что с северной стороны продвигается цепь восставших мятежников в числе 150–200 человек.

Цепь эта, приблизившись, открыла огонь по тюрьме. Подойдя затем к тюремному огороду на расстояние приблизительно до 80 саженей от тюремной деревянной ограды, мятежники залегли в овраге и участвовали в огне.

Учитывая, с одной стороны, незначительную численность тюремного боевого состава и крайнюю ограниченность патронов, с другой стороны — принимая во внимание обширную территорию тюрьмы при 500-х человек заключенных, а также наличие деревянных ворот в ограде с восточной стороны и калитки с западной стороны, В.В. Золотарев, из опасения очутиться в мешке и тем самым оказаться отрезанным от главного корпуса, нашел необходимым, не отвечая на огонь мятежников, сконцентрировать все свои боевые силы у главных тюремных ворот. Для этого В.В. Золотареву пришлось отвести всю охрану с северной стороны тюрьмы, сняв наружные и внутренние посты с мужской больницы и женского отделения, оставив заключенных на замках.

Вскоре с наблюдательного поста было дано знать, что со стороны мятежников выделились две группы: одна, численностью до 40 человек, взяла направление к восточным воротам, а другая, в числе до 30 человек, направилась к западной калитке. В это время к тюрьме шел на дежурство старший надзиратель Григорьев. Завидев Григорьева, мятежники бросились к нему, отобрали от него револьвер системы «наган» и шашку и приступили к обсуждению дальнейшей его судьбы. Из толпы мятежников слышались настойчивые голоса, требовавшие убить Григорьева. Пока среди мятежников шли рассуждения на эту тему, по дороге проезжала неизвестная женщина в кошевке; Григорьев, увидев удобный момент, вырвался из толпы, добежал до кошевки, прыгнул на нее и, вырвав из рук оторопевшей женщины вожжи, погнал лошадь. Все это было сделано так быстро и неожиданно, что толпа мятежников растерялась, а Григорьев успел в то время скрыться от глаз восставших и благополучно приехал в 4-й участок.

Подойдя к воротам, мятежники стали бить в них и кричали: «Откройте, товарищи!» Между тем та [Л. 88] часть восставших, которая расположилась в овраге с северной стороны, все время

продолжали обстрел тюрьмы. В.В. Золотарев, сохраняя патроны на случай более критического момента, держал свои боевые силы в полной готовности, не открывая, однако же, по мятежникам огня. ***В¹⁰ то же время В.В. Золотарев предупредил по телефону начальника гарнизона и управляющего уездом о необходимости скорейшей посылки к тюрьме воинской части, так как при решительном наступлении мятежников на тюрьму охрана ее вследствие недостаточности патронов долго продержаться не сможет.*** Начальник гарнизона ответил В.В. Золотареву, что к тюрьме уже давно послана рота Барабинского полка. Как потом выяснилось, сообщение начальника гарнизона не соответствовало действительности, ибо никакой воинской части от Барабинского полка к тюрьме не подходило.

Довольно продолжительное время в отряде тюрьмы было напряженное состояние: мятежники настойчиво требовали открыть ворота и, теряя терпение, готовы были ломать их, а помощь извне не приходила.

Вскоре со стороны Управления воинского начальника показалась небольшая цепь солдат. Это был небольшой отряд из добровольцев-интеллигентов, сформированный в воинском присутствии. Вследствие неимения в достаточном количестве боевых патронов отряд этот остановился в некотором отдалении от тюрьмы в вынужденном бездействии. Мятежники, заметив появление этого отряда, стали отходить от ворот на западную сторону для соединения с теми, которые обложили калитку тюрьмы. К этому времени отряд добровольцев получил подкрепление: к нему ***подошла воинская часть***¹¹. Перестроивши свою цепь, правительственные войска открыли огонь [Л. 88 об.] по мятежникам. Перестраивание цепи в связи с вынужденным бездействием из-за отсутствия патронов было понято в тюрьме как отступление отряда. Поэтому, установив возможность переговоров с начальником правительственного отряда, В.В. Золотарев просил его в случае необходимости отступления отступить в тюрьму, а не от тюрьмы. Начальник от-

¹⁰ Отсюда и до окончания абзаца «от Барабинского полка к тюрьме не подходило» на полях отчеркнуто разделенной на две части линией. Рядом комментарий: «Переговоры вел шт[абс]-кап[итан] Веселухин». Ниже: «Ложь! Части Бараб[инского] полка были у тюрьмы».

¹¹ Подписано карандашом на полях оригинала «х) Барабинского полка».

ряда ответил, что он не имеет распоряжения отступить в тюрьму, тем более что в отряде крайне ограниченное количество патронов. Вскоре отряду доставили боевые патроны, а начальник отряда получил разрешение, если найдет нужным, отступить в тюрьму.

1)¹² Подошли чехи. С приходом их мятеж быстро подошел к концу. Под ружейным огнем чехов и русских воинских частей мятежники отступили к полотну железной дороги, где окопались и вступили в перестрелку. Перестрелка продолжалась недолго: теснимые войсками мятежники вынуждены были укрыться в Копыловские сараи, где мятежники оказали последнее сопротивление, но не удержались и в беспорядке стали разбегаться. Войска вошли в Копыловские сараи и стали преследовать мятежников, расстреливая всякого застигнутого там с оружием в руках.

9) Окончание восстания

Приблизительно в 4 часа дня воинскими частями совместно с милицией был проведен в Копыловских сараях повальный обыск; причем было задержано подозрительных лиц до 500 человек, которых направили для содержания [Л. 89] в каталажные камеры и тюрьму.

К 7 часам вечера мятеж был совершенно подавлен, а в 8 час. вечера было введено в городе усиленное военное положение с прекращением какого-либо движения по городу.

Мятеж, возникший в черте городской оседлости, тотчас же затем перебросившийся в загородную часть и закончившийся в пригородной слободе, прошел для значительной части городского населения совершенно незамеченным. Многие даже в день 13-го марта не знали о том, что в городе происходит мятеж, и только на следующий день оказались в той или иной степени осведомленными о происшедших накануне событиях. Поэтому весь день 13 марта административная, общественная, торговая и промышленная жизнь в городе не приостанавливались.

Потери со стороны мятежников не поддаются точному учету, поэтому не только среди местного населения, но даже в официальных сферах города Тюмени варьируют¹³ совершенно произвольные

¹² На полях абзац помечен чертой, возле которой помещен комментарий: «1) Ранее — ун[тер]-оф[ицера] школа».

¹³ Так в документе.

цифры мятежников — от 100 до 500. Милицией было подобрано и предано земле всего 34 трупа¹⁴, что дает основание считать эту цифру официально установленной. Но это не исключает возможности допустить большее число погибших, оставшихся вне ведения милиции.

Со¹⁵ стороны чехов и русских пострадавших нет, за исключением тяжело раненного милиционера Стрюкова, в состоянии здоровья которого недавно наступил кризис с ясно выраженным показанием на благоприятный исход.

В населении упорно держится слух об убитом во время подавления восстания одном солдате, но командир чешского отряда полк. Червинко [Л. 89 об.] категорически утверждает, что среди чешского отделения никаких потерь нет.

И команда тюремных надзирателей и милиции проявила во время мятежа полную дисциплинированность, твердость и находчивость. Поведение и образ действий милиционеров Стрюкова, Титова и тюремного надзирателя Григорьева являются достаточными к тому иллюстрациями. Некоторый диссонанс в этом отношении внес начальник 4-го участка городской милиции Афонасьев. Ему еще до мятежа был разрешен двухнедельный отпуск, течение которого начиналось с 13-го марта. Когда появились первые сведения о начале мятежа, начальник городской милиции В.К. Островский отдал Афонасьеву распоряжение усилить отрядом милиционеров 4-го уч. охрану тюрьмы. Афонасьев, несмотря на исключительность обстоятельств, все же решил считать себя с 13-го марта в отпуске, приказание В.К. Островского не выполнил и выбыл из канцелярии своего участка. По представлению В.К. Островского Афонасьев уволен от службы без прошения.

Следует отметить крайне неприятный для самочувствия всего состава тюменской милиции и безусловно вредный для внутреннего спокойствия города Тюмени слух, усиленно муссировавшийся в течение очень продолжительного времени, о том, что будто бы был установлен факт участия местных чинов милиции в мятеже.

¹⁴ Строчки машинописи от «варьируют» до «всего 34 трупа» отмечены на полях вертикальной линией, возле которой поставлен знак вопроса.

¹⁵ С этого слова и до «командир чешского отряда полк. Червинко» текст отмечен на полях вертикальной линией с комментарием: «Почему же [2 нрзб.] почтили [1 нрзб.] “павших воинов”?»

Слух этот получил распространение из контрразведки, которая донесла до сведения начальника гарнизона, что среди убитых агитаторов-мятежников оказался труп с милицейской повязкой на рукаве. Доверяя этому донесению, начальник гарнизона полк. Корзун телеграфировал 25-го марта в Екатеринбург [Л. 90] бург главному начальнику Тюменского военного округа ген.-лейт. Рычкову: «Милиция ненадежна, установлено задержание милиционеров выступления 13-го марта»¹⁶.

Приблизительно 8-го или 9-го апреля я имел в Тюмени деловое собеседование с начальником гарнизона полк. Корзун, с начальником контрразведки ротмистром Постниковым и управляющим уездом В.Э. Бончковским; причем ротмистр Постников объяснил мне, что вопрос о трупе с милицейской повязкой выяснился. Оказывается, это было неизвестное лицо, агитировавшее среди мятежников и одевшее милицейскую повязку, чтобы создать впечатление, что милиция не только сочувствует восстанию, но и готова принять в нем непосредственное участие. Во всяком случае, по объяснению ротм. Постникова, в настоящее время вполне установлено, что убитый агитатор — не милиционер.

Однако ген.-лейтенанту Рычкову контртелегаммы послано не было, и я был вынужден просить начальника гарнизона телеграфировать в Екатеринбург опровержение по содержанию телеграммы от 25-го марта. Мне это было обещано.

Таким образом, с 25-го марта по 9-е апреля все время муссировался слух об участии милиции в восстании.

Вообще, к глубокому сожалению, приходится отметить, что между контрразведкой и милицией создались ненормальные взаимоотношения. Со стороны контрразведки наблюдается полное недоверие к составу милиции; определенно заявляют на ненадежность милиции, но никаких указаний на конкретные факты, давшие основание к такому выводу, я не мог получить ни от начальника гарнизона, ни от ротмистра Постникова. Взаимное недоверие этих двух органов приняло уродливые формы, [Л. 90 об.] что начальник милиции, посещая по служебным делам контрразведку, вынужден в целях личной безопасности иметь при себе эскорт из несколь-

¹⁶ Абзац отмечен на полях вертикальной линией и сопровождается комментарием: «Что подтверждается» [Л. 89 об.] и «Откуда известно содержание шифрованной телеграммы?» [Л. 90].

ких конных милиционеров. Отсюда — полное отсутствие солидарности и содружества во взаимной работе.

III. Ликвидация восстания

Позволив себе ввести в содержание настоящего доклада термины «подавление» и «ликвидация»... я исходил из различия внутреннего содержания этих двух понятий. Под «подавлением» восстания я подразумеваю прекращение восстания путем открытого применения вооруженной силы в условиях боевой обстановки. Под понятием же «ликвидации» восстания я представляю себе процесс наложения кар на непосредственных участников восстания, а также на лиц, в той или иной степени причастных как к самому факту восстания, так и созданию условий, вызвавших восстание, причем сам процесс наложения кар может происходить в условиях, предусмотренных законом (военно-полевой суд), или вне этих условий (расстрелы без суда).

1) Расстрелы

Окончание мятежа совпало с началом его ликвидации.

При отступлении мятежников в Копыловские сараи правительственными войсками был взят и доставлен в тюрьму один из мятежников. С этого момента началось почти непрерывное поступление в тюрьму участников восстания. [Л. 91] Арестованные¹⁷ доставлялись партиями. Одна из самых больших партий была доставлена начальником унтер-офицерской школы полк. Зааловым. По приводе этой партии в тюрьму из состава ее было выделено 5 неизвестных лиц, которые тотчас же были расстреляны в тюремном дворе.

По поводу произведенного в тюрьме расстрела В.В. Золотарев послал товарищу прокурора С.П. Агатову отношение, в котором, умалчивая о расстреле, просил его срочно прибыть в тюрьму по весьма важному делу, находящемуся в связи с текущими событиями.

Под вечер были доставлены в тюрьму из контрразведки Авдеев, Дилевская, Емельянов и Кузнецов. Лица эти были препровождены в тюрьму при отношении начальника контрразведки поручика

¹⁷ Машинопись с этого слова и до конца абзаца на полях отчерчена вертикальной линией. Помещен комментарий: «Согласно приказа командарма Сиб[ирской] Арм[ии] Тел. от 13/III».

Борисова; в отношении этом значилось, что препровождаемые лица подлежат передаче вместе с содержащейся в тюрьме Базилевской начальнику чешской охраны. Явившийся затем начальник чешской охраны потребовал¹⁸ Емельянова, Кузнецова и Базилевскую, которых передал дежурному по караулу офицеру, а последний их расстрелял во дворе тюрьмы.

В 10–11 час. вечера В.В. Золотаревым были переданы явившемуся в тюрьму полк. Заалову согласно распоряжения начальника контрразведки следующие лица: Холмский, Зиверт, Накосевич, Тупицин, Авдеев и Дилевская. Лица эти были уведены в контрразведку. Из них поступил обратно в тюрьму на следующий день только Авдеев, который оказался **раненым огнестрельным оружием в запястье правой руки и в спину**¹⁹. Авдеев помещен в больницу и в настоящее время числится содержанием за начальником гарнизона.

Трупы расстрелянных оставались лежать во [Л. 91 об.] дворе тюрьмы на месте расстрела. Так как товарищ прокурора С.П. Агатов на приглашение В.В. Золотарева в тюрьму не явился, то на следующий день 14-го марта В.В. Золотарев сообщил о трупах по телефону начальнику милиции.

Явившиеся на этот вызов чины милиции подобрали трупы и увезли их из тюрьмы. После этого явился товарищ прокурора С.П. Агатов, которому В.В. Золотарев доложил о произведенных в тюрьме расстрелах.

2) Базилевская

Расстрелянная 13-го марта в тюремной ограде **Базилевская, по общим отзывам, принадлежит к разряду темных личностей с довольно подозрительным прошлым**. Она дочь тюремной надзирательницы, прослужившей в тюрьме свыше 20 лет. Впервые имя Базилевской упоминается в период большевистского террора в Тюмени: каракулевое пальто одной **из расстрелянных большевиками женщин оказалось впоследствии на Базилевской**. Во время наибольшего засилья²⁰ в Тюмени совдепщины Базилевская со-

¹⁸ С этого слова и до конца абзаца на полях документа черными чернилами проведены две параллельные вертикальные линии.

¹⁹ На полях комментарий: «При побеге».

²⁰ С этого слова и до конца абзаца текст на полях помечен фигурной скобкой. Рядом: «Распоряжение н-ка к[онтр]-р[азведки] Купреянова».

стояла агентом *большевистской контрразведки*. С падением в Тюмени советской власти она оказалась на *службе у правительственной контрразведки*.

Причины, вызвавшие расстрел Базилевской, мне неизвестны, но по поводу этого события в обществе существует много предположений. Характерно, что к факту расстрела Базилевской *все в городе отнеслись или совсем безучастно, или же с чувством даже некоторого удовлетворения*.

3) Авдеев и Дилевская

Авдеев — преподаватель коммерческого училища [Л. 92] бр. Колокольниковых. По отзывам городского головы А.С. Флоринского и члена городской управы В.Д. Пагирева, Авдеев очень развитой, интеллигентный человек, прямолинейный, искренний и редкой политической честности. По своим политическим убеждениям он принадлежит к партии эсдеков-меньшевиков и, если не ошибаюсь, к крылу интернационалистов. В период особого подъема революционного настроения среди преподавателей коммерческого училища он был в центре той группы преподавателей, которые проводили идею полной автономии училища, с устранением от участия в делах училища Колокольниковых.

Авдеев всегда пользовался большой популярностью среди местных рабочих кругов. Он был руководителем их политических настроений и стоял во главе тюменской газеты «Наш путь».

Как во времена большевиков, так и во все последующие этапы политической жизни Сибири Авдеев оставался и в своих политических взглядах, и в своей политической тактике неумолимо последовательным. Большевики относились к нему недоверчиво, причисляя его к правым социалистам; с падением же советской власти в отношении Авдеева установился определенный взгляд как на представителя крайне левого политического течения.

Из личной беседы с ним в тюрьме я вынес впечатление, что Авдеев принадлежит к числу тех партийных деятелей, которые, глубоко погружившись в основоположения своей политической программы, *утратили способность наблюдать и оценивать реальные жизненные явления*. Авдеев — теоретик до автоматичности. Строго последовательно проводя свои взгляды в окружающую его рабочую среду, он не учитывал ни степени интеллектуальности этой

среды, [Л. 92 об.] ни тех последствий, какие создаются в настроениях рабочих, превратно воспринимавших его политические воздействия и своеобразно их усваивавших. *Авдеев совершенно бес-совестно, не желая этого, создавал и поддерживал в рабочих кругах большевистское настроение.*

Дилевская²¹ — гражданская жена Авдеева, сотрудничавшая с ним в области партийной работы. Она обладала решительным характером и известной степенью экспансивности. Если Авдеев оказывал влияние на умы рабочих масс, то Дилевская воздействовала на их чувства. В этом отношении Авдеев и Дилевская взаимно дополняли друг друга. Дилевская состояла в родстве с известным Свердловым. Это обстоятельство сдерживало представителей советской власти в Тюмени от проявления в отношении Дилевской и Авдеева репрессивных мер, тем более что Дилевская в период большевизма поддерживала телеграфные отношения со Свердловым. Это же обстоятельство после падения в Тюмени советской власти послужило одним из доказательств антигосударственности Дилевской.

Дилевская состояла секретарем профессионального союза рабочих и руководила всей профессиональной жизнью рабочих масс в Тюмени.

В настоящее время с устранением Дилевской и Авдеева вся политическая и профессиональная жизнь рабочих города Тюмени замерла.

По словам самого Авдеева, обстоятельства расстрела Дилевской и др. представляются в таком свете: приблизительно в 2 часа дня 13 марта в квартиру Авдеева явились чины контрразведки. Дома была только Дилевская. Ее задержали и отправили в контрразведку. Затем те же чины контр-[Л. 93] разведки арестовали в редакции газеты «Наш путь» Авдеева, которого также препроводили в контрразведку. Там арестованные без всякого допроса пробыли значительное время, и под вечер их вместе с другими двумя задержанными людьми препроводили в тюрьму, где сдали В.В. Золотареву.

Часов в 10–11 вечера в тюрьму явился полк. Заалов с военным конвоем и истребовал Авдеева, Дилевскую и еще четырех человек,

²¹ «Открыта 2-я советская библиотека им. О.А. Дилевской (бывш. общ. Народный дом в р-не Машаровского завода, угол Курской и Новой». — См.: Известия Тюменско-Тобольских губернского Комитета РКП (бол.) и губернского В.-Революционного комитета. 1920. 17 апр., № 85.

препроводил всех этих лиц в контрразведку. И на этот раз никакого допроса в контрразведке не производилось; из содержания разговора по телефону одного из офицеров контрразведки с неизвестным лицом Авдеев понял, что никакого допроса с них снимать не будут и что сейчас их всех куда-то отправят.

Действительно, по окончании телефонного разговора задержанным приказали собираться, чтобы идти обратно в тюрьму. Пошли в сопровождении офицера и семи солдат.

Дилевская обратила внимание, что их повели иным путем, чем обычно водят арестованных в тюрьму. Своей тревогой она поделилась с Авдеевым. Тот ее успокоил, высказав предположение, что их ведут в тюрьму другой дорогой потому, чтобы избежать какой-либо встречи с другой партией задержанных, препровождаемой из тюрьмы в контрразведку для допроса.

Вышли на Базарную площадь. У одной из лавок офицер приказал остановиться. Солдаты почему-то отошли от арестованных на несколько шагов. Офицер подошел к арестованным и потребовал отдать деньги, если они у них имеются. Необычность обстановки, предъявление странного требования, плохо [Л. 93 об.] скрываемая нервозность офицера — все это создавало среди арестованных жуткое настроение. Повяло холодком смерти. Кто-то болезненно простонал: «За что...» Дилевская истерически вскрикнула: «Стреляйте же, не мучьте!». Быстро отобрав от некоторых арестованных оказавшиеся у них деньги, офицер отошел в сторону и что-то сказал солдатам. Те вскинули ружья. Опять кто-то застонал. Раздался залп. Авдеев увидел, как упала Дилевская. У него подкосились ноги, и он почувствовал, что лежит на земле. На минуту он как будто потерял сознание. Затем пришел в себя. Он увидел, как солдаты снимали с убитых платье и обувь. Подошли к нему. Авдеев лежал на боку. Один солдат стал грубо стягивать с его ног штиблеты; почти срывал. Затем начали стаскивать меховое пальто. В правой руке, которая застряла в рукаве, почувствовалась острая боль. Солдаты сильно ухватили за рукав пальто...

Авдеев очнулся. Солдат уже не было. Вокруг лежали трупы. Он подполз к Дилевской: она была мертва. Попробовал встать. Не сразу удалось. Окружавшая местность была знакома. Недалеко находилась квартира Авдеева. Он пошел туда. Дорогой встретился с патрулем. Пропустили.

Дома он кратко рассказал о случившемся. Нравственная и физическая усталость от всего пережитого была настолько велика, что Авдеев не мог ни о чем думать. Ему было все безразлично.

Утром он явился к городскому голове А.С. Флоринскому и рассказал о расстреле. Был вызван врач, оказавший Авдееву первую медицинскую помощь.

А.С. Флоринский вместе с Авдеевым отправился в городскую управу, где было созвано экстрен- [Л. 94] ное частное совещание членов управы. На этом совещании был составлен протокол, в который со слов Авдеева были занесены обстоятельства расстрела Дилевской и др. На совещании этом было решено, не предавая дела²² огласке, о происшедшем довести до сведения управляющего уездом, товарища прокурора, министра юстиции и министра внутренних дел. Для разрешения же вопроса о способах обеспечения дальнейшей неприкосновенности Авдеева было решено созвать в тот же день второе совещание членов управы с участием управляющего уездом и товарища прокурора.

1)²³ *Второе совещание состоялось в 1 час дня. На этом совещании при участии В.Э. Бончковского и С.П. Агатова было постановлено сообщить о совершенном расстреле начальнику гарнизона и просить его гарантировать жизнь Авдеева.*

В.Э. Бончковский, А.С. Флоринский и С.П. Агатов отправились к начальнику гарнизона, где доложили о событии. Там было решено содержать Авдеева в тюремной больнице впредь до суда.

В тот же день Авдеев был *добровольно*²⁴ доставлен в тюрьму.

Обращаясь к вопросу о тех причинах, которые вызвали *расстрел Авдеева и Дилевской*, приходится для разрешения его ограничиться одними лишь предположениями²⁵.

Официальная версия, исходящая из контрразведки, в том, что расстрел Авдеевой и Дилевской был вызван попыткой их бежать из-под конвоя во время следования в тюрьму, не имеет подтверждения в обстоятельствах, предшествовавших и сопровождав-

²² К последним двум словам имеется на полях комментарий: «Предано широкой огласке».

²³ Нумерация сделана синим карандашом. На полях: «По одному словесному заявлению Авдеева».

²⁴ На полях — знак вопроса.

²⁵ Этот и последующие четыре абзаца отмечены на полях вертикальными линиями, возле которых поставлены вопросы.

ших акт расстрела. По моему мнению, причину *расстрела* необходимо искать в том общем психологическом настроении, [Л. 94 об.] какое создалось вокруг личностей Авдеева и Дилевской.

Впервые Авдеев и Дилевская были подвергнуты аресту как лица, вредные для дела воссоздания государственности, еще в декабре прошлого года. *Однако по ходатайству городского головы А.С. Флоринского, поддержанного управляющим уездом,* Авдеев и Дилевская были освобождены. При освобождении из тюрьмы они были предупреждены одним из лиц контрразведки, что в случае какого-либо восстания в городе они будут расстреляны первыми.

По выходе из тюрьмы Авдеев и Дилевская не прекратили своей политической и профессиональной работы среди рабочих.

Настроение рабочего класса в Тюмени вообще очень беспокойное, иногда оно бывает тревожным. Для постороннего наблюдателя было ясно, что в среде рабочих все время тлеет какой-то огонек, будирующий рабочих и подогревающий их настроение. В официальных кругах Тюмени и в широких слоях общества существовало определенное убеждение, что таким огоньком в рабочей среде являются именно Авдеев и Дилевская.

²⁶Когда началось в Тюмени восстание мобилизованных, к которому примкнули отдельные из рабочих, никто не считал Авдеева и Дилевскую непосредственными участниками или вдохновителями мятежа, но всякий понимал, что *большевистская пропаганда среди мобилизованных, вызвавшая восстание, является результатом их политической и профессиональной деятельности.*

4) Облава в селе Заводо-Успенском

Имелись указания, что мятежники с подавлением восстания расселились по уезду и, в частности, скрылись в районе села Заводо-Успенского, [Л. 95] где имеется писчебумажная фабрика Ятеса. Среди рабочих этой фабрики наблюдалось определенное противогосударственное настроение, ярко выражавшееся во время, предшествующее и сопутствующее восстанию в Тюмени. *Среди заводоуспенского населения и, главным образом, рабочей массы фабрики Ятеса велась большевистская пропаганда в направлении восстановления советской власти.*

²⁶ Четыре строки машинописи отмечены на полях вертикальной линией. Комментарий: «Откуда известно?»

14 марта в с. Заводо-Успенское был отправлен отряд Барабинского полка в составе 60 солдат под командой прапорщика Шахтарина. К отряду были прикомандированы 5 милиционеров. Отряду сопутствовал помощник начальника Тюменской милиции И.Е. Клепацкий. Отряд этот имел своим заданием поимку скрывающихся в с. Заводо-Успенском участников мятежа и большевистских агитаторов.

По прибытии в с. Заводо-Успенское прап. Шахтарин произвел там облаву, результатом которой был *арест 15 человек*, проявивших себя в качестве антиправительственных деятелей. Кроме того, были задержаны *трое местных активных деятелей, открыто пропагандировавших в с. Заводо-Успенском восстановление советской власти*. Среди этих лиц задержанным оказался местный *большевик Медведев*. Эти три лица были застрелены на месте задержания. Остальные арестованные были доставлены в Тюмень.

По свидетельству лояльной части населения с. Заводо-Успенского, изъятие из их среды противоправительственных элементов и расстрел трех большевистских деятелей внес полное успокоение в жизнь села.

5) Облавы на городских окраинах

В ночь с 15-го на 16-е марта *тюменской* [Л. 95 об.] *милицией*²⁷ совместно с воинскими частями были проведены облавы на окраинных частях города, носящих названия «Кузнецы», «Угрюмовские сараи», «Крестьянские места», а также в Копыловских сараях.

Во время этих облав было задержано до 50 человек скрывавшихся мобилизованных, 5 большевистских агитаторов, в числе их оказался один моряк, несколько человек красноармейцев, бежавших во время восстания из лагеря военнопленных, и разные подозрительные личности. Во время облав было отобрано несколько ручных гранат, около фунта артиллерийского пороха, винтовочные патроны, седло воинского образца, большевистская литература и до 20 охотничьих ружей у разных лиц, не имевших на то разрешения.

Облавой руководил начальник Тюменской *милиции В.К. Островский*²⁸.

Расстрелов при обыске не проводилось.

²⁷ На полях поставлен знак вопроса.

²⁸ На полях знак вопроса и комментарий: «Пор[учик] Борисов. Островского не было».

Заключение

Способом выяснения общей категории событий в Тюмени, имевших место 13–15 марта, мною были избраны исключительно собеседования с лицами, упомянутыми в начале настоящего доклада. Никаких допросов в порядке формального расследования мною не производилось, так как на это я не имел специальных полномочий. Посему никаких протоколов или актов мною не составлялось. Собранный материал мною был систематизирован, однако без предварительной поверки, ибо такая поверка, по моему мнению, возможна лишь в порядке производства формального дознания.

Помощник — заместитель управляющего

Тобольской губернии

подп. **К. Коначелли**

г. Тобольск

14 апреля 1919 года

С подлинником верно:

Старший делопроизводитель (подпись)

В прокрустовом ложе официоза *Событие в приказах*

Приказ по войскам Тюменского военного округа № 29

21 мая 1919 г.

§ 5. Объявляю для сведения:

Приказ по войскам Тюменского военного округа 13 апреля 1919 г.

№ 228

Из расследования, произведенного по моему приказанию штаб-офицером для поручений полковником Кобылинским, по делу о бунте мобилизованных солдат в городе Тюмени 13 марта сего года усматриваю отличную работу частей гарнизона офицерской пехотной школы, офицерской артиллерийской школы, унтер-офицерской пехотной школы, Тюменской кадровой батареи и частей 2-го кадрового Барабинского полка, сознательно отнесшихся к происшедшему, быстро и энергично ликвидировавших попытку безумцев.

Из числа отдельных исполнителей должен особенно выделить деятельность некоторых лиц, которые своими распоряжениями, энергией и нравственным влиянием способствовали поддержанию и восстановлению нарушенного порядка.

Комендант города Тюмени подполковник Корзун, получив сведения о бунте, немедленно принял меры к усилению и упорядочению охраны тюрьмы как места, куда, конечно, взбунтовавшиеся должны были двинуться с целью усилить свои ряды освобожденными; он усилил караул тюрьмы боевыми патронами, направил туда конные части чехов и часть 2-го Барабинского полка и тем не допустил захвата тюрьмы.

Начальник окружной пехотной унтер-офицерской команды подполковник Заалов первый со школой явился на место и, руководя силами офицерской и унтер-офицерской пехотных школ, своими энергичными распоряжениями и действиями способствовал быстрому подавлению бунта.

Младший офицер местной команды подпоручик Пимонюк, начальник по охране сборного пункта, организовал охрану сборного пункта

и, получив сведения от высланной им разведки о направлении бунтовщиков, с отрядом, усиленным мобилизованными интеллигентами, быстро направился к тюрьме, куда прибыл одним из первых со своим отрядом, и своими энергичными действиями не только охранил тюрьму от захвата, но и, преследуя бежавших мятежников, произвел обыск в Сараях, где захватил часть оружия и арестовал 30 человек.

Бывший начальник контрразведывательного отделения штаба округа подпоручик Борисов, благодаря энергии и распорядительности коего вдохновители восстания были заранее раскрыты, и арестом их в день восстания таковое лишено было руководства.

Во время подавления бунта он все время находился в наиболее важных пунктах и осведомлял начальствующих лиц о ходе событий.

Молодой солдат конвойной команды Кузнецов, когда банда бунтовщиков, ворвавшись в помещение команды, стала требовать выдачи оружия и начальства, когда среди солдат стал раздаваться призыв присоединиться к восставшим, выдвинувшись вперед, смело крикнул: «Начальства не выдадим, а также и оружия!» и тем показал пример мужества остальным.

После этого банда быстро удалась из помещения команды, не встретив сочувствия.

Той же команды солдат Кочура на требование восставших показать, где хранятся патроны, водил их по всем кладовым и хозяйственным постройкам, не показывая лишь той кладовки, где хранились боевые патроны, так что торопившаяся банда, не производя тщательного обыска и не встречая сочувствия в команде, быстро удалась.

От лица Родины и службы благодарю все поименованные части гарнизона, гг. офицеров и солдат за проявленные ими чувство долга, энергию и распорядительность. Солдат конвойной службы Кузнецова и Кочура произвожу в ефрейторы с 13 марта.

Но наряду с проявлениями таких высоких нравственных качеств необходимо отметить и лиц, поступивших крайне малодушно.

Начальник Тюменской конвойной команды капитан Максимов, когда толпа ворвалась в команду и произвела беспорядок, хотя и все время находился в команде, но никаких распоряжений не сделал и, даже, по уходе толпы, отправившись домой, снял с себя офицерские погоны. За такое поведение, недостойное звания офицера и начальника, и за бездействие власти отрешаю капитана Максимова от командования конвойной командой и отдаю военно-окружному суду.

Той же конвойной команды солдат Кровченко, когда бунтовщики пришли в казарму и стали требовать выдачи оружия, начальства и предлагали солдатам присоединиться к ним, малодушно снял с себя погоны и сорвал таковые с солдата, стоявшего рядом с ним.

За такое проявление малодушия и непонимание своего долга перед Родиной солдата Кровченко предаю военно-окружному суду.

Главный начальник округа генерал-лейтенант *Рычков*

РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Ед. хр. 856. Л. 43 об. — 44 об.

То же самое: *РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Ед. хр. 37. Приказ № 228 от 13 апреля 1919 г. Л. 137–138.*

Приказ № 280 от 9 мая 1919 г.

§ 1. Солдаты караульного батальона 49-го Сибирского стрелкового полка Степан Мельников, Григорий Медведев и Павел Бородин переданы Тюменскому окружному суду на театре военных действий по обвинению в том, что в военное время, 13 марта 1919 г. в г. Тюмени на театре военных действий, входя в состав караула: Мельников в качестве караульного начальника при временном артиллерийском складе, а Бородин и Медведев — часовыми, первый у склада с оружием, а второй — у мастерских у того же склада, при приближении толпы взбунтовавшихся мобилизованных солдат, прибывших для насильственного снятия караула, они, обвиняемые Мельников, Бородин и Медведев, из страха личной безопасности не только не защищали от нападения посты и все порученное их надзору, но, покинув свои места и оружие, самовольно ушли из караула, оставив посты без всякой охраны, т.е. в деянии, предусмотренном 155 ст. XXII кн. С.В.П. 1869 года, изд. 4-е, а в отношении начальника Мельникова и 72 ст. той же книги (Л. 154 об. — 155).

§ 2. Солдаты караульного батальона 49-го Сибирского стрелкового полка Сергей Токарев, Андрей Гордеев и Александр Григорьев переданы Тюменскому окружному суду на театре военных действий по обвинению в нарушении особых обязанностей караульной службы, выразившихся в том, что в военное время, 13 марта 1919 г. в г. Тюмени на театре военных действий, входя в состав караула: Токарев в качестве караульного начальника караула, а Гордеев и Григорьев — часовыми: первый у наружных ворот, а второй у барака военнопленных того же заразного отделения, при приближении толпы взбунтовавшихся мобилизованных солдат, прибывших для насильственного снятия караула, они из страха личной безопасности не только не защищали от нападения посты и все порученное их надзору, но, покинув свои места и оружие, самовольно ушли с караула, оставив посты без всякой охраны, т.е. в деянии, предусмотренном 155 ст. XXII кн. С.В.П. 1869 года, изд. 4-е, а в отношении караульного начальника Токарева и 72 ст. той же книги (Л. 155).

РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Ед. хр. 37.

Александр Петрушин

Кто вы, маршал Блюхер?

Советский военачальник Блюхер Василий Константинович, награжденный в 1918 году первым орденом Красного Знамени, памятен Тюмени.

Начдив-51

В августе 1919 года Блюхер возглавил сформированную в Тюмени 51-ю стрелковую дивизию. После окончательного разгрома колчаковских войск в Сибири испытанную в боях дивизию в срочном порядке, в 93-х эшелонах, перебросили на новый фронт — врангелевский.

Закрепившись на левом берегу Днепра в районе Каховки, сибиряки отразили все атаки врангелевцев. Белые потеряли три тысячи человек и 16 танков. По масштабам Гражданской войны это выглядело настоящим танковым побоищем.

27 октября 1920 года по частям дивизии объявили приказ Блюхера о наступлении на Перекоп. А это семикилометровый старинный Турецкий вал высотой до восьми метров. По его вершине тянулась линия окопов и блиндажей. Склоны вала опутаны четырьмя рядами колючей проволоки. Перед валом — ров глубиной до десяти и шириной

сорок метров. Обойти Перекоп нельзя: справа — морской залив, слева — воды неглубокого, но топкого Сиваша. На перешейке белогвардейцы установили свыше 70 орудий и 150 пулеметов.

Эту крепость 51-я стрелковая дивизия Блюхера 8 ноября в 12 часов дня штурмовала в лоб четырьмя волнами до полной победы. В 3 часа ночи 9 ноября неприступный Перекоп пал...

Командующий Южным фронтом Фрунзе доложил в Москву Ленину: «51-я дивизия в последних боях против Врангеля покрыла себя неувядаемой славой. Невзирая на тяжелые жертвы, в обстановке невероятных лишений она до конца выполнила свой долг перед Республикой. Потеряв 75% состава, штурмом овладела всеми линиями обороны противника, пробив своей грудью дорогу в Крым».

Это была оглушительная победа. О Блюхере заговорили как о выдающемся пролетарском полководце. Его наградили вто-

рым орденом Красного Знамени. Таким же орденом отметили и 51-ю стрелковую дивизию и присвоили ей почетное наименование «Перекопская».

Волочаевские дни

С падением белого Крыма Гражданская война в европейской России завершилась. Однако противостояние продолжалось на востоке. 24 июля 1921 года Блюхер вступил в должность военного министра и главнокомандующего вооруженными силами Дальневосточной республики (ДВР) — квазигосударства, призванного играть роль буфера между Советской Россией и белым Приморьем. В короткое время Блюхер сумел превратить полупартизанские формирования во внушительную силу, которая овладела в феврале 1922 года волочаевским оборонительным рубежом (железная изгородь с восемью рядами колючей проволоки, брустверы из мешков с землей, засыпанные снегом и политые водой), который называли дальневосточным Перекопом.

Через два года Блюхер объявился... в Китае. Под псевдонимом «Га Лин» он стал помогать китайскому правительству Сунь Ятсена в революционной борьбе с группировками милитаристов. Народно-революционная армия

(НРА) получила из СССР 40 тысяч винтовок, 42 миллиона патронов, 48 орудий, 230 пулеметов, более 10 тысяч ручных гранат, три самолета и другое вооружение.

Благодаря усилиям цзян-цзюня (генерала) Га Лина НРА одержала ряд побед и установила контроль над большей частью страны.

Не верили...

К этому времени имя Блюхера уже окуталось легендами. Самым громким мифом стала германская версия о том, что Блюхер — ротмистр австро-венгерской армии граф Фердинанд фон Гален, считавшийся пропавшим без вести в

Первую мировую войну. Бывший денщик фон Галена, увидев в газетах фотографии Блюхера, признал в нем своего начальника. Берлинский родственник ротмистра Фердинанда Михаэль фон Гален был убежден в том, что его племянник попал в 1915 году в плен к русским, оказался в Сибири, где по предложению красных комиссаров принял имя героя войны с Наполеоном прусского генерал-фельдмаршала Гебхарда Блюхера, отличавшегося энергией и решительностью, храбростью и неутомимостью (как в ратных делах, так и в любовных похождениях). Проведенное в Институте судебной медицины Боннского университета сравнительное фотоисследование изображений фон Галена и Га Лина (Блюхера) «показало их идентичность».

Убежденность западных экспертов в графском происхождении советского военачальника окрепла после разгрома Особой Дальневосточной армией китайских войск, захвативших в июле 1929 года Китайскую восточную железную дорогу (КВЖД).

20 ноября Блюхер телеграфировал в Москву: «...В результате боев взято 8 тысяч пленных, в том числе около 250 офицеров. Нами захвачена почти вся имеющаяся артиллерия, два бронепоезда, большое военное имуще-

ство и снаряжение. Противник потерял убитыми около полутора тысяч. Наши потери: убитых — 123, раненых — 605 человек».

ОДВА была награждена орденом Красного Знамени и стала именоваться Особой Краснознаменной Дальневосточной армией. Такой же орден, по счету пятый, получил командарм Блюхер. В мае следующего, 1930 года он стал первым в СССР кавалером нового знака государственного отличия — ордена Красной Звезды. Тюменская молодежь, как и вся страна, пела маршевую песню ОКДВА:

*Стоим на страже
Всегда, всегда,
Но если скажет страна труда:
Винтовку в руки!
В карьер! В упор!
Товарищ Блюхер!
Даешь отпор!*

Китайскую фамилию Га Лин Блюхер объяснял созвучием с именем первой жены Галины Покровской, с которой он прожил восемь лет. Они расстались в 1927 году. Блюхер женился на слушательнице военного факультета академии связи Галине Кольчугиной. Из Москвы в Хабаровск, куда перевели мужа для организации Особой Дальневосточной армии, она не поехала.

После конфликта на КВЖД 42-летний командарм встретит

17-летнюю Глафиру Безверхову из многодетной семьи инвалида Русско-японской войны. Не регистрируя брак, Василий Константинович проживет с ней шесть лет, до своего ареста и гибели.

Его не спасли ни военные заслуги, ни маршальское звание, присвоенное в сентябре 1935 года, ни участие в составе специального судебного присутствия, утвердившего 12 июня 1937 года расстрел маршала Тухачевского, командармов Якира, Уборевича, Корка, комкоров Фельдмана, Эйдемана, Примакова и Путны. Тогда Блюхер не предполагал, что через год с небольшим придут и за ним.

Сомнений нет

Маршала Блюхера арестовали 22 октября 1938 года по ордеру, подписанному наркомом НКВД Ежовым с санкции Сталина. За день до очередной годовщины Октябрьской революции после избиений Блюхер признал свое участие в антисоветском заговоре, а 9 ноября скончался. Официальный диагноз: «Смерть наступила от закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в верхах таза». Но допрошенная в 1956 году врач Лефортовской больницы Розенблум показала: «Я осматривала Блюхера. Все лицо у него было в сплошных си-

няках. Затем я обнаружила кровоизлияние в склеру глаза. Кто определил причину его смерти, не знаю. Как и не знаю, кто выдал следствию справку о смерти».

Бывших жен Блюхера — Покровскую и Кольчугину — расстреляли. Безверхова, отсидев восемь лет в лагере и отбыв десять лет в ссылке в Казахстане, дожила до XX съезда КПСС (1956) и своей реабилитации. Всех детей маршала, включая пятилетнюю Ваиру и восьмимесячного Василина, разбросали по сиротским домам...

Несмотря на реабилитацию Блюхера, у историков оставались сомнения в его происхождении. Эти сомнения окончательно развеял журналист Павел Белоглазов — почетный гражданин Ялutorовска. В фондах размещенного в этом городе засекреченного архива он обнаружил карточку на Блюхера Василия Константиновича 23-х лет, уроженца Ярославской губернии Рыбинского уезда Георгиевской волости, рядового 19-го Костромского полка, раненого в 1915 году на Юго-Западном фронте.

Всего одна карточка из восьмимиллионного учета санитарных (раненые) и безвозвратных (убитые) потерь русской императорской армии в Первой мировой войне.

Ольга Волкоморова

Брошюры Льва Толстого *в Тобольской губернии в годы Гражданской войны*

В Российском государственном военном архиве сохранилось дело «Об аресте и привлечении к ответственности лиц, связанных с приобретением и распространением запрещенных брошюр» (Ф. 39610. Оп. 1. Д. 64). В нем идет речь об изъятии из обращения книг Л.Н. Толстого и преследовании за это¹.

Немного хроники.

16 марта 1919 г. начальником штаба Тюменского военного округа генерал-майором Вихиревым была отправлена телеграмма № 706 следующего содержания: «Главначокруга приказал распорядиться об арестовании лиц, продававших брошюры Л.Н. Толстого “Солдатская памятка”, “Отношение христиан первых веков к военной службе” и “Истинная свобода”. А сами брошюры конфисковать»² (упомянуты только эти брошюры).

18 марта 1919 г. из Тобольского гарнизона в штаб Тюменского военного округа поступает срочная секретная телеграмма: «Во исполнение телеграммы

вашей № 706 доношу, что в магазине Суханова и в библиотеке Обь-Иртышского кооператива сегодня обнаружены брошюры, названные в вашей телеграмме. Магазин Суханова продавал эти брошюры как сданные на комиссию гражданином Муравиным. На основании этого Муравин и заведывающий инструкторским отделом кооператива Соколов арестованы, а владелец магазина Суханов обязан подпиской о невыходе из дому впредь до окончания дознания. Прошу указаний. Начгар Тобольска полковник Ермолаев»³.

27 марта 1919 г. из Тюмени в Тобольск поступает новая телеграмма № 915, дополняющая 706-ю: «Арестованные за продажу брошюр Л.Н. Толстого подле-

¹ Благодарю Ю. Л. Мандрику за указание на архивное дело, которое он обнаружил в РГВА, ставшее основой этой статьи. Также выражаю благодарность сотрудникам читального зала РГВА за помощь в предоставлении дела.

² РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 64. Л. 34.

³ Там же. Л. 1.

жат суду. Основание — ст. 131 уголовного положения и ст. 127 параграфы первый, второй, третий воинского устава о наказаниях⁴ (ст. 131 — распространение среди войск учений или суждений, «возбуждающих воинских чинов к нарушению обязанностей военной службы»⁵; ст. 127 — уклонение военнослужащих от обязанности нести службу, ссылаясь на свои убеждения, подстрекательство к уклонению от военной службы⁶). В Тобольске задерживают книготорговца А. Суханова и председателя Обь-Иртышского союза кооперативов А. Благоволина, в магазине и на

книжном складе которых были обнаружены книги Л. Толстого.

Алексей Степанович Суханов (1865/1866 — после 1919) — известный в регионе общественный деятель, инициатор многих культурно значимых событий и учреждений Тобольска, основавший на собственные средства первую в Тобольске публичную библиотеку с читальным залом и книжным магазином (разрешение тобольского губернатора № 424 от 23 июня 1886 г.⁷) и народную библиотеку (1891). Также Суханов вместе с дворянином Н.Г. Березницким открыл в Тюмени библиотеку и кабинет для чтения и книжной торговли (1887), просуществовавшие меньше года и ставшие объектом иронической заметки в «Тобольских губернских ведомостях»: «...читающим обывателям остается только пожалеть, что так долго ожидаемый рассадник образования “не расцвел и отцвел в утре пасмурных дней”»⁸. Инициировал создание Тобольской женской воскресной школы (1893), Тобольского народного театра (1898), Народного дома (1899). Издавал газеты «Сибирский листок», «Тобольское народное слово». Публиковался в периодике под псевдонимами Алексеев, Степан, О. И. О., О. И. П-ки, Пошехонский летописец,

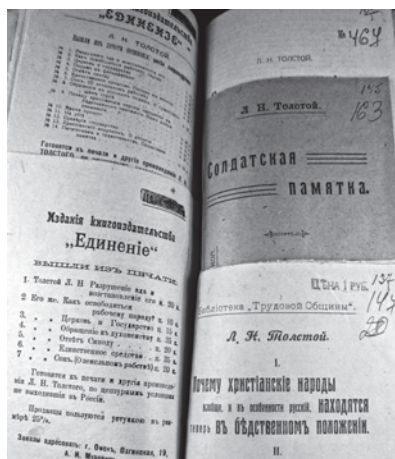
⁴ РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 64. Л. 65.

⁵ Уголовное уложение 22 марта 1903 [Электронный ресурс]: Издание Н.С. Таганцева. СПб., 1904. Режим доступа: <https://www.litres.ru/n-tagancev/ugolovnoe-ulozhenie-22-marta-1903/> (дата обращения 12.10.2017).

⁶ Воинский устав о наказаниях [Электронный ресурс]/сост. А. Анисимов. 12 изд., исправ. и доп. Петроград: Изд. юридического кн. магазина Н.К. Мартынова, 1917. Режим доступа: <https://www.litres.ru/andrey-anisimov/voinskiy-ustav-o-nakazaniyah/> (дата обращения 12.10.2017).

⁷ Государственный архив г. Тобольска (далее — ГАТоб). Ф. 152. Оп. 13. Д. 61. Л. 23, 31.

⁸ Цит. по: Лукьянова Л.С. Из истории библиотечного дела Тюмени. Тюмень: ГТГИК, 1997. С. 17.

Запрещенные брошюры Л.Н. Толстого

Сибирский пошехонец, Туземец. В 1906 г. Алексей Степанович привлекался к суду за «произнесение или чтение публично речи или сочинения или в распространении сочинения или изображения, возбуждающих к учинению бунтовщического или изменнического деяния, ниспровержению существующего в государстве общественного строя» (ст. 129 Уголовного уложения 1903 г.) и был выслан в Берёзов. После оправдания в суде Суханов принял участие в выборах в IV Думу и в октябре 1912 стал депутатом IV Государственной Думы от Тобольской губернии (1912–1917)⁹. Вероятно, именно это обстоятельство сыграло значительную роль в деле.

Александр Алексеевич Благоволин с 1917 года являлся председателем совета Тобольского уездного учительского союза, председателем Тобольского уездного земского собрания, гласным Тобольской городской думы, в прошлом был в составе Общества внешкольного образования кооперативных организаций Тобольского уездного учительского союза. За него с пылом вступились родственники и коллеги. На имя разных военных начальников посыпались телеграммы: «Городская дума постановила признать своим нравственным долгом присоединиться к возбужденному правлением и ревизионной комиссией Обь-Иртышского союза кооперативов ходатайству пред командующим Сибирской армией генералом Гайда, главным начальником Тюменского военного округа генералом Рычковым и перед председателем Совета министров Вологодским о скорейшем освобождении изпод ареста гласного думы и председателя финансовой комиссии

⁹ Тобольский биографический словарь: в 2-х т. / сост. В.Ю. Софронюк, Ю.П. Прибыльский. Тобольск, 2003. Т. 2. С. 81–82; Суханов Алексей Степанович [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/suhanov_as.php (дата обращения 8.10.2017).

А.А. Благоволина как весьма ценного и активного думского работника»¹⁰ (26 марта 1919. Постановление Тобольской городской думы); «Признавая Благоволина горячим сторонником земства, правопорядка, законности, уездная управа просит вашего распоряжения об освобождении»¹¹ (28 марта 1919, Тобольское уездное земское собрание); «Вся прошлая деятельность Благоволина, протекавшая в Тобольске на протяжении целого ряда лет, характеризует его как вполне безукоризненного общественного деятеля, как весьма ценного работника..., как человека, стоящего вне партийной работы, направляющего все свои силы в сторону кооперативной деятельности и культурно-просветительских начинаний... Совет полагает, что факты, послужившие причиной ареста Благоволина и возведения на него обвинения в совершении действий, противных существующей власти, является печальной случайностью, в которой никоим образом нельзя предполагать каких-либо намеренных действий Благоволина»¹² (29 марта

1919, Совет Тобольского уездного учительского союза).

Губземуправа вступилась за обоих в телеграмме на имя командующего войсками округа генерал-лейтенанта Рычкова: «Ввиду распоряжения Вашего Превосходительства о предании военно-полевому суду члена Государственной Думы четвертого созыва, члена Учредительного собрания Суханова и председателя Обь-Иртышского союза Благоволина за приобретение в числе другой литературы толстовских брошюр губернская земская управа считает своим нравственным долгом засвидетельствовать первое: Суханов все время боролся с большевистской властью, никакого вреда доблестным войскам сибирской армии в борьбе с большевиками причинить сознательно не мог. Второе: Благоволин состоял помощником комиссара Временного правительства, чужд всякой политики, занимался в Тобольске исключительно культурной работой»¹³.

Подобные обращения не могли остаться без внимания. Начальнику Тюменского военного округа генерал-лейтенанту В.В. Рычкову поступает телеграмма главпрокурорверха полковника Полидорова: «Прошу срочно телеграфировать, за что именно преданы военно-полево-

¹⁰ РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 64. Л. 283 об.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же. Л. 6–7.

¹³ Там же. Л. 9.

му суду председатель Обь-Иртышского союза Благоволин и бывший член Государственной Думы четвертого созыва, член Учредительного собрания Суханов и в каком положении находится о них дело»¹⁴. Он передает распоряжение дальше, и генерал-майор Вихирев отправляет запрос в Тобольск 1 апреля: «Главначокр приказал телеграфировать: первое, когда вами было отдано распоряжение об изъятии обращения брошюр и воспрещении продажи; второе, когда были проданы брошюры, после вашего распоряжения или до него; третье, когда было подписано Благоволиным требование о выписке брошюр, до вашего распоряжения или после него»¹⁵. 2 апреля начальнику Тобольского гарнизона, производившему арест, приходится докладывать: «Распоряжения об изъятии из обращения брошюр и воспрещении продажи мною получено не было, действовал на основании вашей телеграммы 706, в которой говорится об арестовании всех лиц, продававших брошюры, и конфискации самих брошюр, что было исполнено 18 марта. Никакой продажи книг после 17 марта (день получения телеграммы 706) не производилось. Заказ Благоволиным был подписан до 17 марта, а именно требование о

заказе брошюр 13 февраля, в Тобольск брошюры пришли 16 марта, конфискованы 18 марта. Ввиду отступления от общих правил, т.к. предварительного опубликования об изъятии брошюр Толстого не было, и категоричности приказа переданного телеграммой 706 копии этой телеграммы были сообщены мною для исполнения коменданту города. В этот же день были произведены обыски в магазине Суханова, в инструкторском отделе Обь-Иртышского союза кооперативов и в квартире артиста труппы Тобольского народного дома Муравина»¹⁶.

3 апреля от генерал-лейтенанта Рычкова в Тобольск приходит сообщение: «Ввиду того, что распоряжения об изъятии из обращения брошюр Толстого не было и распространение имело место до приказа об отобрании этих брошюр, предлагаю Благоволина, Муравина, Суханова освободить и дело с них прекратить»¹⁷. 4 апреля приказ об освобождении из-под стражи всех указанных лиц был исполнен в Тобольске. 14 апреля дело официально было прекращено¹⁸.

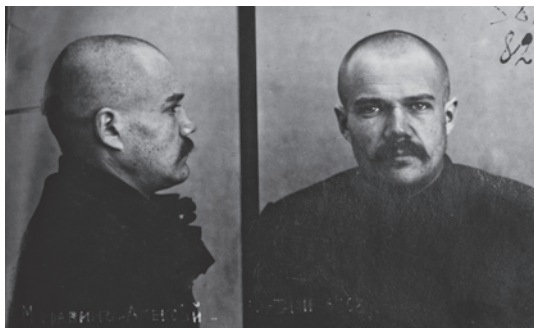
¹⁴ РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 64. Л. 28.

¹⁵ Там же. Л. 20.

¹⁶ Там же. Л. 21, 25.

¹⁷ Там же. Л. 27.

¹⁸ Там же. Л. 285, 285 об.

Алексей Иванович Муравин

Расследование длилось с 18 марта по 14 апреля 1919 г. и завершилось для всех вовлеченных вполне благополучно. Дело насчитывало 260 страниц и включало в себя телеграммы с постановлениями, рапортами, ходатайства, допросы свидетелей и подозреваемых. Всего по делу проходило шесть человек, главным подозреваемым был Алексей Иванович Муравин. В 1919 ему 36 лет, холост, в 1908 году был оправдан Московской судебной палатой по ст. 102 ч. 2 (участие в мятежническом сообществе). Поступил в труппу Тобольского народного театра, прибыл в Тобольск 23 сентября 1918 года¹⁹. Именно от него получили книги Суханов и Благоволин.

Какие произведения стали причиной расследования? Пуб-

лицистика Л.Н. Толстого: «Разрушение ада и восстановление его», «Как освободиться рабочему народу», «Церковь и государство», «Письмо к фельдфебелю», «Ответ синоду», «Единственное средство», «Сон (О земельном рабстве)», «Обращение к русским людям», «Почему христианские народы находятся в бедственном положении. Наше жизнепонимание», «Время пришло», «Не убий», «Суеверие государства», «Христианский анархизм», «Солдатская памятка», изданных в 1918 г. омскими издательствами «Единение» (большинство изданий) и «Свободный христианин». Отпечатаны брошюры были в разных типографиях Омска. Все эти публикации направлены против убийства и оскорбления человека, против войны, казни, тюрем, против искаженного представления о религии, против жестокости, подчинения, лицемерия и за справедливое человеческое устройство жизни.

Об этих изданиях Л.Н. Толстого, ставших объектом дореволюционной цензуры и тиражированных во время Гражданской

¹⁹ РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 64. Л. 94.

войны, есть упоминание в книге А.Л. Посадкова «Сибирская книга и революция. 1917–1918»²⁰. В «Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг.» эти брошюры Л.Н. Толстого, как и сами издательства, по неизвестной причине не вошли²¹.

В брошюрах издательств «Единение» и «Свободный христианин» публиковались как отдельные работы Толстого, так и фрагменты из его произведений («Суеверие государства» — это XVII глава из работы Толстого «Путь жизни», а издание «Христианский анархизм» — выдержки из дневников, писем, статей, в самом тексте есть подзаголовок «Мысли Л.Н. Толстого»). Издателем брошюр, вышедших в издательстве «Единение», выступал сам Муравин²². На обложках брошюр печатался адрес, где можно было их приобрести: «Склад изданий г. Омск, Вагинская, 19, А.И. Муравину».

В процессе расследования стало ясно, как развивались события. По приказу Наштарма Сибирского, разошедшегося в телеграмме 15 марта 1919 года, четыре антивоенных произведения Л.Н. Толстого должны были изыматься из обращения («Отношение христиан первых веков к военной службе», «Истинная

свобода», «Солдатская памятка», «Письмо к фельдфебелю», последнее было упущено при телеграфировании в Тобольск). После сообщения о запрете продажи этих изданий в Тобольске были произведены обыски в имевшихся на то время книготорговых предприятиях — магазине А.С. Суханова и складе Обь-Иртышского союза кооперативов, которым руководил А.А. Благоволин. Были обнаружены и конфискованы подвергшиеся запрету издания, которые в 1918 году на реализацию передал сам А.И. Муравин. Его квартира была обыскана, в ней также обнаружили запрещенные работы Л.Н. Толстого. Все они были выпущены омским издательством «Единение».

Выяснилось, что помимо принятых от Муравина брошюр с запрещенными текстами Толстого Благоволин 13 февраля 1919 года подписал заказ через оптового посредника «Центросибирь» на эти же произведения наряду с другими изданиями

²⁰ Посадков А.Л. Сибирская книга и революция. 1917–1918. Новосибирск, 1977. С. 250.

²¹ Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг.: в 3 т. Новосибирск, 2004. Т. 1–3.

²² РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 64. Л. 31 об.

(«Бог правду видит, да не скоро скажет», «Корней Васильевич», «Большая медведица», «Разговор крестьянина с проезжим», «Об освобождении земли по системе Генри Джорджа» Л.Н. Толстого, «Советы руководителю при постановке спектакля» Брюханова, «Огоньки» и «Старый звонарь» В.Г. Короленко, «Справедливые налоги» Я.В. Ривлина, «Что такое демократическое самоуправление» П.Ф. Наумова, «О холере» по брошюре д-ра С.И. Сычугова и т.д.)²³. Они были доставлены в Тобольск в начале марта. Книги Л.Н. Толстого, пришедшие через «Центросибирь», представляли уже другое омское издательство — «Свободный христианин». Издателем их был Николай Михайлович Герасимович, штабс-капитан, который во время формирования отряда для охраны Омска отказался взять оружие²⁴.

Поручик Мельник, проводивший конфискацию книг в магазине Суханова и на складе союза, решил проявить инициативу и изъять не только указанные в телеграмме брошюры, но и все имевшиеся в наличии произведе-

дения Толстого. Свое решение он объяснил так: «Хотя в телеграмме указаны только “Солдатская памятка”, “Истинная свобода”, “Письмо к фельдфебелю”, мною были конфискованы и все прочие перечисленные здесь брошюры потому, что, ознакомившись с их содержанием, я увидел, что они одинаковы по смыслу с запрещенными... Поэтому, что именно было издано “Свободным христианином”, я вижу, что основанием телеграммы послужили брошюры не издателя Муравина, а издательства “Свободный христианин”»²⁵.

А.А. Благоволин в показаниях о заказанных книгах Л.Н. Толстого утверждал в свою защиту, что «заглавия книг просмотрел, но в содержание не вникал», что «только обратил внимание, что среди прочих были и брошюры Л.Н. Толстого, но и в мыслях не было того, что эти произведения могут быть запрещенными. Кроме того, основанием с меньшей осторожностью относиться к подписываемым заказам было то, что делался он в организацию, которая обслуживает почти всю Сибирь и находится в Омске»²⁶. Одним из защитников Благоволина даже делалось предположение, что брошюры были подделаны и вовсе не принадлежали перу

²³ РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 64. Л. 71, 71 об.

²⁴ Там же. Л. 125.

²⁵ Там же. Л. 124 об.

²⁶ Там же. Л. 96, 96 об.

Л. Толстого²⁷. Сопоставление текстов брошюр, прикрепленных к делу, с Полным собранием сочинений Л.Н. Толстого (<http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/>) доказывает обратное — авторство всех этих произведений принадлежит классику русской литературы и выпущены в омских издательствах с незначительными искажениями, которые, очевидно, были следствием редакторского вмешательства в текст писателя.

На запрос заведующей книжным магазином Суханова Анны Ивановны Григорьевой о списке

изданий, которых не должно быть в продаже, обер-офицер для поручений ответил, что «никакого списка литературы, подлежащей изъятию из продажи, не имеется. Литература Л.Н. Толстого была изъята согласно телеграмме Главного начальника Тюменского военного округа»²⁸.

И хотя главной причиной случившейся истории было событие, происшедшее в Тюмени 13 марта 1919 г., этот частный случай наглядно демонстрирует, как мнение отдельного человека превращается в инструмент цензуры и давления, меняющего жизнь других.

²⁷ РГВА. Ф. 39610. Оп. 1. Д. 64. Л. 283.

²⁸ Там же. Л. 61.

По накатанной колее *Степан Мамеев в другой ипостаси*

В материалах тринадцатых Тюменских родословных чтений опубликованы два материала о Мамеевых¹. Да, на этом древе растет слава Степана Николаевича, известного сибирского библиографа. Но знания наши от прочтения указанных публикаций вряд ли обогатятся новыми фактами из его жизни.

Застывший уже много лет жупел специалиста по библиотечному делу не хочет развиваться, то ли из-за лени исследователей, то ли еще каких-то причин.

Опубликовав статью «Сибиряда Степана Мамеева: библиографические указатели как маркеры сибирской книжности», я вскоре понял, что все-таки где-то ошибся. Сохранившиеся письма тоболяка к столичному

книготорговцу П.П. Шибанову хорошо демонстрируют эволюцию провинциального популяризатора сибирской книги.

Обе публикации Тюменских родословных чтений умалчивают (не исключая, что их авторы и не знают), что С.Н. Мамеев был не только библиотекарем губернского музея, но и в статистическом комитете подвизался на той же почве. Если внимательно просмотреть информативные материалы в неофициальной части Тобольских губернских ведомостей, то в некоторых публикациях такой факт проскальзывает. Более того, иногда сообщается, что принято решение о дублетных экземплярах, которые библиотекарь передает сам себе из одного заведения в другое.

И вот теперь время осмыслить не только комплектование книгохранилищ по письмам П.П. Шибанову и публикациям в местной прессе, но и просмотреть тот путь, по которому прошел поклонник «теории малых

¹ Подколотина И.Г. Мое путешествие в Сибирь // Генеалогический ресурс семьи: проблемы теории и практики: В 2 ч. Тюмень, 2016. Ч. II. С. 137–146; Лепова Г.В. Фонд Мамеева в Тобольском губернском музее // Там же. С. 170–176.

дел», начиная с составления библиографии сибирских изданий. И если в вышеупомянутой статье я пытался показать, как провинциал пытался из «отдельного оттиска» буквально за уши вытащить в мир тобольскую книгу, то его послания в столицу говорят еще и о другом.

Лучшим маркетинговым ходом для книжной торговли были именно такие рекламные выпуски, за которые все справочные издания славят С.Н. Мамеева. Более того, талант, как ныне бы сказали, менеджера, позволил ему выменивать, по сути, на кусочки запечатанной бумаги другие сибирские издания. Полноценные.

Так выросстал еще один книготорговец в Сибири. Ибо собранные из разных городов издания отправлялись на продажу в столицу. Отработанный механизм, которым пользовалась советская книжная торговля.

Имея четверых детей Степан Николаевич пытался всячески им помогать. И даже тогда, когда троих из них привлекла жандармерия за революционные на-

строения, отец помчался в г. Пермь выручать их. Вот об этом периоде генеалогии почему-то молчат. Как и о том, чем он занимался в столице Пермского края?

Ничего не говорят и о другом.

Письма к Павлу Шибанову очень красноречиво рассказывают, как культуртрегер перерос в обыкновенного торгаша, пытающегося с помощью редких изданий заработать на прокорм семьи. Сколько от его книготорговой деятельности потерял музей города Тобольска? Вы только вчитайтесь в названия изданий, которые С.Н. Мамеев не доверил даже почте, а отправил в сундучке?

Так что, характеризуя деятельность С.Н. Мамеева как библиографа надо не забывать, что именно благодаря ему мы имеем купюры в фондах тобольского губернского музея. А после него было нашествие Ивана Спиридоновича Абрамова, которого до сих пор многие исследователи называют этнографом... Потом...

Колея накатана...

Степан Мамеев

Из писем

книготорговцу Павлу Петровичу Шибанову

22.10.1891 г.¹

Не найдет ли возможности книжная торговля сделать для библиотеки музея с выписываемых изданий 10% скидки, за что правление Комитета было бы глубоко признательно.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 1.

29.12. 1891.

Просьба выслать Ф. Белявского «Поездку к Ледовитому морю» (1833).

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 2.

2 февраля 1892 г.

Посылаю Вам под простой бандеролью вышедшую на днях в Тобольске брошюру Кузнецова «Библиография Ермака». Опыт указателя малоизвестных сочинений на русском и частью на иностранных языках о покорителе Сибири. Надеюсь, что в «Библиографических записках» этому скромному труду будет посвящена рецензия. Прошу Вас не отказать в высылке одного экземпляра на мое имя и другого на имя Тобольского губернского статистического комитета с наложением платежей 3-го тома «Сибирской библиографии» Межова. Статистический комитет обращался давно уже в СПб., в магазин Риккера, о высылке 2-го тома «Сибирской библиографии», но до сих пор не получил [нрзб]. Прошу выслать также в Комитет и 2-й том. Я об этом секретаря комитета предупрежу.

---

¹ После завершения работы «Сибириада Степана Мамеева: библиографические указатели как маркеры сибирской книжности» (статья опубликована: см. сноску 5 на с. 6 данного издания) мне удалось в двух фондохранилищах Москвы обнаружить письма знатного тоболяка. Они перекопировали ко мне в комп: одни — дословно, другие — в виде выдержек. Сегодня я не готов указать какие относятся к первым, какие — ко вторым. Для сегодняшней публикации это не важно. Главное, эти письма показывают Степана Николаевича с непривычной для нас стороны.

Краеведение

Посылаю список изданий, продающихся при Тоб. Губ. музее и сведения об отдельных изданиях, вышедших в течение каждого месяца настоящего года. Отчет по библиотеке музея в канун февраля выйдет из печати и будет без замедления Вам отправлен. Одна из обещанных мною статей для «Библиограф. Записок» на днях вышлетс-ся в редакцию.

РГАЛИ. Ф. 561. Оп. 1. Д. 109. Л. 23-24.

22.05.1892.

О высылке Т. 3 «Сибирской библиографии» Межова, а также «Указателя» к нему...

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 3.

25.06.1892.

«Указатель книг о Сибири, выш. В 1892 г.» , №5, высылается под бандеролью.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 5.

9 дек. 1892 г.

г. Тобольск.

Многоуважаемый Павел Петрович!

«Указатель книг о Сибири, выш. В 1892 г.» будет по-прежнему высылаться. К нему уже издана особая обложка, а по окончании издания, которая состоится не ранее марта или апреля 1893 г. будет приложен особый указатель имен, географических и предметных названий, встречающихся в «Указателе книг».

Прошу великодушно извинить меня, что до сих пор не переслал в редакцию «Библиографических записок» двух обещанных своих статей. Обе они давно уже готовы, но остаются не переписанными набело. Кроме выполнения определенных своих по службе обязанностей, отврывающих до 8 час. в сутки, приходится работать в библиотеке музея над составлением систематического каталога, к печатанию которого уже приступлено. Внесение в инвентарный каталог вновь поступающих в библиотеку изданий, выдача и прием книг, составление «Указателя книг о Сибири», его печатание, проверка корректуры в газете и особо в отдельных оттисках, переписка по делам библиотеки музея и т.д. — все это отнимает у меня так много времени, что я уже начинаю винить себя, не сообразуясь со свободным временем, много разных обязанностей на себя. Во всяком случае обещанные статьи Вам вышлю. Придется только их резать, так как сведения, имеющие только местный интерес, будут совершенно излишни в «Библиографических записках». Мне, право совестно, что я включен Вами в число сотрудников. Между тем ни одной

статьи еще не доставил. Постараюсь не замедлить высылкой статьи.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 7–8 об.

17 декабря 1894 г.²

Препровождаю при этом под особою бандеролью 1 экз. брошюры «Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея за XVII и первую четверть XVIII ст., выпуск 1-й» прошу уведомить меня не пожелает ли магазин приобрести для продажи все это издание в количестве 100 экз. или же не менее 10 экз. по цене 50 коп. за экземпляр. Пересылка издания до магазина за мой счет с наложением платежа. В силу ограниченного числа экземпляров, предназначенных для продажи, издание не может быть уступлено на комиссию. Продажная цена брошюры по усмотрению магазина. О выпуске в свет остальных двух выпусков издания магазин будет своевременно извещен....

РГАЛИ. Ф. 561. Оп. 1. Д. 109. Л. 22.

Вследствие письма от 3 января имею честь препроводить при этом под особою заказною бандеролью с наложенным платежом в 5 рублей 10-и экз. моей брошюры «Рукописи библиотеки Тоб. Губ. музея. Вып. 1». Подробный ответ основным письмом. 15 янв. 1895 г.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 11.

18 апр. 1895 г.

Препровождаю 1 экз. изданной мной брошюры «библиография железнодорожного вопроса Сибири», прошу уведомить меня, не сможет ли принять магазин на комиссию от 25 до 100 экз. этого издания со скидкой в 25%. Объявленная цена брошюры 50 коп. Пересылка до магазина на мой счет.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 12.

13 авг. 1895 г.

Вследствие ответа магазина от 7 июля имею честь отгрузить на комиссию 10 экз. «библиографии железнодорожного вопроса Сибири».

² На бланке с надписью:

Степан Николаевич Мамеев

Почетный член и библиотекарь Тобольского музея, состоящего под августейшим покровительством государя наследника-цесаревича, действительный член Тобольского губернского статистического комитета, член-сотрудник Императорского русского географического и Омского медицинского обществ,
член-корреспондент Московского библиографического кружка.

Краеведение

Скидка 25 %. О получении брошюр прошу уведомить, а также прошу уведомить, была ли сделана скидка и в каком размере за высланные 15 июня 95 г. в магазин 10 экз. «Рукописей библиотеки музея» с нал. Пла-тежом.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 13.

21 мая 1896 г. г. Омск
Милостивый государь!

В собственной моей библиотеке имеется много книг и брошюр, пре-имущественно в одном экземпляре, составляющих в большинстве слу-чаев библиографическую редкость. Издания эти имеют отношение главным образом к Сибири, многие из них давно вышли из обыкно-венной продажи или вовсе не поступали в продажу по крайне ограни-ченному количеству изданных их, как например, отдельные оттиски разных статей о Сибири, уставы и отчеты разных сибирских обществ и учреждений, каталоги библиотек и т.п. Желая продать упомянутые издания, я решил прибегнуть к Вашему благосклонному содействию. Не могу ли надеяться, что продажа книг и брошюр может [быть] ус-пешной при посредстве Вашей книжной торговли.

Я со своей стороны мог бы предложить следующие условия. Нахо-дясь теперь временно по делам службы в г. Омске, я мог бы по частям высылать Вам пока только в запасе с собой брошюры, при особом спи-ске проставить в списке только карандашом примерно назначаемую мной продажную цену, которую вы можете по своему усмотрению уменьшить или увеличить, а затем список возвратит мне. С назна-ченной мною или Вами продажной цене я желал бы делать скидку в пользу вашей книжной торговли в количестве 1/3 стоимости изданий, т.е. 33 ¹/₃ %.

Деньги за [нрзб] Вами издания согласен получать по частям, по мере продажи брошюр, или как Вы найдете для себя более удобным. Вооб-ще все это дело поручаю на ваше усмотрение. Пересылку книг до Моск-вы принимаю на свой счет. На ответ прилагаю ри этом 7-ми копееч-ную марку. <...> в Омске до 1 сентября, а затем возвращусь в Тобольск.

Мой адрес: г. Омск, капитану Мамееву.

РГАЛИ. Ф. 561. Оп. 1. Д. 109. Л. 26–27.

4 июня 1896 г. г. Омск

Препровождая при этом под бандеролью 1 экземпляр составленной и изданной мной брошюры «Материалы для библиографии Сибири: указатель отдельных изданий, вышедших в 1894 году. Год третий», имею честь покорнейше просить уведомить меня, не пожелаете ли Вы приобрести для продажи 10 экземпляров означенного издания. А так-

же 10-ти экз. «Материалов» за 1893 г. (год второй). Один экземпляр которой был выслан мной в 1894 г.

Цена одному экземпляру «Материалов» за 1893 год — 75 коп., а за 1894 год — 1 руб. Уступка 30%, пересылка за мой счет.

«Материалов для библиографии Сибири» за 1892 год (год первый), изданные в количестве 250 экз., весь мною распродан. «Материалов» за 1893 г. осталось из 200 экз. только 40 экз., а «Материалы» за 1894 год изданы мною только в количестве 50 экз.; из них я оставил для продажи 30 экз.

[Нрзб] на днях выйдут из печати «Материалы для библиографии Сибири» за 1895 год (год четвертый), изданные мною также только в количестве 50 экз. Прошу уведомить, не пожелаете ли приобрести 10-ть экз. этого издания. Цена 1 руб. Уступка 30 %.

Мой временный адрес до 20 августа: г. Омск

РГАЛИ. Ф. 561. Оп. 1. Д. 109. Л. 28–29.

г. Тюмень, 6 апреля 1897 г.

Вследствие письма вашего от 3-го января 1895 г. имею честь препроводить при этом под заказной бандеролью с наложенным платежом в 4 рубля 10 экз. «Рукописей библиотеки музея», выпуск 2-й, и еще один экз. в дар. Экземпляр 2-го выпуска стоит так же как и 1-й 50 коп. Мною сделана скидка по 20 % на мой счет.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 15.

ноябрь 1897 г.

г. Тобольск

Препровождая при этом под заказною бандеролью список №1 принадлежащих мне изданий, касающихся Сибири, прошу Вас уведомить меня, не пожелаете ли какие-нибудь из них приобрести. Так как цены на издание значительно понижены, то я могу сделать скидку в 30% при покупке на сумму в 25 рублей. Пересылку принимаю на свой счет. Список этот отлитографирован в нескольких экземплярах и вы можете его не возвращать мне. При покупке изданий необходимо сообщить мне только номер списка и число экземпляров. Так что большинство изданий имеются только в одном экземпляре, то может случиться, что некоторые из них до получения от Вас ответа будут уже проданы.

Письмо от 1 октября получил. Благодарю за любезность. Примите уверение в совершенном почтении.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 16–16 об.

22 декабря 1897 г.

г. Тобольск

Письмо Ваше с почтовым штемпелем от 13 дек. Получил и спешу выслать Вам издания, как Вы и предполагали, немного. Высылаю из 616 №-ров только 74 №-ра в 82-х экземплярах. Остальные №-ра распроданы. Некоторые издания, могущие иметь спрос, высылаю в 2-17 экземплярах. Все издания пересылаю под тремя заказными бандеролями, в одну из которых вложен второй экземпляр списка №1. В нем зачеркнуты все те номера, которые не высылаются, и обведены знаком О высылаемые; причем в графе «количество экз.» указано, сколько таких высылается. Высылаемые издания согласно списка стоят 28 руб. 75 коп. Прошу Вас высылкой денег а также и возвращения непроданных изданий обождать. Я командирован в г. Ораниенбаум в офицерскую стрелковую школу на 7 месяцев. 8-го января выезжаю из Тобольска, а в 20-х числах того же месяца буду лично проездом в Москве и постараюсь с Вами увидеться...

На днях я еще вышлю Вам три особых кратких списка до 100 изданий, касающихся Сибири и не вошедшие в список №1. С ними Вы поступите на предложенных Вами условиях. На всех изданиях имеется написанный карандашом №-р л.19 об. списка. Кой что из редких тяжелых книг захвачу с собой.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 18–19.

24 дек. 1897 г.

г. Тобольск.

Препровождаю при этом Вам 145 №-ров изданий, касающихся Сибири в 155 экземпляров, помещенных в кратком списке №2-й, который вложен в одну из бандеролей. Все издания высылаются под тремя бандеролями. Десять изданий высылаю в 2-х экземплярах каждое. Условия продажи те же. Сии издания стоят 48 руб. 25 коп.

Кроме того под особою бандеролью высылаю «Карту-дорожник по рр. Западной Сибири» на 23 листах. Карта эта составлена и издана в г. Тюмени. У издателя и собственника ее остается теперь только-только один экземпляр. Она в продажу не поступала и издана в счет ограниченного числа экземпляров. Теперь считается большой редкостью. Я назначаю за карту эту цену 30 руб. Может быть Вам удастся найти на нее покупателя.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 20–21.

Ораниенбаум.

5 февр. 1898 г.

Письмо и ящик с книгами получил... Рукописи я уступаю только для вас за 25 руб. Прошу выслать переводом через почту деньги.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 23.

Список изданий, принадлежащих С.Н. Мамееву

1. Памятная книжка западной Сибири. Омск, 1882.
2. Памятная книжка Иркутской губернии на 1887г.
3. Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 г.
4. Памятная книжка Якутской области на 1891 г.
5. Записки и труда Иркутского губернского статистического комитета.
6. Истина благочестия христианского, доказанная воскресением Иисуса Христа с математическою точностию. (2 части в одном переплете) Тобольск, 1804. Печатано на бумаге с водяными знаками Тобольской фабрики Корнильева. Цена 8 руб.

7. Словарь юридический, или Свод рос. узаконений по азбучному порядку. С прибавлением. В тип. Вас. Корнильева 1791 г. (Большая редкость). Цена 10 руб.

22 февр. 1898 г.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 24–25.

2 марта 1898 г.

г. Ораниенбаум.

Согласно письма от 25 февраля имею честь препроводить при этом особою посылкою с наложенным платежом на 20 руб. те самые номера издания, которые вы выразили желание приобрести.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 26.

10 мая 1898 г.

г. Ораниенбаум.

При письмах от 22 и 25 декабря минувшего года согласно выраженного Вами пожелания мною была выслана Вам на комиссию по списку №1 74 наименования в 82 экземплярах изданий на сумму 28 руб. 75 коп. со скидкой 30%, и по №2 – 145 наименований в 155 экземплярах а сумму 48 руб. 25 коп. со скидкой 50 %.

Покорнейше прошу Вас выслать за проданные издания деньги, а также возвратить в мой счет издания, оставшиеся нераспроданными и списки из которых были высланы 27 об. упомянутые издания.

Оставшиеся непроданными у вас издания мне крайне нужны, а потому прошу не отказать в скорейшей их высылке.

Читал в «Новом времени» о вашем переезде в Петербург...

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 27–27 об.

22 июля 1898 г.

г. Ораниенбаум.

...По моему расчету мне следовало бы получить за проданные издания денег на 2 руб. 14 коп. более.

Во всяком случае решение этого вопроса я предоставляю на ваше усмотрение».

Вместе с тем прошу Вас ответить мне, желаете ли Вы приобрести ту карту, составляющую библиографическую редкость, за которую предлагали 10 руб. Если желаете, то я же могу ее выслать Вам при условии продажи, а не выставите на комиссию. В ожидании от Вас ответа остаюсь преданным Вам.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 29–30.

22 февр. 1898 г.

Ораниенбаум.

Посылаю Вам список 7-ми изданий, прошу уведомить меня, не желаете ли их приобрести за указанную в списке цену, которая назначена мной со скидкой. Ожидаю от Вас ответа, так как все издания просит выслать В.И. Клочков для продажи.

Деньги 25 руб. от Вас получил.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 31.

28 ноября 1902 г.

г. Николаев Уссурийский (Никольск),
Приморской области

Попытка узнать, как проданы экземпляры его указателей, сданные на комиссию с 1895 по 1897 г.

РНБ, НИОР. Ф. 342. К. 28. Ед. хр. 33. Л. 32.

*Елена Долгушина, Надежда Никулина,
Владимир Темплинг*

Андрей Степанович Аржиловский:

Голос из прошлого

Личные записки человека могут стать основанием для смертного приговора — факт, с которым сталкиваешься не каждый день, даже если речь идет о записках, датированных двадцатыми или тридцатыми годами прошлого столетия. Андрей Степанович Аржиловский (1885—1937), уроженец деревни Зырянка Тюменского района, между арестами и приговорами проживавший в Тюмени, на протяжении всей жизни вел дневниковые записи, которые периодически изымались и попадали в хранилища НКВД, был расстрелян 8 сентября 1937 года. Весомым аргументом обвинения стали дневники. В старых амбарных тетрадях некоторые фрагменты дневника Аржиловского подчеркнуты — это основания для расстрела, с которыми не поспоришь. Здесь и критика советского режима, и сарказм умного человека, и честность, с которой способен писать не каждый живущий в СССР.

В 1936 г. Андрей Степанович Аржиловский в одной из таких тетрадях начнет запись особых воспоминаний: «Через 7 лет тюремно-лагерной изоляции хочу попробовать заговорить тем голосом, который у меня остался после пеллагры и лагерей». Эта рукопись на 10 листах с описанием жизни в сталинских лагерях будет изъята при обыске 29 августа 1937 г. и, возможно, сыграет роковую роль в судьбе человека, который не мог молчать, который решился на особый подвиг писательства, чтобы остаться человеком. Под авторским наименованием «Голос бывшего человека» она публикуется здесь и сейчас.

* * *

Главным источником информации о жизни Андрея Степановича Аржиловского стали сведения из уголовного дела от 1937 г. № 7259. Кроме того, вместе с его личным дневником, послужившим вещественным доказатель-

ством по делу, на хранение в архив была передана краткая биографическая справка от 09 августа 1989¹. Впоследствии на запросы архива в Региональное управление ФСБ РФ по Тюменской области были получены ответы, которые внесли некоторые уточнения в биографию автора дневника, однако многие вопросы так и остались открытыми.

Самые первые биографические сведения: «1885 года рождения, русский, гражданин СССР, уроженец с. Зырянка (Зырянское) Тюменского района Омской области. Крестьянин. Состав семьи: жена Елизавета (1890 г.р.), дочери Тамара (1920 г.р.), Галина (1923 г.р.), Муза (1925 г.р.), сыновья Геннадий (1921 г.р.), Арсений (1928 г.р.). Образование получил в сельской школе».

Известно, что в 1910 г. за покушение на убийство был осужден на два года арестантских работ. Сведений о месте отбывания наказания не имеется. С 15 октября 1917 по 12 марта 1918 г. избирался в члены Тюменской земской управы. До занятия г. Тюмени белочехами жил в с. Зырянка, занимался сельским хозяйством. С 22 июля 1918 по 20 марта 1919 г. Аржиловский, как член воссозданной земской управы, был делегирован в организованную Временным Сибир-

ским правительством следственную комиссию. Участие в работе этой комиссии (т.е. сотрудничество с Временным правительством) стало основанием для ареста Аржиловского².

В феврале 1920 г. ревтрибунал приговорил Аржиловского к восьми годам принудительных работ, после чего он обратился к Тюменскому комитету РКП(б) с открытым письмом. Следует сказать, что уже это письмо является уникальным документом эпохи и свидетельством незаурядности его автора.

Из письма А.С. Аржиловского: «Прежде всего я не политический деятель, не борец за ту или иную политическую идею, а просто — рядовой обыватель, ожидающий всяческих благ от других. Каковы же у меня, обывателя, должны быть поступки, чтобы считать меня контрреволюционером? Оружие в руках, направленное против представителей существующей власти, агитация в массах, следствием которой являются государственные перевороты? Я не только ни

¹ ГАСПИТО. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 2. Лл. 2–5.

² В сохранившихся приказах Сибирского правительства, просмотренных Ю.Л. Мандрикой в Российском государственном военном архиве (Москва), фамилия А. Аржиловского пока не обнаружена.

в чем таком не грешен, но совершенно к тому не способен. Я всегда являюсь лишь зрителем, свидетелем событий, создаваемых борцами. Правда, иногда жизнь заставляет играть кой-какие роли и обывателей.

Я помимо своей воли принимал участие в комиссии, которой было дано право изолировать деятелей Советской власти, признанных опасными для существующего Сибирского строя. Если можно обвинить беспартийного обывателя в том, что он не осмелился отказаться от участия в комиссии, стоящей на страже устанавливаемого в крае порядка, то я, конечно, виноват. И если кто-либо из граждан докажет, что я лично преследовал отдельных партийных и советских работников, в особенности идейных, то пусть я получу достойное наказание. Но не думаю, чтобы это доказали, так как ничего не было. Я везде могу быть только обывателем. Из следственной комиссии и из земства я вышел по болезни и занимался своим любимым делом — сельским хозяйством. Когда так называемые “белые войска” бежали под натиском Красной армии, то я не вступил в ряды белых и не бежал с ними, потому что считал эти действия недостойными. Республиканский строй страны

— моя давняя мечта. Против Советской конституции я не мог идти, хотя и высказывался против отдельных советских деятелей, осуждая их незаконные действия, роняющие авторитет Советской власти. Эту критику мои обвинители называют “противлением Советской власти”.

Братья! Я не стыжусь обращаться к вам, потому что мне нечего стыдиться: я не грешней других ни перед революцией, ни перед людьми. Не моя вина, что я случайно стоял на другом камне, слышал не те песни, что слышали и пели вы. И обращаюсь к вам как подлинный представитель народа, к вам, стоящим впереди, к вам, от которых я несу крест наказания. Мне нечего распространяться о своем деле. Вероятно, были же члены партии 29 февраля на моем суде и слушали тот спектакль, который для чего-то нужно было устроить ради такого маленького человека, как я... Просьба моя заключается в следующем. Я предлагал уже превратить мое хозяйство в советское, прикрепив меня к нему как рабочего. Но это предложение не встретило сочувствия, и мне не поверили, что я искренне отдаю себя на служение творческому коммунизму. Теперь от хозяйства остались только обломки: в лесной глуши,

без рабочих рук, больная жена смотрит в окно, как все валится и гниет. Поля лежат незасеянные, трава стоит нескошенная. Моя жена десять лет учительствовала, не привыкла к тяжелым условиям хуторной жизни без мужчины. Ее сломили заботы о посеве, борьба с медведем и комарами: человек лежит шестую неделю, пишет убийственное письмо и определенно говорит: «Моя песня спета»... Я прошу отпустить меня из тюрьмы на 50 дней домой. Чтобы не погибла семья, чтобы не осталось хозяйство без дров и сена. Этот отпуск необходим: в деревне трудней человеку погибнуть, а моя семья живет в поле, и помочь некому. Положение исключительное, и если б кто-нибудь из членов партии побывал там, то поверил бы. Сам я даю слово ни с кем, нигде во время отпуска не разговаривать вообще. Пустите на волю на 50 дней, а там я сам приду в тюрьму прозябать»³.

Три года он отбывал наказание, затем, в связи с образованием СССР, был амнистирован. Вернувшись к семье, Андрей Степанович восстановил пришедшее в упадок хозяйство, стал предприимчивым кооператором, членом правления общества потребителей. Как кулак-торговец щепным товаром по патенту 2-го

разряда в 1926 г. постановлением Онохинского сельского совета Тюменского района лишен избирательных прав. Вместе с ним «лишенкой» объявлена его жена Елизавета Петровна. На момент вынесения постановления «...имел середняцкое хозяйство: посевов 2,75 десятины, 2 лошади и 2 коровы. В жизни сельского общества участия не принимал и общественных обязанностей никаких не нес». Однако в справке Центра общественных связей управления КГБ СССР по Тюменской области от 9 августа 1989 г. имеются сведения о членстве А.С. Аржиловского в ревизионной комиссии при Онохинском сельском совете, об участии в качестве народного заседателя в судебных процессах, о работе на общественных началах редактором стенной газеты «Пышминский голос».

В 1929 г. хозяйство Аржиловского признано кулацким, сам хозяин обвинен в контрреволюционной агитации против колхозов и по статье 58 п. 10 Уголовного кодекса РСФСР осужден на 10 лет лишения свободы. При аресте изъяты переписка, неопубликованные статьи в газеты и журналы, а также личные дневники. До суда содержался в тю-

³ ГАСПИТО. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 2. Лл. 2-4.

менской тюрьме. Затем отбывал наказание в Вишерском, а с весны 1931 года вместе с 500-ми заключенными переведен в Темниковский исправительно-трудовой лагерь системы ГУЛАГ ОГПУ. Ввиду состояния здоровья освобожден условно-досрочно. Семья после ареста раскулачена и выселена из собственного дома. Сведений о месте жительства семьи в период с 1929 по 1936 г. в документах нет. После освобождения из лагеря А.С. Аржиловский вернулся в г. Тюмень.

На момент последнего ареста 28 июля 1937 г. проживал с семьей в поселке лесозавода «Красный Октябрь» г. Тюмени. Работал счетоводом неуставной сельскохозяйственной артели «Прогресс». По статье 58 п. 7, п. 10, п. 11 Уголовного кодекса РСФСР Аржиловский и еще 12 спецпереселенцев были обвинены в членстве в «контрреволюционной кулацкой вредительской группировке, руководстве ее контрреволюционной деятельностью, направленной на борьбу с Советской властью». На допросах он отвергал все обвинения и, в частности, заявил: «Мои убеждения, к

сожалению, не являются чисто советскими: в частности, я остаюсь со взглядами собственника и не верю в построение социализма во всем мире. Мои убеждения остались только при мне и в моих дневниках, распространением своих убеждений я нигде и никогда не занимался»⁴.

5 сентября 1937 г. Тройкой при Управлении народного комиссариата внутренних дел по Омской области Андрей Степанович Аржиловский приговорен к расстрелу. 8 сентября 1937 г. расстрелян в г. Тюмени. В материалах уголовного дела сведений о месте захоронения нет. Известно, что массовые захоронения лиц, подвергшихся репрессиям, проводились на территории восточной части Текутьевского, западной части Затюменского кладбища г. Тюмени.

Из архивных документов известно, что после ареста Аржиловского его семью выслали на лесозаготовку. В 1945 г. супруга Андрея Степановича Елизавета Петровна проживала в поселке лесозавода «Красный Октябрь» вместе с сыном Арсением, который еще учился⁵. 13 июля 1957 г. Президиум Тюменского областного суда отменил решение Тройки УНКВД по Омской области от 5 сентября 1937 г. в отношении А.С. Аржиловского, а

⁴ ГАСПИТО. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

⁵ ГАТюмО. Ф. Р-841. Оп. 1. Д. 67а. Л. 7.

28 декабря 1989 г. Прокуратура Тюменской области вынесла заключение, что Аржиловский Андрей Степанович подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

* * *

В процессе археографической обработки документа удалось частично восстановить некоторые сведения о семье Аржиловских с 1897 г.

Село Пышминское (Зырянское), в котором проживали Аржиловские, упоминается еще в документах переписи 1623 г. как деревня ямских охотников⁶. На 1913 г. в Справочной книге Тобольской епархии в селе числились 308 дворов, в которых проживало свыше 2 тыс. жителей, каменная трехпрестольная церковь, сельское училище Министерства народного образования⁷. На 1897 г. Аржиловских в селе проживало великое множество, старожилы разменяли уже девятый десяток. Скорее всего, в прошлом все они пришли сюда из западной или центральной России.

Отец автора дневника Степан Андреевич, русский, 1852 г.р., православного, вероисповедания, состоял в крестьянском сословии, причислял себя к званию земледельца. Дарья Петровна, его супруга, родилась в 1856 году, была известной мастерицей в ткачестве холстов и половиков. К началу нового, XX века в семье было семеро детей: Михаил (1877 г.р.), Андрей (1885), Евдокия (1888), Феоктиста (1892), Мария (1895), Александр (1900), Константин (1901). Семья была большой, хозяйство по-сибирски самодостаточным и крепким. Растили хлеб, держали скот, зимой торговали на ярмарках своей мукой. Пока дети были маленькими, хозяин занимался извозом. Когда помощники подросли, выросло и хозяйство. В удачный год на косьбу сена и уборку урожая нанимали до восьми человек рабочих. Платили исправно. В селе пользовались уважением и авторитетом, хранили традиции православной веры, заботились о воспитании и образовании детей. Старшие дети учились в сельском училище Мини-

⁶ Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / под ред. В.П. Петровой. Тюмень, 2003. С. 22.

⁷ Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. Тобольск: Тип. епарх. братства, 1913. С. 171–173.

стерства народного образования.

После 1921 года отец разделил хозяйство между детьми. Сыновьям досталось по чуть более трех десятин земли, по две коровы и две лошади, не считая мелкой скотины и птицы. Несмотря на то что каждая семья вела свое хозяйство, они помогали друг другу. В 1925–1927 гг. Степан Андреевич с сыновьями оформили патент 2-го разряда на торговлю щепным товаром. Промысел не приносил большой прибыли, но помогал выжить.

В начале XX в. Михаил, в 1897 г. служивший дьяконом в церкви с. Покровское, уехал в Санкт-Петербург и поступил в Академическую капеллу. По воспоминаниям Андрея, он очень тонко чувствовал музыку. По окончании учебного заведения Михаил остался преподавать в северной столице, где и застали его революционные события. После революции Михаил вынужден был вернуться, но не в родное село, а в Тюмень — учительствовать в школах города. Его судьба сложилась трагично. Не найдя в себе сил принять новый строй и смириться с ним, Михаил стал священником одной из церквей города. В 1937 г.

⁸ ГАТюмО. Ф. 5. Оп. 3. Дд. 65, 67, 69, 70.

разделил судьбу брата Андрея, их расстреляли в тюменской тюрьме как врагов народа.

Евдокия в 1897 г. получала образование в сельском училище в с. Зырянском. О том, как сложилась ее судьба, неизвестно, о ней не упоминается в дневниках Андрея ни разу.

Феоктиста (Физа) вышла замуж за зырянского парня Николая Ефимовича Рычкова (1885 г.р.). В 30-е годы он стал крупным тюменским торговцем, и о его крестьянском происхождении никто не вспомнил, когда из-за этого родства в 1930 г. всех членов семьи Аржиловских лишили избирательного права⁸. Физа поддерживала тесные связи с семьей и, судя по записям в дневниках Андрея, была с ним особенно близка.

Сведения о Марии также весьма скудны и почерпнуты из дневника Андрея. К 1936 году она была вдовой, мужа Василия и сына расстреляли. Ее дочь Она работала учительницей.

О том, как сложилась история семьи Аржиловских после трагических событий 1937 года, известно немного. Потомки Андрея Степановича Аржиловского (три дочери и два сына) не стали известными людьми, и особых сведений об их судьбах в архивах отыскать не удалось. Известно

только, что в 1988 году копия дневника Аржиловского была выдана по запросу его дочери Тамаре, которая на тот момент проживала в г. Тюмени.

* * *

«Голос бывшего человека» — рукопись, оформленная на страницах амбарной книги, — формально является частью личного дневника А.С. Аржиловского. Вместе с тем этот документ может считаться самостоятельным фрагментом, что засвидетельствовано его специальной номинацией и тем, что он хранился как самостоятельный текст отдельно от всех других дневниковых записок, а при обыске на последней странице самим автором была сделана подпись: «Этот дневник на десяти (10) листах изъят у меня при обыске. Аржиловский. 29/VIII-37 г.». Первая же запись была датирована 3 сентября 1936 г.

Мы можем предположить, что этот текст создавался не в один день, записи велись параллельно с другими, собственно дневниковыми. К рукописи автор мог обращаться периодически и с особой установкой на описание событий прошлой жизни «для того, чтобы не забыть и дать любителям кой-какое представление о советской каторге без кандалов».

Более того, собственно описания лагерной жизни начинаются с уточнения масштабов возможной рукописи: «А для того, чтобы картина была полной, чтобы человечество содрогнулось от коммунистической гуманности, надо написать объемистый том, имея к тому же талант Гюго или Достоевского». Рукопись завершить Аржиловский не успел, вместо «объемистого тома» мы имеем всего 10 листов, которые публикуются в полном объеме, без извлечений. И такой прием максимально полного воспроизведения первоисточника выбран не случайно, поскольку «Голос бывшего человека» — это важный источник правды. В таком формате рукопись «Голоса...» публикуется впервые, хотя в результате текстологического исследования стало известно, что небольшой отрывок был представлен в выборочной публикации дневниковых записей Аржиловского известным краеведом Тюмени А.А. Петрушиным в 1989 г.

Впервые фрагменты дневниковых текстов А.С. Аржиловского увидели свет в 1989 г. в двух июньских номерах газеты «Тюменский комсомолец»⁹. То был

⁹ Петрушин А.А. «Мои убеждения остались только при мне...» (из дневника спецпереселенца 1936–1937 гг.) / А. Антонов // Тюм. ком-

период шокирующих откровений, когда на отечественного читателя информация из прошло-

сомолец. 1989. №75 (25 июня). С. 1–2; № 77. (28 июня).

¹⁰ Аржиловский А.С. Дневник 36–37-го годов / публ. К. Лагунов // Урал. 1992. № 3. С. 138–160. К сожалению, отсутствие идентификаторов в виде названия архива, номера фонда, описи, дела и листов затрудняют соотнесение опубликованных текстов с сохранившимися оригиналами.

¹¹ Diary of Andrei Stepanovich Arzhilovsky // Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s. / Ed. Garros Veronique, Korenevskaya Natalia and Lahusen Thomas. Trans. Carol A. Flath. New York: New Press, 1995. P. 111–165. В 1997 г. вышло второе издание сборника.

¹² Петрушин А.А. «Мы не знаем пощады...»: известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 304 с.

¹³ <http://prozhito.org/person/248> (12.06.2017).

¹⁴ [https://ru.openlist.wiki/\(1885\)](https://ru.openlist.wiki/(1885)) (12.06.2017).

¹⁵ Паперно И. Сны сталинизма (сон как источник для истории сталинизма) // НЛО. 2012. № 116 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/p18.html>. Статья воспроизведена здесь: <http://www.nlobooks.ru/node?page=422> и здесь <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/y4-2012/print:page,1,16103-sny-terrora-son-kak-istochnik-dlya-istorii-stalinizma.html>

го обрушилась лавиной фактов и имен. Наверное, поэтому столь яркая публикация необычного дневника осталась незамеченной историками. В 1992 К.Я. Лагунов опубликовал дневник в журнале «Урал»¹⁰. Примерно в это же время при посредничестве Н.М. Корневской фотокопии дневника оказались в США, и там он стал частью большого международного проекта по публикации советских дневников 1930-х гг., реализованного в 1995¹¹. В 1999 г. А.А. Петрушин воспроизвел текст газетной публикации 1989 г. в отдельном издании¹². В 2015 г. журнальный (представленный К.Я. Лагуновым в «Урале») вариант текста был переработан для публикации в интернете¹³. Предисловие К.Я. Лагунова к публикации 1992 г. доступно на сайте «Открытый список»¹⁴.

В настоящее время дневниковые записи А. Аржиловского вошли в источниковедческую базу нескольких исследований. В частности, в работе И. Паперно материал Аржиловского стал основанием для осмысления актуальных фактов и мифологем в современных реконструкциях истории сталинизма¹⁵. Поскольку в таких работах дневники Аржиловского являются частью массивного контента, то и ссылки на эти дневники сопровожда-

ются здесь скудными сведениями об А.С. Аржиловском и минимальными комментариями. Это привело, например, к тому, что на сайте «prozhito.org» местом создания дневника указано село Червишево, хотя ни А.С. Аржиловский, ни его семья в советскую эпоху там не проживали. Эти и другие расхождения в работах исследователей во многом обусловлены проблемами текстологического характера. Более того, последовательный анализ материалов А.С. Аржиловского в настоящее время просто невозможен.

Наблюдения над опубликованными текстами позволяют предположить существование двух вариантов дневника. Одним из них пользовался А.А. Петрушин, другим — К.Я. Лагунов. Но возможна и другая история опубликованных текстов. В 1989 г. А. Петрушин упомянул о трех больших амбарных тетрадах, изъятых при обыске у А. Аржиловского летом 1937 г. В настоящее время в архиве сохранились один оригинал дневника («амбарная книга») и рукопись, озаглавленная автором «Голос бывшего человека». Сопоставление текстов, опубликованных А. Петрушиным и К. Лагуновым, с оригиналом свидетельствует о том, что А. Петрушин, возможно,

опубликовал компиляцию, основную часть которой составляет текст собственно дневника, и только в начальной части, датированной 28 октября 1936 года, помещен отрывок из «Голоса бывшего человека». Кроме того, газетный вариант текста претерпел редакторскую правку, выразившуюся в купюрах, в разбиении предложений, изменении порядка слов. Столь драматичная история публикаций Аржиловского обусловлена тем, что и издатели, и исследователи с первого взгляда на дневники этого человека угадывали их историческую и культурную ценность, замечали их стилевую самобытность.

Собственно дневники Андрея Степановича Аржиловского — это материал, достойный внимания не только специалистов-историков, но и широкого круга читателей, которым интересны различные аспекты взаимоотношений одной конкретной личности с государством и обществом. Человек с аналитическим складом ума и литературным талантом описывает современную ему действительность, не гнушаясь темами, которые кому-то другому могли показаться опасными. Он анализирует достижения и недостатки складывающейся системы хозяйствования, как на

своем предприятии, так и в целом в стране, он пишет прямо и честно о том, что думает относительно дискриминационно-репрессивной политики по отношению к отдельным социальным и национальным слоям населения, и при этом умудряется говорить о личном, важном только для него, о своей семье, о детях и о возможностях их воспитания. Красочно изображено отношение «творцов социалистического строя» к религии, культуре, идеологии досоветской России, не менее красочно — к социалистической собственности. Автор живо интересуется не только событиями в стране, но и международным положением. В дневниках выражено его отношение к войнам в Испании, Китае.

Так получилось, что «Голос бывшего человека» оказался в тени более масштабного дневника, но это не умаляет его значимости как исторического источника. В отличие от дневника, это произведение всецело посвящено описа-

нию пребывания в лагерях. По-крестьянски лаконично и виртуозно точно Андрей Степанович повествует о семилетней борьбе за выживание. С предельной, но не шокирующей воображение читателя правдой он пишет прежде всего о себе, о том, как ему удавалось не раствориться в том ужасающем механизме лагерного молоха, который перемальвал в своей утробе сотни тысяч людских судеб, сохранить в себе человека, жаждущего жизни.

Во многом интерес к дневникам Аржиловского объясняется тем, что он не был на писательском поприще обычным любителем или случайным человеком, для него писать — это призвание и почти профессия. О желании писать он неоднократно упоминает и в дневнике. Там же можно найти скудную информацию о сотрудничестве Аржиловского с различными изданиями того времени. В частности, на страницах дневника он признается в том, что писал всегда, а первые литературные опыты относятся к 1906 г. и связаны с газетой «Сельский вестник» (публикации пока не обнаружены). Авторству А. Аржиловского относятся серию сатирических заметок в местной газете «Ермак» в 1912–1913 гг.¹⁶ Его же перу принадлежит и цикл критических

¹⁶ В 2003 г. заметки были воспроизведены на страницах журнала «Лукич». См.: А-ский А. Записки незаметного человека // Лукич. 2003. Ч. 3. С. 102–144. Значительная часть заметок была опубликована под псевдонимом «А. А-ский», и только три последние главы подписывались «А. Аржиловский». См.: Там же. С. 136.

статей о трудностях деревенской жизни, объединенных названием «Деревенские письма»¹⁷. Очерк в № 18 от 25 августа 1912 г. о качестве ремонтных работ на дороге Тюмень—Курган вызвал недовольство ответственных лиц и соответствующую переписку, благодаря которой стало известно, что псевдонимом «А. А-ский» подписывался именно А.С. Аржиловский, а не Афромеев, как предполагал Ю.Л. Мандрика¹⁸.

Возможно, к 1905–1906 гг. относится знакомство А.С. Аржиловского с П.А. Городцовым — известным собирателем фольклора сибирского крестьянства. Впечатления от материалов, представленных Аржиловским, оставлены известным российским и советским фольклористом Н.Е. Ончуковым, который в 1926 г. изучал архив Городцова. В конспектах Ончуков упоминает описание свадебного обряда Тюменского уезда «преимущественно с. Зырянского Червишевской волости», состоящее из двух глав, обряд «прекрасно записан». Запись была сделана Аржиловским 19 февраля 1906 г.¹⁹ Текст самой записи не обнаружен, но он мог сохраниться в черновых набросках статьи о крестьянской свадьбе в составе одного из сборников П.А. Городцова из тюменского музея. Ре-

конструированный текст был опубликован²⁰. Возможно, в это же время Ончуков познакомился и с самим Аржиловским. По понятным причинам Николай Евгеньевич нигде не упоминает об этом знакомстве. В обзоре сказочной традиции Тавдинского края Н.Е. Ончуков сообщает об Аржиловском, что он когда-то был учителем, «теперь хозяин»²¹. И недавно обнаруженные Ю.Л. Мандрикой в рукописном отделе Российской государ-

¹⁷ Аржиловский А.С. «Сказка про белого бычка» (из деревенских писем) / А. А-ский // Ермак. 1912. 28 апр., № 1. С. 10–11; 5 мая, № 2. С. 6–7 (с этого номера очерки озаглавлены «Деревенские письма»); 12 мая, № 3. С. 6–7; 19 мая, № 4. С. 5–7; 2 июня, № 6. С. 4–6; 25 авг., № 18. С. 7–9; 1 сент., № 19. С. 3–5; 29 сент., № 23. С. 3–4; 6 окт., № 24. С. 3–4.

¹⁸ ГАТоб. Ф. 152. Оп. 47. Д. 347. Л. 2. Мандрика Ю. Пять лет жизни города в газетных подшивках // Лукич. Ч. 3 (23). 2002. С. 4.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

²⁰ Городцов П.А. Таинственные обряды крестьянской свадьбы в Западной Сибири / публ. В.Я. Темплинга. Лукич. 1999. Ч. 5. С. 71–97.

²¹ Еремина В.И. Неизданные сказки в записи Н.Е. Ончукова // Неизданные сказки из собрания Н.Е. Ончукова (тавдинские, шокшозерские и самарские сказки) / Подг. текстов: В.И. Жекулина; вступ. ст., коммент.: В.И. Еремина. СПб.: Алетей, 2000. С. 7.

ственной библиотеки несколько листов с записями народных рассказов, выполненных рукой Андрея Степановича²², поддерживают версию их личного знакомства.

В последующие годы Аржиловский продолжает писать и размышлять о возможных статьях и фельетонах в газеты и журналы различного уровня. Так, в дневниках неоднократно встречаются высказывания о том, что тот или иной факт жизни стоит описать в газете. О возможностях издания рукописи «Голос бывшего человека» Аржиловский ничего не пишет и, похоже, даже не мечтает, потому что осознает особый статус письма, поскольку пишет без оглядки на цензуру, поскольку просто хочет оставаться свободным человеком: «Я свободен. Мне только 51 год. Хочу записать все, что запросится на бумагу и что лежит наверху памяти».

²² ОР РГБ. Ф. 369. К. 312. Ед. хр. 13.

На верхнем поле первого листа рукописи рукою Ончукова указана дата её поступления: «21/II. 27. г. Петербург от А.С. Аржиловского». Часть из этих рассказов еще осенью 1906 г. уже были переданы Аржиловским П.А. Городцову. В настоящее время письмо Аржиловского к Городцову от 23 ноября 1906 года хранится в фонде Н.Е. Ончукова в РГАЛИ.

* * *

Записки публикуются по оригиналу, хранящемуся в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Стилистические и орфографические особенности документа сохранены. Курсивом передаются фрагменты текста, в оригинале подчеркнутые, вероятнее всего, следователем. Буквенными индексами в верхнем регистре (а – а) отмечены отрывки, воспроизведенные в публикациях А.А. Петрушина. В квадратных скобках раскрываются сокращенные слова.

* * *

И еще: эти записки — не героический жест против системы, не следствие упорства, одержимости, а единственно возможный способ остаться человеком. «Голос бывшего человека» — указание на ситуацию, которая не теряет своей актуальности и при иных режимах, и в другие эпохи.

Андрей Аржиловский

Голос бывшего человека

г. Тюмень

3 сентября 1936 г.

Через 7 лет тюремно-лагерной изоляции хочу попробовать заговорить тем голосом, который у меня остался после пеллагры¹ и лагерей.

^аЯ свободен. Мне только 51 год. Хочу записать все, что запрочитается на бумагу и что лежит наверху памяти. И просто так, чтобы не разучиться мыслить и писать.

Весь письменный материал: дневники, заметки, статьи, переписка *погибло в этот тяжелый период уничтожения индивидуальности и собственности, погибло вместе с коровами, свиньями и т.д., погибло с жизнью, которая уже не вернется*^а. Временами, впрочем, кажется, что ничего и не случилось. Я живу с семьей. За пятилитровой лампешкой² у шатающегося голого стола мы сидим визави с женой Лизой, я пишу, она читает что-то. На полу спят Муза с Арсением, за заборкой разговаривают о школьных делах Тамара с Галкой — наши дочки. Скоро должен прийти художник-плотник Гена. И все. Будто так и надо. Домишко по нынешним временам довольно просторен и удобен. Вода и дрова рядом, хотя все это нужно доставлять «на плечике». Лиза состоит в колхозе и кормит большую семью. И я, разучившийся ходить среди свободных людей, маячу здесь. После долгих мытарств наконец поступил в контору лесозавода «Кр[асный] Октябрь»³ на 150 р[ублей].

Но чтобы было всем понятно, надо начать с Адама.

¹ Один из видов авитаминозных заболеваний, связанных с плохим питанием, недостатком витаминов группы В.

² Градация керосиновых ламп устанавливалась по ширине фитиля, который измерялся в линиях. Одна линия равнялась 1/10 дюйма.

³ Речь идет о поселке лесозавода «Красный Октябрь», строительство которого началось в 1931 г. в Затюменской части г. Тюмени в пойме р. Туры. В

1929-й год. ⁶С ноября 1926 г. я поступил бухгалтером к Николаю Ефимовичу [Рычкову]⁴, советскому купцу, который около плохой операции создал бойкое торговое дело. Так называемый НЭП креп и развивался, завоевывая себе порядочную «жилплощадь» в социалистическом отечестве нашем. Правда, на погибель себе. Мы жили хорошо: умножали свое хозяйство, ели жирно, много и вкусно, одевали ребят чисто и тепло. Жили весело и культурно. Книги читали не томами, а пудами. У меня прибывало, а у Рычкова не убывало. Если я имел породистых коров и бегучую лошаденку, то мой зять-патрон имел два хороших дома, третий тоже не плохой, огромные кладовые, прекрасного битюга⁵, массу всяких ценностей. В общем, работали, но жизнь «куражили». Фин[ансовый] отдел ГПУ и прокуратура на все это безумие смотрели иронически и ждали еще лучшего оперения. В нашем районе всерьез началась коллективизация только в 1929 г[оду].

Приехал толстый землемер, разбил землю по участкам и вскоре мы узнали свою судьбу: несколько крепких хозяйств актив подвел под рубрику «кулацких» и выделил самый плохой и неудобный участок. Но мы двужилые, духом не пали, освоили новые места и мечтали о выселении на отруба! *Совсем хотели жить, как при Столыпине. А «партия и правительство» тем временем начали великую стрижку кулацкого добра. Во имя укрепления колхозов начался грабеж нажитого тяжелым, упорным трудом и смекалкой.* Пошла писать губерния. К осени [19]29 г. я был уже окончательно дома, т.к. Рычков торговлю свою закрыл. *Не становясь на колени перед наступающим социализмом в виде тяжелых тракторов, я бесконечно ставил сено и молотил цепом свои рваные снопы:* тогда лето было сухое и хлеб не везде вырос хороший⁶. Я ждал прыжка и был «всегда готов». Более дальновидные приступили к самоликвидации, а я зарезал из 5 — одну нетель⁶. Ну и дождались. ⁸Мое невозмутимое спокойствие вывело, наконец, из терпения наших «активистов», и *меня аресто-*

30-е гг. занимался обработкой древесины и снабжал сырьем для производства обозного оборудования деревообрабатывающий комбинат им. Ленина (г. Тюмень). В 1943 г. предприятия объединены в деревообрабатывающий комбинат «Красный Октябрь». Ныне ОАО «Тюменьмебель».

⁴ Рычков Николай Ефимович, 1885 г.р., уроженец с. Зырянское Червишевской волости Тюменского уезда, муж сестры Феокисты, торговец, проживал в г. Тюмени.

⁵ Битюг — лошадь крупной рабочей породы.

⁶ Нетель — молодая, ни разу не телившаяся корова.

вали на месте преступления — за молотьюбой вики⁷... Собственной. Пришли и увели. Описали имущество. Прокопович⁸, начальник милиции, был похож на Наполеона и держал себя прегордо. Рано утром 20 октября в погожий день два молодых парня (исполнители) повели меня в город и с той минуты начались мои мытарства. Думал, что в тюрьме хоть отосплюсь после малосонного лета, но ошибся. В тюрьме оказалось душно и тесно до ужаса, т.к. против нормы набили тюрьму мужиками до отказа. Спали в растяжку только счастливицы. Многие сидели в обнимку с грязной и вонючей парашей...

Встанем бывало на поверку и как только тюремщик сосчитает последнего — все разом падают, чтобы занять место. Не успел упасть на пол — будешь ночь мучиться без места... Без боя ничего не давалось. Духота была такая, что несмотря на мороз окно было открыто⁹. Родные кормили нас из последних сил, доедали спрятанное мясо и жиры. Все это пригодилось. Когда нас, [содержанных] со строгой изоляцией, посадили в строгий коридор, то мы вздохнули свободно: в камере были даже нары и место было для каждого. Тут жить было можно. *Тюрьма того времени была ужасна тем, что почти ежедневно открывала ночью двери и выдавала узников для расчета...* Даже Москва в журнале «Советский юрист» отмечала обилие смертных приговоров, вынесенных тюменскими судами. Старались ребята.

Тяжко было смотреть в замерзшие окна на семьи высланных мужиков с тряпьем и ребятишками, которых ежедневно везли на север длинными обозами. *Колхозный строй торжествовал.* Актив деревенский ликовал, избавившись от нежелательного элемента.

Укоризненно гудели снимаемые колокола; *спиливали неподдающиеся церковные кресты...* Проводилось обезглавливание Руси Великой.

Шел пир во время чумы. Колхозники, кроме даром полученного кулацкого инвентаря, за копейки раскупали добро, скопленное веками. А растащили и присвоили видимо-невидимо. Строился новый мир

⁷ Вика — посевной горошек — однолетнее растение из семейства бобовых, нетребовательна к уходу и почве, использовалась в качестве добавки к кормам животных.

⁸ Прокопович Н. — начальник административного отдела Тюменского районного исполнительного комитета. В 1929 г. он вел первичное дознание по обвинению А.С. Аржиловского. На основании этих материалов было возбуждено уголовное дело.

*за чужой счет...*⁷ От сознания всего этого хотелось вырваться из душной тюрьмы и мы хватались за *всякую щепку, чтобы спастись. Даже на Сахалин записывались.*

А когда стали говорить о прекрасной жизни в лагерях, то народ ждал отправки туда как радостного события. От хорошей жизни не пролетишь... Наконец — таки, дождались: повезли нас в Вишерские лагерь⁹.

Началась новая эра мученической жизни, новая страница страданий.

Лагерь ОГПУ

Я только одну маленькую часть этой жизни фиксирую для того, чтобы не забыть и дать любителям кой-какое *представление о советской каторге без кандалов*. А для того, чтобы картина была полной, *чтобы человечество содрогнулось от коммунистической гуманности, надо написать объемистый том, имея к тому же талант Гюго или Достоевского*. В марте 1930 г. из тесной и душной тюрьмы в тесных вагонах повезли нас на Березниковскую стройку¹⁰ в Усолье Пермской губ[ернии] для постройки социализма. Первые партии каторжан состояли главным образом из кулаков, торговцев и духовенства всех видов.

Приехали мы туда еще сытые, с огромными мешками разной снеди и жилосо первое время не плохо в этой части. Поместили нас в досчатых бараках и первым долгом длинношинельное начальство

⁹ Управление Вишерских лагерей особого назначения (УВЛОН) УЛАГ-ГУЛАГ ОГПУ организовано 18.07.1929 г. с центром в п. Малая Вижаиха Уральской (ныне г. Красновишерск Пермской) области. В целях использования труда заключенных на лагерь были возложены задачи по строительству Красновишерского целлюлозно-бумажного комбината, химического комбината «Вишхимз», лесозаготовки, дорожное строительство и другие сопутствующие работы. Закрыт 26.07.1934 года.

¹⁰ По-видимому, Аржиловский имеет в виду строительство Березниковского химического комбината. Это одна из крупнейших строек Первой пятилетки в области химической промышленности. В 1929–1930 гг. здесь велись подготовительные работы: рытье котлованов, забивка свай, кладка фундаментов. В 1932 г. в эксплуатацию была введена первая очередь комбината, а уже через два года — вторая. В 1932 г. из нескольких рабочих поселков, в том числе и Усолья, был создан город Березники. В 1940 г. Усолье был выделен из границ Березников в самостоятельную административную единицу.

произнесло красноречивую проповедь (почему-то все чекисты того времени щеголяли в нарочито длинных шинелях, с распушенными шлемами на головах).

— Вы видите, что у нас решеток нет, — широкий жест на огромные окна, действительно, без решеток. — Придешь с работы — занимайся чем хочешь. Понятно шатания никакого не должно быть! Мы даже тыном не огородили бараки, чтобы не смущать вас. Но вы помните: кто вы и где вы?! Те, которые попали в лагерь случайно, по неосознанности, будут пользоваться всяческим вниманием с нашей стороны! Те, кто думает бежать из лагеря, помните: самым суровым образом расправляемся мы с беглецами. Глуп тот стрелок, который ведет пойманного в лагерь. Наш начальник прямо говорит: «Не веди мне беглеца, а принеси его уши с написанной фамилией...».

Впоследствии мы видели убитых беглецов, которых (зимою) держали в снегу на видных местах по несколько дней.

И все-таки люди бегали! Даже тогда, когда появилась собака-ищейка, когда население продавало беглеца за 25 р[ублей] — любители свободы бежали. В Усолье мы выводились исключительно на тяжелые работы: рытье котлованов, отгрузка и нагрузка балласта, подноска на постройку разных тяжестей. Самой легкой работой я лично находил лесопилку. Около машин как-то легче работается и время — 8 часов — проходит быстро. Большинство партий ходили на работу без конвоя, *да он нам и вообще не требовался, куда бежать* в нашей счастливой стране? Разве не все равно? *Разве не одно лицо у милиции и ГПУ? Дерзостные мысли, правда, бродили иногда, но разум* протестовал. Первое время в бараке все-таки был стрелок с винтовкой, который диктаторствовал всюю. В большинстве для охраны выбирались те же арестанты из молодых бытовиков¹¹. За хорошие условия по сравнению с общей массой стрелки так сосали соки из терпеливого русского человека, что тюремщикам царского времени далеко до них.

В два-три часа ночи будили нас зычным голосом: «А ну, выходи на оправку и умывайся!» Пять минут и на место. Ну что тут можно сделать? Уборная в два очка, а людей 200 человек! Умоются грязным снегом да и бегут в барак, т.к. грубая матерщина и щелканье затвором не для каждого приятны.

¹¹ Бытовик — осужденный за бытовые преступления.

Панику на мужиков нагнали ужасную. И этот метод был лучше всяких решеток. Шли как овечки, даже спешили обогнать. Прежде выхода на работу проводился так называемый «развод», на котором отбирались партии на работу. На работу «гоняли» с винтовкой, а бригадиры все время кричали: «Давай-давай!» И лагерники старались: рылись огромные котлованы, вбивались сваи. Гнулись мужицкие спины, лился пот. Не было покоя в бараках после работы: то обыск, то счет. Такой каторги никто из нас не мыслил. В тюрьме хоть песни пели да сказки рассказывали, а тут — дай Бог до койки. *Короткий сон на голых досках на блохах и опять знаменитое «Давай-давай!» Так строился фундамент социализма...*

Пригнали нас на стройку химкомбината в марте, а в мае уже начались поносы, появилась цинга. Заработали лазареты, а в особенности могильщики... От пресной пищи и от беспокойной проклятой жизни заболел и я. Цинга и миокардит подкрались ко мне, как волк к жеребяткам. Когда я, больной, пришел в баню, то меня поразила худоба людей: в несколько месяцев сытые мужики в большинстве превратились в скелетов. Страшно было видеть, как эти скелеты ссорились и даже дрались из-за воды, которой не хватало.

Меня положили в лазарет. Болезнь избавила меня от разводов, матерщины, нарядчиков и бригадиров, а главное от каторжного труда. На лазаретном положении по-лагерному довольно хорошо кормили, не беспокоили ранним подъемом, можно было как следует умыться, поспать на мягком и т.д. В несколько дней я ожил и попал в прекрасные условия: занял должность делопроизводителя санитарного отдела. Мясо, молоко, белый хлеб, сахар были нередкостью. Но когда это заметили, меня постарались снова сбросить в массу, на каторжную жизнь с блохами и всевозможными мытарствами. Снова организм ослабевает, открывается понос и куриная слепота.

Чтобы не забыть — пару слов о предательстве. Несмотря почти на однородный состав лагерщиков, на одинаковые условия, шпионаж и предательство было развито до крайности. Со мной рядом лежал ялуторовский торгаш Рязанов. Он считал себя сугубо невинным. Ему я писал заявления во все концы. Жил он великолепно. Никто кроме его не знал, что у меня в коробочке с зубным порошком хранятся деньги. Я продавал табак и копил деньги на черный день. И он, жирная свинья, продал меня. Вызвали, обыскали, деньги отобрали, покрыли матом и, спасибо, не посадили.

Это было со всеми и на каждом шагу. Время бежало, жизнь дегорала. *Мы строили новое, чуждое нам и проклинали хозяев положения.* Чекисты и шпионы чуяли в нас врагов революции и старались возможно вернее угробить, создавая самые тяжкие условия.

Весной 1931 г[ода] выбрали из лагеря 500 ч[еловек] и направили в новый Темниковский лагерь¹², где я пробыл 5 лет. Это в Саровских лесах¹³, которые пошли на новостройки и отопление Москвы. Незамысловатая лесозаготовительная работа в условиях бестолковых распоряжений и воровского режима была истинным наказанием и угробила тысячи людей. В Темниках я выдюжил только три месяца, пеллагра так оседлала меня, что никто и не думал видеть меня живым. Сначала стационар, потом лазарет. Организм был изнурен до крайности, а непрерывный и продолжительный понос окончательно подводил к могиле. Я уже не протестовал, ничего не желал и готов был уйти туда, где по всей вероятности нет принудительных лагерей. Однако живучесть взяла свое и я слез с больничной койки. Хороший врач-старик согласился со мной вполне, что надо есть все то, на что тянет и что можно достать. А тянуло меня на квас, горячий ржаной хлеб и печеную картошку. Все это можно достать. А от работы меня освободили как инвалида. Мое убогое положение и услужливость создали такой фокус, что меня стали жалеть и всячески поддерживать. Попал я форменным образом на так называемый лагерный «блат». «Блат» — это тот талисман, без которого жизнь — могила. Начался блат с жалости. Пришел я к пекарям поколоть дров — надо квасу. А так же кто даст? Наколоть дров — напоили квасом, дали хлеба, поговорили. Узнали, что я много горя видал, и велели заходить. От куска хлеба дело дошло до лепешек и белых булочек. Поддержка великая. Кухня тоже пошла навстречу, не шел сам за мясом — приносили. Как бы то ни было, от смерти отбился и даже поправился. Так идет жизнь: если один умирает от постоянного недоедания и тяжелых условий, другие живут на «блате» как ни в чем не бывало.

Будем продолжать для какого-нибудь любителя.

¹² Отделение Темниковских исправительно-трудовых лагерей ОГПУ образовано в результате реорганизации Саровского особого карантинного лагеря ОГПУ (Мордовская АССР) на основании приказа ОГПУ от 25.01.1934 № 1011.

¹³ Крупный лесной массив на стыке Нижегородской области и Мордовской Республики.

Избавившись от работ и разводов, я блаженствовал. Несмотря на слабость и болезни, я все-таки мог быть полезным. В девять часов вечера начиналось мое дежурство по бараку: я топил печи, подметал, следил за тем, чтобы валенки не сторели, чтобы вор не зашел. Кроме того, то и дело притворял двери, т.к. редкий считал долгом притворить. Усталые и вымокшие лагерники спали крепко и просыпались внезапно, т.к. «вода волю брала». Мочились у дверей, от чего получалась вонь и лед. Ругаться бесполезно, даже вредно — еще побьют. Дежурил я до подъема, т.е. до 5 часов. Ходил на кухню за «номерками», приносил прекрасной блатной каши с постным маслом, которую всегда отдавал одному земляку, и будил ротного. Начиналось светопреставление: народ поднимался, бежали за кашей, кое-как умывались и до свету выходили к лагерным воротам. Затем являлись толкачи-опричники, проверяли оставшихся и жестоко выталкивали из барakov оставшихся нелегально. Весь день я мог отдыхать. Мне за дежурство давали картошку, которую я пек на печках. Но и эта жизнь была хуже той, какая меня ожидала при стационаре. Латынь, которую я подучил в лагерях, пригодилась: медицинские работники использовали мои знания, а я развил их. Женщина-врач Потапенко сердечно отнеслась и поручила всю канцелярскую работу, что было весьма на руку лекпому¹⁴ Корбе, который состоял с ней в близких отношениях. Сначала немного стеснялись, но потом разрешили спать в приемной. Я вел амбулаторный журнал, выписывал лекарства, а впоследствии форменным образом заменял фельдшера. Через два месяца я уже жил при стационаре. Это был рай. После душного барака с его гамом и адом жить обособленно, на хорошей жратве — это конечно верх лагерного счастья. Прием в амбулатории начинался с 6-ти и тянулся до 10-ти. Сотни людей шли к врачу в большинстве случаев только потому, что страшно устали и желали хоть день отдохнуть, — «перекантоваться». Много было симулянтов, которые не работали, выпрашивая освобождение у мягкого лекпома, а иногда брали его и силой. В этот период мне нередко удавалось есть «домашний» суп, пить молоко и т.д. Случалось и другим оказывать кое-какой блат: дать освобождение, отпустить валерьянки, эфиру или рыбьего жиру. Правда, работы потом оказалось много. Когда привезли 2000 инвалидов, то началась смертность — меньше 5 [человек] в сутки не умирало. А ведь нужно было все офор-

¹⁴ Лекпом — лекарский помощник — неологизм советской эпохи, так называли помощников врачей.

мать. Я писал не только акты о смерти, но сочинял и истории болезней. Ничего не понимая ни в сердечных тонах, ни в легочных хрипах, я однако так насобачился, что безошибочно ставил диагноз и постепенно подводил человека к агонии. Все делалось заочно: люди где-то в бараке умирали от тоски и голода, а я строчил истории болезни, где говорилось о миокардите или туберкулезе так уверенно и последовательно, что и комар носа не подточит. Истории болезни подписывались, в санотделе проверялись, и никто не знал, что все это чистойшей беллетристика.

Несмотря на хорошие условия, я все-таки опять заболел, и весной в 1933 г[оду] при температуре 39,3 увезли в лазарет, где я пролежал 45 дней. Пеллагра и еще что-то неуловимое. От смерти опять отвергнулся и попал снова к Корбе, который в то время был уже начальником сангородка. Эти сангородки открыли для так называемых «доходящих». А именно, людей обессиленных было много и убежищем для них являлись санитарные городки. Почему санитарные, а не санаторные — не знаю. Но, это все равно. Опять хорошие условия, и я начал поправляться. Но все же худ я был настолько, что комиссия снова признала меня инвалидом и направила на освобождение. Это было осенью 1933 г[ода]. На один из лагерных пунктов собрали всех инвалидов и приехала комиссия из Москвы для освобождения¹⁵. Врачи с одной стороны, два гэпэушника с другой. Уже большие партии поехали на свободу. Лагерь делал отрыжку, выбрасывая лишний балласт. Но и тут все делалось сугубо осторожно и важно: если в деле была политическая заковырка, то конечно человек оставался в лагере, даже если и калека.

Голого меня подвели к «президиуму». Осмотрели пристально. Скелет, хотя и живой. Врач-коммунист докладывает: хроническая пеллагра, хронический миокардит. Бритый прокурор куда-то мимо смотрит и бросает небрежно:

— А в приговоре как?

¹⁵ Вероятнее всего, речь идет о выполнении постановления СНК СССР от 11.03.1933 № 451/76сс «О разгрузке мест лишения свободы», директивы ГУЛАГа от 14.03.1933, согласно которым специально созданные медицинские комиссии во главе с начальником ИТЛ проводили освидетельствование заключенных с целью перевода хронически больных, стариков и инвалидов для дальнейшего отбытия наказания и использования на дифференцированных работах в спецпоселки и сангородки (с 03.01.1934 — инвалидные лагпункты).

— Бывший член следственной комиссии Колчака, был приговорен к расстрелу, — докладывает уполномоченный. — Вообще прошлое богатое.

— Ого!

И это «Ого!» решило все.

Небрежно и даже презрительно прокурор бросил:

— Одевайтесь.

Остался я в лагере, т.к. можно было использовать и по специальности, и по хозяйству.

Люди догадливые: экономят рабочую силу и охраняют общество от социально опасных... Пришлось остаться. Каторга продолжается. Свобода где-то за пределами Мордовской области. Я ко всему привык и это пережил спокойно.

После нескольких дней обиды и огорчения я устраиваюсь подручным санитаром при стационаре инвалидного пункта. Ношу дрова, воду, мою полы, приношу пищу, выношу мертвых, делаю перевязки и проч. Фельдшер Кузьма Сергеевич не нарадуется на такого инвалида. Если он подолгу думает над историей болезни, то у меня она выходит в два счета. Одно бельмо на глазу — Лидия Сергеевна, санитарка. Она всем командовала, имела отдельное помещение, принимала любовников — «дролей» по-лагерному. Имела она все лучшее и с кухни, и с пекарни. Интеллигентная женщина с седыми волосами, но падкая до любовных походов. Кузьма, мужик религиозный и тихий, не вытерпел, когда увидел повара, выходящего с ночевки от Сергеевны. Сергеевна пробовала облагородить это дело.

— У меня, — говорит, — особые побуждения.

Но не поверили особым побуждениям и выселили на прачечную. Тогда я воцарился в стационаре и за эконома: спал на подушках, ел рисовые котлеты и т.д. Этому периоду житья можно позавидовать и теперь.

За то, что человек мог дать 50 гр. денатурата¹⁶ или столько же эфирной валерьянки, — ему тащили хлеба, с кухни всего лучшего. Мне наливали столько, что я кормил несколько человек. Старшие санитары при крупных стационарах и больницах наживали деньги: один извлекал золотые зубы у мертвых и у него отобрали несколько слитков.

¹⁶ Денатурат или денатурированный спирт — вид спирта, используемого для технических целей, но в советское время использовался и как пищевой алкоголь.

У «доходящих» были и вещи, и деньги: в погоне за инвалидностью, а иногда и по капризу болезни люди не съедали своего пайка и продавали здоровым, накапливая по 50 р. и больше. В большинстве случаев все накопленное попадало в карманы санитарам.

Жил я таким манером месяца три. Корба снова находит меня и берет к себе: ему дали новый сангородок, который он привел внешне в порядок. Там я жил два года. Врачом сангородка одно время была Дремлякова, маленькая женщина, говорившая басом. Она часто ходила и мрачно говорила:

— Ей-богу кончу самоубийством, — вот увидите! Ну разве так можно жить?

И начинались справедливые жалобы: ее гоняли по разным комиссиям, не давая отдыхать. Часто можно было видеть, как усталая Дремлякова в огромных валенках тащится с палкой по шпалам. Но кончила она не самоубийством, а сошлась с довольно видным врачом, уже освободившимся, завела собаку и назвала Гитлером. Так вот, эта Дремлякова любила читать лагерникам особого рода лекции.

Приходит в сангородок партия измученных лагерников на отдых. Осмотр делается врачом. Ставится диагноз, назначается режим и лечение. Дремлякова ревниво следит за тем, чтобы ослабевший лагерник получил весь паек и лекарство, чтобы его не послали на работу; но зато она сама стаскивает с нар тех, которые прячутся от бани, не идут дышать чистым воздухом.

В сангородках были введены особые карточки, в которых записывалась вся история отдыхающего и следили за прибавкой в весе. В сангородке лагерник мог бы поправиться, но отчаянно была развита торговля и мена. В столовой и в бараках можно было постоянно слышать:

— А вот табачок!

— Кому сало на табак?

За табак человек отдавал все, что нужно было для его ослабленного организма. Вот картина повторного осмотра и война Дремляковой.

В амбулатории десятка три голых лагерников. Среди успевших отдохнуть все-таки много скелетов. Видя скелет и падение в весе Дремлякова набрасывается:

— Чего худеешь? Меняешь! Продаешь!

— Отродясь не менял, — оправдывается лагерник. — Разве когда на табачок...

— Вот видишь! А знаешь ты, что этим себя губишь? Ведь под сосну пойдешь!

— И пойду, как иначе?

— Но не надо доводить себя до этого! Дома, небось, жена, дети?

— Как же: все было!

И в таких разговорах проходит у нее весь осмотр: усадит голого скелета с собой, говорит ему о том, что надо умыться, что табак вреден. Лагерник уныло слушает и, в конце концов, не выдерживает, глядя на курящую Дремлякову.

— Докторша, дай закурить?

Врач дает папиросу, старательно выписывает в карточку назначения, делает отметки и наставительно говорит:

— Ну, иди, отдыхай. Да смотри же — поправляйся!

А в бараке свои разговоры, не передаваемые в литературе.

— На кой нам черт поправка? Поправишься и пойдешь опять «мантулить». Надо воды больше пить: опухнешь и инвалидность дадут. А там и домой.

Мечта об инвалидности жива среди лагерников, и правда, многие уезжали из лагеря; много и под сосну идет, т.е. в могилу.

Лечение и заботы врача часто сводились к нулю, если требовалась «рабсила», приезжали из управления и говорили:

— Нужно отобрать 200 человек из более окрепших.

— У меня нет окрепших! — протестует Дремлякова. — Людям не дают отдохнуть, я завтра обязательно повешусь, вот увидите!

— Ничего не сделаешь, доктор: прорыв! Надо его ликвидировать, а потом опять отдыхайте.

И Дремлякова начинает «просватывать» скелетов.

— Этот подойдет? — спрашивает она представителя.

— Подойдет-то подойдет, — морщится представитель управления, — только дойдет ли?

— А за это я не ручаюсь!*

ГАСПИТО. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 2. Лл. 6–16 об.

Рукопись. Подлинник. Публикуется впервые.

* В правом нижнем углу помета черными чернилами от руки: «Этот дневник на десяти (10) листах изъят у меня при обыске. Аржиловский. 29/ VIII-37 г.».

Марина Волкова

Тюменский клад доктора В.Д. Петрова

В фондах Тюменского областного краеведческого музея (ныне в составе Музейного комплекса им. И.Я. Словцова) хранятся предметы из клада, обнаруженного в Тюмени в 1960 г. К актам приема, в которых записаны эти предметы, приложена записка, составленная исполняющей обязанности заведующей детским яслями № 1 (Тюмень, ул. Большая Заречная, 87) Валентиной Григорьевной Талачёвой, в которой описана история нахождения клада.

5 октября 1960 г. заведующая детскими яслями № 1 Мария Михайловна Абакумова (дом. адрес: ул. Большая Заречная, 87) дала задание рассадить клены на площадке старшей группы. Ямы и кусты копали сотрудники: Е.В. Заварзина, прачка (дом. адрес: ул. Сенная, 11) и С.Г. Семяникова, дворник (дом. адрес: ул. Иртышская, 7 (63)). При раскопке обнаружили бутылку и медную посуду в виде жаровни. 6 октября 1960 г. утром продолжал раскопку В.И. Соловьев, зять заведующей детским садом (дом. адрес: ул. Большая Заречная, 87). В 11 часов дня пришел сотрудник музея и дальнейшую раскопку запретил. Во время раскопки

ТОКМ

ОФ 3441

ямы подходили сотрудники, которые находились на смене (список из 21 человека с указанием должностей и домашних адресов прилагается).

Сохранились четыре акта с передачей раскопанных материалов сотруднику музея А.И. Харитонову (от 07.10. — от В.Г. Талачёвой; от 12.10. и недатированный — от В.И. Соловьева; от 12.10. — от М.М. Абакумовой). У предметов ОФ №№ 3441–3451 в графе «источник поступления» указано: «акт № 16/IX-61 из клада». Однако указанный акт пока обнаружить не удалось.

В кладе находилось более 200 предметов быта: кухонная утварь, столовая посуда, предметы декоративно-прикладного искусства. На некоторых предметах были дарственные надписи, позволившие определить имя владельца. На мраморной крышке блокнота: «Сослуживцы В.Д. Петрова просят сохранить о них добрую память. Владивосток. Местный лазарет. 10/XI-1916 г.» (14 автографов); на крышке чернильного прибора: «Дорогому Д-ру отъ сестерь Милосердия. 6/VII-17 г.»; на медной пластине с изображением орлицы: «Доктору В.Д. Петрову. Ученики. 1916 г.»; на серебряной пластинке: «Глубокоуважаемому доктору В.Д. Петрову в благодарность от больных Лиги

борьбы с туберкулезом. 4/XI 16 г. Владивосток».

В работе¹ старшего научного сотрудника ТОКМ Е.А. Бушарова есть упоминание о коллежском асessore Викторе Даниловиче Петрове, временно исполнявшем должность старшего врача Тюменского военного лазарета² в 1918 г.

На 01.01.2017 г. в фондах ТОКМ выявлено 176 предметов из этого клада.

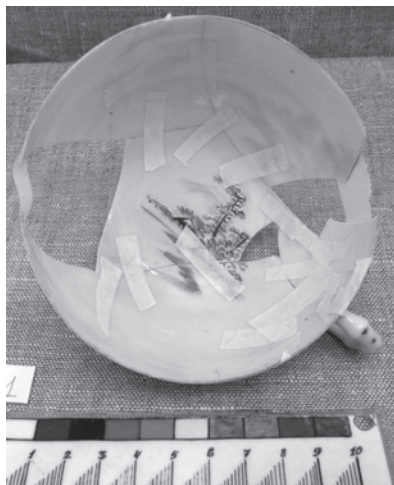

¹ Бушаров, Е. А. История Тюменского военного госпиталя в 1915–1920 годах // Ежегодник ТОКМ-1998. Тюмень, 1999. С. 48–55.

² 3 марта 1915 г. принято решение об открытии в Тюмени 149-го Сводного эвакуационного госпиталя, переформированного в 1918 в запасный,

Предметы хранятся в коллекциях: «Драгметаллы» (2), «Скульптура» (2), «Стекло» (22), «Кость» (1), «Керамика» (66, в т.ч. 4 развала чайных чашек), «Приборы» (37), «Металл» (45), «Прочие» (1).

P.S. В интернете однажды случайно нашла информацию о ныне живущем в Санкт-Петербурге докторе Петрове, предком которого был Виктор Данилович Петров, доктор с Дальнего Востока. Разыскать ее повторно я не смогла.

вскоре — в Тюменский военный лазарет, 20 февраля 1919 г. — в Тюменский военный госпиталь 2-го класса. Перед приходом в город Красной армии (8 августа 1919 г.) госпиталь был отправлен в Красноярск.

Владимир Темплинг

«Добрососедство» с историей, культурой, природой...*

(тюменские краеведы советской эпохи: А.Л. Емельянов)

*Анатолий Лаврентьевич
Емельянов, учитель
Исетской средней школы (1963)*

Осмысление прошлого, оценка событий и явлений социальной жизни не могут быть в полной мере осуществлены усилиями только ученых, мемуаристикой выдающихся деятелей. Не менее важную роль в этом деле играет историческая память народа. В небольшой работе, посвященной представлениям сибирских крестьян об окружающем мире и своём труде, увидевшей свет ещё на заре «историографической революции», скоропостижно постигшей отечественную науку в конце XX века, В.М. Суринов высказал мысль о

* В моем издательстве вышло несколько книжек А.Л. Емельянова. Года три назад (2014) с подачи директора Исетского музея Веры Кузнецовой была предпринята попытка переиздания «Очерков истории села Красногорского и его округи» (Тюмень, 2002), которые были востребованы односельчанами краеведа. К новому изданию и было написано предисловие кандидатом исторических наук Владимиром Темплингом. Инвестор, вложивший начальный капитал в книгу, не позволил себе финансировать издательский процесс до его завершения. О причинах такого поступка близкого родственника А.Л. Емельянова не принято говорить вслух. Как говорится, хозяин — барин. В результате текст В.Я. Темплинга оставался под угрозой пребывать долгие годы рукописью в столе.

Для «Большого городища» автор переработал и дополнил текст предисловия, которое должно вписать несколько строк в историю тюменского краеведения. — *Прим. издателя «БГ».*

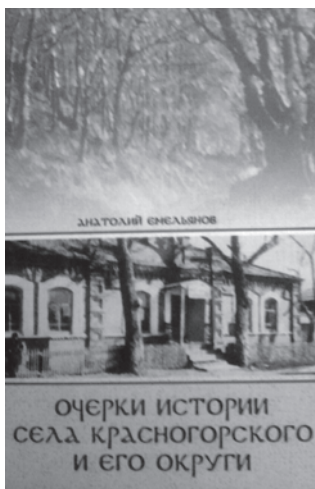
том, что, «в нашем быстроменяющемся мире, и далеко не всегда в лучшую сторону, как никогда велика цена “прочной реальности”, которая, по справедливому выражению американского писателя Д. Гарднера, возникает тогда, когда прошлое становится частью настоящего, когда возникают черты, их объединяющие и роднящие. Только это и может исключить идеализацию будущего, которая в определенных ситуациях может оказаться гораздо опаснее идеализации прошлого»¹. Отсутствие «прочной реальности» во многом определяется неустойчивой и даже непредсказуемой историей нашей страны. История России изобилует событиями, последствия которых оставили глубокие неизгладимые следы. Войны, восстания, революции, необдуманные, запоздалые или половинчатые реформы — список нескончаем. Но особое место в этом ряду занимают события, сопряженные с фундаментальными мировоззренческими сломами, кардинальным изменением интерпретации исторического прошлого и даже частичным его отрицанием. В результате таких событий то, что ещё вчера было приемлемо, нормально, престижно, в одночасье меняло свой статус на противоположный. Одним из первых

таких словом было насильственное проведение церковных реформ в середине — второй половине XVII века, а в XX столетии и вовсе не повезло. По существу на время жизни одного поколения пришлось два таких слома — в начале века коммунистический режим сознательно отринул всю предшествующую историю, провозгласив строительство нового, социально справедливого общества, с совершенно особым подходом к трактовке социальных процессов, в том числе и прошлых эпох. Проект не состоялся. Спустя 70 лет ровно с таким же ожесточением новые реформаторы, потомки красных командиров, с неистовостью отрицали и всю советскую историю. Такие «мировоззренческие развороты» не могут быть безболезненными, не проходят бесследно и сохранить или создать и укрепить «прочную реальность» в таких условиях бывает сложно. И одним из якорей, удерживающих общество в гавани самосознания, является историческая память народа и те её элементы, которые

¹ Суринов В.М. Историческая память народа: сельское хозяйство Зауралья в образах и мыслях сибирского крестьянина / Творч. объединение «Лад» при Тюм. отд. Всерос. фонда культуры; предисл., библиогр. А.В. Чернышова. Тюмень, 1990. С. 5.

позволяют людям почувствовать себя сопричастными многовековому опыту предков, почувствовать его незыблемость и фундаментальность.

Давно канули в Лету времена, когда исторические знания передавались из уст в уста, в сказаниях, былинах, мифах, исторических мемуарах, которые сосуществовали в бесконечном множестве-единстве подчас парадоксального, алогического, но тем не менее целостного чередования смеха и слёз, жизни и смерти, поэзии и прозы крестьянской повседневности. На смену им пришли отчасти ученые, а отчасти энтузиасты-краеведы, си-

*Дизайн обложки
В. Дыбы-младшего*

стематически собирающие сведения по истории страны или отдельных её частей. Одним из таких энтузиастов был Анатолий Лаврентьевич Емельянов, плоть от плоти своего народа, яркий представитель своего времени, в творчестве и деятельности которого отразились все особенности,

сильные и слабые стороны современного ему общества, краевед и немного писатель. Плоды его трудов достойны публикации и того, чтобы стать предметом научного осмысления.

С точки зрения Д.С. Лихачева, значимость краеведения заключается в том, что оно продуцирует новое знание, новые смыслы, окрашивает пространство эмоциями и, можно сказать, «оживляет» и насыщает окружающий мир. Эта мысль великого ученого очень ярко может быть проиллюстрирована на примере легенды о Марьином ущелье, одну из самых полных версий которой приводит Анатолий Лаврентьевич².

² Емельянов А.Л. Очерки истории села Красногорского и его округа. Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002. С. 110–118. С обзором вариантов легенд об ущелье и современном его почитании можно познакомиться здесь: Ермакова Е.Е. Марьино ущелье: мифы и реальность // <https://uraloved.ru/mesta/tumenskayaobl/maryino-ushelye> (дата обращения 04.02.2017).

С точки зрения естествознания Марьино ущелье — комплексный природный заповедник, в котором произрастают редкие растения, занесенные в Красную книгу и поэтому подлежащие охране. Это есть знание, раз и навсегда связанное с этим памятником природы. Но с точки зрения краеведения Марьино ущелье — историческое и памятное место (даже вне зависимости от точных подробностей происходивших событий). Беллетризованный (возможно, самим краеведом) рассказ о несладкой судьбе и мытарствах Марии Степашихи, вложенный в уста безымянного старика, коротавшего вечер на завалинке, придает этому месту совершенно другую ауру. Повествование оживляет, заполняет пространство ущелья событиями, судьбами, переживаниями. Устами талантливого рассказчика оно невидимыми нитями связывает слушающего с увалами, колками, перелесками, ручьями, вызывает целый букет эмоций. В контексте повествования изображаемое в легенде — не просто элементы памятника природы, а своего рода немые свидетели прошлого, вписанные в череду событий, в судьбу человека. И, вступая в пределы Марьиного ущелья, человек невольно вступает в пространство некогда со-

вершившегося драматического действия, отчасти становится его участником.

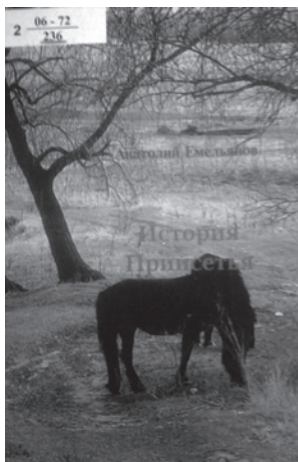
Растения, ради сохранения которых был создан заповедник, данность природы. Такими, какие они есть сейчас, они были сотни лет назад, такими и останутся. А Марья Степашиха — это образ, опирающийся на широкий спектр ассоциаций, личных переживаний, воспоминаний. Это, с одной стороны, простая русская женщина-сибирячка, крестьянка, выросшая в традиционном обществе, вынужденная подчиняться нормам поведения, принятым в нем, и поэтому ей, обладательнице незаурядного характера, долгое время приходилось терпеть выходки несурядного мужа. С другой стороны — Мария — образ новой женщины, освобождающейся от пут прошлого, волевая, самостоятельная, решительная. Одной ей еще не под силу было сломить стереотипы старых представлений о нормах семейной жизни, и она покидает деревню с тремя детьми, подвергая себя и их смертельной опасности, очевидно, ради будущей счастливой и свободной жизни.

Другой тип, если угодно, «оживления пространства» представлен в повествовании о «царской» деревне Сплывайке и Царёвой роще, расположенной

недалеко от деревни. Если в реальности существования Марьи Степашихи можно сомневаться и, возможно, мы никогда не узнаем, является ли связанный с ней меморат революционной советской мифологизацией или в его основе лежат подлинные события и люди, то в случае с Царской деревней (одно из многочисленных названий Сплывайки) речь идёт о реальных персонах. И в этом случае краевед не ограничивается преданиями, а проводит расследование, опирающееся на исторические источники, отделяя реальные события от наслоений времени³.

Но в том и другом случае топонимические предания придают необъяснимое и неповторимое очарование окружающему

Емельянов А.Л. История Приисетья. Обложка

³ Емельянов А.Л. История села Архангельское Исетского района Тюменской области. Исетское, 1993. С. 33–36. Переработанный и значительно расширенный вариант сюжета о д. Сплывайка см.: Емельянов А.Л. Царевич и поэт в Приисетье // Анатолий Емельянов. История Приисетья. Тюмень: Мандр и К^а, 2006. С. 72–84.

пространству, связывают его воедино с человеком не путями экономической необходимости или выгоды, но отношениями совершенно иного качества.

Способность наполнять, оживлять пространство является уникальным свойством краеведения. Еще более

важно то, что краеведение сближает людей с пространством истории того места, где они живут, укореняет их в нём. По словам академика Д.С. Лихачёва, в краеведении нет двух уровней, одного для учёных-специалистов, другого для «широкой публики». Оно предназначено для всех, оно деятельно по своему характеру, и в этой деятельности могут принимать участие все от мала до велика. В самом деле, есть ли дело историку, занимающемуся «большой» историей, до какой-то там деревни Сплывайки, или Хрипунов, или Горошинки, станет ли он упоминать о трёх или четырёх названиях, закрепившихся в народной памяти за той или иной деревней. Скорее

всего, он об этом даже и не знает. Ему ничего не говорят названия деревенских концов, прозвища и фамилии насельников деревни, ему не придёт в голову с дотошностью до десятых долей указывать площади посевов, покосов и пастбищ, рассуждать о продуктивности скота или повествовать об истории Амосовских избышек, сгинувших с лица земли в лихолетье укрупнений и неперспективности, как и многие десятки тысяч деревень по всей стране. Недосуг! Но всем этим займётся краевед, ибо для него за всем этим стоят конкретные люди, родственники, знакомые, предки, реальные воспоминания, пейзажи, повороты полевых или лесных дорог, запахи праздничных пирогов, безудержное веселье деревенского праздника. Это всё живое и значимое! Внимательный читатель заметит разницу в произведениях Анатолия Лаврентьевича, созданных им на основе исторических документов или на основе личных воспоминаний. В последнем случае скрыть биение эмоций невозможно.

Вообще, следует сказать, что Анатолий Лаврентьевич есть в полном смысле «продукт» именно советского времени и по своему жизненному пути, и по своим ценностным ориентациям и интересам. Судьба советского

краеведения была неоднозначной, были взлёты, падения, давление и партийный контроль. Краеведы — одни из первых, кто почувствовал на себе тяжелую руку сталинского режима личной власти. Первое десятилетие советского краеведения, с 1917 по 1927, нередко называют «золотым веком». Это было время необычайной активизации краеведческого движения в стране, бурного роста краеведческих организаций. Страна еще лежала в руинах Гражданской войны, а уже в декабре 1921 года собирается Первая Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края. Она принимает решение о координации и централизации краеведческого движения, создаёт Центральное бюро краеведения (ЦБК). Краеведческой работе научное сообщество придавало огромное значение, во главе её стояли выдающиеся учёные академики М.М. Богословский, Н.Я. Марр, С.Ф. Платонов, А.Е. Ферсман, А.Н. Самойлович, Ю.М. Шокальский и многие другие. ЦБК долгое время возглавлял академик С.Ф. Ольденбург, основатель русской индологической школы⁴. Краеведческие

⁴ Соболев В.С. Академия наук и краеведческое движение // Вестн. РАН. 2000. Т. 70. № 6. С. 535–541.

общества были созданы в Тюмени, Тобольске, других городах и поселках губерний⁵. Но весьма скоро новым властям стало ясно, что в том виде, в котором развивалось движение, оно не вписывалось в выстраиваемую идеологическую систему⁶. Поэтому в середине 1920-х годов руководством страны была поставлена задача полного подчинения краеведческого движения партийному контролю и его переориентации на задачи социалистического преобразования общества. С

тех пор главными темами и направлениями краеведения стали историко-революционные исследования, история установления Советской власти, изучение производительных сил, коллективизации, индустриализации, позднее добавилось военно-историческое направление. Все они в достаточной мере представлены в работах А.Л. Емельянова.

Один пример того, что неконтролируемое краеведение было потенциально опасно для советской идеологической системы, её основ и мифологии. Так, во время полевого сезона 1987 года, который проходил на территории Омутинского, Гольшмановского и Юргинского районов Тюменской области, участникам историко-этнографической экспедиции Тюменского государственного университета стала известна иная, отличная от официальной версия событий, легших в основание одной из советских мифологем, так называемого «огненного тракториста». Советская общественность узнает о ней только после знаменитой публикации в «Комсомольской правде» в 1988 году, когда политика гласности уже будет господствовать в советском политическом пространстве⁷. Студенты встречались с живыми свидетелями и участниками событий и процес-

⁵ Белов С.Л. Тюменское общество научного изучения местного края в 1920-е годы // Ежегодник Тюм. обл. краеведческого музея: 2001. Тюмень, 2002. С. 358–383; Белобородов В.К. Полтора века северного краеведения // Югорские краеведы / сост. В.К. Белобородов, Т.В. Пуртова. Шадринск, 1995. С. 3–12; Белобородов В.К. Остяко-Вогульское отделение общества изучения местного края // Югория: энцикл. Ханты-Манс. авт. окр. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2000. Т. 2. С. 323–324.

⁶ Темплинг В.Я. «Военная тайна» краеведения // Лукич. 2003. Ч. 1. С. 19–25.

⁷ Реальную картину событий, ставших основой советской мифологемы, реконструировал по архивным документам краевед А. Петрушин. См.: Петрушин А.А. Не надо, ребята, о песне тужить... // Тюм. комсомолец. 1990. 13 окт.; *Он же*. «Огненный тракторист» // Родина. 1996. № 5. С. 66–67.

*Анатолий Лаврентьевич
Емельянов,
директор Исетского народного
краеведческого музея*

сов, с которыми они были знакомы только по учебникам, — с раскулаченными, репрессированными, с колхозниками, получавшими пенсию в 7, 12 или 21 рубль, застали дома, крытые берестой. Одним словом, они видели реальную историю, которая никак не укладывалась в рамки истории официальной, пропагандируемой, они вступали в живой и реальный контакт с историей, о которой не было принято писать.

Творчество А.Л. Емельянова представляет собой ярчайший

образчик советского краеведения. Это проявилось как в выборе тем, так и в оценке событий далёкого прошлого или современных краеведу. Сквозными для творчества краеведа темами являются экономическое развитие региона с момента освоения до современности, классовая борьба, установление Советской власти в регионе, развитие производительных сил. Анатолий Лаврентьевич провел кропотливую работу по выборке сведений из множества источников о росте населения, пахотных угодий, количестве животных, распространённых ремеслах, проследил весьма сложную административную историю

Исетского района. На такое способен только краевед, только человек, без остатка преданный своей малой родине. Но вместе с тем в его творчестве как в капле воды отразился и весь трагизм разлома российского общественного сознания. Для краеведа, выросшего в рамках советской идеологической системы, в досоветской истории значимыми, кроме подвига освоения простыми крестьянами новых земель представлялись сюжеты, связанные с борьбой угнетённых и эксплуа-

тируемых слоёв населения. Мир сибирского крестьянства предстаёт разделённым, и, соответственно, всё, что исходит от «угнетённых», выписывается автором в положительном ключе, а всё делаемое представителями другого лагеря — в негативном. Шоры черно-белого восприятия окружающего мира не позволяли оценить адекватно факт технологического развития и так-то довольно скудной местной промышленности. Поэтому учёба за рубежом одного из владельцев Боровлянского стекольного завода начала XX века Ивана Меньшикова и строительства им новых, более экономичных и выгодных стеклопечей-ванн интерпретируется краеведом в русле идеи эксплуатации рабочих «по-грамотному». Незамеченным остался и факт введения всеобщего начального образования в начале столетия (этот проект властей так и не был реализован до конца, прерванный Первой мировой войной).

В начале столетия экономика России бурно развивалась, страна переживала разнородные социальные изменения, в которых наряду с негативными, безусловно, присутствовали и прогрессивные элементы. Российское общество втягивалось в индустриальную цивилизацию, жизне-

деятельность которой покоится на совершенно иных основаниях, нежели крестьянская аграрная цивилизация. Но строилось новое общество и выросло из старого. Отсюда и все вытекающие проблемы, напряжённости, противоречия и конфликты переходного состояния, от которых нам ещё предстоит освободиться.

Последние годы жизни Анатолия Лаврентьевича пришлись на время перестройки и лихолетья 1990-х годов. Ему удалось застать и пережить состояние мировоззренческого слома конца XX века (будем надеяться, последнего). Мне неизвестно как он относился к перестройке, к оголтелому дебошу 90-х годов, но как человек, равнодушный к происходящему в окружающем мире и всю жизнь находившийся на острие политической и идеологической жизни, как просветитель, как краевед, он, конечно же, реагировал на изменения. Именно к этому времени относятся очень редкие для него (и это тоже было характерно для советского краеведения) статьи на религиозную тему, вполне выдержанные в просвещенческом духе. В этих реакциях он оставался самим собой, оставался верен принципам, которыми руководствовался всю свою жизнь. И эта позиция не может не вызывать

уважения. Чего греха таить, перестройка и эпоха гласности вызвали к жизни не только новые темы, направления краеведческой деятельности, но и откровенные спекуляции, подчас недопустимые.

Напоминая о прошлом, краевед вольно или невольно сравнивает его с настоящим и подспудно думает о будущем, чувствуя свою ответственность перед будущими поколениями жителей села, района, края. Д.С. Лихачев был убежден в том, что в об-

щении с прошлым человек учится нравственной ответственности перед людьми прошлого и одновременно перед людьми будущего.

И только краеведению по-сильно соединить все элементы пространства, в котором проживает человек, — природу, города, деревни, улицы, дома и людей, проживающих или проживавших некогда в этих домах и этих местах, установить своеобразное «добрососедство» с историей, культурой или природой.

Через сибирскую границу в 1860–х

Критически настроенные журналисты, колониальные офицеры, польские изгнанники и иностранцы из Китая

Продолжение антологии

1.

1861, июль. *Poussieltgue, Achille. Voyage en Chine et en Mongolie de m. de Bourboulon, ministre de France, et de madame de Bourboulon, 1860–1861.* Paris, 1866. P. 436–438.

Мадам де Бурбулон (Catherine de Bourboulon, Catherine Fanny Mac Leod, 1827–1865), супруга французского дипломата Альфонса де Бурбулона. Ее записки о путешествии 1861 г. из Пекина в Санкт-Петербург, опубликованные в обработке Ахилла Пуссельга (1829–1869), стали бестселлером, значительно повлиявшим на изображение Сибири в последующей французской литературе, например, в романе Жюль Верна «Михаил Строгов» (1876). Французский посланник и его жена возвращались во Францию верхом, в составе каравана из пяти французских военных и одного китайца. Маршрут и хронология описанного в книге путешествия: отъезд из Пекина в Калган (17 мая), Урга (7–12 июня), Кяхта (18 июня), Верхнеудинск (20 июня), Байкал (25 июня), Иркутск (30 июня), Красноярск (8 июля), Томск (13 июля), Омск (19 июля), Тюмень (24 июля), Екатеринбург (26 июля), посадка на пароход в Перми (30 июля), Казань (2 августа), Нижний Новгород (6 августа)¹.

¹ Через год в доме, где останавливалась мадам де Бурбулон перед прибытием в Тюмень, оказался С.И. Турбин (см. ниже), оставивший об этом сообщение: «В с. Богандинском, первой станции за Тюменью, меня ввели в тот самый дом, в котором останавливался возвращавшийся из Пекина в Париж французский посланник Бурбулон. Об этом мне сейчас объявили хозяйка. Хозяйка, как видно, не раз уже осведомлявшаяся у проезжих, обратилась ко мне с вопросом, ходят ли француженки в шароварах. На мой отрицательный ответ она высказала сомнение, основывая его на том, что жена посланника была одета по-мужски, т.е. на ней была коническая шляпа и шаровары.

— Вероятно, для того, что так покойнее ехать, — заметил я.

— Где там спокойнее. Надо быть, у них все так ходят, вот как татарки; а то как же женщине штаны надеть? Срам. Мало ли тут женщин проезжает: и

Тюмень, 24 июля.

...Тюмень, где я пишу эти слова, — довольно большой город², в нем расположены металлургические заводы и колоколотейная мастерская. Это первое поселение, основанное русскими в Сибири.

Ввиду того, что нам нужно было где-то провести целый день, мы остановились в доме купца, соблаговолившего оказать нам гостеприимство: наш хозяин — русский старой закалки, его старомодная учтивость еще не испорчена цивилизацией. При входе в дом он поцеловал мне руку и с горячими приветствиями повлек в зал, где для нас было приготовлено угощение. В подобных случаях, если дело происходит между равными, женщина, отвечая на такую учтивость, склоняясь, касается губами лица своего кавалера. Легко догадаться, что я избавилась от соблюдения этой формальности.

Вот меню обеда, которое я записываю, чтобы можно было себе это представить:

Закуска, сервированная отдельно, на маленьком столике: семга сырая и копченая, икра, селедка соленая, нарезанная кусочками, в укусе, хлеб, масло, шнапс или водка, настоянная на анисовом семени, прозрачная как хрусталь и весьма хорошая. Вся эта закуска предназначена для того, чтобы возбудить аппетит и спрыснуть дальнейшие нештучные возлияния.

Суп: бульон душистый с тимьяном, в который наломаны фаршированные печенья вместо хлеба.

Рыба в бульоне, совокупно с холодным укусным соусом, из множества составляющих.

Рагу барашка и курочки с рисом.

Кулебяка, или пирог, с яичными желтками, рисом, мясом и отбивной дичью.

Жаркое из гуся и петуха в острой подливке, с шафраном, карри и мускатным орехом.

Антреме: красная капуста, фаршированная икрой, свекла и огурцы в сметане или маринованные в рассоле, имбирный пирог, творожный пирог, сливки и замороженное желе.

По окончании ужина, после чая, шампанское и другие вина.

Вот вам самая суть русской кухни, которая, хотя, конечно, варварство, но, может быть, много более основательное и искусное, чем кухня немецкая и английская. Само собой разумеется, что во всех приличных домах допускается только кухня французская.

генеральши, и чиновницы, и купчихи, все по-женски одеваются». См.: Турбин С.И. Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки. Санкт-Петербург, 1872. С. 50.

² В Тюмени насчитывается 10000 жителей (*прим. авт.*).

Покуда купцы сибирские потчевали друг друга, хозяин дома, вместо того чтобы прислуживать за столом (так он поступил с нами), председательствовал трапезой, усевшись на одном конце стола вместе со всеми гостями мужского пола, в то время как дамы были отодвинуты на дальнюю его оконечность.

Под конец ужина они вовсе удалились из-за стола, который обратился затем в сцену совершенной оргии, вызванной частыми возлияниями. Пьянство — главное порочное пристрастие русских. Оно особенно распространено в народе и среди купцов и нередко встречается среди знати, хотя и в более тайном виде...

Только что я заметила, что вся семья моего хозяина, которой нам не пришлось увидеть за ужином, все время моего туалета жадно следила за мною через замочную скважину,

Решительно, эти люди — настоящие дикари, но с мебелью en bois de Boule³.

Тугулым, 25 июля.

Я снова беру перо, которое только что отложила, чтобы поведать трогательную историю: в доме тугулымского мэра, или капитана, где мы пробыли несколько часов, молодая женщина, его, несомненно, родственница, завидев меня, принялась рыдать, а потом бросилась к моим ногам, умоляя простить ее. Она уверяла, что я настолько похожа на сестру ее, скончавшуюся незадолго до этого, что она не смогла сдерживать чувства. Я в меру сил своих утешала ее и, в ответ на ее просьбу, обещала прислать ей из Москвы мой портрет, что, несомненно, исполню. Из этого не следует делать вывода, что сибирские крестьяне склонны к экзальтации. Напротив, они спокойны, почтенны, даже галантны, но при этом очень скромны; в том, что касается гордости, они напоминают мне кастильцев. Сложение их правильное, но они чрезвычайно бледны, что должно приписывать их вынужденному затворничеству в течение восьми месяцев зимы, без воздуха, в сильно нагретых домах. С другой стороны, летом они сильно страдают от жары, потому что, как все люди, живущие в холодном климате, не предпринимают никаких мер защиты. Ни шторы, ни занавески здесь неизвестны, и жгучее солнце свободно проникает в дома, которые за несколько часов обращаются в печи.

2.

До 1859? *Завалишин И.И. Описание Западной Сибири.* Т. 1. Москва, 1862.

1861, конец августа. *Завалишин И.И.* Путевые заметки (Тобольская губерния) // ТобГВ. 1863. Часть неоф. № 41–47.

³ Мебель в стиле Людовика XIV.

1863?, апрель-май. *Завалишин И.И. По сибирским дорогам // Якорь. Петербург, 1864. № 8–10.*

Ипполит Иринархович Завалишин (1808–1883). Литератор и публицист, оказавшийся в Сибири в 1827 г. в связи с участием в декабристском движении. После окончания срока ссылки (конец 1850-х гг.) около десятка лет проживал в Тобольской губернии, путешествовал и публиковал путевые очерки в прессе. Несмотря на то что заметки З. были восприняты современниками довольно скептически (на это, кроме всего прочего, оказывала влияние неоднозначная личная репутация автора), должна быть отмечена их исключительная роль в истории популярного географического знания об Азиатской России. Фактически З. оказался первым за долгое время репортером, писавшим о Сибири с местной точки зрения.

Известны три описания путешествий через Тюменский узловый район, составленных З.

1) З. был автором монографии «Описание Западной Сибири», проект которой составлен к маю 1858 г., а первый том существовал в рукописи уже в 1859 г. и был напечатан в Москве в 1862 г.⁴ Синтетические характеристики западносибирских городов, опубликованные в этой книге, содержали элементы травелога и, по всей видимости, были основаны на опыте прежних сибирских путешественников З., о маршрутах и хронологии которых мне ничего не известно.

Более определенны в этом смысле два других сибирских травелога, составленных З. уже после публикации «Описания».

2) В июне 1861 г. З. получил от губернских властей разрешение предпринять путешествие с ученой целью по Тобольской губернии сроком на два с половиной месяца. З. выехал из Туринска, в котором тогда проживал, 23 августа и за три недели осмотрел пространство до границы Ялуторовского округа, в особенности «Тюмень, как узел всех торговых, водных и транзитных путей целой Сибири»⁵. Путешественник намеревался поехать в Курганский округ и на Омскую линию, но в начале октября был вынужден вернуться обратно в Туринск из-за распутицы⁶. Очерки, посвященные этому путешествию, были опублико-

⁴ См. письма И.И. Завалишина из фондов архива Омской области, опубликованные Ю.Л. Мандрикой в переиздании «Описания» 2005 г. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. Тюмень: Мандр и К^а, 2005. С. 24–32, 33–35.

⁵ Письмо И.И. Завалишина генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю от 30 сентября 1861 г. // Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. Тюмень: Мандр и К^а, 2005. С. 43.

⁶ Письмо И.И. Завалишина генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю от 12 октября 1861 г. // Ук. соч. С. 47.

ваны в «Тобольских губернских ведомостях» в 1863 г. Их переиздание можно прочесть в «Лукиче»⁷.

Маршрут путешествия, продолжавшегося 38 дней: 23 августа З. выехал из Туринска в Тюмень, где пробыл до 22 сентября и посетил Успенский завод. После этого З. прибыл в Ялуторовск, где пробыл как минимум до 2 октября.

3) Хотя З. датировал записки о другом своем путешествии, опубликованные в Петербурге в 1864 г., весной 1863 г., известно, что статья «По сибирским дорогам» упоминалась в переписке автора с администраторами уже в 1862 г., что позволяет комментатору переиздания этих записок датировать описанное путешествие тем же 1861 г.⁸ Впрочем, текст о путешествии трехлетней давности, как и его вышеупомянутая предшественница, публикация в «Тобольских губернских ведомостях», безусловно, был переработан и дополнен фактами 1862 и 1863 гг. 22 апреля З. выехал из Туринска, 1 мая достиг Тюмени, а 2 направился в Тобольск, однако эта часть пути в публикации не описана.

Тексты З. весьма объемны, недавно переиздавались и относительно легкодоступны, поэтому ограничимся лишь тремя небольшими фрагментами. Все они, практически на одном и том же материале, описывают одно и то же — существовавшую в Тюмени пожарную проблему, однако критическая тональность повествования значительно меняется в зависимости от читательской аудитории. «Описание», позиционировавшееся как основательный научный труд, стремится к нейтральности, заметки из «ТобГВ» обращаются прежде всего к тюменцам, призывая их поскорее исправить положение, менее всего стесняется в выражениях травелог, опубликованный в столичном журнале для критической столичной публики.

1) Тюменцы — мастера строить деревянные дома, и вообще постройки в Тюмени очень хороши и содержатся в чистоте. Остается пожелать городу хороших мостовых и тротуаров, хорошего уличного освещения, хороших спусков по ея горам и, что всего важнее, — хорошей пожарной команды. В этом она несколько не подвинулась вперед, а пора бы перенять благой пример Осташкова. Тюмень уж слишком часто горит...

2) Тюменский базар — страшный хаос самых ветхих, безобразных и диких лавчонок, балаганов, столов, стоек. Ежеминутно грозит он гибелью всему центру города, ибо это все решительно как порох — до такой степени все высохло! К тому ж на базаре и по всей улице между гостинными и деревянными лавчонками всегда труха сенная, мочаль-

⁷ Завалишин И. Путевые заметки (Тобольская губерния) // Лукич. 2000. Ч. 1 (11). С. 58–93.

⁸ Завалишин И. По сибирским дорогам. Комментарии. // Лук & Чок. Вып. 2. Тюмень, 2008. С. 56.

Александр Сохачевский. Прощание с Европой. 1894

Музей Варшавской Цитадели

ная и бумажная. Пади на это искра (от чего да избавит Бог Тюмень!), и город сгорит дотла. Как же не позаботиться об отвращении такого страшного бедствия? Лучше оставить до времени мощение и нивелировку улиц, освещение их хорошими фонарями, устройство пристаней, переделку угрожающих падением на спуски и взвозы береговых укреплений, постройку новых мостов, лучше все это оставить; но, воля ваша, следует приступить горячо, энергически и деятельно к коренному устройству базара. Тут — бдение сердца Тюмени. А сгорит весь этот страшный хаос, и уж, конечно, не пощадит он соседних улиц, самого гостиного. Подумайте ж, право, пора!

3) Засим Тюмень вся деревянная, довольно безобразная, как увидим; и если не сгорела еще дотла в летние жары среди сенной трухи, обломков с товарных ящиков, тюков, цибигов, среди ветхих рогож и всякого хламу, то единственно потому, что, как говорится простонародно, «Господь милует!».<...> Что еще прибавить к этому красноречивому очерку тюменских улиц? Что здание думы облупилось, что гостиный не достроен и вопиет в пустыне, что лавочки и лавчонки у гостиного и на базаре — материал для общего пожара, и когда-нибудь сожгут всю Тюмень, что дворянское собрание — неказистый деревянный домик, что уездные училища — мужское и женское (два прекрасных каменных дома, дар К.К. Шешукова) — очень обычные учебные заведения (как и все наши, даже и гимназии), что городская больница не стоит панегирика, инвалидная команда тоже, богадельня И.В. Трусова и подавно, что кожевенные заводы не следует строить среди города (это было запрещено еще 25 лет тому назад, но не исполняется),

что публичный сад хотя тенист, но дурно содержим, да и на краю света, что, наконец, Тюмень не стоит своей громкой славы и не хочет принарядиться... Все это святая правда! А почему, почему да почему?...

3.

1862, июнь. *Шелгунов, Н.В. Сибирь по большой дороге* // Русское слово. 1863. Февраль. I отд. С. 5–18.

Николай Васильевич Шелгунов (1824–1891). Отставной чиновник лесного департамента и бывший профессор Лесного института, с конца 1850-х г. пробовавший себя в публицистике (статьи в «Русском слове» и «Современнике»), весной 1862 г. отправился в Сибирь, чтобы навестить своего друга и удачливого соперника, поэта, публициста и революционного деятеля Михаила Михайлова (1829–1865), находившегося на каторге в Нерчинске. Результатом поездки стал цикл очерков «Сибирь по большой дороге», опубликованный в журнале «Русское слово». Очерки III не описывают точной хронологии путешествия, но, впрочем, указывается, что из Перми на Тюмень он ехал в начале июня. Маршрут путешествия следовал обычной для эпохи схеме: Тверь. Путешествие по Волге до Нижнего и Казани. Казань. Плавание до Перми. Путешествие по ужасной почтовой дороге из Перми в Екатеринбург. Екатеринбург. Климатическая характеристика Сибири. (1863. № 1. Январь. Отд. I. Гл. I–VI. С. 1–48). Экономическая характеристика Сибири. Сибирская граница и тракт на границе Тобольской губернии. Тюмень. Плавание на пароходе по Туре и Тоболу. Тобольск. Плавание по Иртышу и Оби. Обь между Сургутом и Нарымом. (№ 2. Февраль. Отд. I. Гл. VII–XII. С. 1–26); Прибытие в Томск. Красноярск. Иркутск. Нерчинский округ (1863. № 3. Март. Отд. I. Окончание. Гл. XIII–XIX. С. 1–62). Ниже приводится полный текст глав, посвященных сибирской границе и городу Тюмени.

**VIII. Зачатки пролетариата. Экономическая неразвитость.
Кто поможет**

Географические границы Сибири не совпадают с границами административными. На перевале Уральского хребта, в 17 верстах от Билимбаевского завода, стоит мраморный столб; по одну сторону его написано «Европа», по другую «Азия». Это-то и есть настоящая географическая граница; административная же начинается триста верст дальше, не доезжая семидесяти верст до Тюмени.

Для человека, едущего по вспаханному полю, которое за неимением лучших сообщений служит почтовым трактом, справки о качестве дороги впереди составляют единственный важный вопрос. На все спросы получается один ответ: «Здесь дорога худа, а дальше будет еще хуже; в сравнении с дорогой сибирской все это еще ничего; три станции перед

Тюменью придется ехать мостами». И точно, последние три станции вместо куч песка, поросших от времени травой, представлялись сплошной грязью; по сторонам дороги глядела болотная вода да кочки, да беспорядочные болотные насаждения; а дорога, проложенная по топкому месту, была выстлана поперек бревнами. Дороги такого свойства очень обыкновенны в России; они есть даже и под гордящимся европейской цивилизацией Петербургом. Ну а уж Сибири как не иметь вместо шоссе гать. Но такие благоразумные рассуждения, особенно если они делаются в пути, требуют от человека слишком большого благоразумия, а еще больше бесчувственности. Если же вас трясет до того, что вся кровь бьет в голову и делается шум в ушах, когда у вас разбивает грудь до того, что вы боитесь дышать, когда станцию в тридцать верст вы едете 7–8 часов, а то и более, когда ваш экипаж засядет в грязь, как раз в самом селении подле вновь строящегося моста, или хлопнется в выбоину, и передняя ось, не выдержав всей тяжести экипажа и силы удара, лопнет, а вы останетесь среди лесного болота, вдали от всякого селения и кузницы, — в подобных случаях едва ли даже возможно воздержаться от негодования и молча переносить свою беду. Разумеется, браниться не ведет ни к чему. Да и кого бранить? Ямщика? Ямщик и сам недоволен дорогой, и пожалуй, больше проезжающего. Станционный смотритель тоже бранит дорогу. Обозные ямщики и купцы, отправляющие товары, тоже. Покупщики этих товаров понимают, что дорогой провоз падает на них. Местное начальство не признает дороги хорошею. Почтмейстер знает, что почта идет медленнее, чем следует по положению. Дурное состояние дорог известно даже высшим губернским властям. Одним словом — все говорят, что дорога худа; но дорога от этого не становится лучше. В чем же причина такого странного явления? Привычка, и больше ничего. Привыкли к дурной дороге, и никому в действительности не нужна другая, хорошая. Это совершенно так же, как низкий уровень потребностей в быту рабочего сословия. Рабочий вырос во всем дурном и свыкся с ним. Он знает, что спать на постели и под одеялом удобнее и приятнее, чем на голых досках с клопами и тараканами; он знает, что мясо вкуснее хлеба и чай приятнее квасу. Да мало ли что он знает, и все-таки спит с клопами и тараканами, пьет квас вместо чая, живет в избе холодной, где дует и с полу, и из окон, и колотит свою жену, когда ему захочется. Рабочий вырос в таких привычках и обычаях, и, находя их дурными и неудобными, он все-таки не обращается к другим. Бедность, скажут филантропы. Да, бедность. Бедность материальная и умственная; крепость нервов, привыкших к грубым впечатлениям, и отсутствие действительной потребности стать выше того уровня, в котором человек поставлен и сам себя держит добровольно.

В Тюмени, первом сибирском городе, дорога не лучше. Город стоит на черноземной почве, и в весеннюю грязь и после дождей улицы раз-

бываются в нем колесами еще хуже, чем почтовая дорога. Жители сделали было опыт улучшения улиц и один из подъемов выложили досками; но отношение этой благоустроенной дороги к длине остальных улиц такое же, как двух торцовых заплаток Казани к остальным улицам города. Опыт этот продолжаться, разумеется, не будет; выкладывать весь город досками слишком дорого, а к дурной улице привыкнуть еще можно; вот почему тюменцы останутся при своих черноземных полях.

А между тем Тюмень самый богатый и промышленный город Сибири. В Тюмень доставляются на пароходах китайские товары и оттуда идут гужом на Пермь; точно так же и русские товары останавливаются здесь для загрузки их на пароходы. Но это обстоятельство еще не имело бы особого влияния на оживление и богатство города; и Пермь служит грузовым и складочным местом, а город все-таки мертвый. Причина особенной оживленности Тюмени — в ее промыслах и ремеслах. Жители Тюмени занимаются кожевным производством, шьют бродни (особенный род сапогов с высокими, мягкими, нечерными голенищами для золотых промыслов), сапоги, рукавицы, варят мыло, ткут ковры и занимаются извозом. Кожевное производство и приготовление из него изделий занимают первое место. Но как велик размер производства? Сколько человек заняты им? Вот вопросы, которые порешить на месте было не совсем легко. К кому обратиться для сведений? Расспрашивать купцов? Но они имеют привычку не говорить правду, уменьшать размеры своей торговли, умалчивать о выгодах. Расспрашивать отдельно рабочих — египетская работа, и тоже не узнаешь правды. Основываться на официальных данных — но и они совершенно произвольны. Вот обыкновенные трудности, встречаемые нашими статистиками, если они захотят добиться правды на месте, а не основываться на произвольной цифре первого встречного. Вот, однако, сведения, собранные мной в Тюмени.

В Тюмени шьется до 70000 пар бродней. Товар и дратву дают подрядчики купцы и платят за пару 40 к. ассигнациями. Сапожник может сработать в день три пары. Кожа на бродни, худая, стоит 75 к., хорошая — 90 к. сер., а пара бродней продается за 1 р., до 1 р. 15 к., так что барыша хозяину-сапожнику приходится от 2 до 15 к. серебром. В производстве существует полная система разделения труда. Купец (капиталист) дает товар хозяину-сапожнику; тот кроит и отдает рабочим к шитью. Случается, что работают в мастерских, а еще чаще работа отдается мастерам на дом. Шитьем занимаются мужчины, женщины и даже дети. В отдаленных и бедных частях города очень обыкновенная вещь увидеть на улице 10–12-летних девочек, занятых тачаньем рукавиц. Такая маленькая работница шьет нисколько не хуже взрослого. Сапоги им не под силу, особенно подшивка подошвы; но они тачают

голенища и рукавицы, приготовляемые из мягкой кожи. Такая девочка шивает до 10 и даже 15 пар рукавиц в день и получает собственно за первоначальную тачку до $1\frac{1}{2}$ коп. за пару. Работа девочки ограничивается стачиванием главных частей. Работает она в день часов 10–12. За сотню рукавиц на манер мурашкинских платят купцы 4 р. сер., а за рукавицы попроще 9 р. асс. за сотню. Эти 9 руб., или 9 к. за пару, распределяются так: кройщик берет себе 5 к. за выкройку, выправку и чеканку готовой рукавицы (чекан — тисненый рисунок), а 4 к. асс. отдаются за полное шитье всей рукавицы. Купцы продают такие рукавицы от 26 рублей до 31 р. 50 к. за сотню и выручают барыша от 5–7 и более р. с сотни. Всех рукавиц приготовляется более 300000 пар. Эти 5–7 рублей, или барыш купца, могли бы, разумеется, достаться рабочим, но для этого нужно, чтобы рабочие составили артель. Что же мешает рабочим собираться в артель и входить в непосредственные сношения с купцами-скупщиками! Если артельность такое присущее качество русского человека, как уверяют многие русские писатели, то отчего же мы не находим нигде артелей, кроме плотников? Отчего тюменскому сапожнику или рукавичнику и тюменской бабе, ткущей ковры, никогда и в голову не приходила мысль ни о какой артельности? Где эта артельность, когда на каждом шагу в крестьянском быту видишь постоянную эксплуатацию бедного богатым? Когда в каждой деревне есть свой богатырь, дающий за жидовские проценты своим односельцам и деньги, и хлеб на посевы? Когда во всех промыслах, производимых вне торговых центров и мест, как, например, землекопные

Александр Сохачевский. Путь на каторгу. 1897
Музей Варшавской Цитадели

работы и золотые промыслы, обыкновенно удаленные от жилья, существует система выдачи рабочим натурой всего, что им нужно? Рабочий может получить из хозяйской лавки чай, сахар, сапоги, кафтан, платок, одним словом — все, что относится до крестьянского быта, и выплачивает ему за все с лихвой своею работою. Такая благородная система создалась исключительно для помощи рабочему. Где же ему, бедному, купить чай или сапоги, когда ближайшая лавка лежит за сто верст. Вот услужливый хозяин и устроил для него лавку. И филантропично, и выгодно, т.е. для хозяина. В Англии подобная система решительно запрещена законом, потому что ею возмущалась вся страна. Но наши купцы-подрядчики возражают весьма справедливо, что рабочий заплатит лучше дорого, чем решится отказаться от того, что ему нужно. И это справедливо, тем более что долг делается легко и растет незаметно; ну а если рабочему и будет трудненько его отработать, чем же виноват в этом хозяин, — не силой же он навязывал свой выгодный товар. Вот и основание, по которому сапожник получит за работу ста пар рукавиц 4 р. 15 к. сер., а купец, давший ему работу, получит барыша 6 руб. сер., и только за то, что он дал рукавишнику работу. В том и другом случае купец получает за услугу рабочему выгоду, вовсе не соразмерную со степенью услуги. Но что же мешает рабочему оказать самому себе эту услугу? Зачем он нейдет в артель? А нейдет он только потому, что самая мысль артельности еще чужда ему; что артельность вовсе не составляет непрременной принадлежности русского рабочего и встречается в виде исключения только между плотниками, между рабочими петербургской биржи, между татарской трактирной прислугой да в уральских рыболовных ватагах. При всей своей печальной экономической зависимости рабочий не идет дальше простого понимания, что ему худо; он не дорос еще до обсуждения средств выйти из этого положения. Еще заметнее экономическая неразвитость и промышленный застой тюменцев в их ковровом производстве. Тюмень с окрестными деревнями продает в год до 20000 ковров. Петербургские жители могут видеть эти ковры в шорных лавках у Казанского собора. Ковер, продаваемый в Петербурге за 7 рублей, стоит в Тюмени 3 рубля. По достоинству рисунка и ткани ковры эти так низки, что их берут в Петербурге на попоны и для подстилки в сани. Но и нет никакой надежды, чтобы женщины, занимающиеся тканьем, довели свое производство до такого совершенства, чтобы ковры их стали выше попоны. Как производилось тканье сто лет назад, так точно производится оно и нынче; только размер производства увеличился благодаря увеличению потребности. Тюменские ковры двух сортов: одни — половики, безобразного рисунка и самого странного соединения цветов, ткуются совершенно прямой холщовой тканью; другие — бархатные — готовятся действительно особенным замечательным способом. Заво-

дится основа и затем нарезывается шерсть кусочками в полвершка длиной. Этими кусочками и делается бархат. Ткут ковер таким образом. Делают утком закройку ковра в полвершка, менее или более, потом нарезанные кусочки навязывают на основу непрерывным рядом по направлению утка; навязав, пропускают уток, приколачивают его бедром и выравнивают в линию узелки, потом завязывают другой ряд, пропускают уток и приколачивают. Затем третий ряд узелков, снова уток и т.д. Узелки навязывают так, что каждый из них торчит на лицевой стороне ковра обоими своими концами. Довольно длинные концы узелков сравнительно с коврами разрезного бархата придают тюменским коврам особенную мягкость и толстоту, которою не отличаются ковры разрезного бархата фабричной работы; но зато тюменские ковры берут вдвое больше шерсти и представляют с изнанки шерстяную поверхность, чего нет у ковров машинного ткачества. Несмотря на это неэкономическое употребление материала и на огромный труд, они продаются чрезвычайно дешево. Ковер в три аршина длины и два аршина ширины продается в городе за 3 рубля. В бархатном ковре такого размера делается 400000 завязок или кончиков, т.е. за одну копейку делается 350 узелков. Шерсть с окраской стоит 2 р., и рубль приходится за работу. Ковер ткется вдвоем в $3\frac{1}{2}$ дня, следовательно, чистого заработка в день на двух — один рубль ассигнациями; понятно, что существовать исключительно этим промыслом нельзя; он может быть подспорьем другим занятиям или же в состоянии дать средство для существования только при огромном размере производства на фабричный лад. Но тогда новая беда, которую теперь не испытывают работницы у себя на дому. Кажется, что может быть проще усовершенствования производства; стоит изменить ткань, а это даст экономию ровно наполовину в материале, т.е. из двух рублей сбережет один рубль; затем ткать по рисункам более изящным, и улучшенные тюменские ковры найдут себе обширный сбыт. Все это, разумеется, просто, и все-таки невозможно для тюменцев. Завести механические станки не по силам ткачихам; да если бы было под силу, кто будет чинить их в случае порчи. Можно бы завести станы с челноком-самолетом; но и это не приходит никому в голову. Можно бы и изменить ткань; но кто научит этому? Можно бы и сочинять весьма разнообразные и красивые рисунки; но кто станет их сочинять? И остаются тюменские ковры все прежними тюменскими коврами, годными на попоны да на подстилку в сани. Чтобы производство это вышло из своего азиатского застоя, нужно, чтобы между производителями явилась одна светлая голова и дала производству новый толчок. Но такой головы еще не было и нет между ткачихами, да едва ли и можно ожидать скоро ей появления. Вот где бы нужно было явиться на помощь Вольному экономическому обществу или Московскому обществу сельского хозяйства. Обще-

ства эти владеют большими капиталами, завели у себя и фермы, и библиотеки; члены собираются и в обыкновенные, и в экстренные, и в чрезвычайные собрания; рассуждают и спорят о разных вопросах; тратят ежегодно большие суммы на разные, по их мнению, полезные предприятия; но в чем польза их? на сколько двинулось наше сельское хозяйство и промышленность от чтения годовых отчетов, и чему научило это общество Россию? А между тем польза от этих обществ могла бы быть большая, хотя бы даже для Тюмени. Стоило бы ввести два, три станка простого, но лучшего устройства, чем существующие в Тюмени; научить десять баб разным ковровым тканям; завести школу рисования, и тюменские ковры, пожалуй, не уступили бы берлинским. И всю эту революцию в местном производстве можно сделать в год, два, а в три года иметь своих рисовальщиц и тысячи ковровых узоров. Лучше бы всего, если бы наши сельскохозяйственные общества взяли на себя поощрение и развитие подобных крестьянских производств, а также устройство их на артельном начале, чтобы нам избежать несчастия иметь свой собственный фабричный и рабочий пролетариат, от которого уже слишком тяжело приходится Западной Европе. Артель, окрепнув, существовала бы потом уже и без содействия общества. С тюменскими броднями и рукавицами могло бы быть то же самое. За что рабочий получает от 100 пар рукавиц 1 р. 15 к., а купец имеет выгоды от той же сотни пар 6 рублей? Купец ответит, что он имеет такую выгоду потому, что владеет капиталами; значит, вина рабочего в том, что у него нет денег? Очевидно, что если бы общество московское или вольно-экономическое снабжало рабочего материалами и устроило склады для продажи изделий в тех местах, где делаются ими закупы для промыслов, то рабочий получал бы не 1 р. 15 к., а, может быть, 3 р. 15 к. И в этом деле обществу достаточно было ограничить свое содействие только тем временем, пока артель рукавичников и сапожников не окрепнет и не устроит сама всех сношений с потребителями. Мысли эти весьма просты и легко осуществимы; но вопрос в том, способны ли наши экономические общества на подобное дело? В состоянии ли они перестать заниматься разговорами и перейти от сельскохозяйственных умозрений и теорий к действительной практике? Если же нашим сельским и городским промышленникам не помочь, они сами не встанут на ноги, потому что у них нет для этого ни знаний, ни денег; будут они биться, как бьются нынче, пока не подвернется предприимчивый и денежный человек и, устроив фабрики и мастерские, не забрет их всех к себе в рабочие. И теперь мастерам худо, потому что они в руках хозяев-купцов, но, по крайней мере, они работают дома. Тогда же они превратятся в фабричных рабочих, а это зло будет уже настоящим фабричным пролетариатом — с бедностью, невежеством и развратом.

Несмотря на свое выгодное промышленное положение, Тюмень поражает огромным числом нищих. Здесь нищенство весьма беззастенчиво и для многих существует, вероятно, как промысел. Есть нищие, особенно из детей, одетые в чистые ситцевые рубашки, здорового, свежего вида, просящие милостыню как заученный урок. Есть нищие взрослые, менее опрятного вида, которые начинают ругаться, когда вместо милостыни предлагают им работу. Но есть и нищета действительная. Эта нищета живет в полуразвалившихся лачужках и, лишенная средств существования, не может жить иначе как христоподрабничеством. В Тюмени есть несколько улиц, где живет нищета действительная и разврат, вызванный нищетой. Есть жалкие лачуги, где старая бессильная мать живет развратом дочери, для которой этот промысел служит подспорьем, когда нет поденной работы. В Тюмени, как в промышленном городе, живут зародыши всего, что в английских фабричных городах развилось до таких страшных размеров. Предоставленная сама себе, наша промышленность по своим печальным результатам не отстанет от того, что представляет Западная Европа. Говоря об Англии, мы ставим в укор англичанам, что у них в первой по богатству и размеру столице умирают люди с голоду, самодовольно думая, что при нашем земельном богатстве у нас живет только изобилие. К сожалению, статистика говорит другое. Например, в Казанской губернии из 34 самоубийств, бывших в 1856 году, 3 сделаны от бедности и из 19 случаев в 1857 году 1 из бедности. Переводя на проценты, выходит, что в первом случае 9, а во втором 5% общего числа самоубийств были вызваны бедностью. Разумеется, самоубийство — не голодная смерть, но предупреждение ее. Цифры эти извлечены нами из статистики Казанской губернии Лаптева. Разумеется, Казанская губерния не составляет губернии исключительной для случаев самоубийств; кроме того, она не из числа особенно бедных губерний, следовательно, очевидно, что случаи самоубийств от бедности должны повторяться и в других губерниях. В каком размере — неизвестно; но они есть и в других местах России. Тюмень не дает ответа на этот вопрос, потому что статистика Тобольской губернии еще не появилась; если же составитель ее обратит внимание на экономический быт народонаселения, то, разумеется, мы узнаем о благословенном уголке Сибири такие вещи, что пристыдим и Манчестер, и Лондон.

IX. Тюменские постоялые дворы. Хлеб — глина. Сибирская малоземельность

Тюмень исключительно город промышленный и торговый; в нем живут купцы, самые значительные в Сибири; в Тюмени есть ремесленники, мастеровые, извозчики и чернорабочие; но общественной жизни, несмотря на 15 т. населения, в городе нет; причина простая: характер общественной жизни определяется потребностями большинства; боль-

Артур Гротгер. *Путь в Сибирь*. 1866
Музей Войска Польского. Варшава

шинство же населения Тюмени имеет и потребности, и средства самые ограниченные; оно не волнуется общесственными вопросами, не ищет утонченных наслаждений и удовлетворяется весьма немногим. Поэтому Тюмень в характере внутренней жизни похожа на город азиатский или турецкий, с той разницей, что турецкие кофейни заме-

нены русскими кабаками. Тюменские богачи или тамошняя аристократия не имеют, разумеется, никакого влияния на общий характер жизни города, потому что живут своим замкнутым небольшим кружком.

Вследствие того, что уровень потребностей большинства весьма ограничен, прихотливый, даже, пожалуй, и неприхотливый путешественник не останется доволен городом. Гостиниц в нем нет, а есть постоянные дворы, не особенно щеголяющие даже чистотой. В почтовой гостинице, содержимой от вольной почты и куда вас привезет непременно ямщик, если вы не знаете, куда ехать, устройство номеров напоминает конюшню большого размера; а клопов в каждом стуле и диване, набитых вместо волоса кирпичами, такое обилие, что если собрать всех клопов Москвы и Петербурга, то уж разумеется в гостинице окажется их больше. Гостиницу эту можно бы целиком, как она есть, с диванами, клопами, с ее удивительными чайными приборами и со сторожем при номерах отправить на лондонскую выставку. В Европе, разумеется, не видели таких диковинок; и почт-содержателю дадут Большую золотую медаль.

Тюменские постоянные дворы рассчитаны на людей неприхотливых и не привыкших к удобствам. В них есть и мебель, есть и кровати; но на мебели сидеть мученье, а на кроватях спать невозможно — голые доски с клопами. С человека за помещение и еду берется рубль в сутки. За этот рубль путешественник получает два раза в день самовар, к нему сливки, хлеб и затем обед и ужин. В достоверности самовара и сливок сомневаться нельзя, всякий признает их самоваром и сливками. Не то с хлебом. Хотя тюменцы и выдают свои булки и сухари за

хлеб, но это происходит часто по неведению. Вопрос этот разъяснен вполне Льюисом. Он говорит, что к числу стран, где питаются люди глиной, относятся Сиам, Сибирь и Камчатка, и ссылается на свидетельство Бурдаха. Свидетельство это может быть подкреплено показанием всех лиц, посещавших Сибирь и бывавших также в странах, знакомых с употреблением хлеба. То, что в Тюмени зовется хлебом, представляет вещество желтовато-серого цвета, весьма плотное, уксусно-кислого вкуса; мягкое, но лишенное упругости и чрезвычайно тяжелое. Сколько можно судить об этом веществе наглядно, не подвергая его химическому разложению, это должно быть или уксуснокислая, или сернокислая глина. Последнее вероятнее, хотя химикам и минералогам подобное соединение неизвестно. Начиная от Тюмени в весь путь до Нерчинского завода путешественник уже не встречает белого хлеба; народ приготовляет везде из пшеницы сернокислую глину. Только в губернских городах — Тобольске, Томске, Красноярске и Иркутске — можно иметь за баснословную цену так называемый белый хлеб. Неприхотливость людей в этом случае действительно замечательна. В Сибири мельниц мало; на широких реках устраивать их не умеют; в Восточной Сибири люди не знают, что такое ветряная мельница, и крестьяне мелют муку или на мельницах конных, или водяных. Приготовление крупчатки народ не хочет знать, находя ее невыгодной; а потому смолотая и непросеянная мука идет прямо на приготовление хлеба, который печется где на дрожжах, а большею частью на закваске. Сибирский пшеничный хлеб имеет вкус чрезвычайно неприятный, и для человека, выросшего на хлебе европейском, кажется веществом совершенно несъедобным, которым можно питаться только в крайности.

Обеды и ужины постоялых дворов имеют тоже нечто общее с пшеничным хлебом. Прежде всего дается холодное — язык или студень; потом суп; жаркое с огурцами или с кочанной кислой капустой; блинцы или каша и, наконец, стакан молока. И это каждый день. При европейском способе приготовления все это может быть очень хорошо; но как в Сибири вообще не процветают никакие знания и искусства, то и тюменские обеды нравятся только первые два дня после дороги, где путешественник не находит ничего, кроме яиц, молока и глины. С третьего дня обед начинает претить. Еда постоялых дворов была бы лучше, если бы она была в чисто русском вкусе, если бы на ней не отразилось западное влияние. Теперь же тюменские постоялые дворы находятся в первом периоде перехода к гостиницам — и вышли они ни гостиницы, ни постоялые дворы. Эта-то переходность и убийственна. Но другими им и быть нельзя. Гостиница выражает потребности тех лиц, для которых она устроена; она стоит в уровень с тем слоем общества, для которого существует. Поэтому тюменский постоялый двор был бы

невозможен в Лондоне, Париже, Берлине; и немецкая гостиница с ее чистотой, кельнерами и т.д. невозможна в Тюмени. Поэтому же в каждом маленьком заграничном городе есть кофейные и пивные, где люди собираются поговорить о делах; есть газеты и журналы; есть книжные лавки; есть все, что нужно для умственной жизни. А в Тюмени нет ничего этого, потому что оно не нужно никому. Не говоря про Тюмень, даже в Казани, в этом университетском городе, существует одна книжная лавка, в которой нет ничего, кроме книжного хлама в старинных кожаных переплетах.

С Тюмени начинаешь чувствовать, что вступаешь в совершенно новый мир. Женская одежда уже не напоминает русского сарафана; пожилые женщины и вдовы ходят в каких-то особенных сапогах, какие нашивались в России лет сорок назад; перчатки — шерстяные или бумажные, вязаные — составляют принадлежность костюма мещанок; все напоминает старину и старообрядство; даже дома отличаются массивностью и наводят уныние темно-коричневым цветом своих стен, некрашенных, не обитых тесом и пожелтевших от сурового климата.

С Тюмени же кончаются все удобства пути, и во всю нестерпимо долгую сибирскую дорогу не встретишь нигде ни газет, ни журналов, как будто бы весь мир вымер и осталась одна Сибирь. И чувствуешь, что живешь где-то в новом свете. Здесь как будто видишь совсем новую страну, только что явившуюся после геологического переворота и с только что созданным человеком. Человек этот начинает строиться и улаживать свой гражданский и общественный быт. Он еще не знает, что там, за тысячу верст, от него живут уже люди; что люди эти могут помочь ему; что у них есть знания, культура. Оторванный от остального человечества, он составляет особняки и старается доходить своим умом до всего, что уже давно известно его далеким соседям. Эта-то изолированность Сибири чувствуется на каждом шагу, когда приходишь в соприкосновение с народом: она-то сообщает всей сибирской жизни характер пустыни; каждое селение, каждый даже город — это починок, лежащий одиноко в степи. Людям неизвестны еще ни грамота, ни книгопечатание, ни искусства; они только что перешли из периода скотоводства к ближайшему экономическому быту — земледельческому, и тут, разделенные огромными расстояниями, живут замкнутой одиночной жизнью, не интересуясь не только тем, что делается там в далекой Европе, но и тем, что происходит в соседней деревне.

Главная причина всего этого, разумеется, в растянутости страны; растянутость, которая даже при самом высоком развитии гражданского и экономического быта Сибири будет давать себя чувствовать. Основываясь на огульной цифре пространства Сибири, многие приходят в воинственный восторг; в них является безотчетное благоговение к этому великому пространству; они чувствуют за ним силу, вовсе

не подозревая, что в этом-то пространстве и заключается слабость Сибири. В Сибири считается 260000 кв. миль; она больше Англии в 45 раз и в 27 раз больше Франции, между тем население Сибири в 312 раз реже, чем население Англии, и в 234 раза реже населения Франции; ясно, что все сношения сибиряков между собой настолько же затруднены, насколько отдельные лица и населения Сибири стоят реже лиц и населений Англии и Франции. То, что для англичанина верста, то для сибиряка 45 верст. Может ли подобный размер отношений быть выгоден в общественных делах края? Там, где у англичан работает на данном пространстве 312 сил, а во Франции 234 силы, в Сибири работает одна: что же тут хорошего? Чем же тут гордиться и каким образом предполагать силу, когда ее нет?

И в сравнении с Россией Сибирь оказывается не только слабее в качественном отношении, но и в своих земельных производительных силах. Площадь России считается в 93000 кв. миль, а площадь Сибири в 260000; но из этого не следует, чтобы в земледельческом отношении Сибирь была больше. Не считая 90000000 десятин ни к чему не годной полосы, прилегающей к Ледовитому морю, в каждой губернии Сибири считается не более пятой части земли, годной для хлебопашества. В Тобольской губернии считается 27000 кв. миль общего пространства, а земля, удобная для хлебопашества, занимает около 20 миллионов десятин, а неудобная — более 100 миллионов. В Томской губернии отношение это несколько выше. Точных сведений по этому вопросу в Сибири, разумеется, нет. Но зная, что выше 57° климат не благоприятствует урожаям, что в Кониском⁹ округе выше 56° начинаются уже болота, сливающиеся с тундрами при Ледовитом море; что к правому берегу Иртыша прилегает бесплодная Кулундинская степь, то можно площадь земли, годной для культуры, принять даже менее одной трети. В Енисейской губернии только Кониский и Минусинский округа имеют прекрасные почвы для земледелия. В восточной части Минусинского округа много гористых пространств, в Красноярском — пески, а Енисейский округ только в южных своих частях принадлежит к земледельческой полосе. Следовательно, и в этой губернии удобная для земледелия площадь составляет менее одной пятой. В Иркутской же губернии и в Забайкалье отношение еще меньше, особенно в Забайкалье, и преимущественно в Нерчинском округе; Нерчинский округ, несмотря на свою громкую известность, один из беднейших округов Сибири. Причиной — слишком возвышенное его положение и влияние сухих ветров; наконец, открытые места гор, занимающих наибольшее пространство, совершенно не способны для земледелия. Из семи лет только один год считается урожайным в Нер-

⁹ Так в тексте. Весьма вероятно, что Ш. смешивает Каинский округ Томской губернии и Канский округ Енисейской губернии.

чинском округе. Таким образом, принимая только в одну пятую полосу земли, способной для культуры, окажется, что в Сибири земли, годной для земледельческого населения, всего 52000 кв. миль, или несколько более половины всего пространства Европейской России. Вывод этот для любителей больших пространств не должен быть утешителен; но что же делать, если цифры приводят к такому печальному заключению?

4.

1862, август. *Кропоткин П.А. Дневники*. Тетрадь № 1. От Петербурга через Москву и Калугу до Иркутска // Дневники разных лет. Москва, 1992. С. 51–52.

Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921). В июне 1862 г. закончивший с отличием Пажеский корпус молодой офицер, будущий географ и деятель революционного движения, отправился в Восточную Сибирь для прохождения военной службы в Амурском казачьем войске. К. вел дорожный дневник, а также готовил корреспонденции для газеты «Современная летопись» (приложение к «Московским ведомостям»¹⁰. Хронология и маршрут путешествия К.: Санкт-Петербург (24 июня) — Москва (26 июня) — на почтовых лошадях в Нижний Новгород (24 июля) — путешествие на пароходе по Волге и Каме до Перми (30 июля — 7 августа) — на лошадях по тракту из Перми через Екатеринбург в Тюмень (9–13 августа) — продолжение путешествия на почтовом тарантасе из Тюмени (14 августа) через Омск (19 августа), Томск (26 августа), Красноярск (30 августа) — прибытие в Иркутск (5 сентября).

Тобольская губ<ерния>, ст<аниця> Тугульминская. Воскресенье, 12 августа.

Въезд в Тобольскую губ<ернию> останется мне памятным. Дорога с последней станции отвратительная, кругом лес весь в болоте, и через болото проведена отвратительная дорога: гать насыпана невысоко, навален крупный зернистый песок, а в топких местах сделана гать из бревен; я вспомнил, что это обыкновенно сравнивают с фортепианными клавишами; пожалуй, но, чтоб иметь об этом понятие, нужно провести пальцем по черным клавишам. Лес, сначала мелкий, становится выше и гуще, — тут приволье для волков и зайцев, которых много; другого зверья не имеется.

¹⁰ Восходящая к приведенным здесь дневниковым записям корреспонденция К. из Тюмени от 13 августа 1862 г. опубликована в № 36 «Современной летописи» за 1862 г. на с. 30–31, републикована в цитируемом издании дневников К. 1992 г. на с. 272–275.

И вот по этой-то дороге, где лошади вязнут в жидкой грязи, а колесо уходит по ступицу, совершил я свой въезд в Тобольскую губернию. Небо точно сжалилось над нами и перестало осыпаться нас мелким петербург-

Артур Гротгер. Путь в Сибирь. 1867

Музей Войска Польского. Варшава

ским дождем, которым осыпало вот уже три дня. Это дало мне возможность опустить верх тарантаса, а то при тряской дороге голова и ... страдают невыносимо; впрочем, они никогда не страдают вместе зараз, — их выгоды прямо противоположны: устроишь сиденье помягче, — голова при всяком толчке бьется об верх; вынешь из-под себя лишнее, что бывает большей частью, — ... страдает невыносимо, она у меня и теперь сильно болит. Впрочем, Петров умеет согласить невыгоды и той и другой — устроит иногда высокое и жесткое сиденье, из усердия подложит сена под тарантас. Как он был сегодня смешон с своим храбрющимся испугом, когда я под его ухом выстрелил и начал будить криком: «Петров, режут, разбойники, воры!».

* * *

С въездом в Тобольскую губернию и с приближением к ней вот что заметно: на почтовых станциях вы можете уже найти и скромный обед. Петров говорит, что у дворника, где он обедал, его спросили: «Чего хотите, скоромного или постного?» — и за 10 копеек накормили щами, лапшой, кашей, капустой с огурцами и еще чем-то. Появляются раскольники «двоедолы», как назвал ямщик, не поясняя, в чем дело.

* * *

Оригинальные в Камышловском и Екатеринбургском уездах церкви, что-то оригинальное и безобразное: род мавританского купола, хоть самого маленького, поверх избы с мавританскими окнами, рядом колокольня с таким же деревянным безобразным, кривым куполом.

Тюмень. Понедельник, 13 августа.

Вот и первый сибирский город. Я остановился в нижней Тюмени; все деревянные дома, широкие и грязные до невероятия улицы. Такие же точно улицы и в нагорной Тюмени. Чтобы что-нибудь поразведать,

я отправился в конторы разных пароходств. В одной меня усадили, попросили чаю напиться, сигарку выкурить и разболтались насчет увеличения пароходства etc. Особенно интересного мало, — я писал, впрочем, об Тюмени в «Р<усском> в<естнике>»¹¹. Она — город очень незамечательный по наружности, как и все сибирские города до сих пор. Но в мешанских плохоньких домиках живут очень порядочно, зажиточно, читают... и читают довольно много.

Вторник, 14 августа.

Переночевавши в Тюмени, я отправился сейчас же. До Тюмени и после нее такие безотрадные окрестности. Болота, сплошь поросшие мелким березняком. Местами этот березняк вымок и засох, — это делает местность еще безотраднее. Однообразие изредка прерывается болотистыми озерами, в которых полощатся утки, и они так, видно, не напуганы человеком, что подпускают к себе на близкий пистолетный выстрел, а иные не улетают даже после выстрела. По бокам дороги такие топи, что стоит только ступить на них, чтоб не выпутаться, — так и всосет. По ним растет высокая густая трава — задатки все для будущего торфа...

5.

1862, август. *Турбин, С.И. Страна изгнания и исчезнувшие люди.* Сибирские очерки. Санкт-Петербург, 1872. С. 30–46.

Сергей Иванович Турбин (1821–1884). Выпускник Николаевской военной академии, офицер Генерального штаба, много путешествовавший по служебным надобностям и собственной инициативе. Со второй половины 1850-х гг. становится профессиональным литератором. Записки Т. о путешествии начала 1860-х гг. по Западной Сибири были опубликованы в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1863–1865 гг. «От Осы до Тюмени и Омска» (Санкт-Петербургские ведомости. 1863. №№ 256, 258, 269–270), «От Омска до Томска» (Санкт-Петербургские ведомости. 1864. №№ 21, 29). В 1872 г. очерки Т. были переизданы в виде отдельной книги. Точная хронология сибирского путешествия Т. не совсем ясна, а маршрут был следующим. Путешествие началось 22 августа 1862 г. в г. Осе, куда Т. прибыл на пароходе из Нижнего Новгорода. Из Осы Т. на вольных извозчиках поехал в Екатеринбург, после по тракту в Тюмень и Омск, через Барабу в Томск, оттуда в Красноярск и Иркутск, где провел зиму 1862–1863 г.

Слегка волнистая местность за Екатеринбургом скоро оканчивается, и начинается совершенная равнина. Береза, которой много и на ев-

¹¹ См. Кропоткин П.А. Корреспонденции из Восточной Сибири. На пути в Восточную Сибирь. 13 августа 1862 г., Тюмень // Дневники разных лет. Москва, 1992. С. 272–275.

ропейской стороне Урала, на азиатской делается совершенно преобладающим деревом. Камень попадаетея реже, добывать его труднее, и потому по Камышловскому уезду дорога почти нелаженная.

Через город Камышлов я проехал ночью, но в нем едва ли можно увидеть что-нибудь и днем. Сколько мне показалось, деревни в Камышловском уезде (по крайней мере, по дороге) беднее и хуже построены, чем в Осинском, Красноуфимском и Екатеринбургском. Я не говорю, чтобы в Камышловском уезде не попадались дома больше и построенные с разными затеями русской деревенской архитектуры: такие дома есть почти в каждой деревне, но их гораздо меньше.

С границей Пермской губернии оканчивается лаженная, т.е. усыпанная щебнем, дорога, и начинаются страшные деревянные гати, которые тянутся, с небольшими промежутками, вплоть от станции до станции. Если можно назвать местность наводящею уныние, то это название вполне идет к началу Тобольской губернии. Болота, кочки, чахлый березняк направо и налево, вперед и назад — вот все, что встречают глаза странника, следующего в Сибирь из России.

Я слышал и вполне верю, что при вступлении арестантских партий в пределы Тобольской губернии, прощаясь с Россиею, плачут навзрыд не только женщины, даже иные мужчины. То же случается и с поселенцами, идущими по своей воле.

— Недавно тутока мордва пензенская проходила; вы ее обгоните, — говорил мне ямщик, — так бабье такой рев подняли — страсти. Наши ребята чуть не полопались со смеху...

<...>

Неприятное впечатление, производимое местностью, скоро начинает изглаживаться. Въезжая в село Тугулым, сейчас видно, что в Сибири не только жить можно, но даже хорошо жить.

Крестьянские дома в Тугулыме есть такие, что могли бы красоваться в ином губернском городе. Правда, дома эти, все без исключения, деревянные, но какие? Двухэтажных много, есть трехэтажные и один даже четырехэтажный. Сей последний, как я узнал, принадлежит бывшему волостному писарю, что и немудрено: Тугулымская волость официально именуется «образцовою».

Поездивши по Сибири, я понял причину, производящую разногласие в показании путешественников, из которых одни восхищаются местным крестьянским бытом, другие, напротив, рассказывают о страшной нужде, бедности и проч. и проч. Те и другие правы; но разница в том, что первые заходили в дома крестьян по званию, но помещиков, купцов или чиновников по ремеслу; другие осведомлялись в избушках полукрытых и даже вовсе не крытых (дом без крыши в Сибири повсеместно, не исключая даже таких городов, как Омск, не составляет редкости).

<...>

С Тугулыма начинается длинный ряд сибирских этапов; на тугулымском выставлен № 1-й.

Сибирские этапы не состоят в ведении корпуса внутренней стражи, и потому препровождение арестантов производится нижними чинами линейного № 1-го батальона по Тобольской и № 11-го по Томской губернии.

<...>

Уныло-грустная местность, предшествовавшая Тугулыму, за этим селом делается еще грустнее, что, быть может, мне показалось вследствие проливного дождя, обратившего болотистую равнину в озеро, а дорогу в канал грязи. Ровно 6 часов было употреблено на проезд 24-х верст, и это в легонькой бричке; обозы же просто бедствовали.

Село Успенское, иначе Кермаки, постройками едва ли уступит Тугулыму, только оно кажется меньше.

От Успенского к Тюмени начинают изредка попадаться поля, луга и березовые рощи; земля видимо лучше, а под городом встречаются заимки, т.е. подгородние хутора, или, лучше сказать, дачи, принадлежащие богатым и тороватым городским жителям.

Ряд каменных церквей с высокими колокольнями издали показывает, что приближаешься к городу, вдобавок к хорошему, и точно, Тюмень не только хороший, даже отличный уездный город, но какая в нем грязь по улицам, просто ужас! Мостовых нет и едва ли скоро будут: камня взять негде; скажут: возить, да откуда и во что это обойдется? При дешевизне леса остается возможным вымостить город деревом, и не иначе, как торцами, потому что мощенье улиц бревнами в лежку, т.е. пластинами, где мне доставалось видеть его, никуда не годится. В Тюмени этим способом вымощен спуск и подъем при переезде чрез глубокий овраг, пересекающий город, и от души жаль потраченного дерева.

Большая и лучшая часть города расположена на правом, нагорном берегу р. Туры. За рекою строений немного.

Яцек Мальчевский. На этапе (арестанты). 1883

Национальный музей Польши. Варшава

В Тюмени оканчивается сибирский водяной путь, начинающийся от Томска (по Томи, Оби, Иртышу, Тоболу и Туре) и Семипалатинска (по Иртышу). Прежде этот путь — с 80-верстным волоком между селом Маковским, острогом на р. Кети, притоке Оби, и городом Енисейском — шел по Енисею и Ангаре до Байкала.

Доставка до Тюмени и вывоз оттуда огромного количества клади имели следствием значительное развитие в Тюменском округе извозного промысла, называемого в Сибири повсеместно ямщиною. Ямщиком, по-сибирски, называется не только человек, лично отбывающий почтовую гоньбу, но и извозчик, перевозящий товары.

Подрядчики-крестьяне и купцы, принимающие на себя доставку клади, также называются ямщиками — с прибавлением слова хозяин.

Иногда, встретив отличный тарантас с тремя, как видится, седоками-купцами, спрашиваешь у ямщика, раскланявшегося с проезжими: кто это?

— Знакомые, такие-то ямщики, — отвечает он.

— Да это, должно быть, купцы?

— Купцы и есть, ямщиною занимаются.

Тюмень имеет свою специальность — ковры гладкие и мохнатые. Шерсть, ткань, окраска, иначе узор — не особенные, но эти ковры очень дешевы и потому их расходуется довольно много. Другое и даже главнейшее занятие тюменских жителей составляют выделка кож и шитье обуви. Но эти изделия в торговле слывут кунгурскими. Приготовляемую в Тюмени и Тюменском округе обувь снабжается вся Сибирь, в особенности много ее требуется на золотые прииски. Сибирская обувь состоит из трех главных видов: 1) обыкновенные сапоги из черной кожи, 2) бродни, тоже сапоги, но без ранта, с прошитыми голенищами, причем переда делают из черной, а голенища из белой кожи, и 3) чарки: это бродни без голенищ.

За рекою, под самым городом, виднеются десятки ветряных мельниц, на которых мелют ивовую и тальниковую кору, заменяющие в Сибири дубовую. По привычке, вынесенной из России, эту молодую кору называют дубом, несмотря на то, что дерева с этим названием во всей Сибири от Урала до Амура нет вовсе.

При мне из Тюмени выступила огромная арестантская партия. В ней были перемешаны все следующие в Сибирь без разбора, как в работы, так и на поселение, мужчины, женщины, дети — все шло вместе. Этот порядок продолжается до Тобольска, где уже партии делятся на кандалные, поселенские и женские.

Милостыня в городе раздавалась щедрая и обильная: подавали деньги, хлеб, булки, мясо, яйца, сушеную рыбу и чай, как кусками кирпичный, так и завернутый в бумажки байховский.

Подаванье милостыни чаем основано на том, что в Сибири чай давно уже сделался одною из первых потребностей. Сибирское семейство,

не пьющее чаю, представляет то же самое, что русское, не имеющее соли, т.е. последнюю степень нищеты.

Все съестное тут же складывалось на особые подводы, деньги поступали к старосте. Дележ между арестантами производится самым добросовестным образом. Предметы неудободелимые, как, например, многое из съестного, а также части одежды и обуви в партиях продаются с аукциона и остаются за тем из арестантов, кто даст больше, а вырученные деньги поступают в общую кассу. Все это производится с педантической точностью. Личная подача оставляется в пользу получившего, но это бывает редко и зависит от воли того, кто подал.

Партия следовала в таком порядке: впереди кандалные, т.е. закованные в кандалы. Это следующие на каторгу, или, как говорят в Сибири, в работы; за ними группами, по 6 человек в каждой, прикованные к цепи — это идущие на поселение в Восточную Сибирь, за ними на свободе, т.е. без всяких оков, посылаемые на жительство, все вообще женщины, люди, прежде принадлежавшие к привилегированным классам, и, наконец, семейства ссылаемых, т.е. мужья, следующие за женами, или жены — за мужьями. У семейных арестантов часто бывает помногу детей, и следование в общих партиях едва ли способствует развитию нравственности. В особенности страдают девочки. Я слышал от людей знающих и правдивых, что павший ребенок лет одиннадцати — вовсе не редкое явление в партиях.

Из Тюмени я хотел взять место на пароходе до Томска, но на мои вопросы: когда отходит пароход? — последовал ответ: неизвестно. — Сколько дней плавания? — Как случится. — Что будут стоить два места и провоз экипажа? — Сколько положат. Решение уравнения с тремя неизвестными для меня показалось затруднительным, и я решил продолжать свое странствие по-прежнему.

На пароходной пристани я имел случай убедиться, что выученное мною когда-то сведение о том, что на сибирских реках нет раков, оказывается положительным вздором, хотя прежде было истиною. Благодаря гастрономическим тенденциям некоторых личностей (кто говорит акцизно-откупного, а кто гражданско-административного ведомства) в настоящее время я видел раков во многих сибирских реках, и между прочим в Тоболе и Ишиме. Весьма вероятно, что эти вкусные животные распространятся по всей системе Оби. Сибиряки (я не говорю о людях цивилизованных) не только не едят раков, но даже сплевывают и удивляются, как их можно есть. Впрочем, подобное отвращение существует во многих местностях России, в особенности там, где придерживаются старины.

Нагрузка и выгрузка товаров и целые вереницы обозов въезжающих и выезжающих придают Тюмени оживленный вид — явление, не часто встречаемое не только в уездных, но даже во многих губернских

городах. Находясь на половине дороги между Петербургом и Иркутском, этот город имеет довольно большое торговое значение и, казалось бы, мог быть лучшим пунктом для ярмарки, чем Ирбит, находящийся в стороне, но в Тюмени ярмарка окончательно не удалась, хотя в год открытия на ней было много товаров, но в последующие же годы она обратилась в довольно незначительную.

Если будет когда-нибудь устроена железная дорога между Пермью и Тюменью, то Ирбитская ярмарка уничтожится сама собою. Это мнение я слышал от многих, и оно мне кажется основательным.

6.

1863, лето. *Wylie, Alexander. The Overland Journey from St. Petersburg to Peking // Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society. New Series. № I. 1864. Shanghai, 1865. Pt. IV. P. 12–13.*

Александр Уили (Alexander Wylie, 1815–1887), член британской протестантской миссии в Китае, агент Британского и Иностранного Библиейского общества (British and Foreign Bible Society), ориенталист и переводчик. Публикация 1865 г., в которой описывается одно из его путешествий в Китай, состоявшееся, по всей видимости, годом ранее, представляет собой вид дорожной инструкции, предназначенной для того, кто пожелает пройти по стопам автора. Абсолютная хронология, очевидно, происходившего в теплый сезон путешествия, У. не ясна, зато относительная описана в деталях: Лондон – Дувр – Кале – Лилль (1 день), Кельн – Ганновер – Берлин (2 день), Берлин – Кенигсберг (3 день), Вильно (4 день), Гатчина (5 день), Санкт-Петербург (6 день), Москва (7 день), Нижний Новгород, конец железной дороги и пересадка на пароход (8 день), Волга до Казани (9 день), Кама до Перми (10–12 день), Кузгур (13 день), Урал, граница Европы и Азии и Екатеринбург (14 день), Камышлов (15 день), Тюмень (16 день), Ялуторовск (17 день), Тюкалинск (19 день), Омск (20 день), Каинск (23 день), Барабинск (24 день), Томск (26 день), Енисей (30 день), Каинск (31 день), Иркутск (35 день), Кяхта (38 день), Урга (44 день), Калган (64 день), Пекин (68 день).

16 день. Если же путешественник решится ехать, не останавливаясь на достопримечательности, на следующее утро он уже достигнет Камышлова. Это милый маленький город на реке Пышме, в несколько тысяч населения, и очень зависимый от дорожного извоза. Страна теперь приобретает тот плоский однообразный вид, который известен как степи. Они длятся, почти не меняясь, целые тысячи миль. Почва черная и чрезвычайно плодородная.

17 день. На следующий день около полудня достигли Тюмени. Это длинный поселок, широко раскинувшийся по берегам реки Туры, по пре-

имуществу торговый, первый русский город в Сибири. Здесь имеется неплохой *gastini dvor* и рынок; в рыночные дни город представляет собой оживленное и любопытное зрелище. В это время сюда со всех окрестностей съезжаются в больших количествах татары, чтобы продать результаты своих промыслов, а также пополнить свои запасы. Летом отсюда отправляются пароходы, идущие до Тобольска, Омска и Томска, в основном волокущие баржи, но иногда пассажирские. Едут они медленно, течение рек весьма извилистое, и путь между двумя городами выходит в два или три раза длиннее пути по почтовой дороге. Особенная известность Тюмени связана с производимыми здесь коврами, которые несколько напоминают турецкие. В окрестности города на высоком берегу Туры расположена могила Стеллера, камчатского путешественника.

7.

1863, ноябрь. *Michie, Alexander. The Siberian overland route from Peking to Petersburg, through the deserts and steppes of Mongolia, Tartary, etc.* London, 1864. P. 306–307.

Александр Мичи (Alexander Michie, 1833–1902). Уроженец Шотландии, в 1853 г. уехал в Гонконг для работы в коммерческой фирме. Вся его дальнейшая коммерческая и литературная деятельность была связана с Китаем. В 1863 г. М. вернулся из Китая в Европу через Сибирь, по его уверению, став первым британцем, более чем за столетие проделавшим такой путь. Через пять лет книга М. о Китае и Сибири, попавшая к издателю М.О. Вольфу в виде сокращенного немецкого переложения, была переведена на русский язык (Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. Москва; Санкт-Петербург, 1868). Маршрут и хронология путешествия М.: он выехал из Шанхая (28 июля 1863 г.), через Тяньцзинь достиг Пекина, где пробыл неделю (10–17 августа), затем в течение месяца ехал сквозь монгольские степи, чтобы попасть в Кяхту (29 сентября). В Кяхте М. сел в тарантас и отправился в Сибирь (7 октября). Верхнеудинск (9 октября). Пересечение Байкала на пароходе (12 октября). Иркутск (13–19 октября). Канск (23 октября). Красноярск. Томск (1 ноября). Омск (11 ноября). Тюмень (16 ноября; началось путешествие по санному пути). Екатеринбург (18–19 ноября). Пермь (21 ноября). Казань (24 ноября). В Нижнем Новгороде, которого М. достиг 29 ноября, путешественник пересел на поезд и отправился в Москву и Санкт-Петербург.

На следующее утро мы без особых трудностей переехали Иртыш по льду и снова вступили в область замерзших болот, в этой части очень напоминающую степь к востоку от Омска, мельницы и все остальное. Поздно вечером мы проехали город Тюкалинск. 15-го в полдень миновали Ишим. Весь этот день шел снег, и вскоре санный путь установил-

ся окончательно, что позволило нам преодолевать 160 миль в день. Утром 16-го мы промчались через Ялуторовск, и в тот же день к вечеру прибыли в Тюмень.

В Тюмени на почтовой станции были выставлены на продажу удобнейшие крытые сани; увидев это, мы немедленно приобрели их и в придачу еще одни,

поменьше, для размещения г-на Шварца и его багажа. Езда на почтовых к западу от Тюмени лучше устроена, чем в Восточной Сибири. Все управляется частной компанией, а не государством. На этих частных линиях нельзя пожаловаться на недостаток лошадей; государство следит за тем, чтобы все работало. Немаловажным усовершенствованием, которое мы испытали на себе, является то, что не нужно больше платить за проезд на каждой станции. В Тюмени мы отдали деньги за прогон до Екатеринбурга и больше об этом не беспокоились. В связи с этими удобствами компания вдвое повысила установленную государством плату за проезд от Тюмени до Перми. При движении на восток плата составляет три фартинга за милю с лошади. При движении на запад из Тюмени — три полпенни с лошади.

Далее мы отправились через бескрайнюю заболоченную степь. Местность от самой Тюмени холмистая, снова появляются густые сосновые леса.

Теперь мы могли сполна насладиться тихой роскошью езды в теплых санях, которые так легко скользили по снегу, что временами нельзя было понять, едем ли мы вообще; немудрено, что большую часть пути до Екатеринбурга мы спали. Даже голод не мог выгнать нас из нашего уютного убежища. Мы проехали 240 миль, отделяющих Тюмень от Екатеринбурга, за тридцать пять часов...

Сибирские ссыльные

Ил. из книги Томаса Нокса «Сухим путем через Азию» (1870)

8.

1864, июль. *Tabenska, E. Z doli i niewoli: wspomnienia wygnanki.* Krakow, 1897. S. 88.

Эльжбета Табенская (Elzbieta Weronika Tabenska, 1828 – после 1897). Уроженка Виленской губернии, участница восстания 1863 г. В 1864 г. сослана в Сибирь. Т. пробыла в московской тюрьме с середины ноября 1863 г. до 5 марта 1864 г., после этого партия ссыльных была доставлена по железной дороге в Нижний Новгород, откуда начался пеший путь по этапу, отчасти на телегах, отчасти по реке. На седьмой день путешествия партия достигла Васильсурска, затем Чебоксар, где оставалась несколько дней, миновала Свияжск и прибыла в Казань. Наступала весна. В Малмыже Т. оказалась 1/13 мая, в Большом Кильмезе – 5 мая, в Оханске – 11 мая. В Пермь партия прибыла 4 июля, затем через Кунгур достигла Тюмени (10 июля). Из Тобольска (31 июля) поляки ехали на пароходе, но дальнейшая хронология путешествия до Томска неясна. В шестидесятые годы такое путешествие могло растянуться на двадцать и более дней. Т. пишет, что день, когда поляки прибыли в Томск, был очень промозглый.

10 июля мы прибыли в Тюмень; нас поместили в остроге, в отдельном покое при больнице. Мужчинам в этапной камере было очень тесно, душно, ужасный воздух; в город им выходить не дозволялось; в нашей достаточно просторной комнате разместились три супружеских пары. На третий день вечером, когда двери уже заперли, пани Текла потеряла сознание. Я как могла пыталась привести ее в чувство, но ничего не помогало; я начала кричать, звать, колотить в двери, просить о докторе; явился один, потом другой; господин Рапцевич остался при больной на ночь, и ей сделалось лучше; бедняжка утомилась таким долгим и тягостным путешествием. Четверо суток мучались мы в Тюмени; чем ближе мы были к месту нашего назначения и дальше от любимой Отчизны, тем тоскливее нам становилось. Совсем к тому не готовые, мы были захвачены течением событий и не имели никакого представления о том, что нас ожидало. На малом пространстве земли нашей я знала людей только с доброй, идеальной стороны; после того как меня вывезли оттуда, я поняла, что нужно быть осторожной и опасаться людей... 31 июля мы уже оставили Тобольск.

9.

1865, февраль. *Pumpelly, R. Travels and adventures of Raphael Pumpelly: Mining Engineer, Geologist, Archaeologist and Explorer. New York, 1920. P. 315.*

Рафаэль Пампелли (Raphael Pumpelly, 1837–1923), американский геолог и горный инженер. В 1862 г. был приглашен в Японию для работы по специальности. Затем, некоторое время прожив в Китае, страдавший от проблем со здоровьем П. принял решение вернуться на родину через Сибирь. Встретив в Кяхте русское Рождество 1865 г., 15

января П. переехал по льду Байкал, затем провел несколько дней в Иркутске, откуда 6 февраля отправился в Европу через Омск, Тюмень, Екатеринбург, Казань и Нижний Новгород. Хронологию своего путешествия П. описал так: «За исключением остановок в Екатеринбурге и Тюмени, я совершил путешествие из Иркутска до этого места (Нижнего Новгорода) за двадцать два дня с половиной; или, исключая задержки, связанные со сменой лошадей и приемом пищи, я проехал 3112 миль за 352 часа со средней скоростью в 8,8 мили в час. До того, как была построена железная дорога через Москву до Нижнего, курьерские офицеры часто проделывали этот путь за пятнадцать дней».

В Тюмени я на один день остановился. К несчастью, большая ярмарка, которая бывает здесь каждый год в январе, уже закончилась. Я надеялся увидеть гостей со всей Азии, но они уже разъехались. Единственным моим утешением оказалось блюдо, приготовленное из стерляди. Это разновидность осетра, обитатель рек, характерный для водоемов Западной Сибири и притоков Каспия. Несомненно, вкуснейшая из всех рыб, стерлядь считается большим деликатесом на рынках Санкт-Петербурга.

Спустя некоторое время после отъезда из Тюмени дорога начала подниматься восточным пологим склоном Урала...

10.

1865, март—июнь. *Czernik, W. Pamietniki weterana 1864 r. Wilno, 1914. S. 25–27.*

Вандалин Черник (Wandalin Czernik, 1842 — после 1912). Уроженец Минской губернии. Во время восстания 1863 г. был руководителем повстанческого отряда в Новогрудском уезде. В 1864 г. был осужден на 8 лет каторги, которую отбывал в Восточной Сибири. Сделал карьеру полицейского чиновника, дослужившись до коллежского асессора. Вернулся на родину в 1903 г. Воспоминания Ч., составленные в 1912 г., были приурочены к пятидесятилетию начала Январского восстания. После минской тюрьмы, военного суда и приговора Ч., очевидно, в составе той же партии, что и А. Свенторжецкий (см. 10), отправился в Сибирь через Вильно, Санкт-Петербург, Москву, Нижний Новгород и Казань. В Тюмени партия пробыла три месяца, до начала навигации, затем за шестнадцать дней добралась до Томска. В Иркутск поляки прибыли в конце августа.

Мы шли все вместе, неусыпно охраняемые штыками, в конце января достигли Урала и увидели там памятник с надписями на обеих сторонах: Европа — Азия. Итак, мы попрощались с матерью Европой и вскоре остановились у ворот Тугулыма (в тексте Tugutyumu. — Ф.К.), первой

сибирской станции. В тюрьму пустили только уголовных, а нас задержали, и унтер-офицер увел к начальнику нашего старосту. (Каждая партия должна была выбрать старосту, который выполнял роль ее представителя, общался с властями и получал за всю партию деньги на продовольствие. Мы получали по 15 копеек в день — на три дня вперед.)

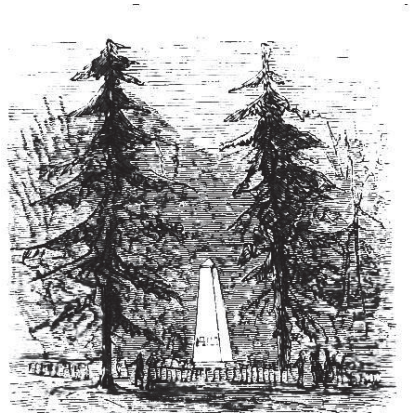
После короткой аудиенции староста вышел и объявил нам, что мы можем поселиться в деревне, но с условием, что мы оправдаем это доверие. Мы разбежались по огромному селу, словно куропатки от выстрела, и везде нас встречали с распростертыми объятьями. Невозможно было до конца поверить в то, что мы впервые свободны. После Нижнего это была первая спокойная и счастливая ночь. Мы сидели в чистой комнате у кипящего самовара и болтали о своих недавних впечатлениях.

За утренним чаем мы узнали от хозяев, что наши товарищи, напившись, устроили какой-то скандал. Вскоре это сообщение подтвердилось, оказалось, что это были коронеры (ссыльные из Царства Польского. — **Ф.К.**). Наш староста, Болеслав Свид, списал эту выходку на вспышку радости и загладил вину, заплатив пострадавшим, поэтому власти ни о чем не узнали.

Тем временем прибыли подводы, мы сели в них и поехали на следующий этап, на этот раз без конвоя, в сопровождении одного только офицера, который vez бумаги, содержавшие наши имена, происхождения, дела и приговоры.

На следующем ночлеге те же дебоширы, разгоряченные алко-голем, устроили еще худший скандал, дело дошло до драки, но и на этот раз благодаря старосте и деньгам они остались безнаказанными. Когда же на третьем ночлеге повторилось то же самое, об этом узнало начальство, и нам угрожал этап. Делать было нечего; староста составил список всех дебоширов и отказался за ними присматривать. Начальство включило их в уголовную партию, после чего наступило полное спокойствие. Так началось наше знакомство с коронерами. К сожалению, однако, на этом ничего не закончилось.

Избавившись от этого бурного элемента, мы спокойно и от-

**Обелиск на границе Европы
и Азии вблизи Екатеринбурга**

*Ил. из книги
Томаса Нокса «Сухим путем
через Азию» (1870)*

носителем удобно добрались в конце марта до Тюмени. Была распутица, нам объявили, что мы будем ждать здесь начала навигации и решили поселиться в городе. Вскоре мы арендовали две комнаты по три рубля в месяц и поселились своим кругом. Это были: сокольские мещане Редич, Войсятыч и Лебедзинский, минчане Свид и Свенторжецкий, доктор Понсет-де-Сандон, студент Малаховский и я восьмым.

Тем временем прибывали все новые партии — всего собралось около 800 изгнанников.

К сожалению, и здесь каждый день случались скандалы, было даже несколько краж, и в это всегда вмешивалась полиция. Все это ужасно нас мучило.

Вы можете понять, каких коронеры искали приключений, из одного примера. Среди ссыльных был человек по имени Генюк, из Гродно. Это был старик, ехавший с целым семейством, состоящим из жены, двух сыновей, дочери, зятя и двух внуков. Внезапно распространился слух, что Генюк — осведомитель. И вот однажды в его квартиру вваливается пьяный мазур, вручает ему какую-то бумагу и бросается на него с ножом. К счастью, в это время в комнате были доктор Новодворский и еще кто-то из поляков — они защитили его, отобрали у дебошира нож и выкинули его за дверь. Лежавшая на полу бумага объясняла, что происходит (орфографию мы сохраняем): «Гинюк сабака кровь нашу пьеш поэтому будишь наказан острым нашим кинджалом».

Подобных этому происшествий было немало, и нам пришлось нести этот крест почти все время нашей ссылки.

Второго июня для нас было приготовлено судно с двумя баржами, и мы отправились по реке Туре на северо-восток до ее впадения в Иртыш и дальше по Иртышу. В Обь мы вошли около небольшого городка Нарыма, где летом не бывает ночи и сразу после заката наступает восход. Далее мы повернули резко к югу и, все время по Оби, достигли Томска. Все это путешествие продлилось 16 дней.

11.

1865, март—июнь. *Kowalewska, Zofja. Ze wspomnień wygnanca z roku 1863.* Wilno, 1911. S. 103–112.

Аполлинарий Свенторжецкий (Apolinary Swintorzecki, 1834–?), уроженец Минской губернии Северо-Западного края, участник восстания 1863 г. В 1864 г. был отдан под военно-полевой суд, лишен дворянского сословия и сослан на поселение в отдаленные места Сибири (Иркутская губерния). После 1876 г. проживал в Варшаве. Воспоминания С. о сибирской ссылке были опубликованы в литературной обработке писательницей Зофьей Ковалевской (1853–1918). Процесс над С. происходил весной 1864 г. в Минске, затем он был этапирован в Вильно и Санкт-Петербург. Сибирское путешествие С. началось осенью 1864 г. От

Санкт-Петербурга до Нижнего Новгорода ссыльные ехали поездом. Из Нижнего Новгорода до Перми, поскольку была уже зима, партия С. двигалась этапным порядком, пешком и на подводах. Из Перми в Екатеринбург поляки ехали на тройках, запряженных в кибитки. За Уралом началась весна. Дождавшись в Тюмени открытия навигации, польская партия водным путем достигла Тобольска, а затем Томска, откуда снова началось путешествие на тройках. Конечными восточными пунктами путешествия С. были Иркутск и Каменка.

Из главы XI

От Екатеринбургa до Сибири только одна станция. Мы перевалили через Урал и спустились на землю азиатов.

На вершине горы, на границе двух частей света — большой четырехугольный каменный памятник. Стены этого огромного столба написаны сверху донизу.

Сколько же здесь дат, фамилий, болезненных восклицаний, начерченных рукой ссыльных... И повсюду польские имена и польские слова!

Сколько слез упало на этот камень!.. Сколько тяжких вздохов улетело отсюда на запад!..

Старые даты на памятнике говорят так много... Все национальные потрясения, все печальные образы прошлого проходят перед глазами...

Сколько жертв, сколько людей сгнуло!.. А ведь то были лучшие сыновья нашей отчизны...

Каждая партия ссыльных останавливается у памятника и отдыхает.

Вид с вершины горы прекрасный и впечатляющий. Мы стояли в немом молчании. В сердцах наших росло чувство тоски и боли, чувство неуверенности в завтрашнем дне.

Заплаканные глаза постоянно обращались в сторону родимого дома — мысли уносились к тем, кто там остался, а из груди то и дело вырывались тяжкие вздохи. Призыв к отправлению разбудил нас от горестных дум. Мы начали медленно спускаться с горы...

Сразу по пересечении европейской границы атмосфера стала словно бы иною.

Другой воздух, другой дух, другие люди. После долгих мучений мы задышали как-то свободнее и бодрее.

<...> В Сибири внезапно подул весенний ветер, сметавший снег и освобождавший землю от зимних оков.

Снежный покров под нашими ногами все сокращался, пропадая на высоких местах, обнажая черные полосы земли, стекая мутными ручьями в низины и овраги.

Мы торопились как можно скорее достичь Тюмени, потому что опасались увязнуть среди растаявших снегов. Снег таял быстро, распутица делала дорогу трудной. Поэтому мы ехали по ночам, а днем отдыхали.

После Екатеринбурга мы вернулись к прежнему способу передвижения, то есть пешком и на подводах. Перевозка узников на тройках была невыгодной для государства и страшно изнурительной для арестантов. В итоге с большим трудом, увязая буквально на каждом шагу, мы добрались до Тюмени. Нам сразу же объявили, что мы здесь надолго. Необходимо было отбыть здесь «весновку», то есть дожидаться наступления нового времени года. Реки начинали подниматься и никакие коммуникации были невозможны. Тура, на которой стоит Тюмень, уже широко разлилась.

Поэтому мы прожили здесь около семи недель. Еще до нас здесь остановилась партия ссыльных, а всего за это время в Тюмени собралось шесть партий польских ссыльных, в общей сложности около 3000 человек.

Среди этого скопления было трудно найти знакомых и земляков. Многие ссыльные были из Царства Польского. Повсюду слышался польский выговор, обращавший на себя внимание прохожих на улицах. Мы получили *большую* свободу. Хотя этапная тюрьма была очень просторной, светлой и чистой, любой из нас мог арендовать квартиру в городе.

Поэтому изгнанники рассеялись по всей Тюмени.

Жизнь здесь была очень дешевой. Все продукты продавались за бесценок. Изобилие огромных рыб.

Тюмень тогда уже была большим городом, известным своей торговлей и кожевенной промышленностью. На каждом шагу были кожевенные заводы и ветряные мельницы. Эти ветряки, перемалывающие кору, с движущимися шелестящими крыльями придают городу удивительный вид.

Большинство жителей города занимались в то время сапожным ремеслом. Здесь производили знаменитые сибирские «бродни», вид кожаных лаптей, а также длинные кунгурские ботинки с голенищами, из плетеной кожи, изготавливаемой в Кунгуре, одном из городов Тобольской губернии. Не менее своеобразна была женская обувь, элегантные ботинки, называвшиеся «ичиги».

Местные женщины занимались преимущественно ткачеством, производством узорчатых ковров и ковриков, продававшихся почти за бесценок.

Глава XII

Начальником города Тюмени, так называемым городничим, был в то время Стефанович, бывший поляк. Ему удалось сохранить в себе, вопреки всеобщему ренегатству, все национальные добродетели.

Сразу после нашего прибытия в Тюмень он посетил нас в тюрьме и постоянно опекал нас, выказывая по отношению к ссыльным много доброты и сострадания, всячески облегчая им жизнь. Он не требовал

от нас ничего, кроме спокойствия и порядка, потому что любые злоупотребления в этом отношении могли нанести ему вред, а для ссыльных означать суровое наказание.

Покоренные и тронутые добротой этого человека, мы решили преподнести ему, в знак благодарности и уважения, памятный подарок от изгнанников. С этой целью мы поднесли ему цветочную корзину весьма сложной работы, изготовленную одним из наших товарищей, Черняком из Минской губернии. Корзина была сделана из разноцветных мелко нарезанных, скрученных и пропитанных смолой бумажек.

Цвета были чудесно подобраны, все вместе выглядело очень тонко и изящно.

Этот подарок растрогал Стефановича и сделал его еще более доброжелательным по отношению к бывшим соотечественникам.

Предполагая, что в Тюмени придется пробыть долго, мы расположились как можно удобнее. Все наши дамы устроили себе жилища по-европейски, украсив их всем, что только было в их распоряжении.

Мы вдесятером заняли целый этаж из семи отлично меблированных комнат. Весь срок нашего пребывания там обошелся нам всего в десять рублей. У нас была собственная кухня. Хозяйством заведовал Болеслав Свид. Домовладелица, простая, но добрая женщина, снабжала нас всем необходимым по чрезвычайно дешевым ценам. Хозяева были по отношению к нам очень любезны и с характерным русским добросердечием искренне полюбили нас.

Когда через десять лет я возвращался через Тюмень на родину, то забежал к ним, желая попрощаться с этими добрыми людьми. Как сердечно они приветствовали и принимали меня! Дочери их были уже замужем. Их сразу же позвали, а также пригласили многих других знакомых. Мне было неловко, такой праздник они устроили в мою честь.

Расселившись по разным углам города, мы отдыхали, ходили друг к другу с визитами или собирались вместе в большом количестве.

В нескольких верстах от Тюмени, в особняке над рекой Турой, проживал тогда наш земляк, сибирский кролик (*krolik syberyjski*), Козелло-Поклевский из Литвы.

Его называли «кроликом» из-за его богатства, влияния, обширных связей и многочисленных предприятий, во главе которых он стоял. Он прибыл в Сибирь еще до восстания, на золотые прииски. Знакомство с Деспот-Зеновичем, его земляком из Гродненской губернии, который занимал в Сибири высокую должность, по-видимому, облегчило ему первые шаги. Козелло обратился к винокурению, делу, в Сибири пребывавшему в зачаточном состоянии или вовсе еще не существовавшему. За несколько лет он открыл несколько винокуренных заводов и все время расширял свое производство. Успех дела привлек внимание

Сибирский тарантас

*Ил. из книги Томаса Нокса
«Сухим путем через Азию» (1870)*

местных купцов. Они вложили в него свои капиталы. Был такой момент, когда, из-за некоторых неблагоприятных экономических условий, делу угрожал крах, но местные купцы, беспокоясь о своих вложениях, пришли Козелло на помощь, и на мгновение зашатавшееся дело снова окрепло.

Козелло не остановился на этом. Продол-

жая заниматься поисками золота, он обнаружил золотую жилу, которая принесла ему миллионы.

В минуты своих наивысших достижений этот энергичный человек не забывал о своем происхождении. Он помогал всем своим соотечественникам, находившимся в Сибири, давая им работу в своих конторах, бюро, на фабриках и шахтах.

Когда после бури 1863 г. в Сибирь потекли волны польских изгнанников, Козелло от всего сердца поспешил протянуть им руку помощи.

В Тюмени, где все его знали и уважали, о нем было много разговоров.

Вскоре мы познакомились с доверенным Козелло Рогалевичем. Он тоже был ссыльным, но оказался в Сибири не по политическому делу, а за какие-то другие прегрешения. Он заведовал винокуренным заводом в Тюмени. Там мы однажды познакомились и с Козелло. Мы быстро подружились. Судьба страны и доля изгнанников, казалось, его сильно интересовали. Он пригласил нас на обед, и мы явились на него дюжиной человек. Затем он устроил чудесную охоту на зайцев и гордился своими гончими, которые были действительно превосходны.

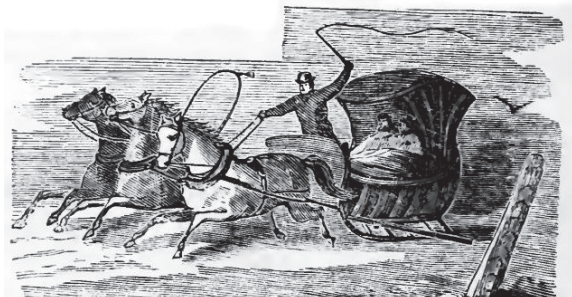
Так бежало время. Чтобы убить его, мы занимались хоровым пением под руководством Иванского и Климовича, замечательных знатоков музыки. Наш хор сложился уже в дороге, шагая по которой, мы иногда пели, стараясь унять тяжелые мысли, терзавшие ум и сердце. Мы достигли в пении некоторого мастерства и согласованности. Наши песни, исполнявшиеся несколькими десятками голосов, производили большое впечатление на жителей деревень, в которых мы останавливались. Русские крестьяне стояли вокруг нас целыми толпами, а их женщины то и дело утирали с глаз слезы.

В Тюмени наш хор стал еще лучше. Достигнув кое-какого искусства, мы спели в городском саду.

Это произвело такой эффект, какого и представить себе не могли.

Воздух еще был холоден, а в саду было влажно и даже грязно, однако на следующий день после нашего первого выступления в сад пришло множество зрителей. Известие о поющих поляках распространилось по городу со скоростью молнии, и через несколько часов в саду была толпа. Повозки богатых сибиряков шли за повозками. Собралась вся городская плутократия, звучали частые аплодисменты. Когда сад высох и в нем навели порядок, был открыт буфет. Местные кушчи устроили нам обильную овацию. Нас кормили и поили, как на лукуловом пиру. А когда из нескольких десятков грудей зазвучали звуки польской песни, сибиряки, утирая слезы, говорили:

— Мы не русские, а такие же, как и вы, несчастные.

Кибитка

*Ил. из книги Томаса Нокса
«Сухим путем через Азию» (1870)*

12.

1865, июль. Гейнс, А.К. *Дневник 1865 года. Путешествие по Киргизским степям* // Гейнс А.К. Сборник литературных трудов. Санкт-Петербург, 1897. Том I. С. 198–201.

Александр Константинович Гейнс (1834–1892). Профессиональный военный, выпускник Академии генерального штаба, полковник Г. отправился в Сибирь из Санкт-Петербурга 28 июня 1865 г. в качестве члена правительственной комиссии для изучения Средней Азии. 30 июня Г. прибыл в Нижний Новгород поездом. Плавание на пароходе по Волге до Казани (2–3 июля) и Каме до Перми (3–6 июля). Пермь. Приобретение тарантаса. Путешествие в Екатеринбург (8–10 июля). Граница Европы и Азии (9 июля). Тюмень (11 июля). Абатское—Тюкалинск (14 июля). Омск (15 июля). В Омске комиссия начала подготовку к экспедиции в Киргизскую степь.

10-го июля. ...Общая картина края за Уральским хребтом та же, что и на европейской стороне: даже лесов как будто поменьше; пашень побольше, как и деревень. Как будто едем не в Сибири, а в великоросской губернии. За Паршинской станцией, не доезжая до г. Камышлова, бедного и грязного, параллельно дороге течет Пышма, небольшая речонка.

Отличительная черта этих мест та, что стада оставляются по ночам на улицах и лугах. В последнем случае их сторожит какой-нибудь мальчишка, сидя в будке из ветвей и согреваясь маленьким огоньком.

Другая черта — как характеристика редкого населения. Обозы и едущие на собственных лошадях заночевывают в открытом поле в стороне от дороги. Кругом дымного огонька сидят несколько человек и что-то варят, а в стороне стоят телеги и стреноженные лошади. Ехали всю ночь.

11-го июля. Та же природа, те же деревни и красивое бойкое население. Только за станцию Сугат (Сургут. — **Ф.К.**) дорога портится потому, что пролегает по болотистым и низким местам, поросшим мелким лесом. В одиннадцати верстах за д. Марковым — граница Пермской и Тобольской губернии. В Тугульме, деревне, как всегда, очень большой и богатой, нам продавали ковры, довольно, впрочем, плохие, выделкой которых славятся окрестности Тюмени. Кроме Тугульмы выделкой ковров занимается особенно Каменка, близ Тюмени, но не по нашему тракту.

Приехали в Тюмень на Туре. Затюменька, лучшая часть города, лежащая по левому берегу ручья Тюменьки, вся выгорела в прошлом году. Худшая часть города осталась. Был у Свято-Троицкого монастыря и смотрел могилу Феофила Лещинского, современника Петра и знаменитого сибирского миссионера.

Тюмень имеет много первогильдейских капиталистов из купцов, торгующих оптом. Отсюда идут кожи, выделяемые на 95 заводах, в глубь киргизских степей, даже до Кокана и Бухары. Привоз: чай и скот. Вывоз: ковры и кожи в Азию, скот и сало в Россию.

Погода была холодная. Дул ветер с Ледовитого океана. Тура здесь не велика, не шире 200 шагов или 250; на противоположном берегу раскинуты большие села. После пожара, бывшего в прошлом году, город не может обстроиться, не по недостатку капиталов и желаня, а по недостатку рабочих рук. Для благосостояния России и Сибири и для радикальных реформ в способе ведения нашей нелепой чайной торговли необходима железная дорога из Перми в Тюмень. Ночевали в Тюмени.

12-го июля. Дорога от Тюмени болотистая. Слева долго тянется озеро «Травяное». На берегу сидело множество рыболовов больших размеров. Желая рассмотреть их, я убил одного рыболова и пошел за ним к берегу,

но едва вышел из высокой травы на плоский берег, казавшийся твердым, как увяз выше колен; позабыв рыболова, я едва выскочил на сушу. К обеденному времени приехали в Ялуторовск, окружной город Тобольской губернии. Почтосодержатель, бывший крепостной человек, старик почтенный и умный, рассказывал нам много про декабристов, живших здесь, с которыми он был знаком, — про Трубецкого, Якушкина, Фон-Визина, приезжавшего часто из Тобольска, и других. Старик говорил, как они собирались друг у друга, как взаимно помогали себе, как учили детей тех, у кого они были, занимаясь теми предметами, которые составляли их специальность. Потом он рассказывал про киргизские степи и промышленность города, который живет и процветает близостью степей. Есть в городе купцы и мещане, пригоняющие ежегодно до 30000 голов крупного и мелкого скота из Петропавловска. Большая часть этого скота бьется на сало, идущее в Москву и Петербург. Из степей идет тоже много лошадей, но некоторые не идут, по дикости, в упряжку.

Самыми лучшими лошадьми считаются происшедшие от скрещення нашей породы с киргизской. Этих лошадей называют «смятками». Старик, рассказывая про степь, говорил не киргиз, а «киргыз».

Киргизы приезжают и пригоняют скот на ялуторовские ярмарки, даже ездят в Ирбит.

Дорога из Ялуторовска очень красива. Превосходные, как бархат, зеленые луга, усеянные отдельными группами берез, испещренные озерами, оставленными разлитиями Тобола, и далекий, обширный горизонт, нечто вроде голландского «польдерса». По этой обширной равнине паслись большие стада отличного крупного скота, в разных местах носились косяки коней, паслась домашняя птица, — картина великолепная, напоминающая западные штаты Северной Америки.

А вот и Тобол, легший извилистой лентой меж невысоких берегов.

13.

1866, июнь. *Пантелеев, Л.Ф. Дела давно минувших дней* // Пантелеев, Л.Ф. Воспоминания. Москва, 1958. С. 422–424.

Лонгин Федорович Пантелеев (1840–1919). Юрист по образованию, участник «Земли и Воли», в 1864 г. арестован, приговорен к шести годам сибирской каторги (заменена поселением) за революционную деятельность и поддержку Польского восстания. Цитируется фрагмент, посвященный путешествию П. на место ссылки в Енисейскую губернию. Во второй половине мая П. был отправлен поездом из Санкт-Петербурга в Нижний Новгород, где сел на пароход. Из Перми в Тобольск ехал на трамтасе. Пароход из Тобольска на Томск отправился в первых числах июля (путешествие продолжалось 15 дней). Путь П. в Сибирь окончился в Красноярске.

Кончилась Волга, прошли Каму до Перми, откуда начинался колесный путь в Тобольск (около девятисот верст). Тесть дал письмо к кому-то из своих знакомых в Перми, прося оказать содействие к устройству нашего переезда. Тот приехал на почтовую станцию, куда мы тотчас же перебрались с парохода. Первый разговор, конечно, пошел о приобретении тарантаса.

— У меня есть тарантас, он мне теперь не нужен.

— Что будет стоить?

— Ничего, вы сдайте его в Тюмени такому-то, — причем назвал фамилию какого-то поляка, служившего по делам Поклевского, — и скажите ему, чтобы он вернул тарантас с каким-нибудь надежным проезжим.

В Тюмени такая же история; поляк, в свою очередь, дал нам тарантас до Тобольска. Меня это тогда немало удивляло: отдавать тарантас на проезд в несколько сот верст в надежде, что он вернется с кем-нибудь из проезжих (и от Томска до Красноярска мы ехали таким же манером). Но потом, обжившись в Сибири, я узнал, что такая операция была делом самым обыкновенным для расстояний даже несравненно больших, и сам, в свою очередь, без страха давал свой тарантас даром напрокат.

Весь путь до Тобольска проехали без особенных приключений, если не считать того, что раз жандармы едва-едва согласились остановиться на ночевку, кажется, в Кунгуре, чтобы дать жене хоть сколько-нибудь отдохнуть: ее сильно расколотила непривычная езда в тарантасе, да еще довольно тряском. Вообще, от этой части пути почти не осталось никаких воспоминаний; даже проезд через Урал, должно быть, не произвел особенного впечатления. Помню только, что около Кунгура ехали с некоторой оглядкой, так как с давних пор это место считалось классическим по грабежам. Но, имея двух вооруженных телохранителей, мы, конечно, ничего не боялись.

Потом в Тобольске узнали, что ссыльные поляки в Кунгуре пытались пробраться на свидание с нами, но их не допустили жандармы. В дороге один из жандармов обыкновенно сидел на козлах, а другой в тарантасе, но при этом свешивал свои ноги на облучок. Когда я ему говорил, что ведь так должны ноги затекать, что тарантас достаточно просторен, то он флегматично отвечал: «Ничего, мы люди привычные».

На станциях наш проезд не возбуждал ни малейшего внимания или особенного любопытства, — видно было, что к таким путешественникам, как мы, уже привыкли; скорее можно было заметить желание заполучить лишнее за самовары, молоко и т. п. Оно и понятно, так как проезд с жандармами всегда возбуждал ошибочную мысль об относительном богатстве путешественника; на самом же деле большая часть направлявшихся в Сибирь с жандармами ехала на собранные деньги.

Наконец мы в Тобольске.

14.

1866, лето. Флеровский Н. (Берви В.В.). Три политические системы: Николай I, Александр II, Александр III. Лондон. 1897. С. 242–244.

Н. Флеровский (наст. имя Вильгельм Вильгельмович Берви, 1829–1918), юрист по образованию, публицист, с конца 1850-х гг. попавший в разряд «неблагонадежных». Арестован в 1861 г. и выслан сначала в Астрахань, а в 1864 г. в Сибирь, где был на поселении в Кузнецке, а затем (1865) в Томске. В апреле 1866 г. получил разрешение вернуться в европейскую часть России.

Когда я ехал из Казани в Сибирь с женою, я ехал в очень удобной помещицей повозке, данной для этой цели одним казанским помещиком: жандармам дана была инструкция останавливаться в городах в номерах гостиниц и ехать так скоро, как я сам того пожелаю. Даже от Томска купеческая компания любезно отдала в мое распоряжение с женою отдельную каюту. Но там, где кончилась Сибирь, кончились и мои привилегии.

Из Тюмени меня погнали по этапу. Я имел удовольствие испытать то этапное житье, которое испытывали ссыльные, когда их переводили обратно в Россию в виде улучшения их положения. С вечера меня с женою и грудным ребенком поместили в огромную комнату и заперли. Через пять минут мы вскочили и зажгли огонь. Бесчисленное множество насекомых покрывало наши подушки, одеяла и нас самих, еще большее число ползло к нам со всех сторон. В испуге я стал звать сторожа. Сторож предложил нам перебраться в общую.

Мы перебрались в общую и были встречены хохотом арестантов. «Мы видели, — говорили они, — как вы туда входили. Думаем, погоди, скоро выскочат». Но и тут было не легче. «Понятное дело, — объясняли нам, — прошлую ночь здесь ночевало двести человек, каж-

По ухабам

Ил. из книги Томаса Нокса «Сухим путем через Азию» (1870)

дый свою доску кормил, а теперь нас семеро». Мы бегали из угла в угол, потому что не только заснуть, но и присесть не было никакой возможности. Наши товарищи делали то же самое. С величайшим нетерпением мы дожидались того времени, когда отпрут камеру, и каждая минута казалась часом. Вместе с нами заключено было другое семейство — муж, жена и ребенок. Вид этих людей производил на нас потрясающее впечатление. Изнурение от непрерывного движения и бессонной ночи сделало наше тело еще более чувствительным к истязаниям, которым мы подвергались; время до того часа, когда отпирали камеры, казалось нам вечностью.

Наконец замок загремел и дверь отворилась. Как безумный я кинулся на задний двор и разделся донага. В каждой складке моего белья и моего платья паразиты расположились в два и в три ряда на дневной отдых; в течение ночи мы испытали настоящее кровопускание. Я ехал в собственном экипаже, который купил в Тюмени; это снисхождение нам было сделано благодаря тому, что в наших бумагах было сказано, что мы отправляемся не в виде арестантов. Это дало нам возможность отдохнуть в течение дня. На ночь нас опять заперли в острог.

Я заявил смотрителю, что на жене моей не тяготеет никаких политических подозрений, что она не находится под надзором полиции и человек вполне свободный; а потому я просил дозволить ей ночевать в деревне; но он ответил мне, что нам и без того даются такие преимущества, которые другим не дозволяются, что мы едем в собственном экипаже и что он для меня более ничего не может сделать. Пришлось провести еще одну ужасную ночь истязаний. На другой день оказалось, что и в экипаже спать не было никакой возможности, так как он успел наполниться паразитами. Когда нас заперли в острог на третью ночь, мы почувствовали себя окончательно лишенными сил и были в таком же состоянии, как те супруги с ребенком, которых мы встретили в Тюмени. Однако же насекомые скоро одолели нашу апатию, и мы опять пробегали всю ночь. Арестанты рассказали нам, что дальше будет так же и что при таких условиях, в которых мы идем теперь по этапу, самый опытный бродяга не в состоянии заснуть.

15.

1867, январь. *Кнох, Т. В. Overland through Asia. Pictures of Siberian, Chinese, and Tartar life.* Chicago, 1871. P. 565–567.

Томас Нокс (Thomas Wallace Knox, 1835–1896). Американский журналист, известный публикациями в «New York Herald», профессиональный путешественник, автор множества путевых описаний. Путешествие Н. было предпринято, как он сам писал, отчасти для раз-

влечения, отчасти — ради публикаций в прессе, отчасти — в рамках сотрудничества с русско-американской компанией, занимавшейся прокладкой телеграфного кабеля из Америки в Азию через Берингов пролив. Н. оставил Нью-Йорк 21 марта 1866 г. и через двадцать три дня (13 апреля), обогнув на пароходе американский континент, достиг Сан-Франциско. 23 июня началось его путешествие через Тихий океан. 13 июля пароход пересек 180° меридиан, 24 июля Н. впервые увидел камчатский берег. После двух недель в Петропавловске (6 августа) Н. отправился к устью Амура, достигнув Николаевска-на-Амуре 11 августа. 18 августа началось путешествие Н. вверх по Амуру на пароходе. В начале октября Н. провел несколько дней в Благовещенске, 14 октября миновал Албазино, 17 прибыл к устью Шилки и начал подниматься по ней. Из Сретенска (20 октября), где заканчивался (начинался) Сибирский тракт, началось путешествие Н. на тарантасе на Нерчинск и Читу. 26 октября Н. выехал из Читы. Не совсем ясна хронология путешествия Н. через Верхнеудинск, Селенгинск, Кяхту и Байкал, однако, прибыв в Иркутск, он дождался там, пока выпадет снег. Точно так же Н. не указывает точных дат проезда Канска, Красноярска, Томска, Барнаула, Барабы, Тюмени, Екатеринбургa, Кунгура, Перми, Малмыжа, Казани и Нижнего Новгорода. Вблизи последнего путешественники наблюдали сцены крещенского купания, так что, вероятно, была уже середина января. В Нижнем Н., прощавшийся с санным путем, подводил итоги этого путешествия и замечал, что с момента выезда из Иркутска прошло сорок дней.

От великого до смешного только один шаг, а между Томском и Тюменью только одна степь в тысячу миль шириной. Впрочем, путешествующие из Иркутска в Санкт-Петербург, оказавшись здесь, считают, что их поездка почти закончилась. Сибиряки легко относятся к расстояниям, которые напугали бы любого американца. Один господин сказал мне как-то: «От Тюмени до конца железной дороги всего лишь шестьсот верст». В Красноярске одна дама твердила мне, что я должен подождать до весны и посетить ее золотые рудники. Я спросил об их местоположении, и она ответила: «Здесь недалеко, четыреста верст. В повозке можно доехать почти до места, и еще верст сто двадцать верхом».

Большая часть Тюмени расположена на обрыве над рекой Турой высотой приблизительно в девяносто или сотню футов. Нижний город раскинулся на широком лугу, и его многочисленные ветряные мельницы живо напомнили мне калифорнийский Стоктон. Случилось, что мы приехали в рыночный день, когда крестьяне со всей округи во всей их красе явились в город с целью торговли. Какое изобилие товаров всевозможного вида обнаруживает своих продавцов и покупателей под сибирским солнцем, трудно даже представить.

Население Тюмени — около двадцати тысяч, и говорят, оно быстро растёт. Город процветает, и множество новых и хорошо построенных зданий тому свидетельство. Он лишил Тобольск почти всей его коммерции и оставил его скорбеть о прежнем величии. Отсюда триста верст до Уральского хребта, и здесь начинается навигация по Туре. С полдюжины пароходов вмерзли здесь в лед и ожидают весны. Машины с них сняты во избежание коррозии.

В городском сквере Тюмени есть фонтан, первый из увиденных мною в Сибири. Мужчины, женщины и дети наполняют из него чаны и бочки, которые затем увозятся на санях.

Когда мы вернулись с прогулки и сели обедать, повар принес для продажи несколько «тюменских ковров». Он обратил на меня все свое красноречие, но тщетно. Ковры эти делаются вручную в окрестных тюменских деревнях, а материалом для них служит козлиная шерсть. Изображения на них порой довольно милы. Такие ковры в Западной Сибири вы можете обнаружить почти в каждой крестьянской избе, их кладут на стол, на кровать, на пол, используют для укрытия повозки.

Между Тюменью и Нижним Новгородом почтовые подчинены компании, для поездки на избранное расстояние нужно всего лишь купить билет. Мы купили билет до Екатеринбурга, это 306 верст, цена — девять копеек за версту с каждой повозки...

16.

1867(?), летнее время. *Borowski, Konstanty. Na obcym chlebie (Wspomnienia powstanca i sybiraka z 1863 roku)* // Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Wrocław, 1998. S. 190–191.

Констанций Ринальдо Боровский (Konstanty Rinaldo Borowski, 1844–1915). Уроженец Августовской губернии на северо-востоке Царства Польского. Участвовал в восстании 1863 г. в составе отряда Владислава Брандта, попал в плен. Был в заключении в Варшавской цитадели, затем свыше двух лет отбывал наказание в арестантских ротах в Архангельске. Весной 1867 г. отправлен на поселение в Сибирь (юго-запад Томской губернии, деревня Гуселетова). Вернулся на родину в 1872 г. Воспоминания Б. опубликованы в Варшаве в 1986 г. (Borowski, Konstanty. Wspomnienia powstanca i sybiraka z 1863 roku // Miedzy Kamieniem i Archangielskiem: dwa pamietniki powstancow z 1863 roku. Warszawa, 1986). Мемуары Б. были доступны составителю антологии в сокращенном виде (Borowski, Konstanty Rinaldo. Na obcym chlebie // Kuczynski, Antoni. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Wrocław, 1998. S. 190–191). Эта публикация не содержит точных сведений о маршруте и сроках сибирского путешествия Б.

Сибирь

Таким образом нас перевезли через Уральские горы в Екатеринбург, а оттуда в Тюмень, уже Тобольской губернии. На самой вершине Уральских гор стоит каменный столб, обозначающий границу Европы и Азии. Здесь кибитки обычно останавливаются, все выходит, отдыхают и прощаются с Европой, с тоской глядя на Сибирь, место их будущей неволи.

На западной стороне четырехгранного столба висит железная доска с надписью «Европа», а на восточной стороне — «Азия». Столб со всех сторон исписан надписями на русском, польском, немецком, арабском, еврейском и других языках. Множество имен, и большинство из них — польские. У столба этого останавливаются все партии: и политические, приговоренные к каторжным работам и поселению, и уголовные преступники.

Тюмень

В Тюмени разместили нас всех вместе: мужчин, женщин и детей, но уже не в тюрьме, а в большом деревянном доме, при самом тракте, в паре верст от города.

Здесь мы были словно наполовину свободны. Охраны, то есть солдатского конвоя, при нас больше не было. Унтер-офицер лишь приносил нам деньги на проживание. Мы ходили в город и покупали на них продукты.

В Тюмени нас продержали пару недель, ожидая распоряжения из Тобольска о том, куда нас отправят на поселение. Я говорю «на поселение», так как выяснилось, что подписи в Москве были взяты от нас обманом, и эта книга с нашими подписями была представлена властям в доказательство того, что якобы мы сами просили послать нас вместо родины на поселение в Сибирь.

С того дня, как нас взяли в плен, во всех бумагах и документах, а также в обычной речи нас называли политическими преступниками. В Сибири же и в бумагах, и в разговорах мы стали зваться польскими переселенцами.

Мы не вернулись на родину, а оказались сосланными в Сибирь на поселение, по-видимому, по такой причине:

Когда после покушения Каракозова на императора Александра II мы были двумя манифестами освобождены от наказания, а именно от арестантских рот, то получили право на основании наших приговоров вернуться на родину, для чего из арестантских рот по всей России начали собирать нас в Петербург, чтобы потом предположительно отправить в Варшаву. Говорят, что когда большинство уже согнали в Петербург и Москву, то тогдашнего наместника Царства Польского Берга спросили из Петербурга, можно ли нам вернуться. Берг будто бы ответил, что в стране еще не совсем спокойно, и он не может отвечать за последствия,

если ему пришлют в Польшу столько горючего материала. Этот ответ Берга был причиной не возвращать нас в страну.

Что русское правительство могло поделаться с такой массой людей?

Сослать в Сибирь?

Без повторного суда и приговоров сделать этого было нельзя. Приговорить нас к ссылке в Сибирь — за что? Ведь мы уже отбыли наказание. За нами больше не было никакой вины.

Поэтому нас сослали в Сибирь без суда и приговоров как «польских переселенцев», как будто бы в ответ на нашу просьбу. А если это происходило по нашей просьбе, так сказать, по нашей свободной воле, то почему же нас, свободных, везли по этапу закованными в кандалы и под солдатским конвоем, подвергая нас столь жутким мукам? Люди, переселяющиеся по своей воле в какую-нибудь местность, не тащатся в кандалах по ужасным этапам.

После нескольких недель пребывания в Тюмени мы были разделены на партии, которые через определенные промежутки времени отправлялись к местам поселения.

Наша партия состояла из нескольких десятков лиц. Семейных, с женами и детьми, между нами не было. Из Тюмени мы вышли пешком, свободные, уже без кандалов, без конвоя, с одним только безоружным солдатом, который нес наши бумаги и деньги, ежедневно выдавая каждому по десять копеек. Мы шли главным почтовым трактом через уездные города Ялуторовск и Ишим.

17.

1869, август. *Неизвестный путешественник. Rough Notes of Journeys made in the years 1868–1873 in Syria, down the Tigris, India, Kashmir, Ceylon, Japan, Mongolia, Siberia, the United States, the Sandwich Islands, and Australasia.* London, 1875. P. 152–154.

Метель

Ил. из книги Томаса Нокса «Сухим путем через Азию» (1870)

Неизвестный путешественник. Книга, изданная в Лондоне в 1875 г., включает в себя описания двух больших путешествий, составленные британским автором, который предпочел остаться неизвестным. Первое из этих путешествий, значительная часть которого пролегла по территории Азиатской России, состоялось в 1868–1869 гг. 20 октября 1868 г. Н.П. оставил Лондон, 4 ноября прибыл в Порт-Сауд и начал путешествие по Палестине. 17 декабря Н. сел в Суэце на бомбейский пароход. 23 декабря встречался в Адене с журналистом Стэнли, ждавшим там Ливингстона. Сойдя на берег в Бомбее (31 декабря), он поехал через Индию и, посетив Дели (18 января 1869 г.), достиг Калькутты (26 января). 5 февраля Н.П. поплыл дальше на восток, через Рангун (9 февраля), Малакку (19 февраля), Сингапур (20 февраля), Сайгон (28 февраля), Гонконг (5 марта), до Шанхая (20 марта). Вернувшись туда после путешествия по Японии (21 марта – 21 апреля), Н.П. стал готовиться к поездке через Китай и Монголию. 6 мая путешественники отправились из Пекина в Калган. Хронология дальнейшего путешествия: Калган (11 мая), Урга (6 июня), Кяхта (11 июня; англичане оставались там до 26 июня), Посольское и пересечение Байкала на пароходе (29–30 июня), Иркутск (1 июля), Красноярск (8 июля), Томск (15 июля), путешествие по Оби, Иртышу, Тоболу и Туре в Тюмень (19 июля – 1 августа), Екатеринбург (4 августа), Пермь (8 августа), путешествие по Каме и Волге из Перми в Нижний Новгород (11–14 августа), Москва (16 августа), Санкт-Петербург (19 августа)¹².

Город Тюмень, привлекательно раскинувшийся на высоких берегах Туры, представляет собой конечную станцию речного пути из Томска. Расстояние между двумя этими городами около 3000 верст. В Тюмени 25000 жителей. Дома в основном деревянные, но число строений из кирпича растет, а вообще, уже в скором времени в строительной области дерево будет полностью вытеснено кирпичом, так как цена доставки древесины, по мере того как редуют леса в окрестностях города, с каждым днем возрастает. На левом берегу Туры значительное земельное пространство занимают превосходные пашни. В городе множество

¹² См. для сравнения сроки путешествия Уильяма Уайта, который ехал из Китая в декабре того же года на санях: Кяхта (22 ноября). Верхнеудинск (25 ноября). Посольское на Байкале (26 ноября). Иркутск (28 ноября – 6 декабря). Канск (10 декабря). Красноярск (11 декабря). Ачинск (12 декабря). Томск (13 декабря). Каинск (16 декабря). Тюмень (20 декабря). Екатеринбург (21 декабря). Пермь (23 декабря). Казань (29 декабря). Нижний Новгород (30 декабря). Источник: Whyte, William Athelny. A land journey from Asia to Europe: being an account of a camel and sledge journey from Canton to St. Petersburg through the plains of Mongolia and Siberia. London, 1871.

кожевенных заводов — предприятий малых, но в совокупности выпускающих серьезные объемы кож. Мне сказали, что процесс переработки сырой кожи в дубленую занимает два с половиной месяца. Дуба здесь нет, поэтому для дубления используется ивовая (*salix*) кора; чернят кожи с помощью березового дегтя.

Я посетил г-на Вардропера, который вместе со своей семьей много лет остается в Сибири, занимаясь инженерным делом и судостроением. Накануне нашего прибытия в Тюмень им был спущен на воду железный пароход, 180 футов длиною, с машиною в 120 лошадиных сил, имеющий, при полной загрузке топливом на целый день пути, осадку в двадцать шесть дюймов. Цена его 7–8 тысяч фунтов. Десять лет назад г-ном Вардропером был построен «Иртыш», на котором я путешествовал из Томска в Тобольск. С ним были его сын вместе со своей женой и семьей (шотландцами). По словам г-на Вардропера, он прибыл с верфи братьев Денни в Дамбартоне. Все они очень настаивали, чтобы мы остались хотя бы на день, но поскольку час отправления уже был назначен, то мы были непреклонны.

Татарская слобода расположена за городом, в нескольких милях по равнине. В Туре ловят нельму, разновидность лосося, неизвестную в Европе. В Тюмени много красивых домов, множество церквей; несколько широких улиц, немощеных, с настланным поверх деревянным тротуаром. Так как город возвышается над рекою на высоту до 100 футов, во многих местах открываются широкие виды на речные извивы и плодородные низины. На той стороне реки возвышается над равниной неисчислимое число ветряных мельниц. По городу течет маленькая Тюменка. Ссылный М.М. любезно составил мне компанию в прогулке по городу, и для той же надобности я очень надеюсь отыскать его брата-ссыльного в Екатеринбурге.

Мы оставили Тюмень 2 августа в 7.30 вечера, а сюда (в Екатеринбург) прибыли в полдень 4-го, то есть за сорок часов сделали 306 верст...

Людмила Кайгородова

Мешок волшебных кружев...

В январе 2017 года на 87 году жизни ушла из жизни замечательный тюменский врач-невропатолог и рукодельница — Людмила Сергеевна Дубяга.

Сотрудники вспоминают, что каждую свободную от приема больных минуту она брала в руки крючок, нитки и вязала. В молодости — кружева, а в зрелом возрасте — варежки, шарфики, салфетки.

«В наследство» от нее и от семьи Дубяги (Константина Анатольевича и его жены Кристины) мне достался большой мешок! В таких мешках перевозят с полей картошку, а я однажды вечером повезла в автобусе почти сотню вышивок и кружевных салфеток разной степени сохранности, мастерских — от детских, ученических до изысканно-аристократических, которым обучали воспитанниц Смольного института.

Но главное, я увезла ощущение удивительного мира красивых людей — музыкально и художественно одаренных, гостеприимных и щедрых на общение, представителей российской, еще до-революционной интеллигенции.

По рассказу К.А. Дубяги, почти вся его семья — деды-прадеды, бабушки увлекались вышиванием. Все началось в 1889 году, когда В.Е. Мельницкий (прадед Константина Анатольевича по бабушкиной линии, Сусанны

Людмила Сергеевна Дубяга

Викторовны Васильевой, выпускницы Смольного института) привез с Парижской выставки, на которой состоялось открытие Эйфелевой башни, два вышитых гобелена: «Адам и Ева в раю» и «Изгнание из рая». Красота вышивки так понравилась, что в 1910 г. и другой дед, В.Е. Попов, тоже привез с Парижской выставки гобелены и вышивки. Так и увлеклись сначала мужчины, а после и женщины семьи Васильевых-Долгоруких и их внуки-правнуки Дубяги...

Людмила Сергеевна Дубяга, мать Константина Анатольевича, была к тому же страстной вязальщицей. Вязать она начала в 1961 г., когда они с мужем жили в Салехарде. Она вязала везде: в самолетах, на кораблях и в автобусе, у телевизора и на прогулках с внуками и внучками, даже

в очередях. В 1966 году врачи Дубяги возвращаются в Тюмень, где ее уже никто не представляет без спиц или крючка.

Термин «кружево» происходит от слова «окружать» и имеет два значения. Одно из них: отделки в виде «койм» на подолах, полах, рукавах одежды; другое значение — узорное ажурное изделие: самостоятельный вид украшения одежды или предметов убранства.

Все, чье детство прошло в 30–50-е годы прошлого века, помнят, что «уютный и богатый дом» всегда украшали вышитые и кружевные салфеточки, скатерти, дорожки, «уголки», которые покрывали горизонтальную поверхность каждого из предметов мебели. Этажерка, буфет, многочисленные полочки, тумбочки, стол и комод, трюмо, кон-

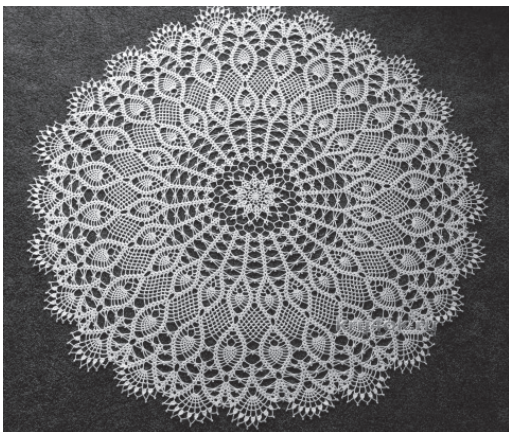

соли, пианино, патефон, швейная машинка, а после — радиоприемник или первый телевизор, валики мягкого дивана были покрыты кружевами и вышивками. Особо украшалась никелированная кровать на панцирной сетке. Любое место для сна — это сакральное место, где творится любовь и начинается новая

жизнь, где человек спит или бодрствует, а иногда и совершает свой последний переход в мир иной. Поверх матраса стелили простынь, затем подвернутое одеяло и покрывали сверху «подзор». Подзор — это белая ткань, к которой пришивалась декоративная деталь — кружевная или вышитая техникой «ришелье» (гладью с прорезными элементами, волнистая узорная полоска). Длина его равна длине кровати, а ширина — стандартной ширине белой ситцевой ткани. Ширина кружевного элемента составляла, в зависимости от мастерства и прилежания мастерицы, от 8 до 25 см.

Символика и значение подзора — это сакральный покров-оберег, защищающий постель от грязи, в т.ч. от негативных энергий,

дурных взглядов. Кружева подзора символизируют «хляби». Хлябь (др.-русс.) — водопад, поток. Треугольник вершиной вниз символизирует стихию воды.

Наши предки и каждый из нас воспринимает окружающий мир в системе «верх», высший мир, мир небесного света, в сказках его называют «правь». Мир, где люди проживают свою земную жизнь, — это явь, и мир подземный, мир нежити и мертвых — это мир навь. Подзор «разделяет» миры повседневной яви и мир навий, мир страхов. И сами кружева воплощают собой воды подземные, реку Стикс, воды, которые со временем прольются при рождении ребенка.

Поверх подзора застилалось покрывало и «устанавливались» подушки. Иногда по одной с

каждой стороны, а иногда покупечески, пирамидкой — от самой большой к самой маленькой подушечке, которая называлась «думка», «думочка». На подушки часто надевали парадные наволочки с вшитыми кружевными элементами, которые вязали отдельно, по размерам будущих наволочек (подушек). Подушки покрывались квадратными кружевными «накидушками». Когда «смотрят» на застеленную кровать, видят кружевные подзоры и накидушки — своеобразные сакральные завесы, ограждающие от плохих снов и зависти чужих людей.

Центром комнаты был круглый стол, накрытый вышитой или кружевной скатертью, а в сердцевине стола могла быть еще и «дорожка» или салфеточка под вазой с фруктами. Кстати, на комод с вышитым «накомодником» тоже были постелены кружевные салфеточки под каждой вазой, которые всегда стояли симметрично вокруг зеркала или каких-нибудь фарфоровых фигур. Украшали комоды и накрахмаленными с помощью сахарной воды кружевными вязаными «вазами». Мокрые вязаные кружки «приклеивали» к цилиндрической форме и ждали, когда эта салфетка высохнет. Потом основу убирали, и оставалась кружевная

«вазочка». Так же изготавливали и кружевные шляпки с полями типа «цилиндр».

«Парадную комнату» в городском доме украшали как гостиную даже если в ней стояла кровать. Кстати, детям в этой комнате играть не разрешалось. Межкомнатные двери были закрыты. Это своеобразное «воспоминание о дворянском быте», которое перекочевало в представления о «культурной жизни».

Вертикальные плоскости в комнатах тоже украшались: спинка дивана и кресла, спинки мягких стульев, если они были. Стены густо украшались резными полочками, вышитыми картинами, рамочками с фотографиями. Широко использовался кружевной карман-ромб с откидным элементом. Для чего? Такой накрахмаленный кружевной предмет мог висеть в туалете и хранить порезанные на листочки газеты, т.к. туалетной бумаги тогда практически не было для рядовых жителей городов и сел. Но такой же карманчик мог висеть и на стенке в комнате или на спинке мягкого дивана. Просто для украшения. Или для каких-нибудь мелочей.

Окна изнутри украшались шторами из кружевной тюли машинной вязки и украшенными вышитыми машинной гла-

дью в технике ришелье портьерами с ламбрекенами. Часто использовались белые ситцевые «задергушки» на половину окна. Задергушки в 60-е годы уже вышивали на швейных машинках, и поэтому они были практически в каждой се-

мье. Мастерицы вышивали и продавали их недорого. В наше время такие задергушки, оставшиеся от бабушек, иногда можно увидеть на окнах застекленных лоджий. Ансамбль белоснежных кружевных изделий сообщал интерьеру комнат праздничную атмосферу и стилистическую цельность.

Своеобразным центром жилой комнаты деревенского дома являлся домашний киот и полочка для икон, которые украшались вышитым полотенцем с фольклорными орнаментами, с кружевными прошвами (вставками) и кружевным краем.

Кружево — старинный вид декоративно-прикладного искусства. По данным археологии и истории искусства, существуют предположения, что кружевоплетением занимались еще древние египтяне и греки. Также извест-

но, что с конца XV — начала XVI в. кружево получило распространение в Европе. Наиболее древним центром кружевоплетения является Италия, а также Фландрия и Франция. Первые сведения о кружевоплетении в России относятся к XIII в. В давние времена кружево использовалось в основном для украшения нарядов и церковных облачений. Заметным явлением повседневной жизни России оно стало в XVII столетии. Кружевные изделия были распространены как при царском дворе, так и в купеческой и в крестьянской среде.

Рассматривая бытовую культуру современности, можно отметить, что в кружевных подзорах, вышитых уголках и дорожках объединились художественные каноны времени, индивидуальные вкусы и эстетические предпочтения мастериц. С сере-

дины 1930-х годов целенаправленная популяризация рукоделия как формы творческого досуга и способа эстетизации жилища способствовала появлению в интерьере разнообразных по назначению, но декоративных по функции кружевных и вышитых изделий: занавески и ламбрекены, чехлы и накидки, «накомодники» и дорожки, салфетки, скатерти и др. В этот период происходит утрата семантических функций в угоду декоративности и бытующей моде, особенно в регионах с многонациональным населением — в Москве, индустриальных городах и переселенческих центрах Сибири, в т.ч. Тюмени.

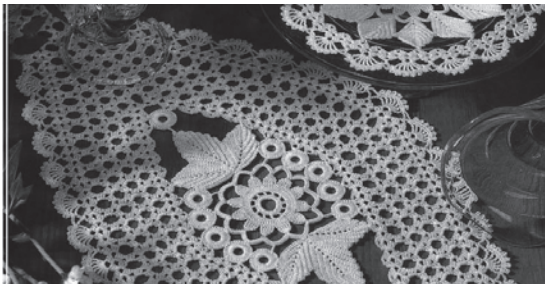
В Тюмень кружевоплетение, в т.ч. на коклюшках, «пришло» вместе с переселенцами с Русского Севера, из центральной России.

В нашем доме на ул. Интернациональной № 110 два раза в год обязательно белили все стены в

комнатах, мыли крашеный потолок, окна и рамы: к 7 ноября и к Пасхе. Меняли весь «убор» дома: все подзоры, уголки, скатерки, скатерти, салфетки, даже лицевая сторона наволочек на диванные подушки (40 x 40 см) и другое было вязанным по одинаковым схемам: с ромбами, звездочками и «ветвями». После следующей побелки все в доме украшалось вышитыми крестиком предметами. Через три месяца, летом, все могло поменяться на вышитое гладью и ришелье убранство с цветами и изображением птиц и плодов. Но подзоры всегда были вязаными.

Такая перемена текстильного декора в пространстве городского дома, безусловно, свидетельствовала о материальной обеспеченности и социальных корнях и эстетическом вкусе бабушки Валентины Ивановны Кацнельсон (1899–1980), в девичестве Нефедовой, которая «правила» домом. Она вносила в быт част-

ного дома провинциальной Тюмени некоторые привычки и представления купеческой семьи: чай пить можно только из чашек и на скатерти, а не из кружки на клеенке; в край-

нем случае, из тонкого стакана с подстаканником. И чай должен наливаться «в край», а сахар — вприкуску.

В то же время эта смена домашнего рукодельного текстиля воспринималась как создание особенного праздничного настроения и радости в доме. И после недельной «грязи» — побелки, генеральной ручной стирки и кипячения семи комплектов постельного белья (а бабушка признавала только белое белье!), перемытой посуды в буфете, таскания ковров и дорожек для обеспыливания на снегу или на заборе, развешивания проглаженных штор, раскладывания салфеток, красиво расставленных фигурок и вазочек на комод и т.д. и т.п. — утро праздничного дня начиналось с белоснежных вязаных узоров и вышивок, с запаха свежего чистого дома, пирогов или куличей! Это была радость.

Изделия из кружева наделены характерной образностью, единством стиливых приемов. Они не только несут следы ушедшего времени, они сами стали этим временем. В России в начале XVIII века в единой культуре формируется два направления: профессиональное («высокое», «ученое») и народное («низкое») искусство. Они стали развиваться параллельно, почти не

пересекаясь. В XIX веке различие между дворянской и народной культурой становится заметнее в художественно-стилевом отношении.

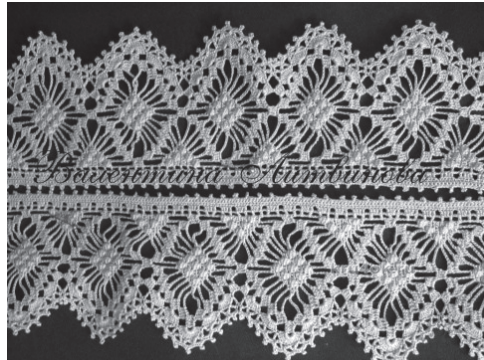
Практически любое кружево — это древний, часто искаженный временем магический заговор-оберег. Мужчины плели свои сети и узлы, чтобы связывать силу зверя и врага, ловить их. Женщины плели свои узлы и сетчатые фрагменты для оформления одежды с целью оберега, защиты, а со временем и как декорирование одежды.

В основе вязанного крючком кружева лежит прием ритмического чередования петель, столбиков, столбиков с одним-двумя накидами, цепочек. «Прочитать» символику кружевной вязаной дорожки или салфетки можно в контексте сетки, как незасеянного или засеянного поля, ветви, рожаницы (ромбы с центральным пересечением вязаных цепочек), волнистого края как хлябей небесных или подземных. Часто используется прием «собираения», сшивания крупного изделия (скатерти, покрывала) из отдельно связанных фрагментов — кругов, состоящих из семи уровней декоративных кругов: от самого мелкого в центре, до украшенных столбиками, пробелами, бридами и др. Это воспри-

нимается и как сказочное солнышко, и где-то там, в глубине исторической памяти, воспринимается как рассказ об устройстве семи небес и семи энергетических телах человека.

Особому разнообразию сюжетов вышивок и приемов изготовления кружевных изделий в 50-е годы способствовали не только рост городского населения, отсутствие телевидения, но и огромное количество предметов домашних рукоделий, привезенных в страну после войны. Они стали своеобразными образцами для домашних мастериц. В это же время появились качественные яркие нелиняющие нитки мулине (в т.ч. китайские), белые хлопчатобумажные нитки разных размеров — от тонких, 60-го, до толстых ниток 10 размера, которые способствовали распространению кружевоплетения.

В изготовлении кружевных изделий для интерьера с середины 1930-х годов, наряду с традиционными крестьянскими техниками, такими как численное ленточное кружево, распространение получают сложные аристократические техники: «ришелье», филейное плетение, петельная (гарусная) вышивка по сетке и

др. Геометрическая орнаментика вязаного кружева в одежде и интерьере дополняется сложным растительным, иногда сюжетным изображением.

Декоративные элементы вязанных на коклюшках кружев имеют свои особые названия. Жучки — мелкие овалы полотнянки на простой решетке. Служат узором узкого кружева или украшением фона. Народное название — мушки, паучки. Денежка — распространенный элемент узоров русского кружева в виде поставленного на угол квадрата, выполняется полотнянкой или сеткой. В других местах ее называли «пышечкой» и др. Домашние, вязанные крючком кружева осваивались на примере готовых образцов (от соседки или знакомой мастерицы), использовали небольшой набор элементов и приемов и были, как правило, несколько однообразны. Боль-

шим разнообразием отличались кружева, изготовленные в сельской местности, где старые кружевницы помнили и использовали традиционные узоры и приемы кружевоплетения тех мест, из которых они попали в Сибирь.

Моя скромная коллекция домашнего кружева и вышивок началась с тех изделий, которые вязала крючком из белых хлопчатобумажных ниток и вышивала гладью и крестиком моя бабушка — Валентина Ивановна Кацнельсон. В девичестве Нефедова, купеческая дочь, которая в период Гражданской войны стала женой политкомиссара из конницы Буденного. До Великой Отечественной войны она практически нигде не работала, т.к. хозяйством занималась горничная, воспитанием детей —

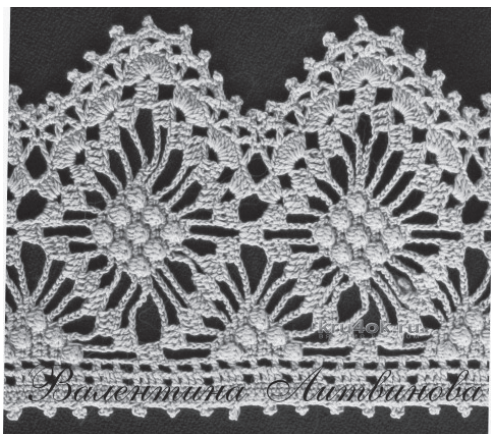
нянька, поэтому много часов Валентина занималась рукоделиями, как это было принято.

Уже в 50-е годы, пережив бомбежки, все потеряв в эвакуации, Валентина Ивановна приезжает в Тюмень вслед за дочерью, куда ее увез муж. С 1951 года моя бабушка занимается домом, огородом, хозяйством, внуками и — когда у нее оставалось время — рукодельями. Часто при свете керосиновой лампы.

Когда я выросла и однажды обнаружила в сарае почти сгнившие бабушкины рукоделья, я их забрала себе и начала потихоньку реставрировать. Но раньше не было времени, а сейчас, увы, нет тех советских хлопчатобумажных ниток № 30, № 10, из которых часто и вязались эти салфетки. Мулине еще можно найти где-нибудь на антресолях, а ниток — нет.

Дар рукодельницы мне перешел от бабушки совершенно магическим образом! После того, как она умерла практически у меня на руках, и тогда, когда я ее поила водой в последний раз.

Мои кружевные «сокровища» периодически пополнялись с питерской «блошки» — своеобразной помеси

рынка антиквариата и «барахолки», когда еще пять лет назад можно было за 200 рублей купить разложенные на газете на полу грязноватые вышитые дорожки или вологодские кружевные воротнички. Сейчас это место уже оборудовано арендуемыми прилавками, охраняется, и, соответственно, цены на рукоделия уже доступны не каждому. На этот рынок, работающий по выходным, любят приходить иностранные туристы, жители Санкт-Петербурга и все, кому хочется поискать какой-нибудь неожиданный и не самый дорогой подарок. Удивительная вышивка на черном выцветшем сатине — «Японка»; тонкого льняного полотна вышитые в технике «ришелье» скатерти и скатерки на тумбочки; вязаные салфетки и плетенные на коклюшках воротнички, привезенные с Русского Севера: из псковских, вологодских, архангельских деревень...

Но особую благодарность мне хочется выразить моим хорошим знакомым, краеведам, которые, узнав о моем увлечении, подарили мне некоторые предметы, которые хранились в доме с 20-х — 50-х годов прошлого времени.

Интересный вклад-подарок в мою коллекцию рукоделий вне-

Софья Евгеньевна Велижанина

сла Галина Ивановна Минина, вдова журналиста и литератора Геннадия Алексеевича Колотовкина (1936–1994). Со свойственной ей тщательностью и пунктуальностью Галина Ивановна сопровождала каждую вязаную вещь дополнительной информацией: «Половинка полотенца. Чистый лен. Ручная вышивка из приданого Велижаниной Полины Андреевны. Примерная датировка: 20-е годы XX в. Дар снохи (жены сына) Полины Андреевны — Велижаниной Софьи Андреевны (1929–2012). Прошва — машинная или ручная работа, неизвестно. Ею украшалась покрывка на кровать, которая стелилась под покрывало, часто ажурное, вязан-

ное крючком. Прошва вшивалась в покрывку по нижнему краю или в середину покрывки. Изделие 30-х годов или раньше. Подарено на свадьбу сыну Велижанину Михаилу Андреевичу (1929–1995) его матерью Велижаниной Марией Александровной, проживавшей в д. Велижаны Тюменской области (ныне Нижнетавдинский район). Дарснохи С.А. Велижаниной.

Софья Евгеньевна Велижанина, была не только замечательным мастером по пошиву легкого женского платья, но и рукодельницей. Ее последнее место работы — преподаватель домоводства в средней школе № 11 г. Тюмени».

Лидия Павловна Прокофьева, член Клуба тюменских краеведов, автор изданной книги мемуаров — *Л.П. Прокофьева. Дом моего детства*. — «Вспоминая XX век». Серия академика М.П. Рощевского. Вып. 8. 2014. Книга читается с интересом и благодарностью: ещё одна страница истории тюменской интеллигенции стала доступна широкой аудитории. Людмила Павловна подарила несколько своих вязаных салфеток и дорожку, которые вязали бабушки-сестры, которые жили в 50-х годах, по ее словам, в подвальном помещении Дом Блюхера (ул. Республики).

Елена Леонидовна Клименко (в девичестве Шницер), кандидат педагогических наук, в прошлом — преподаватель Тюменского государственного университета, подарила предметы дамского туалета, доставшиеся от бабушки. Нижнее белье в самом начале XX в. шили из батиста и щедро украшали вышивкой и тонкими «французскими» кружевами.

Подарили мне и салфетку, вязанную Агриппиной Ивановной Хомяковой (в девичестве Белосусовой, 1911–1988), жившей в г. Красноуфимске на Урале.

Удивительный и совершенно неожиданный подарок сделала мне Тамара Михайловна Климова. По ее рассказу, один из родственников вернулся с войны и привез домой гарнитур из кружев (типа алансонских) машинного изготовления в виде: 6 отдельных медальонов (15 x 8 см), которые использовались для оформления скатерти (по кругу в центре), или подола платья в начале XX века; тонкая и изящная шелковая овальная салфетка, вышитая шелковыми нитками в стиле рিশелье (машинная вышивка), треугольная декоративная нагрудник-кокетка, тоже вышитая в стиле рিশелье. Откуда эти кружева и вышивки, осталось тайной, но кружева пролежали до последнего

года в старом комодe, совершенно новые, неиспользованные и в идеальной сохранности.

Эти подаренные и купленные на «блoшке» предметы, техники и схемы-сюжеты кружевоплетения или вязания крючком, тематика вышивки и приемы работы с мулине четко разделяют эти предметы на две большие группы. Крестьянское рукоделье, адаптирующее и упрощающее народные фольклорные сюжеты (образы Мирового Древа, рожаниц, солярных символов) к техникам изготовления вышивки ришелье с помощью швейных машин; прямоугольных изделий, вязанных крючком; вышивок крестиком по промышленно

изготовленным и нарисованным стандартным рисункам дорожек для трюмо, «накомодников» и др., которыми застилали мебельные поверхности, или «картин», которые вставляли в рамки и развешивали на стенах.

Вторым направлением в домашних рукодельях были кружева и вышивки, сюжеты и приемы изготовления которых сохранились с дореволюционных времен. Они разрабатывались профессиональными художниками. После войны в страну привозили трофейные вышивки и кружева, рисунки которых транслировались в более-менее упрощенном виде в 30–50-х годах XX века.

Надежда Никулина,
Владимир Темплинг

Одиссей советской формации *Предисловие к дневнику нежертвы*

Быть жертвой — это шанс для возвращения, тебя могут оправдать, реабилитировать, а твои записки, если таковые имеются в наличии, не были уничтожены, получат особое право на издание, войдут в число востребованных публикой свидетельств террора. Быть человеком системы — это чаще жить в относительном благополучии, уйти незаметно, а все написанное может попасть на свалку, даже если автор считал эти записки своим сокровищем, перечитывал их в течение жизни, переписывая страницы и аккуратно вклеивая в тетрадь вырезки из газет и книг.

После смерти автора эту рукопись с другими ненужными вещами унесли на свалку, несмотря на то, что на первой ее странице красовалась надпись, способная вызвать любопытство почти у каждого человека. ДНЕВНИК — так номинировал свою рукопись Сергей Чертищев, девятнадцатилетний выпускник школы ФЗУ водного транспорта из Тюмени, которому довелось стать участником морского путешествия по Северному морскому пути в качестве моториста теплохода «Комсеверопуть».

Особый интерес у читателя может вызвать внешний вид доку-

мента. Перед нами результат превращения обычной толстой тетради на 96 листов в книгу-альбом, т.е. в текст, точную номинацию которому дать сложно. Многие читатели зрелых лет помнят, как в догадочный период всеобщей грамотности многие молодые люди, отправляясь в путешествия или на службу в армию, вели подобные записки, украшая их рисунками, вклеивая на страницы вырезки из газет, фотографии. Рукопись Сергея Чертищева даже в этом смысле является уникальным документом, поскольку оформлением этой книги-альбома и одновременно путевого дневника он занимается на протяжении всей жизни. Уже спустя годы после путешествия Чертищев отслеживает публикации, каким-то образом связанные с экспедицией, бережно вклеивая их в тетрадь, вносит дополнения, туда же помещает письма родственников и свои же открытки и телеграммы, отправленные семье из Германии и Норвегии, с почтовых станций советского Севера. Но основной текст рукописи складывается в ходе путешествия, что подтверждается небрежностью записи некоторых фрагментов, большим

количеством сокращений, отсутствием единой маркировки в данных о положении судна и погодных условиях.

На протяжении всего путешествия Сергей Чертищев записывает в тетрадь свои впечатления, фиксирует координаты судна, не сомневаясь в эпохальных масштабах переживаемого им события. Теперь именно он, когда-то обычный человек, стал героем, способным взять на себя миссию летописца. Каждая запись этого дневника путешественника — свидетельство, отмеченное нарочитой конкретностью деталей с точностью датировок, географических объектов и т.д. Без лишних предисловий уже на первой странице автор рукописи констатирует: «Из Омска выехали в Ленинград 1-го июля 1930 года с поездом № 83 в 11 часов 25 минут. Тюмень проехал 2-го июля в 7 часов утра, забежал на станции в ларёк к Кичигиной». Такая точность напо-

минает о жанре отчета и одновременно о значительности миссии летописца, который не делает различий между личным и общим, значительным и второстепенным, т.е. сам является частью истории.

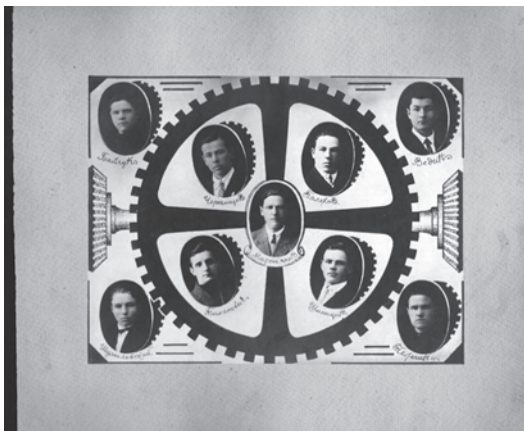
Юный летописец не ищет особенных слов для отражения потока переживаемых им событий, а пользуется теми, к которым привык, не избегая повторов, простых сравнений и просторечной лексики. Так, например, свои первые впечатления от прогулок по Ленинграду он излагает нарочито лаконично: «Ленинград понравился и оказался гораздо лучше, чем я думал о нём раньше, и он своими постройками перещеголял Москву. Ровные прямые улицы, красивые 4-этажные дома, все ровные...».

«Ровные улицы», «красивые», «чистота», «порядок» — главные лексемы рукописи, используемые автором для описания зарубежных городов, через которые пройдет маршрут его путешествия («Сегодня в час дня подошли к г. Хорштадт, который расположен в красивой местности, город небольшой, но улицы мощные, чистота, бегают авто»). А употребление вместо прилагательного «красивый» слова «шикарный», характеризующего немецкий городок

Штетин, становится знаком особого восторга: «Город залит электрическим освещением, большое движение, больше, чем в Ленинграде. Снуют велосипедисты, авто, мотоциклы, сильно пахнет газOLIном, отчего с непривычки кружится голова, город чистый. Постройки всё больше старинные, публика одета чисто, много магазинов, шикарно украшены витрины, тут есть всё в витринах: и авто,

и вплоть до обстановки шикарной комнаты». Примечательно, что в описании городов заграницы Чертищев делает акцент на чистоте улиц, на чистой одежде людей, тем самым отражая типичные для своего времени реакции советских людей, оказавшихся на Западе, и обязательно сравнивает их условия жизни со своими, разумеется, в пользу последних. Однозначность таких оценок диктуется скорее идеологическими штампами, характерными для человека советской формации. Так, например, веским аргументом в отрицании красивой и чистой жизни в Германии является факт увольнения немецких рабочих, о котором Сергей Чертищев мог услышать от политработников или прочесть в советских газетах: «В настоящее время на верфи занято 2000 рабочих, с окончанием работ по теплоходам

Фото из альбома 4-го выпуска учеников ФЗУ Тюменской школы водного транспорта

оставляют всего 300 чел., остальных увольняют».

Записи первых дней путешествия по городам Германии пестрят оговорками и фактами оценочного характера человека советской идеологии. Так, например, в поле зрения Чертищева попадает эмигрант, который «...стоит в Советский Союз». Описывая немецкие магазины, советский путешественник считает очереди нормой жизни и даже свидетельством благополучия и, соответственно, критикует заграничный порядок: «Товаров здесь в магазинах очень много, избыток, все завалено, а покупателей нет, объясняется это тем, что мала покупательская способность у населения и большая безработица — кризис». Собственно, историческая ценность рукописи в некоторой

степени и обусловлена специфичностью взгляда советского человека 30-х года XX столетия на реалии своей и чужой жизни.

Тем не менее само путешествие становится для автора записок выходом за пределы повседневного опыта, за пределы бытовых проблем в героическое пространство, где он сам герой, участник грандиозного проекта освоения Севера. Хотя о значении Карских экспедиций Чертищев в своих записках почти ничего не говорит (только пару раз сообщает о докладах на тему освоения Северного морского пути в формате политического занятия), вырезки из газет, которые представлены в рукописи, выполняют роль авторитетных комментариев и свидетельств важности летописания. Так, например, газетная публикация про порт на острове Диксон

не просто значимая публикация о местах и событиях, свидетелем которых является автор рукописи, но и некий дискурс северной героики, сопричастным коей себя чувствует и Чертищев.

С особым вниманием он следит за судьбой встретившегося ему в путешествии настоящего героя (о котором пишут в газетах) Бориса Чухновского. В дневнике даны описания человека, его самолета и подробно рассказывается эпизод, когда Чертищев фотографирует авиатора и обещает ему выслать фотокарточку. Он наклеивает в свою тетрадь фоторепродукцию летчика, вырезанную из газеты, и сам свидетельствует о его внешности и обаянии: «Чухновский немного художав, волосы не черные, но и не блондин, начинает лысеть, энергичный, веселый, вносил на совещании дельные предложения,

и его все внимательно слушали». За его судьбой Чертищев будет следить на протяжении жизни. Спустя годы в этой же тетради появится еще одна газетная вырезка о Чухновском, теперь уже с официальным материалом на смерть героя, которую можно датировать сентябрем 1975 года.

Если на Чухновского автор путевого дневника смотрит с почтением, видит в нем настоящего советского героя, проявляет интерес к его судьбе, посвящая ему несколько страниц, то о своих сотоварищах, с которыми общается ежедневно, пишет немного, будто считает, что писать о них не нужно, поскольку такие свидетельства не будут интересны возможным читателям дневника. Упоминания о членах команды даются мимоходом, по случаю, без подробностей, порой без указаний имен. Например, следующим образом Чертищев пишет о своем сотоварище Марцулане: «Нас стало усиленно качать, наши “ударники” принялись сызнова блевать, потешно смотреть на Марцулана, который хвалился в Ленинграде, что ему никакой шторм не страшен, сейчас его корёжит, не может стоять на вахте, просит по-

стоять за него». Несколько раз вспоминает об Югане, которого кратко характеризует: «Юган — немец, судовой врач, матрос...». Но именно с этим неизвестным нам Юганом он интересно проводит минуты и часы жизни. В компании с Юганом и капитаном он ездит на лодке с корабля на норвежский берег, осматривает окрестности, гуляет по городу. По имени и фамилии называет лишь Глеба Коротковского, с которым, видимо, вместе несет вахту и общается немного ближе, чем с остальными членами команды.

Следует отметить, что Сергей Чертищев в своем путевом дневнике никого не называет своим другом, вообще не пишет о дружбе с кем-либо из членов команды. Только пару раз с нежностью запишет имя земляка, с которым по случаю встречается. Именно земляк Миша Голубев передал ему письмо из дома.

Не исключено, что уход от темы дружбы — это сознательная установка автора, который взял на себя миссию летописца, а для истории, по его мнению, значительными являются факты и персоналии, которые раскрывают общественные настроения, касаются общественной жизни. На страницах тетради мелькают имена руководителей экспедиции, партийных работников. Пример из записей по первым дням экспедиции: «Торжественное заседание открыл наш консул т. Калина¹, который предварительно поздоровался с каждым, он немного под-

¹ Калина Игнатий Петрович (1884–1938) — профессиональный партийный работник БУНДа в Польше, первый советский консул в Гданьске (Данциге) в 1926–1933 гг. Арестован в 1937 г. по обвинению в шпионаже в пользу польской разведки. Умер в тюремной больнице.

хворнул и на заседание запоздал, ждали его минут 15. В своем выступлении он рассказал нам о Данциге, вольном городе, и его политике. После этого т. Мозолевский сделал доклад о Карской экспедиции и ее назначении».

Чертищев часто не указывает имена начальников, будто в спешке перечисляя факты, но порой отступает от такого принципа. Так, дважды с инициалами прописывает участие в экспедиции И.А. Чарушникова². Во время спасательной операции в заключительный период экспедиции свидетельством масштабности событий становятся имена других начальников: «В эту спасательную экспедицию с нами едет начальство Главн. уполномоченный ГПУ порта, пред. правления Комсеверопути т. Лавров³, председатель печати (корреспондент ТАСС), он же фоторепортер т. Зингер и другие». Лавров и Зингер — имена, которые Чертищев запоминает и фиксирует в своем путевом дневнике несколько раз. О Лаврове вспоминает шесть раз, будто присматривается к нему. «В 12 часов подошли к реке Курейке, оттуда на наши гудки подошел “Енисей” (на нем Лавров)», — такого типа замечания не редкость в записках Чертищева. О профессиональной активности Максима Эммануиловича Зингера, в то время корреспондента газет «Известия» и «Правда», в дневнике упоминает трижды.

Но большинство персонажей истории, записанной Чертищевым, — это интернациональные

друзья, матросы, рыболовы, охотники, грузчики и т.д., которых он почти не персонифицирует. В какой-то момент возникает впечатление, что автор записок или не особо интересуется этими людьми, или проявляет нарочитую осторожность. Показателен в этом плане эпизод со стариком-норвежцем: «Побывал на норвежской рыболовной шхуне, в машинном отделении и т.д. Старик-рыболов показывал и рассказывал, но мало

² Чарушников Иван Алексеевич (Александрович) (1890–1940) — главный диспетчер транспортной конторы ГУСМП в г. Красноярске. В 1930 выезжал в Германию в командировку по приему и сопровождению судов, изготовленных в Германии. Арестован, обвинялся по ст. 58-7, 58-11, 58-13 УК РСФСР. Осужден 10.02.1940 Красноярским крайсудом на 10 лет ИТЛ и 5 лет лишения политических прав.

³ Лавров Борис Васильевич (1886–1941) — исследователь Арктики, организатор арктических экспедиций, один из руководителей Главного управления Северного морского пути. Организатор строительства порта Игарка, начальник первой Ленской экспедиции (1933–1934) по проводке грузовых судов из Архангельска в устье Лены. Репрессирован по делу антисоветской правотроцкистской организации, в которую он был якобы завербован Н.А. Углановым, школьным товарищем Лаврова, с которым он всю жизнь сохранял дружбу. 28 июля 1941 года Лавров был расстрелян.

что понятно». Чертищев будто не проявляет особого интереса ни к судну, ни к многословному старику, избегает всяких комментариев и оценок.

Иностранцы Чертищеву интересны, но подробнее и чаще он пишет об иностранных судах, чем о людях. Вообще граждан иностранных государств он условно делит на тех, с кем можно «держать интернациональную связь», и на «публику», которая представлена чуждыми советскому человеку социальными элементами. В путевой дневник вклеена фотография интернациональных друзей, которая иллюстрирует одну из ярких встреч участников экспедиции с оркестром Красных фронтовиков в Германии. Можем предположить, что формат встречи был более чем неофициальным и даже душевным, о чем свидетельствует факт того, что один из оркестрантов оставил Чертищеву свой адрес («велел писать письма и держать интернациональную связь»). Вместе с тем об этой встрече Чертищев пишет сухо, будто по шаблону официального отчета: «В общем, встреча с ними носила самый дружественный и задушевный характер, жаль только, что не захватил из СССР значков, просят они на память, все монеты советские отдал им, они восхищаются советским гербом как малые ребята». Некие нотки превосходства в репликах об иностранных товарищах могут объясняться убежденностью советского моряка в том, что он, яв-

ляясь гражданином страны Советов, имеет некоторые идеологические преимущества перед представителями других государств. В целом же Чертищев относится к иностранцам дружелюбно, в традициях своего времени, опираясь в оценках на критерий социальной принадлежности людей.

Классовый принцип срабатывает как основной критерий и в оценках людей, которых Чертищев встречает и на советском Севере. Например, о ссыльных он пишет: «Видел здешних ссыльных кулаков, что они из себя представляют, не стоит и писать об этом». Любопытство к врагам не чуждо Чертищеву, но при этом особого интереса они у него не вызывают. Его больше беспокоят житейские беспорядки. С возмущением он пишет о грузчиках, которые «плохо работают, не слушаются, даже себе жилье не помогают делать».

Неинтересны Чертищеву и местные жители Севера самоеды, с которыми неоднократно общается команда, обменивая водку на песцов. Сам Чертищев в обмене не участвует, но фиксирует в дневнике («Приехали они с целью (как я потом узнал у одного самоеда-бедняка) выменять водку (“улюлю”) на песцов»). Его интерес к самоедам возрастает только после разговоров о том, что их председатель — кулак, т.е. классовый вопрос беспокоит его, входит в число основных. Можно сказать, что автор путевого дневника постоянно ищет вокруг себя подтверждения правоты той идеологии, которую

проводит советское государство, исследует механизмы упорядочивания жизни по законам страны Советов и сам не отступает от этих законов.

Следует отметить, что ближе к окончанию экспедиции недовольство местными советскими властями, организаторами экспедиции у Чертищева возрастает. «А безобразий здесь много, плохо работают организации», — реплика наблюдательного человека, заинтересованного в общем порядке. На фоне информации о том, что экспедиция может затянуться на значительное время, усиливается тоска по дому, а критический настрой в оценке событий становится более явным. Теперь Чертищев активно фиксирует не только обычные показатели по маршруту судна и данные погоды, но и факты бесхозяйственности: «По Игарской протоке идет крупный лес (стапеля-доски), в общем валюта уплывает мимо в море, безобразия, и никто мер не принимает, загружены, говорит, и без того».

В записях от 17 ноября Чертищев записывает важную для себя информацию, свидетельствующую о скором завершении экспедиции: «Кулагин, согласно полученной телеграмме от ГПУ и приблечения “Комсеверопути” и Сибкрайкома, сообщил, что наш теплоход в Игарку на зимовку не пойдет». Последняя запись будет датирована 28 ноября. Записи оборвутся на полуслове: «Льдины плывут, царапают корпус, весь теплоход содрогается ото льда.

Баржи деревянные, есть опасность, что льдом разрежет, поэтому их оставили у деревни зимовать, сами пошли с лихтером дальше, до куда будет возможность пройти. На лихтере импорт и хлеб...». Уже после путешествия Сергей Чертищев вклеит телеграмму, отправленную семье, вырезки из газет, а также пропуск с территории Красноярского затона, действительный до 15 ноября 1930 года.

Сдержанный в описаниях событий и людей, Сергей Чертищев почти не отбирает факты, а записывает все то, что видит сам и считает важным: координаты судна, технические характеристики кораблей, качество питания и, конечно, все, что попадает в поле зрения во время несения вахты: берега, люди, погода и т.д. На первый взгляд, он пишет без лишних претензий на создание шедевра, не причисляя себя к талантливым литераторам-летописцам, хотя велика вероятность, что был хорошо знаком с жанром путевого очерка, поскольку именно на 1920–1930-е годы выпадает пик расцвета этого жанра. Например, в журнале «Новый мир» тех лет существует рубрика «По советской земле», где печатаются очерки по поездкам корреспондентов в советские деревни, а в журнале «Сибирские огни» функционирует специальная рубрика «Внутреннее обозрение Сибири», где публикуются материалы о достижениях народного хозяйства и героическом освоении Севера. Но

мы склонны считать, что Чертищев не обеспокоен проблемами своего стиля и языка вовсе не по причине своей крайней скромности, а напротив, на основании особой уверенности в своем таланте, который по юности лет и в соответствии с образованием и духом времени несколько им переоценивается. Неоднократно в рукописи Чертищев упоминает о том, что именно он является ответственным за стенгазету и выполняет это поручение быстро и хорошо. Аргументом в пользу нашего суждения является и тот факт, что через несколько лет после экспедиции Сергей Герасимович Чертищев будет нести службу именно по литературной части в должности уполномоченного Обллита по г. Тюмени и Тюменскому району, а затем уполномоченного Обллита Омской области.

Возможно, именно путешествие на теплоходе «Комсеверопуть» помогло выпускнику тюменской школы ФЗУ стать человеком, который нужен системе, т.е. её типичным героем. И именно в свете такой типичной для времени трансформации из незаметного человека в значительного формируется особая ценность этой рукописи, истории о превращении молодого тюменца в Одиссея советской формации. Примечательно, что Сергей Чертищев, подобно гомеровскому Одиссею, наделен особым практическим умом и постоянно тоскует по дому, отправляя письма и открытки, превращая свое возвращение домой в часть истории путеше-

ствия (в тетрадь он бережно вклеит свои открытки, телеграммы и письма).

От внимания читателей этого дневника путешественника не может ускользнуть такая деталь, как особое внимание автора к теме еды и к ценам на различные товары. Например, он считает важным отмечать качество своего рациона с первых дней путешествия. Еда становится маркером благополучия в описаниях заграничной жизни, но обязательно с намеком на какой-то изъян: «Пицца хорошая, сегодня пили кофе со сливками, с колбасой, маслом, мясом и т.д., ешь сколько хочешь, хлеб белый, но плохо то, что пресной...». В описаниях корабельных будней часто сетует на качество готовки, ругая повараху, а к концу экспедиции — на нехватку пресной воды. Нередко в описаниях трапезы встречается просторечная лексика: «Сегодня давил какао, да густое, приелось уже, предпочитаю чай». Несколько раз в тексте рукописи встречается глагол «шамать», демонстрирующий традицию речевого поведения молодого человека тех лет, выходца из крестьянской или рабочей среды.

Интерес к бытовой составляющей — это, с одной стороны, естественная для советского человека озабоченность, обусловленная дефицитом продуктов, недоступностью каких-то товаров, а с другой стороны — это признак человека делового, по-житейски ловкого, но погруженного в быт. Одновре-

менно такая приверженность к теме пропитания и всего бытового характеризует автора записок как выходца из семьи, которая знакома с крестьянским укладом жизни. При этом на протяжении всего дневника Чертищев фиксирует детали, демонстрируя некоторые особенности своей натуры и даже намекая на собственную исключительность. В частности, он неоднократно говорит о своей стойкости в отношении морской качки и о том, что ему завидуют другие моряки. Он не засиживается долго на вечеринках с другими моряками и не употребляет алкоголь. Правильный, дисциплинированный, выносливый, он даже в минуты отдыха не забывает о своей миссии вести записи.

Путевой дневник, созданный мотористом морского судна «Комсеверопуть» — уникальный документ советской эпохи, который может быть полезен и интересен разным читателям. Но прежде всего тем, кто пытается разобраться в законах государственной системы, поощряющей одних и наказывающей других, кто размышляет о коллизиях свободы в сталинских лагерях и несвободы в пространствах океана, кто знает о неизбежности тоски по дому, в который не всегда можно вернуться.

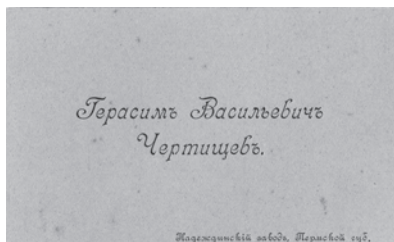
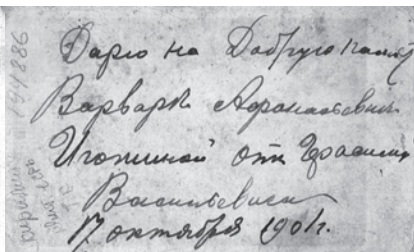
Юный Сергей Чертищев после путешествия вернулся в Тюмень. А дальше уже совсем другая история, типичная для советской эпохи, нормальная для человека советской формации.

Жизненный путь Сергея Герасимовича Чертищева (1911–2000)

По наблюдениям современных ученых-историков, рубеж тысячелетий интересен тем, что биографический элемент в истории обрел новое качество: наряду с парадными биографиями выдающихся деятелей от политики, культуры, науки и т.п. историки стали больше уделять внимания изучению частной, приватной внутренней жизни своих героев. Также обнаружилось, что биографии «простых», ничем, на первый взгляд, не примечательных людей могут иметь научную значимость, они оказались важным звеном для реконструкции способов построения социального мира, познания логики и стратегии действий сообществ, родственных групп, семей, индивидов⁴.

Биография автора публикуемого дневника — это история жизни человека из самой гущи совет-

⁴ Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы: сб. научн. ст. Сер. «Человек второго плана в истории» / отв. ред. Л.П. Репина. СПб.: Алетейя, 2010. С. 6–7; Беспалова Ю.М. Обращение к себе: повседневная жизнь западносибирской семьи глазами социолога. Тюмень: Мандр и К^а, 2014. 472 с.; Темплинг В.Я. Ипостаси духа: опыт заурядных биографий. Тюмень: Мандр и К^а, 2012. С. 5–13.

ского общества, «советского человека» по самой своей сути. Родившийся в 1911 г., революцию, Гражданскую войну и советские преобразования Сергей Герасимович Чертищев встретил и переживал в том самом возрасте, когда нормы, умения, навыки и ценности, приобретенные в тесном семейном кругу, вступают во взаимодействие с внешними социальными факторами, в советское время постепенно приобретающими характер тотальности. И, по всей видимости, конфигурация личностных компетенций нашего героя в результате этого взаимодействия оказалась оптимальной для наличной социальной ситуации, для того, чтобы быть успешным.

Свидетельство тому — жизненный путь С.Г. Чертищева.

Родился Сергей Герасимович во вполне типичной для бурно развивающейся России начала XX века семье выходцев из вятских крестьян, уже оторвавшихся от земли. Отец — Герасим Васильевич Чертищев — образованный, деятельный служащий нефтесклада Надеждинского металлургического завода — флагмана уральской черной металлургии. Мать — Варвара Афанасьевна Игошева — простая, неграмотная, но глубоко верующая девушка-сирота, после смерти родителей приехавшая на Урал к братьям. Их брак из разряда тех, о коих говорят, что они заключены на небесах⁵. Шесть сыновей и дочь родились в этом счаст-

⁵ Другой пример такого брака этого же времени и тоже государственных крестьян, выходцев из Вят-

ливом союзе, который, увы, был прерван безвременной кончиной главы семьи в 1922 г. от тифа. К этому времени многочисленное семейство Чертищевых покинуло Надеждинский завод и переехало в Заводоуковск, где Герасиму Васильевичу предложили возглавить первый в губернии зерносовхоз. Варвара Афанасьевна осталась одна с семью детьми на руках. Для страны начала 1920-х гг., постепенно высвобождавшейся из дурмана Гражданской войны, ситуация, к сожалению, привычная. Кто знает, как бы сложилась дальнейшая судьба семьи, надолго ли хватило сил у одинокой матери, но свою положительную роль сыграло то обстоятельство, что Чертищевы еще не были вполне городскими жителями. Взращенные в лоне традиций крестьянского общежития, даже покинув родные места, они продолжали оставаться их носителями. И в трудное для семьи время на помощь пришли

ской губернии, но с совершенно другой траекторией развития жизненного пути — союз В.Л. и Е.П. Жернаковых. См.: Йокояма О. Жизнь купеческой семьи Жернаковых // Тюмень: образ, душа, судьба / ред. Н.П. Дворцова. Тюмень: ФГУ ИПП «Тюмень», 2004. С. 348–361.

родственники. Дядя Герасима Васильевича Николай Петрович Чертищев, который в то время возглавлял Тюменский губисполком (он же и пригласил племянника возглавить новое дело), перевез Варвару Афанасьевну с детьми в Тюмень, купил дом, помог устроиться на работу старшему сыну Дмитрию. Так жизнь постепенно входила в нормальное русло.

В 1925 г. по окончании 6 классов школы-семилетки № 14 Сергей Чертищев решил получить рабочую профессию и поступил в тюменскую профтехшколу, где проучился год по специальности слесаря. В следующем году продолжил обучение в школе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) водного транспорта с 4-годичным обучением. На завершающем этапе обучения в 1930 году трое учащихся школы, в их числе и наш герой, были направлены в загра-

Семья Герасима Васильевича Чертищева
Фото 1900 г.

начную командировку для приемки новых теплоходов, строившихся для «Комсеверопути» на верфях вольного города Данцига. По существу, это путешествие стало началом самостоятельного пути молодого специалиста-механика, которому суждено было стать политическим работником.

Вернувшись после навигационной практики в декабре 1930 г. в Тюмень, Сергей Герасимович до марта 1933 года работал слесарем и машинистом стационарных установок в депо Тюмень. Вступление в партию в 1932 г. и, очевидно, активная общественная деятельность подготовили следующий поворот в его жизни. В марте 1933 г. его переводят в транспортный отдел ОГПУ станции Тюмень для подготовительной работы по проведению паспортизации. Для понимания значимости этого перемещения важно поместить его в контекст исторической ситуации конца 1920-х — начала 1930-х гг. Страна превратилась в огромную строительную площадку — стремительными темпами разворачивалась индустриализация и в основном завершилась сплошная коллективизация крестьянских хозяйств. Огромные массы народа перемещались по территории страны, но не всегда в нужных для государства направлениях. Методы проведения в жизнь идеи строительства нового общества не у

всех вызывали восторг, особенно пострадавшей стороной оказались крестьяне. Поэтому наиболее дальновидные из них перебирались в города, на стройки социализма, там же скрывался и «нежелательный элемент». В первую очередь для выявления такого «элемента» постановлением Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров № 57/1917 от 27 декабря 1932 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» в СССР вводилась паспортная система, паспорт становился единственным документом, удостоверяющим личность⁶. Паспортизации прежде всего подлежало население Москвы, Ленинграда и Харькова, зоны вдоль границ государства и железных дорог. Обязательная прописка стала одним из основных инструментов оперативно-разыскной работы компетентных органов, средством тотального контроля над населением страны.

В этом же 1933 г. произошло еще одно значимое событие в жизни С. Чертищева — в ноябре его призывают в ряды рабоче-крестьянской Красной армии. Он уезжает на восток, в Благовещенск, где проводит положенные два года и увольняется в запас с должности командира отделения. К этому времени относится и окончательное определение амплуа — военный политический работник. Но сначала была работа в цензуре. В мае 1936 г. Тюменским горкомом

⁶ Попов В. Паспортная система советского крепостничества // http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/6/popov.html

ВКП(б) он был назначен начальником отдела цензуры Тюменского горлита, а в сентябре Омским обллитом и обкомом ВКП(б) утвержден уполномоченным Обллита по г. Тюмени и Тюменскому району. С 1937 г. он одновременно являлся инструктором политотдела 65-й стрелковой дивизии, к которой был приписан и где проходил ежегодные сборы.

С 1939 г. Сергей Герасимович окончательно связывает свою судьбу с политической работой в армии. Служит старшим инструктором информации политотдела 65-й стрелковой дивизии Забайкальского военного округа⁷, старшим инструктором читинских курсов усовершенствования командного состава ЗабВО; комиссаром, старшим инструктором политотдела ВПУ Забайкальского фронта, полковым агитатором 368-го отдельного горно-стрелкового полка, преподавателем курсов подготовки и переподготовки комсостава Забайкальского фронта, затем Дальневосточного военного округа. Участвовал в войне против Японии с 8 августа по 3 сентября 1945 года в качестве преподавателя партполитработы фронтных курсов политсостава. С 1951 г. его служба продолжает-

Семья Чертищевых.

С.Г. Чертищев в первом ряду справа
Фото 1960 г.

ся в политуправлении Северо-Кавказского военного округа, но даже и после отставки в 1961 г. подполковник запаса С.Г. Чертищев не оставляет полюбившуюся работу. В это время он — секретарь парткома воинской части, инспектор по кадрам, член парткомиссии при политотделе спецчастей Краснодарского гарнизона, член парткома. Заканчивает активную трудовую деятельность Сергей Герасимович на традиционной для военных политработников в советскую эпоху стезе — старшим инженером по кадрам в Управе-

⁷ До 1939 г. подразделения 65-й стрелковой дивизии (территориальной) дислоцировались в Тюмени, Ишиме и Камышлове, затем дивизия была переброшена в Забайкалье. С 14 ноября 1941 г. принимала участие в боевых действиях на северо-западных участках фронта, в том числе под Тихвином, в районе Мясного Бора.

нии рабочего снабжения объединения «Краснодарнефтегаз» в 1972 г. В СССР существовало правило, по которому кадровую работу на важных государственных предприятиях, как правило, вели кадровые военные. Через некоторое время, в 1977 году, он возвращается в Тюмень⁸, ведет обычную для военного пенсионера и ветерана жизнь, участвует в работе местной ветеранской организации. Уже здесь в апреле 2000 г. приказом Верховного главнокомандующего ВС Российской Федерации ему присваивается звание «полковник в отставке».

Источники и принципы публикации

Биография автора дневника воссоздана на основе подлинных документов, кропотливо и скрупулезно собираемых самим Сергеем Герасимовичем на протяжении всей жизни. Как политический работник и кадровик, он прекрасно понимал значение и важность документа, поэтому берег все, что имело отношение к его биографии. После ухода из жизни в домашнем архиве С.Г. были обнаружены многочисленные справки, удостоверения об учебе в ФЗУ водного транспорта, о прохождении производственной практики, о работе уполномоченным Главлита при Тюменском горно. Та самая мореходная книжка, что сопровождала автора

дневника в зарубежной поездке. А еще аттестация на должность инструктора политотдела в/ч 4304, документы о работе и службе С.Г. Чертищева (расчетная книжка, военный билет, трудовая книжка); об учебе в заочной Высшей политической школе ГлавПУ РККА (зачетная книжка, диплом, выписка из зачетной ведомости); «Личное дело майора С.Г. Чертищева» и несколько личных листков по учету кадров 1940-х годов. Здесь же следует упомянуть о множестве фотографий. Среди них привлекает внимание обилие изображений людей юго-восточного типа, характерные прически и элементы одежды выдают в них японцев. О том, как попали эти снимки в частный архив, в настоящее время ничего сказать невозможно. Вероятно, их появление связано с пребыванием С.Г. Чертищева в Южно-Сахалинске во время военной кампании летом-осенью 1945 г.

И вот все это документальное богатство после смерти владельца было обречено на забвение. Символично, что наследники оказались не способны оценить важность и ценность родительского документального наследства, части и своей истории. Как некогда в годы постперестроечного угара горячие головы были готовы выбросить из памяти 70 лет жизни советских людей, таким же образом пытались расстаться с этим наследством и потомки политработника Сергея Герасимовича

⁸ Кубочкина В. Вятские — ребята хватские // Тюм. изв. 2010. 2 июня, № 93 (5070).

Чертищева. Благодаря усилиям и настойчивости сотрудника Тюменского областного краеведческого музея Марины Эриковны Волковой какая-то часть (в точности мы сказать не можем, какая) архива была спасена и благополучно перекочевала в фонды музея, пополнив его бесценные документальные сокровищницы⁹.

При передаче текста дневника публикаторы стремились отразить оригинальность структуры текста, особенности авторской орфографии и пунктуации, рассматривая их как знаки времени. Именно по этой причине сохране-

ны просторечные выражения и слова. Время от времени встречающиеся подчеркивания текста красным карандашом выделяются подчеркиванием. В публикации сохранены латинские и кириллические указания мер длины, неустойчивость в названиях некоторых географических объектов (например, Туруханск — Труханск), сокращения названий кораблей и т.д. Все реконструкции, принадлежащие публикаторам, также заключены в квадратные скобки. Отмечаются места вклеек фотографий, вырезок из газет и книг.

---

⁹ Во время подготовки дневника к публикации документы из архива С.Г. Чертищева еще находились в процессе описания и постановки на учет. Поскольку эта процедура в связи с перемещением фондов в новое здание затянулась, то указать выходные данные пока не представляется возможным.

Сергей Чертищев

Общая тетрадь
Дневник 1930 г.

Начат 1-го июля в г. Ленинграде.

Закончен ???

[Л. 4] Из Омска выехали в Ленинград 1-го июля 1930 года¹ с поездом № 83 в 11 часов 25 минут. Тюмень проехал 2-го июля в 7 часов утра, забежал на станции в ларёк к Кичигиной.

5-го июля

Приехали в Ленинград на Октябрьский вокзал² в 2 часа дня (в 14 часов).

На трамвае доехали до Васильевского острова в доме эмигрантов по ул. Лет. Шмидта, № 11 (Дом совторгфлота³). Вечером, купив путе-водитель, занялся осмотром Ленинграда, путешествуя в самые отдалённые части Ленинграда на трамвае. Ленинград понравился и оказался гораздо лучше, чем я думал о нём раньше, и он своими постройками перещеголял Москву. Ровные прямые улицы, красивые 4-этажные дома, все ровные, по приказанию «Екатерины великой»⁴, не раз-

¹ Подчеркивание используется автором нечасто, обычно тем же цветом, что основной текст, но первые записи содержат подчеркивания красным карандашом, что свидетельствует о серьезности установок на письмо, на аккуратность оформления. Далее подобные выделения текста передаются подчеркиванием и не оговариваются.

² Ныне Московский вокзал в Санкт-Петербурге.

³ Советский торговый флот (Совторгфлот) — акционерное общество, созданное в 1924 г. для упорядочения работы торгового флота страны. В общество вошли Госторгфлот, Доброфлот и АРКОС (англ. Arcos, AllRussianCooperativeSocietyLimited, Всероссийское

кооперативное акционерное общество, созданное в Лондоне в 1920 г., выступало в качестве представителя советских внешнеторговых организаций в сделках с английскими фирмами, осуществляло экспортно-импортные операции). В начале 1930-х гг. в доме по набережной Лейтенанта Шмидта, 11 находилась эмигрантская и иммигрантская контора. В настоящее время здесь располагается Институт русского языка и культуры СПбГУ, Филологический факультет СПбГУ и др. учреждения.

⁴ Написание в кавычках и с прописной — распространённая ошибка и одновременно особенность пунктуации, характерная для некоторых носителей русского языка, которые

решалось производить постройку домов выше «зимнего дворца»⁵, а поэтому все дома ровные, в 4 этажа. //

[Л. 4 об.] **6-го июля**

Утром в 11 часов пошёл по путеводителю в Петропавловскую крепость. Осмотрел её и все достопримечательности, послушал экскурсоводов, которых здесь немало.

Петропавловская крепость была в[ы]строена для защиты против шведов, но через короткое время она стала тюрьмой для «политических преступников».

Чернышевский в Петропавловской крепости написал книгу «Что делать»⁶.

Виднейшие революционеры содержались в этой крепости.

В 1917 году в стенах этой тюрьмы оказались министры царского правительства.

Сейчас здесь музей, мрачные камеры с маленькими окнами, большинство одиночек, темные закоптелые коридоры, глухо-сыро⁷.

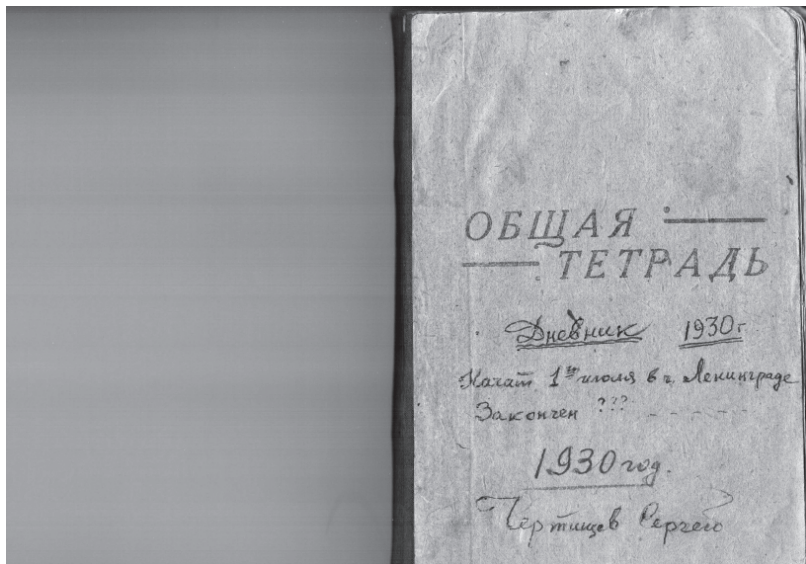
специально не изучали правописание, но имеют стремление выразить через кавычки, выбор заглавной или прописной личное отношение к объекту как лицу.

⁵ И вновь кавычки. Возможно, одна из причин высокой частотности нерегламентированного употребления кавычек — рефлексия на границе прямого и переносного смыслов, собственного имени и нарицательного. Далее прописная и кавычки даны в авторском варианте и комментируются только в особых случаях.

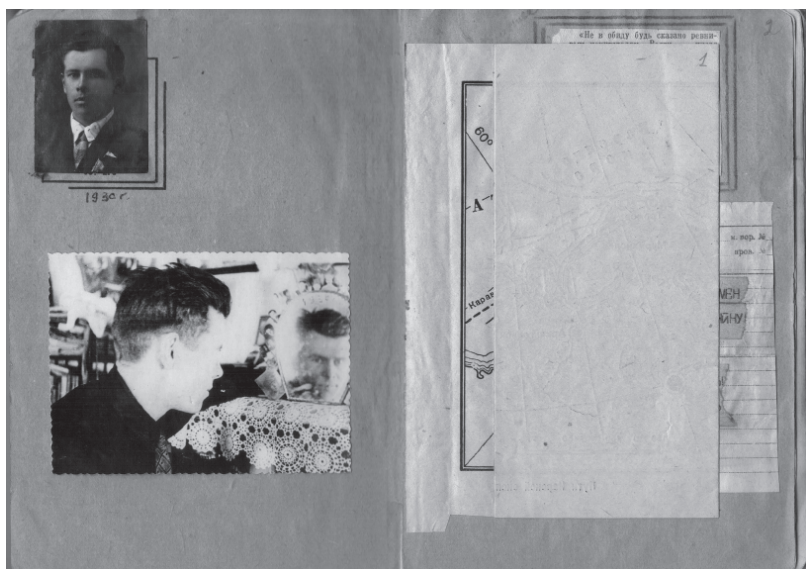
⁶ Факт создания Н.Г. Чернышевским романа «Что делать?» именно в стенах Алексеевского рavelина Петропавловской крепости был хорошо известен школьникам советской формации. Этот писатель вошел в число наиболее значительных персоналий, которые были рекомендованы для изучения в программных рекомендациях. В 1921 году Государственный учений совет Нарком-

проса представил в «Программах для I и II ступени семилетней единой трудовой школы» первый стабильный список произведений, рекомендованных для изучения. Основу программы составляла в основном русская литературная классика XIX столетия. Следует отметить, что в советской школе до середины 1930-х годов (период коренной перестройки школьного образования) особо подробно изучалась биография Чернышевского, поскольку многие педагоги того времени активно внедряли в практику преподавания биографический метод, который использовался не для того, чтобы объяснить сюжетные повороты классических сочинений подробностями жизни авторов, а для того, чтобы показать учащимся «высокие образцы человеческой личности» (Н.М. Гердзей).

⁷ Наречие почти изобретено автором рукописи в этом варианте правописания.

Обложка дневника

С. 2 обложки — Л. 1

Осмотрев крепость, я отправился в знаменитый зимний дворец, который в октябрьские дни был штурмом взят пролетариатом. Сейчас здесь музей Революции⁸, но, чтобы посмотреть в нём все достопримечатель- // [Л. 5] ности, нужно потратить дня 2. Сделал большой осмотр, много интересного⁹.

Вечером ходил в сад Народного дома¹⁰, катался на американской горке и т.д. В саду много хороших здоровых развлечений (здесь, действительно можно хорошо отдохнуть и весело провести время). Сад очень понравился, советую его посетить всем, кто побывает в Ленинграде.

7-го июля

С утра пошел осмотреть Ленинград с вершины Исаакиевского собора, забрался вверх, экскурсантов лезет туда много, очередь так друг в друга (по винтовой маленькой лестнице) и упрутся головой...

⁸ Заглавная буква характеризует идеологические позиции автора.

⁹ В описаниях пространственно-временных реалий опирается на текст экскурсоводов, идеологические штампы эпохи. Выбор деталей (с акцентом на событиях революции) обусловлен контекстом жизни и мысли. При этом наблюдаются штампы бюрократического происхождения.

¹⁰ Народный дом — «Заведение для народного развлечения императора Николая II» — был открыт в декабре 1900 г. на территории Александровского сада, в нем располагались помещения для театра, концертов, благотворительных и просветительских организаций. При нем был устроен сад с аттракционами, в том числе американскими горками, обсерваторией, павильонами и торговыми киосками. В 1906 г. проложена первая в России детская железная дорога. После революции 1917 г. при Народном доме был большой сад с открытой сценой и аттракционами. В начале XX века на берегу Невы, между Кронверком и Биржевым мостом,

позади Петропавловской крепости, рядом с Народным домом императора Николая купцом С.П. Елисеевым были сооружены «американские горы» — потешная горная дорога с крутыми подъемами, спусками и поворотами. Просуществовали горки до ноября 1932 г., когда в Госнардоме случился пожар, и вместе со старым театральным корпусом (потом на его месте построили Театр имени Ленинского комсомола) сгорели и «американские горы». Новые «горы» заработали только в середине мая 1934 г. Именно об этих горках писал Н. Заболоцкий: «Народный дом, курятник радости, Амбар волшебного житья...». В саду этого курятника радости было много аттракционов, в том числе и очень почитаемые молодежью «американские горы». К сожалению, о первых, «елисеевских», горах информации почти нет, но о построенных в 1934 году «советских» известно гораздо больше. Проект подготовили архитекторы А.П. Великанов, А.Ф. Хряков и инженер П.В. Старцев. Новые «американские горы»

С собора открывается великолепный вид города, собор этот со стороны кажется небольшим, на самом деле очень высок, с его фонаря видно окрестности Кронштадт, Петергоф, Детское село, Финляндию. // [Л. 5 об.]

[На странице материала вклеена вырезка с информацией о Петропавловской крепости.]

Построен Ис[аакиевский] собор в 1858 году. Красивы его гранитные выточенные и отшлифованные колонны.

Вечером ходил в кино звуковое, впервые в жизни кино «Совкино», смотрел «План великих работ»¹¹.

Сегодня пришло сообщение, что на 9-го¹² выезжать из Ленинграда.

В отношении питания здесь намного лучше Тюменского, да здесь ещё удивительно торгуют много частников, в отношении мелкой монеты серебра здесь¹³ туговато, крупные деньги нигде не меняют, так как серебро куда-то исчезло. Очевидно, дело рук классового врага¹⁴. И на трамвае не проедем: садимся, вагоновожатый предупреждает... «крупные деньги? нет сдачи, слезайте!» и никаких гвоздей¹⁵.

Вчера в Неву против нашего местожительства приходил большой белый морской пароход, пассажирский, который я наблюдал впервые, пристань находится напротив нас, отсюда //

сгорели во время бомбежки осенью 1941 года (прим. подготовлено на основе материала ведущего архивиста ЦГАКФФД СПб. Оксаны Евцихевич).

¹¹ Вкинотеатре «Совкино» в 1929 г. состоялась первая в СССР демонстрация звукового фильма. Репертуар кинотеатра состоял из экспериментальных фильмов с музыкальными номерами, звук которых записывался по системе Шорина на оптическую дорожку переменной ширины. В 1930 г. закончена работа над первыми полнометражными звуковыми документальными фильмами «План великих работ» и «Симфония Донбасса», снятыми режиссёрами А. Роомом и Дзигой Вертовым по той же системе.

¹² «-го» — это излюбленное автором окончание для числительных, ко-

торым он пользуется во всех падежах, в этом случае — просторечие.

¹³ Одна из примечательных орфографических ошибок — написание «здесь» с начальной буквы «с», при этом частотность такого «здесь» зашкаливает, что вполне объяснимо психологической установкой автора рукописи фиксировать «здесь и сейчас».

¹⁴ Мотив врага в 30-е годы входит в число основных, но в этих записках реализуется скромно, что, возможно, объясняется психологическими особенностями пишущего.

¹⁵ В этом предложении нами предложена пунктуационная правка, поскольку автор при передаче чужой речи отказался от знаков препинания, что обусловлено формой дневникового письма, где разговорный стиль доминирует над установками книжного характера.

[Лл. 6–7 об. включают вырезку из путеводителя «Ленинград» (?) с изображениями фигур на крыше Зимнего дворца, пушки Петропавловской церкви, буксиров на пристани Невы, площади у Октябрьского вокзала с памятником Александру III, памятником В.И. Ленину на площади у Финского вокзала, памятником Володарскому, Дворцового моста, районами новостроек ул. Тракторной, видом Чернышева моста, мечети и набережной у Академии художеств.]

[Л. 8] направляются пароходы в Петергоф и Кронштадт.

8 июля

Днём осматривал зимний дворец и домик Петра великого¹⁶, видел халат Петра и его громадные пикеты для распивания (роспива) пива.

Вечером ходил в сад Таврический (в цирк «Мюзик-холль»¹⁷).

9 июля

С утра отправился осматривать дворцы, расположенные в детском селе (бывшем) Царском). Туда нужно ехать поездом, что отправляется с детско-сельского вокзала. Осмотрел там оба дворца — Екатерининский и Александровский — и парк, покатался по озеру, заезжал на середину на острова, осмотрел памятник, дворцы, осмотрел быстро, т.к. в детское село приехал уже в 1 час. Ну в общем убедился, как жили и поживали «наши» цари, какая у них была роскошь и т.д. По дороге обратно встретил Леву Ернева, который играл возле дома, поговорил с ним. // [Л. 8 об.] Начерпал в «царском селе» грязи в сандалии, т.к. сегодня прошел большой ливень, приехал домой уже поздно.

Живём здесь хорошо, со всеми удобствами, в помещении светло, тепло, чисто, внизу швейцар, у каждого дружинная койка, постельная принадлежность, тумбочка, полотенце и т.д.

Обеды здесь 1-ое блюдо 15–20 коп., второе 25–35 к., хлеба к обеду хватает, получаем суточные 3 руб.

10 июля

Сегодня утром нам предложили, чтобы мы никуда не расходились и приготовились к отправке.

В 3 часа дня мы перегрузились на управление Совторгфлота на дебаркадер¹⁸, до этого сходил в Центральный почтамт и отправил домой оставшиеся 10 руб., т.к. нас предупредили, чтобы больше одного рубля на руках не было, ребята отправились пропивать остатки. //

¹⁶ Возможно, прописная буква объясняется тем, что Петр, по мнению автора рукописи, с точки зрения новой идеологии хотя и велик, но все-таки царь, эксплуататор трудящихся.

¹⁷ Столь странное написание ныне известного сложного слова «мюзик-холль» объясняется тем, что само

понятие этого зрелища было ново советскому человеку и норма правописания слова не закрепились.

¹⁸ Специальное конструктивное сооружение, предназначенное для облегчения погрузочно-разгрузочных работ, в том числе посадки/высадки пассажиров.

[Л. 9] В три часа у нас в Совторгфлоте проверили вещи и документы, каждый проверенный переходил в другую комнату, это была уже граница, и после чего мы уже не могли сойти на берег. В 18 часов за багажом и за нами пришел буксирный пароходик «Снаряд», который доставил нас на морской пароход «Ямал». На пароходе нас разместили по каютам, довольно удобным, снабдив хорошими постельными принадлежностями.

В 7 часов вечера таможенники покинули пароход и мы тронулись в путь, сначала нас развернули катера (т.к. пароход стоял в порту под погрузкой пеньки, яиц и т.д.) и затем пароход пошёл самостоятельно по искусственному каналу. В порту стоит по обеим сторонам много иностранных пароходов, штук до 50. До заката солнце прошли Кронштадт, где стоят военные // [Л. 9 об.] корабли Аврора и другие, там же стоит б[ывшая] царская яхта, шли мимо Кронштадта близко, а поэтому интересно было наблюдать.

Затем прошли место, где шли работы по делу утопленного Англичанами в 1919 году крейсера «Олег»¹⁹, часть его уже всплыла наружу²⁰. Видны ещё берега Финского залива. При выходе из Ленинграда пили чай с маслом сливочным и бел[ым] хлебом Ленинград далеко видно, вот он уже сливается с горизонтом, а всё ещё видно, возвышается «Исакий», много турб и т.д.

Навстречу попало несколько иностранцев²¹, идущих к нам за лесом и т.д., идут они пустые, винт на половину работает в воздухе²². Одного «иностранца» обогнали, везёт чурки гладко обструганные, загружен весь, в том числе и верхняя палуба.

Вот повстречался белый пароход, стоящий на якоре, это приемный, на нём три полосы, красная, белая и снова красная. // [Л. 10] Около него «Ямал» застопорил, высадили в поданную шлюпку Ленинградского лоцмана.

Гудок и снова за кормой забурлил винт, придавая пароходу легкое содрогание. Начинается волнение, Ленинграда уже не видно. Нос парохода то высоко поднимается над кормой, то быстро оседает вниз,

¹⁹ Русский бронепалубный крейсер, последний из крейсеров типа «Богатырь». Корабль принимал участие в Цусимском сражении. Уцелел и интернировался в Маниле. Вернулся на Балтику. Участвовал в Гражданской войне (десант в Гунгербурге 28 ноября 1918 г.; подавление восстания на форту «Красная Горка» 13–15 июня 1919 г.). В ночь с 17 на 18 июня

1919 г. был атакован английским торпедным катером и затонул.

²⁰ За этими фактами угадывается осведомленность автора в корабельной теме.

²¹ В данном случае имеются в виду пароходы иностранных компаний.

²² Деталь, характеризующая один из тематических и стилистических пластов — профессиональный.

обдавая мелкими брызгами стоящих на носу. Наблюдал до семерьков²³. Лёг спать ровно в 12 часов.

11 июля

Утро. Сегодня встал в 7 часов, вышел на палубу. Кругом море, берегов не видно. Погода стоит великолепная, солнечная, ветер почти отсутствует, качка чуть заметная. Над пароходом кружатся белые чайки, ловят хлеб, который бросаю за борт²⁴. Воздух очень чистый и прозрачный.

В 7 ¹/₂ завтрак, проехали мимо острова «Готланд»²⁵. Погода хорошая. // [Л. 10 об.] На горизонте видны силуэты пароходов, вот вдали показался большой парусник, наподобие нашего «Товарищ»²⁶. Начинается небольшая качка.

В 12 обед. Осмотрел пароход и все его достопримечательности, долго стояли на носу, наблюдая природу с механиком «Вейбергом»²⁷.

Встретили и обогнали несколько иностранцев, которые прошли совсем близко возле нас, часть матросов приветственно машут нам, на корме у них флаги государств²⁸. С 5 часов ветер начинает крепнуть, качка усиливается.

Вокруг парохода носится стая буревестников, 10 ¹/₂ дует сильный ветер, идут большие волны, с шумом налетая на пароход, на горизонте сверкает молния.

Видны приближающиеся черные тучи. Кроме груженого немца с лесом, которого мы обогнали, ничего не видно кругом, // [Л. 11] бесконечное море, покрытое сплошь большими волнами.

Солнце закатывается, ожидается буря, идут приготовления, всё на палубе привязывается и закрепляется. Сильная качка, чувствую себя

²³ Возможно, диалектный вариант лексемы «сумерки» в значении: время от заката солнца до полного исчезновения света.

²⁴ На первый взгляд, деталь с чайками — малый эпизод повествования, но за ним угадывается известная в культуре сюжетная линия путешественника. Блум (дублинский Одиссей) в романе Д. Джойса наблюдает за чайками... В таком контексте С.Ч. — это новый Одиссей советской формации, покидающий родные берега. Возможно, не случайно этот мотив является в его повествование в самом начале путешествия.

²⁵ Самый большой остров в Балтийском море, принадлежит Швеции.

²⁶ Автор записок в обязательном порядке указывает названия всех проходящих мимо судов, что обусловлено и его профессией, и позицией путешественника.

²⁷ Стиль, напоминающий об отчете, изобилует нейтральной лексикой.

²⁸ Какие флаги и какая часть матросов? — автор записок не уточняет, что может быть обусловлено его личными установками на отбор информации для записи и осторожностью.

превосходно, качка пока что не влияет на меня. Ветер стал холодным, порывистым и резким²⁹.

После обеда спали, затем был чай, ужин и снова чай. Шамовак очень хорошая, всего шамаем 5 раз в сутки³⁰.

Пароход «Ямал» не особенно большой: длина его = 25 фут., ширина = 32 фут. и глубина = 20 фут. Спать легли уже поздно.

13-го июля

День наступил сносный, хотя всё еще сильно качает, ночью нас резко встряхнуло, но я эту первую качку перенес очень хорошо, хоть бы что.

Идём со скоростью 9 миль в час.

Расстояние от Кронштадта до Штетина³¹ 683 мили. //

[Л. 11 об.] В 2 часа на горизонте показались берега Германии, вечером будем Штетине. Волнение затихло, берега всё приближаются. Местность гористая, вся покрыта зеленью. Видно много всевозможных дач и вил³² моторки и шхуны. Неподалеку от нас стоят четыре немецких эсминца³³, на корме у обоих развиваются разноцветные флаги. Подходим к берегу, на берегу которого расположен большой красивый город, пароход останавливается, дает гудки, подъезжает моторная лодка с лоцманом (маленький толстый немец) и двумя офицерами. С любопытством оглядываем офицеров и их погоны. Пароход под руководством лоцмана входит в канал и дальнейший путь идёт по ка-

²⁹ Описание приближающейся бури — пример стремления С. Чертицева к литературности. На протяжении всех записок он следит за изменениями в природе не только с точки зрения моряка, управляющего судном, но и летописца, для которого природные явления — важная часть эпической картины.

³⁰ «Шамать» — есть, «шамовка» — еда — пример разговорно-сниженной лексики, уместной в изолированной среде, в т.ч. и на судне среди матросов (см. Толковый словарь Т.В. Ефремовой).

³¹ Немецкое название (до 1945 г.) польского города Щецин. Крупный торговый порт и промышленный центр на Балтийском побережье, член Ганзейского союза. Во время путешествия С.Ч. Штеттин

— главный порт немецкой провинции Мекленбург и Померания.

³² Это слово в некотором смысле является маркером чужого для автора мира, мира капиталистов.

³³ Эскадренный миноносец (сокр. эсминец) — класс многоцелевых боевых быстроходных маневренных кораблей, предназначенных для борьбы с подводными лодками, летательными аппаратами и кораблями противника, а также для охраны и обороны соединений кораблей или конвоев судов при переходе морем. Эскадренные миноносцы могут также использоваться для разведывательной и дозорной службы, артиллерийской поддержки при высадке десанта и для постановки минных заграждений, а также дымовых завес.

налу, местами попадают навстречу пароходы, небольшие, с публикой, // [Л. 12] на пароходах гремит музыка, публика нарядная, гуляет, сегодня праздник, множество всевозможных нарядных шхун, моторок, лодок, кругом веселятся. На берегу тоже гуляют, гремит местами музыка, красивые дачи, фермы, много зелени, везде чувствуется немецкий порядок, кругом чистота, деревья ровно подрезаны, зелень также. Публика аккуратная, хорошо одетая, местами нам машут шляпами, платками, на борту у нас развивается красный флаг.

Вот проезжаем мимо какого-то большого завода, из корпусов выбежали рабочие, тоже машут³⁴, двое стоят совсем близко с поднятыми кулаками и что-то кричат, не иначе, какие-нибудь фашисты, но наши матросы поясняют, что это красные фронтовики, поднимаем и мы приветственно кулаки и приветствуем пролетариат Германии³⁵. А населения по берегам канала очень много, местами проходим // [Л. 12 об.] озерами.

В 7 часов вечера подходим к гор. Штетин, большой город, большой и порт, пристаём к берегу, после различных церемоний, которые проделывали таможенные портовые власти, нам в 10 часов вечера разрешают сойти на берег, спускают сходни и мы торжественно сходим на немецкую территорию, идём в город, уже темнеет, после 3-хсуточного пребывания на море мы снова на берегу.

Город залит электрическим освещением, большое движение, больше, чем в Ленинграде. Снуют велосипедисты, авто, мотоциклы, сильно пахнет газOLIном³⁶, от чего с непривычки кружится голова, город чистый.

Постройки всё больше старинные, публика одета чисто³⁷, много магазинов, шикарно украшены витрины, тут есть всё в витринах: и авто, и вплоть до обстановки шикарной³⁸ комнаты.

³⁴ Глагол «махать» в описании контакта с иностранцами встречается по тексту несколько раз, реализуется как сквозной мотив письма и одновременно указывает на формализацию общения советского человека с гражданами других стран.

³⁵ Комический характер эпизода подчеркивает коммуникативную дистанцию между представителями разных стран. В описательных фрагментах автор рукописи тяготеет к излишне длинным синтаксическим построениям, объединяя в одном предложении несколько

событий. Такой синтаксис отсылает к традициям литературы «потока сознания» и вновь напоминает о Блуме Джойса и о гомеровском Одиссее.

³⁶ Газолин — вид топлива, характеризующийся большей летучестью, чем бензин.

³⁷ Чисто, чистый — сквозной мотив в описаниях немецких городов и их жителей.

³⁸ Эпитет «шикарный» в одном предложении встречается дважды, характеризует роскошь жизни за границей.

В одном доме сквозь открытое окно граммофон, наигрывает // [Л. 13] знакомое, прислушались, поёт «Вниз по матушке, по Волге», идём дальше, зашли в кино, идёт кино «Рваные паруса»³⁹, она⁴⁰ шла у нас когда-то в Тюмени, по магазинам не ходили, т.к. не получили ещё денег, т.е. валюты.

Сегодня здесь день траура, это сообщил нам лоцман немецкий, неподалеку от Штетина в одной из шахт обвалом завалило 150 чел. рудокопов.

14 июля

Сегодня получили аванс по 10 марок, ходили в город, первым делом закупили шоколаду и «нашамался»⁴¹ его, здесь он недорогой, всего 40–50 пфеннигов фунт.

В 7 часов ходил снова в город, разыскал почту, закупил марок, открыток, послал открытку домой. Русский язык здесь не понимают, интересно весьма получается⁴². Здесь большой порт, много крупных заводов. Сегодня был у нас на пароходе наш консул, славный парень, спросил его, как писать на откр[ытке] адрес, он мне накатал. Оказалось просто // [Л. 13 об.] а почту с трудом разыскал. Мало-мало объяснился с немцами.

Туда же пришел и наш Юган-немец, судовой врач, он же матрос, почтари его не отпускали и беседовали с ним часа 3, все расспрашивая о Советском Союзе, но Юган коммунист и агитировал их.

На пароход приходят торговцы и шапшандеры⁴³, предлагают всякую всячину, подходил белоэмигрант, стоит, поет, просит, чтобы его взяли в Советский Союз⁴⁴.

³⁹ Драма «Разорванные паруса» — типичный образец черно-белого немого кино 1920-х годов — была создана английским режиссером А.В. Брамбле (1884–1963). В главных ролях снимались Милтон Розмер, Мэри Одетт и Джеффри Керр. В основе сюжета фильма события одноименной книги Аллен Райна. События происходят в тихой деревушке, любовный треугольник и трагическая развязка. В настоящее время фильм считается утерянным. <http://www.general-ebooks.com/book/75766209-torn-sails>

⁴⁰ Кино нередко склонялось в речи как существительное женского рода по аналогии со словом «картина».

⁴¹ Грубое-разговорное слово в значении «много съесть», встречается в рукописи неоднократно.

⁴² Удивлён фактом незнания русского языка на фоне пропаганды высокого авторитета советской культуры.

⁴³ Шапшандер (флотск. русск. арг. — от англ. ship-chandler) — мелкий снабженец судов, стоящих у причала.

⁴⁴ Белоэмигрант — яркий образ, отсылающий к реалиям эпохи.

15 июля

Сегодня утром покинули Штетин в 8 часов 15 м.⁴⁵ на поезде, который отправлялся в сторону Данцига. В вагонах хорошо, порядок, дорогой беседовал с проводниками, они поляки, понимают русский язык, когда-то в царское время бывали в России, рассказал им, как живётся в СССР⁴⁶, им сначала не поверилось, привел доказательства, говорят, что про наш союз здесь пишут всевозможную небылицу. //

[Л. 14] 16 июля

В 9 утра прибыли в Данциг⁴⁷, здесь нас встретили представители полпредства и комсверопути. Хотя путь от Штеттина до Данцига и недалёк, но мы его ехали больше суток, дело в том, что надо было сделать 3 пересадки, т.к. проезжали по территории другого государства — Польши (польский коридор). Ночью останавливались в одном большом городе, походили по нему.

На польских станциях, на перронах много разгуливает офицеров-жандармов.

Временно поселились пока на теплоходе «Советская Сибирь»⁴⁸, так как в нашем еще не высохла окраска в каютах.

Теплоходы «Первая пятилетка» и «Красноярский рабочий»⁴⁹ ещё пока не готовы, стоят без труб, устанавливаются на них дизеля, мы

⁴⁵ Точность в указании временных координат обусловлена спецификой вахтовой службы.

⁴⁶ Аббревиатура латиницей в формате кальки (СССР, а не USSR) может являться ироничным намёком на зарубежные шаблоны восприятия советского государства.

⁴⁷ Данциг — старинный ганзейский город, важный торговый центр на Балтике. Ко времени посещения автором город с 1920 г. имел статус вольного, приобретённого им после окончания Первой мировой войны. На его территории находились собственно город Данциг и свыше 200 более мелких населённых пунктов бывшей Германской империи. В соответствии с решением Лиги Наций город не являлся частью ни Германии, ни Польши. Однако город не был независимым: он находился под про-

тектором Лиги Наций и входил в таможенный союз с Польшей. Польша имела также особые права в городе, при этом большинство населения Данцига было немецким. Наряду с немецкой маркой в качестве денежной единицы использовался местный гульден.

⁴⁸ «Советская Сибирь» — один из пяти судов, строившихся в 1929–1930 гг. на верфи Шихау для Комсверопути, позднее был переименован и стал называться «Владимир Ленин».

⁴⁹ Винтовой буксирный теплоход «Первая Пятилетка», из серии судов, построенных в 1930 году на заводе «Schichau-Werke». Суда предназначались для обеспечения Карских экспедиций и освоения прибрежной части Северного морского пути. Одно судно было распределено на Обь («Анастас Ми-

ходили знакомится с работой. Верфь «Шихау» громадная, но на ней строятся только лишь // [Л. 14 об.] наши теплоходы да ремонтируется один океанский пароход в доке⁵⁰.

В настоящее время на верфи занято 2000 рабочих, с окончанием работ по теплоходам оставляют всего 300 чел., остальных увольняют⁵¹. Из теплоходов только «Первая пятилетка» идёт в Омск⁵², остальные 3 идут на Енисей в Красноярск.

20-го июля

Эти дни писать не было время⁵³, все путешествовал, осматривал, знакомился и т.д. Масса новых впечатлений — не опишешь⁵⁴.

коян»), одно на Лену («Первая пятилетка») и три на Енисей («Красноярский рабочий», «Советская Сибирь» и «Комсеверопуть»). В 1970-е годы все суда были выведены из эксплуатации и заменены на новые буксиры и буксиры-толкачи. В настоящее время одно сохранившееся судно такого типа можно увидеть в Красноярске — это «Красноярский рабочий». Суда этого типа оснащались двумя четырёх-цилиндровыми дизелями немецкой фирмы MAN.

⁵⁰ Фердинанд Шихау (Schichau) — немецкий инженер-судостроитель (1814–1896). В 1837 г. основал машиностроительный и судостроительный заводы в Эльбинге, позже присоединил к этим заводам док в Данциге и ремонтные мастерские в Пиллау. На заводах Ш. построены: первая немецкая паровая землечерпальная машина (1841), первый прусский винтовой пароход «Боруссия» (1855). Ф. Шихау сконструировал особый тип минного судна, принятого во всех ведущих морских державах мира.

⁵¹ Деталь, указывающая на минусы капиталистического мира.

⁵² В Омск пошел только «Анастас Микоян» (см. сноску 49). В газете «Со-

ветская Сибирь» от 10 мая 1929 г. читаем: «20 мая теплоход “Микоян” будет спущен на воду. Заканчивается обшивка носа и кормы теплохода “Микоян” Комсеверопути. На 20 мая назначен спуск его в воду. Корпус теплохода был заказан фирме Ньюске в Штеттине, но фирма в результате забастовки лопнула и заказ передан фирме Нордзее-Верке в Эмдене. Дизели строит фирма Манн в Аугсбурге. 15 июля теплоход будет готов. Для приемки выедет г. Орховский с командой сибирских водников. Сейчас идет подбор команды и оформление морских книжек международного образца. Капитаном на “Микоян” назначен И.А. Чудинов, один из опытных речных капитанов, много лет плававший на пароходе “Волга” с Карской экспедицией. После приемки “Микоян” своим ходом пройдет через Север в Обскую губу и дальше — в Омск, где войдет в состав Карской экспедиции. По мощности “Микоян” — первый из наших теплоходов в Сов. Союзе».

⁵³ С 16-го июля записи не велись.

⁵⁴ Это предложение дописано более мелким почерком, чем основной текст записи, на свободном месте чернилами другого цвета.

Вчера переселился в свою каюту на теплоход «Комсеверопуть», каюта чистая, просторная, помещается в ней 6 человек команды, посредине каюты стол (1,65 x 0,5 м), два больших иллюминатора, двухъярусные пружинные койки. В каюте белая окраска, на столе стоит белая люстра⁵⁵ же, выдали каждому матросу подушку, наволочку на матрац, простыни, всё новое. У каждого свой шкаф-гардероб, в котором можно хранить одежду и т.д. // [Л. 15]

В общем, в каюте уютно и хорошо, нам, по-видимому, в ней придется прожить месяца 3.

Оборудован теплоход очень хорошо⁵⁶, имеется камбуз (кухня), каюткомпания, красный уголок и т.д.

Вчера купили здесь патефон за 120 гульденов и пластинок (на средства культурфонда). Выдали нам по 100 марок, ну мы сразу же и поперли в магазин покупать костюмы, тут же и нашелся посредник, представившийся, что он специально послан из полпредства для покупки нам костюмов.

Купил себе костюм за 78 гульден, шевиотовый (из мягкой ворсистой шерстяной ткани), купил поменьше и дешевле за 35 гульд. И сейчас щеголяю в нём. В Штетине всё дешевле, нежели здесь, там, например, можно было купить часы за 3 марки, ботинки за 15 м.⁵⁷ Товаров здесь в магазинах очень много, избыток, всё завалено,

[На странице приклеено вырезанное из неизвестного источника фото стоящего в профиль полицейского и карандашом подписано «фашист полицейский».] //

[Л. 15 об.] а покупателей нет, объясняется это тем, что мала покупательская способность у населения и большая безработица — кризис. Кило колбасы стоит 1 марка 70 гульден, что, конечно, дорого. В Данциге продукцию не производят, ввозят сюда из Германии, и получается, что все товары вдвое дороже.

18-го июля наш теплоход ходил в море на испытание — приемное.

Ушел он в 6 часов утра, мы остались на берегу, т.к. моя вахта была в ночь. В 5 часов вечера заводский катер увез меня на наш теплоход в море, на вахте ночью мы только познакомились с работой, управляли же теплоходом немцы.

⁵⁵ В описании каюты автор записок предельно точен, использует канцеляризмы; фрагмент напоминает о жанре отчета.

⁵⁶ «Хорошо», «хороший» — слова, выполняющие оценочную функцию, свидетельствуют о том, что в некоторых фрагментах рукописи автор не заботится о красоте сло-

га, а его речь не отличается особым богатством.

⁵⁷ Интерес к ценам на различные товары может объясняться тем, что автор рукописи стремится дать информацию по бытовым вопросам, которые могут возникнуть у сограждан при разговоре с человеком, побывавшем за границей.

Немцы же готовили и обеда, и ужин. На ужин подавали по бутылке пива немецкого и коньячку 3 звездочки, которого я выпил только рюмку⁵⁸. На теплоходе было много немецких инженеров, были и наши. Уходили так далеко в море, так что и земли не было видно. // [Л. 16] Ходили полным ходом по морю всю ночь и вернулись обратно в 9 ч. Ночь была темная и красиво было наблюдать за мигающими огнями маяков, находящихся на берегу.

19-го в 4 часа было торжество. Поднимали советские флаги на теплоходах, присутствовали при этом наше торговое представительство. Подняли флаги, спели интернационал, затем несколько раз сфотографировались.

Вечером 19-го советское консульство устроило нам вечер-банкет в своем клубе, кроме нас присутствовали на нем представители красных фронтовиков и компартии, которые сделали доклады и приветствовали нас.

Торжественное заседание открыл наш консул т. Калина⁵⁹, который предварительно поздоровался с каждым, он немного подхворнул и на заседание запоздал, ждали его минут 15. В своем выступлении он // [Л. 16 об.] рассказал нам о Данциге, вольном городе, и его политике. После этого т. Мозолевский сделал доклад о Карской экспедиции⁶⁰ и ее назначения. После заседания пили чай, к которому было подано много всяких бутербродов и постряпушек, конфет и шоколада, ну конечно, подносили⁶¹ как следует. Наше полпредство помещается в трёх-этажном каменном доме, построенным «Петром великим».

Данцигом управляет комиссар, выделенный Лигой Наций. Всего Данцигу принадлежит 400 жителей. В последнее время Польша старается всякими путями прибрать Данциг к своим рукам, что ей частично и удается сделать.

В Данциге крепкая организация «Красных фронтовиков», единственная не запрещенная и легальная по всей Германии⁶². Вчера, попросив разрешения, они сегодня приехали к нам, // [Л. 17] на лодках человек 50 со своим оркестром и перебрались к нам. Все они в полной своей форме.

[На странице закреплена углами фотография представителей организации.]

На торжественном заседании докладчик сказал, что они явились бы все всей организацией, да теплоход не выдержит всех и полиция // [Л. 17 об.] может придаться забузить, поэтому они и явились на лодках.

⁵⁸ Эпизод характеризует автора рукописи как человека, пьющего вмеру.

⁵⁹ См. сноску 1 на с. 294.

⁶⁰ Карские экспедиции.

⁶¹ Просторечие. «Подносили» упот-

ребляется в значении «угощали вином».

⁶² Фрагмент текста о Данциге пишется, скорее всего, с чьих-то слов (язык политинформации).

Играл оркестр «Кр[асных] фронтовиков» революционные песни, Интернационал и т.д. Долго беседовали с ними, плохо только то, что по-русски у них мало понимают. Вообще веселое время это было, так не опишешь. Надо пережить самому, чтобы испытать. Мне они подарили значок «Кр. Фронт» и снимок ихнего оркестра, на обороте написали свой адрес (один из фронтовиков) и велел писать письма, держать интернациональную связь⁶³. В общем, встреча с ними носила самый дружественный и задушевный характер, жаль только, что не захватил из СССР значков, просят они на память, все монеты советские отдал им, они восхищаются советским гербом как малые ребята.

Столуемся в частной столовой, кормят хорошо, стоимость 2 гульдена 60 пфен. в день. // [Л. 18] Идёт заготовка продуктов, скоро выезжаем из Германии.

Сегодня произвели отчисления по 5 марок в пользу политзаключенных и их семей, недавно здесь был большой процесс и человек 40 посадили полит. крестьян и рабочих. Прислали по этому поводу они нам приветствие.

Время идет весьма быстро, город осмотрел весь, на верфи неоднократно беседовал с рабочими. Послал письмо и открытку домой.

23-го июля

Сегодня в 9 часов утра вышли из порта Данциг (верфь Шихау). В море дождалась «Советскую Сибирь», она нас взяла на буксир (для экономии топлива) и мы отправились в далекий путь. Продуктов запасы порядочно, столуемся хорошо. На вахте стою 2 раза в сутки, по 4 часа, с 4 утра до 8 и с 8 до 4 часов отдыха.

[Страница дневника оформлена фотографией стоящего в профиль полицейского, точно такая же вырезка приклеена раньше. Возможно, взята из каких-то агитационных материалов, которых было у команды в избытке]. //

[Л. 18 об.] **24-го июля**

Идём в открытом море, в 12 часов показался остров. Чувствую себя великолепно.

25-го июля

С 12 часов пошли самостоятельно без буксировки.

7 часов утра, идем по проливу, на обоих берегах раскинулись живописные берега, с одной стороны — шведский, с другой — датский, видны крепости.

Дальше пролив расширяется, и берега скрылись из виду.

⁶³ Эту фотографию автор бережно хранил в специальном конверте. Конверт приклеен к нижней

корке переплета, в нем же хранится письмо родных из Тюмени.

Поднялся сильный ветер, началась сильная качка, вошли в Северное море.

По радио сообщили, что в Немецком море свирепствует сильный шторм, и поэтому мы зашли отстаиваться, повернули назад в датский городок Скачен⁶⁴.

Немецкое море прошли, вернее залив Скагеррах⁶⁵, выехав из Скачена в 4 часа утра, в 7 утра вошли в полосу тумана.

26-го⁶⁶

Вода в немецком море характерно // [Л. 19] отличается от воды Балтийского моря, здесь синий оттенок, а в Балтике зеленоватый. Море переплыли, но ввиду очень сильной качки (какую я еще не видывал), бросало как спичечную коробку под наклоном 35°–40°. Из команды многие «травили концы», но я себя чувствовал очень хорошо, даже весело было и тошнить не клонило. Ввиду свирепствующего шторма пришлось зайти и отстаиваться в шведский городок Kristiansand (Христиансанд)⁶⁷. Очень красивый городок, побывал в нем, чистота⁶⁸, кругом городка горы, покрытые зеленью.

27-го

Сегодня в 12 часов с теплохода «Советская Сибирь» (он является ведущим) объявили по радио, что ввиду свирепствующего шторма в море, мы будем стоять здесь до вечера и что нам можно побывать в городе, что мы встретили с радостью. //

[Л. 19 об.] В 2 часа я на катере приехал в город (теплоходы стоят на рейде) и вернулся к 4-м, т.е. к вахте.

Город занимает небольшую площадь, окруженную горами, очень живописный, мощенные чистые улицы, дома, крытые черепицей, почти все дома 2-хэтажные и имеют красивый вид.

⁶⁴ Вероятно, имеется в виду Скаген, город в Дании, на северной оконечности Ютландии, на мысе Гренен, разделяющем проливы Скагеррак и Каттегат.

⁶⁵ Скагеррак (Skagerrak) — пролив между норвежским побережьем Скандинавского полуострова и полуостровом Ютландия, соединяющий Северное море с Балтийским морем через пролив Каттегат.

⁶⁶ Надпись на полях.

⁶⁷ В географические знания нашего автора вкралась ошибка. Вначале

он говорит о «шведском» городе, а затем повествует о «норвежских моторках и шляпках», атаковавших их корабль. Здесь автор смешал близкие по названию городки соседних государств, шведский Кристиансанд и норвежский Кристиансанн (норв. Kristiansand). Шведский же город раскинулся на берегах озера Хаммаршен, в 20 км от Балтийского моря.

⁶⁸ Вновь встречаем указание на чистоту, лейтмотивное в описаниях иностранных городов.

Сегодня Воскресение⁶⁹, здесь его еще празднуют, и поэтому вся публика разодетая. Магазины и лавочки закрыты. Население на моторках и парюдах уезжали куда-то за город гулять. Интересно отметить, что все мужское население этого города носят галстуки, без галстука я не видел ни одного человека.

Вода в море очень светлая и видны всплывающие медузы, пытаемся ведром выловить их, что нам удается сделать, одну из них мы извлекли на поверхность моря.

Простоим, вероятно, здесь и ночь, // [Л. 20] так как в шторм в море все еще свирепствует, а здесь такая тишина, ветерок чуть-чуть дует, в фиордах⁷⁰ вообще тихо. По радио передали, что в море сегодня потонул норвежский пароход-буксир и 6 человек команды.

28-го

Сегодня всё еще стояли в этой красивой бухте.

В 12 часов спустили шлюпку (маленькую, моторка не работает) и вчетвером (я, наш капитан, матрос и Юган) отправились кататься и на берег. «Поползал» по горам, изодрал остатки сандалий, наелись брусники, которой здесь много, и черники. Вернулись в 2¹/₂ часа дня к вахте.

Вечером после вахты снова поехали на берег втроем. Отвёз нас 2-й помощник капитана. Побывал на самых возвышенностях гор, в горах тянется очень красивое шоссе, покрытое асфальтом, по бокам его // [Л. 20 об.] сделаны для отдыха лавочки, над обрывами железные перила, таких дорог я, пожалуй, нигде не видел. С гор видно море и весь городок как на ладони. Наши «эсминцы» спокойно стоят под горой, в бухте, в красивом месте стоят купальни, зашли посмотрели туда, светлая вода, есть купающиеся, но мало. На горах есть интересные и уютные красивые местечки. Вечером нас «атаковали» норвежские моторки и шлюпки, нет отбоя. Норвежцы осматривают наши теплоходы, знакомясь с нами и принимая нас сначала за туристов, побеседовали с ними в красном уголке, угостили папиросами, попикали патефоном. Сейчас в бухту зашёл большой океанский пароход, наши те[плохо]ды кажутся совсем маленькими против этого гиганта.

В 9¹/₂ вечера катался по бухте с норвежцами в ихнем мото- // [Л. 21] рном катере. Лёг спать уже поздно, да здесь что-то, по времени должна быть ночь, а не темнеет, так что поспать осталось всего ничего.

⁶⁹ С осени 1929 по июнь 1940 г. действовал советский революционный календарь, в котором было сначала пять, а затем шесть дней, таким образом, воскресенья с его

особым статусом выходного дня не было.

⁷⁰ Фиорд — узкий, извилистый и глубоко врезающийся в сушу морской залив со скалистыми берегами.

29 июля

Сегодня без 15 в 4 встал для того, чтоб заступить на вахту, спал плохо, снилась Тюмень, домочадцы и т.д., и т.п.⁷¹ В 4 часа теплоход дал прощальные гудки и мы покинули наше уютное укрытие.

Погода в бухте стоит очень хорошая⁷², тихо, но как мы вышли в море, нас стало усиленно качать, наши «ударники»⁷³ принялись сызнова блявать, потешно смотреть на Марцулана, который хвалился в Ленинграде, что ему никакой шторм не страшен, сейчас его корёжит, не может стоять на вахте, просит постоять за него.

Самочувствие у меня хорошее.

Впереди виден каменистый серый берег, который тянется тёмной полосой, исчезая на // [Л. 21 об.] горизонте.

В 11 дня прошли мимо острова, на камнях которого сидит затонувший пароход, видно только трубу и капитанский мостик, напоролся бедняга. Часто наблюдаю с капитанского мостика в бинокль. Сегодня должны зайти в фиорды и пойти по ним. Остановка предполагается в г. Хорштадте⁷⁴, там сделаем запас пресной воды и двинемся дальше.

Время 4 часа, иду на вахту.

Волны не утихают, сильная качка.

В 8 часов вечера зашли в знаменитые Норвежские фиорды, или как их называют — «шхеры». По обеим сторонам идут невысокие берега — скалы метров на 50—80, растительности на них нет почти никакой, кроме травы и мха. В 9 часов короткая остановка около небольшого городка, к нам на теплоход садятся двое норвежских лоцмана. // [Л. 22] Советскую Сибирь с 9 часов ведём на буксире.

30-е июля 1930 г.⁷⁵

Продолжаем путь, по прежнему тянем «Советскую Сибирь» на буксире, согласно распоряжению из Данцига для экономии топлива, эта буксировка сильно замедляет наше движение, так как вместо 10—11 миль мы при буксировке делаем всего 7—7½ миль в час.

⁷¹ Интимный пласт записок нередко связан с Тюменью — родным городом — и родными людьми, при этом автор только намекает на свои личные переживания, оставляя сокровенное за пределами этого текста.

⁷² Настоящее время глаголов в описаниях погоды — свидетельство того, что дневник писался непосредственно в момент путешествия.

⁷³ Образное и шутливое наименование возникло на основе известно-

го шаблона «ударник труда», в этом случае речь идёт о рабочих, а не способных бить рекорды.

⁷⁴ Харстад (норв. Harstad) — небольшой портовый городок и центр коммуны в губернии Тромс в Норвегии.

⁷⁵ Уточнение года, скорее всего, имеет произвольный бессознательный характер, обусловлено особым течением времени на корабле во время путешествия.

Кругом нас горы, в этих горах масса проливов, по которым мы и пробираемся, идём красивыми местами, красноярцы заявляют, что эти места можно сравнить только с ихним красавцем «Енисеем»⁷⁶.

Глубина здесь большая, доходит до 500–700, даже 1000 м⁷⁷, у подножья гор видны очень миниатюрные домики, людей почти незаметно⁷⁸.

Горы стали крупные, на их вершинах виднеется снег. Дует холодный северный ветер. Места пошли красивые. Наблюдал замечательный закат солнца в горах. Лег спать в 12 часов⁷⁹. //

[Л. 22 об.] 31-е

Сегодня холод особенно чувствительный, в машинной прикрыл двери и иллюминаторы, стало теплее. По бокам «проплывают» громадные горы со снеговыми вершинами, которые «кутаются» в облака. Вершины гор здесь находятся выше облаков, интересно наблюдать, как облака переваливают через горы. Местами кажется, что и двигаться больше некуда кругом горы, как в озере, в замкнутом, а смотрим, горы раздвигаются, образуя новый пролив. Растительности на горах мало, домиков у подножий много, попадают целые рыбацьи поселки, но они кажутся очень маленькими.

Попадают местами и гидростанции. Говорят, что самый трудный переход в нашем пути впереди, в Беринговом море, где тонут пароходы различного тоннажа. Тоннаж нашего теплохода 240 тонн. Удивительно, как лоцмана запоминают путь, им предстоит // [Л. 23] плыть с нами всего 4 суток, и они свободно разбираются в сложном лабиринте гор.

До обеда лёг отдохнуть.

Пища хорошая, сегодня пили кофе со сливками, с колбасой, маслом, мясом и т.д., ешь сколько хочешь, хлеб белый, но плохо то, что пресной⁸⁰. Пресной, т.е. без соли, пекут для того, чтобы не портился. По пути попались несколько пароходов, два из них крупные пассажирские.

С 12 часов вышли из фиорд в Великий океан, берег остался вправо, на горизонте видны вершины гор. В океане мертвая зыбь, но все же нас покачивает. Вечером снова зашли в фиорды, чувствуется холодок, особенно в ночное время.

⁷⁶ Сравнение «чужих» красот со «своими» — важный лейтмотив записок такого типа.

⁷⁷ Обращают внимание обозначения мер: в одной фразе они могут быть прописаны по-разному.

⁷⁸ В этом предложении автор не ставит знаки препинания, отчего затрудняется смысл высказывания.

⁷⁹ Неоднократно автор записок демонстрирует свой эстетический потенциал, тягу к созерцанию пейзажей, закатов и т.д., при этом очень скуп на эпитеты, ограничивается прилагательными типа «красивый» и «замечательный».

⁸⁰ Окончание в слове «пресной» диалектное устаревшее.

1 августа

Выходили из фиорд снова в океан, шли довольно долго. Побаливает что-то сегодня голова. //

[Л. 23 об.] Сегодня 9 часов вечера пересекли северный полярный круг. Лоцмана все еще сопровождают нас. После вахты пошёл мыться в баню, баня оборудована хорошо, душ, есть ванная, зеркало и т.д. Душ принимаю перед вахтой, хорошо после его, чувствуешь бодро.

2-го авг.

Идем снова фиордами. В 11 час. навстречу попал красивый американский пароход — большой. Местность всё ещё гористая, горы достигают до 1560 mt. Сейчас иду на вахту, завтра в 3 часа должны быть в Хорштадте.

3-е авг.

Сегодня в час дня подошли к г. Хорштадт, который расположен в красивой⁸¹ местности, город небольшой, но улицы мощенные, чистога, бегают авто. Сегодня, говорят, религиозный праздник «Троица» да и воскресенье, а норвежцы — народ набожный, по случаю праздника везде висят национальные флаги⁸². Приехали к ним в город на // [Л. 24] пароходе, иногородние футболисты и вся публика на плацу. Пришли приглашать играть в футбол и нас, но мы предусмотрительно вежливо отказались⁸³.

4/VIII

Вахту отстоял с трудом, сильно хотелось спать, т.к. вчера лег в 12 часов, опробовали мотор на моторке, возимся долго с ним, не идет. В час дня получил 9 крон и отправился в город, где купил полотенце, туфли за 4-80 и т.д. Вечером втроем ездили на шлюпке в город и в горы, вернулись в 1-м часу ночи.

5 августа

Сегодня, как и вчера, клонит ко сну, часа в 2 ночи, вероятно⁸⁴, снялись с якоря и отправились дальше. Вчера написал письмо домой, сегодня надо увезти его в город. Побывал в городе, вернулся в 3 ч. Послал домой еще открытку. В Хорштадт пришли еще 4 больших парохода, которые завтра отправляются в Сибирь за лесом. // [Л. 24 об.]

В 8 часов вечера снялись с якоря и пошли вслед за «Советской Сибирью».

⁸¹ «Красивый» и «чистый» — сквозные мотивы в описании иностранных городов.

⁸² Флаги в религиозный праздник — деталь любопытная, но опровергнуть или подтвердить её сложно.

⁸³ Почему предусмотрительно? Политическая осторожность или

обычная боязнь проиграть сильному?

⁸⁴ Это слово подписано сверху, указывает на стремление автора записок к точности информации и также о том, что после написания страницы он порой вносит в текст небольшие поправки.

Хорштадт стал чуть заметным, а потом и совсем скрылся. С нами из Хорштадта едет лоцман.

6 августа

Идем фиордами, в среднем делаем 10 миль в час. Решил использовать оставшуюся открытку, послать её с лоцманом домой.

К 12 часам сего числа мы находимся на $Y = 70^{\circ} 20'$ $Z = 21^{\circ} 57'$

Пройдено за 16 часов 160 миль. Пройдено от Данцига 1607 миль. Осталось до Игарки 1833 мили⁸⁵.

Сегодня вечером, вероятно, выйдем из фиорд, скоро покажутся и льды.

Ночи стоят светлые и не темнеет, никак не могу к ним привыкнуть. Часов в 10 вечера остановились у маленького норвежского городка «Хоннингсвоге»⁸⁶, где к нам подъехал моторный бот⁸⁷ и забрал у нас ихнего лоцмана. Моторку очень сильно метало, и она с трудом пристала к нам. // [Л. 25–25 об.]

[Между страниц вклеена открытка, та самая, которую отправил Сергей Чертищев своим домоладцам в Тюмень.]

5-го августа 1930 года

г. Харштадт

Добрый день, многоуважаемые домоладцы!!! из Хафштадта выходи в 4 часа.

На сей карточке изображен один из многих проливов, по которым мы идём и шли. Сейчас шлялся по городу, обошел весь, спешу к обеду на теплоход.

Поздравляю Володьку с днем рождения. Скоро научусь говорить по-немецки.

Пишите, в Игарке жду от вас груды писем. Привет всем знакомым. Сегодня отправил вам письмо.

Ну пока. Всего наилучшего.

Ваш Сергей.

U.S.S.R.

Russland

Уральская область

город Тюмень

ул. Фишера № 9

В.А. Чертищевой

[Л. 26] 7 августа

Вчера купался в море, вода уж больно неприятная, чересчур соленая, вчера же и загорал на солнце, вероятно, в последний раз в этом году. $t =$ здесь $+ 23^{\circ}$ (это за полярным кругом). Тепло из-за того, что сюда заглядывают теплые ветра Гольфстрим. Сдав лоцманов, вышли в Баренцево море. В 11 часов началась сильная качка, затем я лег спать.

⁸⁵ Отчёту с точными координатами места характерна стилизация высокого штиля, которая подчеркивает значимость момента экспедиции.

⁸⁶ Норвежский город-порт на острове Магерё.

⁸⁷ Небольшое моторное, парусное или гребное судно.

Ночью также сильно бросало, скрипят все переборки, всё трещит, вещи катаются, по палубе шум, стук, завывают снасти, стоять нельзя, волна за волной обдают всю палубу, брызги попадают в рот, сильно соленые, но всё же интересно наблюдать, вышел на капитанский мостик, теплоход то поднимет высоко над водой, то нос его вроеется в воду, на носу и стоять нельзя. - Сильный ветер нас бросает во все стороны как коробку. //

[Л. 26 об.] Да к тому же очень сильная вибрация.

В 2 часа 30 минут укрываемся от шторма, дальше следовать нет возможности, пришлось вернуться на 30 миль в бухточку у Нордкина⁸⁸, получалась очень сильная вибрация судна. Стоим на якоре, рядом метров за 50 «Советская Сибирь», на берегу видны беленькие дома, шт. 20. Время 10 часов дня, на вахте ремонтировал фильтр. Дует холодный ветер.

Вечером нас посетили норвежцы-рыбаки, побеседовали жестами, по-русски они не фориштеин⁸⁹. Ложусь спать.

8 августа

Вторые сутки стоим на якоре.

Вчера вечером нас посещали норвежцы, молодежь, ребята, девчата. Приехали они и сегодня, угостили их обедом, заводили граммофон и т.д.

Дует холодный ветер, но у нас // [Л. 27] в каюте тепло, паровое отопление работает на ять. Стоим у моря и ждем погоды, эта пословица очень подходяща для данного момента.

Сегодня после обеда поехали со студентом (что учится в Томске) с Жуковым на берег, отвезли норвежцев, побывали на горе, на ихнем кладбище и т.д. Горы крутые, камень, растительности почти никакой, кроме мха и мелкого кустарника. Есть у них много кой-чего интересного. На берегу сушится огромная масса рыбы, тут же стоит небольшой консервный завод, где сушат и солят рыбу. У берега стоят рыбацьи моторные боты.

Вечером снова были гости. Телеграфист Юдихин (он в свое время спасал на Красине экипаж Нобиле⁹⁰) объявил, что можно подавать телеграммы в СССР по 7 коп. за слово, желающих нашлось много, накатал и я телеграмму след. содержания. // [Л. 27 об.]

Город Тюмень, Фишера, 9, Чертищевым

Стоим Баренцовом море у берегов Норвегии, ждем погоды, скоро льды, здоров, привет всем.

Комсеверопуть Сергей.

⁸⁸ Мыс в Норвегии, самая северная континентальная точка Европы.

⁸⁹ Вероятно, автор спутал немецкие глаголы «vorstehen» (выдаваться вперед, возглавлять, предстоять) и «verstehen» (понимать, разуметь), близкие по звучанию, но разные по значению.

⁹⁰ Умберто Нобиле (1885 – 1978) итальянский дирижаблестроитель, исследователь Арктики, генерал. Весной 1928 г. во время Второй полярной экспедиции на дирижабле «Италия» потерпел крушение. Оставшихся в живых членов экипажа снял со льдины ледокол «Красин».

[Сама телеграмма, отправленная в тот день, вклеена между страниц разворота тетради.] [Л. 28 об.]

9 августа

Покачивает чувствительно, море все еще беспокоит, когда выйдем неизвестно.

Грамофону не дают покою, и он начал мне уже надоедать, а есть пластинки очень хорошие.

Вечером в 8 часов на лодке приехал хорошо одетый норвежец и приглашает на берег, по-видимому играть в футбол, как я понял.

В 9 часов я и Глеб Коротковский (ст. масленщик) поехали на шлюпке сначала на «Светскую Сибирь», а затем, захватив с собой с «С.С.» матроса с гармошкой, поехали на берег, где нас встретило почти все население этого «города», затем мы с норвежцами пошли в ихний «клуб» (маленький дом из одной комнаты, по-видимому, служит школой)⁹¹. // [Л. 29]

По бокам у стен скамейки, украшение — гирлянды из разноцветной бумаги.

Пришла сюда вся норвежская молодежь, наш гармонист играет, а они танцуют, танцуют хорошо, аккуратно, быстро, лучше наших, вертятся плавно, а то чересчур быстро.

Гармонист заиграл «Кузнецы»⁹², они и под эту зашпондоривают, только получается однообразность, вертятся и вертятся, нам смешно стало, хохочем.

По-русски ни один из них не понимает, пробовали по-немецки, все равно не форштейн⁹³.

Часов в 11 я вернулся один на теплоход, ребята еще остались, надоело как-то, они глазуют за каждым движением.

Есть у них радио, магазин и рыбный завод какого-то частника. А какое у них множество рыбы вялится и все без голов.

Тюленьи и рыбы головы сушатся отдельно.

⁹¹ Непростая ситуация с кавычками в последнем предложении доведена до смысловой драмы: поскольку автор рукописи часто отмечает кавычками иносказательность, то значение намека, иного смысла бывает непросто прокомментировать и аргументировать. Кавычки у слова «город» могут быть намеком на то, что населенный пункт назван городом с иронией или преувеличением, а помечая кавычками слово «клуб», автор рукописи

обыгрывает не современное понятие клубного места, а советского клуба, сельского дома культуры.

⁹² Вероятно, популярная русская плясовая песня «Во кузнице молодые кузнецы...».

⁹³ Этот фрагмент дает небольшое, но очень характерное описание встречи представителей двух разных культур. Русская плясовая в иностранном клубе — гарантия коммуникативного диссонанса.

Интересно наблюдать за морем. // [Л. 29 об.]

Утром бывает отлив, днем прилив, а вечером вновь отступает от берегов.

Побывал на норвежской рыболовной шхуне, в машинном отделении и т.д.

Старик-рыболов показывал и рассказывал, но мало что понятно⁹⁴.

Рыбаки все дома, в море шторм.

Лег спать в 24 часа.

10 августа

Сегодня в 4 часа загромычала якорная цепь, то браншпиль⁹⁵ выби-
рает якорь, в 4.20 мы снялись с якоря и отправились в дальнейший
путь, вслед за «Советской Сибирью», нам не везет, всегда отправляем-
ся в нашу вахту.

Погода как будто бы направились, вчера был ветер от 4 до 6 балл.
Но как только мы вышли в море, нас сразу же начало бросать.

Бортовая и килевая качка, ажно⁹⁶ весь корпус дрожит, нас поднима-
ет высоко, а затем ударяет об очередную волну, полу- // [Л. 30] чаётся
довольно сильный удар.

Корпус теплохода сделан не особенно из толстого железа, а поэто-
му, попадая в середину между двух волн (корма и нос), середина под
тяжестью машин дает прогиб и получается сильная встряска (как на
грузовой автомашине по плохой дороге, также подбрасывает). Особенно
это чувствительно в машинном отделении, да и в каютах также, все
скрипит, визжит и стучит.

Ложусь спать, время сейчас 10 часов вечера.

Сегодня к 12 часам мы находились $Y = 70^{\circ} 44' W$; $Z = 30^{\circ} 32' Q$

Пройдено с 4-х утра 72 мили. Средняя скорость в час 9 миль. Прой-
дено от Данцига 1814 миль. Осталось до Игарки 1626 миль.

Сегодня ночью должны переехать границу и въехать в воды СССР.
Берег чуть-чуть видно справа, ночь светлая, всплыла большая крас-
ная луна, отражаясь в брызгах. // [Л. 30 об.]

11 авг.

Идем открытым морем, ночью усиленно качало, неудобно было спать,
ноги то и дело получают намного выше головы, да и сейчас еще по-
рядком качает. Отсюда до берега 150 миль. Время сейчас 10 часов. Се-
годня давил какао, да густое, приелось уже, предпочитаю чай. Сильно
качает — наши блюют. К Карским воротам должны прийти часам к 11.

⁹⁴ Интерес к морским судам — черта, характеризующая профессиональ-
ный пласт повествования.

лебедочного типа для подъема
якоря на судне.

⁹⁵ Скорее всего, «браншпиль» (автор-
ская ошибка в слове) — механизм

⁹⁶ Устаревшее просторечие, часто
встречающееся в речи сибиряков,
в значении «даже».

Началась бортовая сильная качка. Пройдено за сутки 225 миль. Средняя скорость — 10 миль. Осталось до Игарки 1401 миль (исправление). Пройдено от Данцига 2039 миль.

Качать стало слабее, но еще чувствительно. Кулик, прилетевший откуда-то к нам на палубу еще вчера, не улетает, смиренный, не боится почти нисколько, шамает⁹⁷. Заснуть не мог до 24 часов. // [Л. 31]

12 августа

Утром на горизонте показался остров «Колгуев», в 7 часов мы подошли к нему поближе, но он остался все же далеко вправо, на нем виден маяк. Остров представляет из себя каменистую массу. Сегодня качка почти отсутствует, наши блевать даже перестали. Многие завидуют мне, что не испытал такого «счастья», как они, а между прочим я являюсь самым молодым⁹⁸.

Несмотря на то, что продукты у нас очень шикарные и запасы большие, наша повариха-старушенция совершенно не умеет готовить, так, например, сегодня на ужин была сженная картошка в масле, да и то остыла, продукты только портит.

Сегодня к 12 часам находимся $Y = 69^{\circ} 36' W$; $Z = 51^{\circ}$

За сутки пройдено = 217 миль. Средняя скорость 9,5 мили. Пройдено от Данцига 2256 м. Осталось до Игарки 1184 мили. Ветер дует холодный зимний. Играет граммофон. // [Л. 31 об.]

13 авг. 1930 г.

Сев. Лед. океан.

Качает мало, утром в 3 часа появился туман, пошли тихим ходом.

В 6 утра мы встали на якорь ввиду сильного тумана. Завывает sirena. Около семи часов, когда туман немного рассеялся, с теплохода я заметил в стороне островки и гудки, и дым пароходов. Командир говорит, что это ледокол «Ленин» проводит караван судов Карской экспедиции. Дали знать об этом «Советской Сибири», там главный капитан-адмирал, и пошли на эти дымки, оказалось, что это 4 иностранных судна, идущих к нам, в них узнал те суда, которые мы оставили в Хорштадте. Идут они друг за другом, вправо от нас, полным ходом, на довольно далеком расстоянии. В 8 часов мы их обогнали и

⁹⁷ Птица на корабле — образ, который мог бы для писателя стать ключевым и символическим, здесь остается фактом бытового плана, хотя и привлекает внимание автора дневника в большей степени, чем люди, живущие на этом судне.

⁹⁸ Автор рукописи неоднократно говорит о своей стойкости в отно-

шении морской качки и о том, что ему завидуют другие моряки. Здесь прослеживается нота, свидетельствующая о высокой самооценке человека. Кроме того, мотив «зависти» важен в связи с сюжетом гомеровского Одиссея, когда боги завидуют его счастью с Пенелопой.

они остались взади. В 9 часов туман вновь спустился, не видно ничего. // [Л. 32]

Пришлось идти тихим ходом, а затем застопорить машины и встать на якорь.

Сколько простои́м? Неизвестно. Погода стоит тихая, сыро, туман, холодно. Сейчас пообедал, ложусь спать.

До обеда возился со стенгазетой, выпустил 2-й номер. К Игарке надо состряпать еще⁹⁹. Сведения, взятые в 12 часов сего числа у помощника капитана: Стоим у входа в пролив «Юшар»¹⁰⁰, за сутки пройдено 190 миль, от Данцига 2446 миль, до Игарки 994 мили.

Время сейчас 22 часа, мы все еще стоим на якорь. Ложусь спать.

[На странице вклеена фотопрепродукция с изображением парохода.] // [Л. 32 об.]

14/VIII

Утро 4 часа, стоим на якорь. Тихо, хорошо, на море штиль. Туман начинает рассеиваться. Влево от нас на недалеком расстоянии видна холмистая земля и виден теплоход «Советская Сибирь», вправо с милею от нас стоят те самые четыре парохода. Кто-то дает гудки, вероятно, «Советская Сибирь», время 5 часов, заступил на вахту.

В половине шестого иностранцы снялись с якорей и пошли в пролив «Юшар», который виден отсюда, мы тронулись им вслед. Шли средним и малым ходом. Пролив довольно широк, но берега видны, растительности нет никакой, голо. В 8 часов подошли к селению Хабаровск¹⁰¹, где и встали на якорь. К нам не замедлили подъехать гости,

⁹⁹ В число специальных заданий автора рукописи входил, как оказалось, и выпуск стенгазет. О первом выпуске он не пишет, а только о втором, но нарочито кратко. Возможно, по причине того, что более значимым делом считает свои дневниковые записи.

¹⁰⁰ Сокращенное название пролива Югорский Шар между берегами острова Вайгач и Югорского полуострова материка Евразия, соединяет южные части Баренцева и Карского морей. Длина около 40 км, ширина от 2,5 до 12 км. Наибольшая глубина 36 м. Большую часть года покрыт льдом. В проливе находятся несколько островов, из них главные Сторожевой и Соколий.

¹⁰¹ Старинное поморское становище неподалеку от устья реки Великой (Большая Ою) у пролива Югорский Шар. До 1893 г. оно звалось поселком Никольское. В 1930 г. Хабарово было единственным поселением на всём Югорском полуострове. Тут находились фактория Госторга, склад, несколько избушек и часовня. На зиму в Хабарово оставались только сторож да пекарь. Пекарня работала круглый год, снабжая сухарями и мороженым хлебом население Большеземельской тундры. В советское время было превращено в исправительно-трудовой лагерь. На Югорском полуострове располагалось строительство № 300 ГУЛЖДС,

самоеды на 3-х лодках, забираются на теплоход. Часть из них сносно говорит по-русски. Угостили их чаем, чай наворачивают здорово, любят крепкий, только // [Л. 33] успевают чайники подгаскивать. Приехали они с целью (как я потом узнал у одного самоеда-бедняка) выменять водку («Улюлю») на песцов. Песцы натолканы за пазухами, один втихаря вынимал. Одеты они по-зимнему, все курят, трудно разобрать, кто из них тетка, а кто сам самоед. Им у нас «Улюлю» не обломилось и часть их подались к иностранцам, что стоят неподалеку. Остальные беседуют у нас. Село Хабаровск состоит из 8 домов, и одной б[ывшей] «церкви»¹⁰², склада, магазина (фактория¹⁰³) и 3 чума. Самоед-старик рассказал, что председатель сельсовета у них кулак, притесняет их, но поделаться ничего в смысле помощи им не пришлось, т.к. вскорее двинулись дальше.

Приехал боцман с «Советской Сибири» и сказал, что за ними идет ледокол «Ленин», который сейчас находится в 10 минутах отсюда. В 11 часов к ним приехали двое русских граждан с фактории, // [Л. 33 об.] которые передавали телеграммы.

В 12 часов весь караван, и мы в том числе, тронулись дальше, пройдя 2–3 мили, мы встретили ледокол «Ленин», после встречи встали все на якорь. Одно иностранное судно осталось у Хабаровска, не могу поднять якорь.

ликвидированное в сентябре 1944 г. На острове Вайгач и прилегающей части Югорского полуострова была организована Вайгачская экспедиция ОГПУ-НКВД 1929–1935 гг. с центром в посёлке Варнек. Цель ГУЛАГа на Юшаре — возведение судостроительного завода в поселке Хабарово, зимника и железной дороги со стороны Югорского Шара, ж/д линии Воркута—Хабарово, временного порта у Югорского Шара и временной зимней дороги (зимника) со стороны Воркуты. Строительством южного участка железной дороги Воркута—Югорский Шар так и не было начато. Северный участок этой дороги должна была строить Вайгачская экспедиция НКВД. Этот проект не был реализован ни в 30-е годы, ни позднее. В конце XX века поселок ликвидировали,

жители Хабарово переселились в другие места.

¹⁰² Никольская церковь была построена на средства известного сибирского предпринимателя А.М. Сибирякова в 1885 г. Но приход просуществовал совсем недолго: священники отказывались ехать сюда. Поэтому в 1891 году приход в Хабарово был закрыт, а вместо него учрежден монашеский Никольский скит, который причислили к Веркольскому монастырю. Однако из семи монашествующих суровую зиму пережил только один послушник. После этого и скит был закрыт.

¹⁰³ Фактория — это торговое поселение, образованное иностранными промышленниками на территории другого государства или колонии, что отсылает нас к колониальному дискурсу российской истории.

В 12 часов мы по распоряжению «Ленина» дали прощальные гудки и тронулись дальше, вслед за нами пошли 3 иностранца, они от нас здорово отстали, и их едва заметно на горизонте. «Ленин» же пошел на помощь четвертому иностранцу.

Ледокол «Ленин» стоял неподалеку от нас и я его хорошо рассмотрел: большой ледокол, но «Красин», пожалуй, будет малость побольше его. На «Ленине» много команды, махали они, когда мы тронулись¹⁰⁴. В час прошли радиостанцию, которая осталась вправо. Большая железная клепанная мачта, 5–6 домиков, один 2-х этажный. // [Л. 34] Берега невысокие, у берегов видны льдины, но отсюда далеко.

15 августа

Идем Карским морем, тихо, чуть-чуть покачивает.

Вчера был очень красивый закат солнца. Хорошо и сегодня было наблюдать восход. На море штиль, тихо, небо чистое и солнце освещает всю видимую часть моря, очень красиво получается. За кормой бурлят винты. С 10 часов началась качка, наклоны на 10° и 15°. Сейчас только что получили сведения, время 12 дня: За сутки пройдено 216 миль. От Данцига прошли 2675 миль. До Игарки осталось 765 миль. Находимся $Y = 72^\circ N$ $Z = 68^\circ Q$.

С 2 до 4 писал стенгазету.

Сегодня около 6 часов стали попадать маленькие льдинки, потом стали попадаться и // [Л. 34 об.] здоровые льдины, но к 8 часам лед стал попадать редко, а то одно время бело было. Время сейчас 3 часа, сильно качает. Наши снова принялись блевать, получается как в госпитале, много лежат, старушенция-повариха ставит всем рекорды¹⁰⁵.

С 4 часов появился сильный туман, но хода не сбавляем, идем нормально. «Сов. Сибирь» не видно, слышно только частые гудки. Сильно качает, большие волны, вода стала иметь желтый цвет, это оказываются «Обь» и «Енисей». Но здесь больше воды с Оби. В 22 часа огибает какой-то остров на самой северной точке нашего пути, а именно: $Y = 73, 5^\circ$ $Z = 64^{\circ 106}$.

¹⁰⁴ Описание ледокола «Ленин» — свидетельство о судне, ставшем легендой. Выпускники советских школ помнят «Букварь», в котором рассказывалось о возможностях ледокола. Автор записок, став свидетелем того, как работает легендарный ледокол страны, кажется, не испытывает особого восторга, оценивает его лишь как профессионал.

¹⁰⁵ Повторяющийся мотив морской болезни.

¹⁰⁶ По всей видимости, автор здесь неточен в передаче долготы (предыдущий показатель = 68° восточной долготы, а в следующей записи — уже $75 \frac{3}{4}^\circ$). Т.о., долгота должна быть примерно 74°, и тогда указанные координаты будут примерно соответствовать местоположению о. Шокальского, который, условно говоря, находится на стыке Обской губы и Енисейской. Его координаты 72.998170, 74.453134.

[Далее вклеен фрагмент газетного столбца со следующим текстом:]

«Природные красоты и краски Сибири, Заполярья, Арктики прямо-таки восхитительны. Они непередаваемы и неопишутемы. Это все надо видеть своими глазами. Особенно незабываемы те моменты, когда мы проходили пролив Маточный Шар, между островами Новая Земля и материком, в Карском море. Там вечные льды! Там неповторимая, неопишутемая красота! И не насмотришься, не налюбуйешься! Ничего подобного нигде видеть не доводилось. Хотя поездил я по земле достаточно. Приходилось бывать и в дальних странах...»¹⁰⁷// [Л. 35.]

[Вырезка с надписью:]

«Иностранный лесовоз, с полным грузом сибирского леса, в Карском море»¹⁰⁸.

[Л. 36] **16 августа**

Идет дождь, туман, чувствуется как наша осенняя погода. К 10 часам туман рассеивается, яснеет. Качка усиливается, дует сильный ветер, накрапывает дождь. К 12 часам следующие сведения: Пройдено за сутки 217 миль. Средняя скорость 9 миль в час. Пройдено от Данцига 2892 мили. Осталось до Игарки 558 миль. $Y = 78^{\circ} \text{w}$; $Z = 75 \frac{3}{4}^{\circ} \text{Q}$.

К 12 часам ветер подул очень сильный и перешел в шторм до 6 баллов. Ветер дует очень холодный, о том, как нас бросает, и говорить не стоит, валы идут выше теплохода, качка больше 30° (градусометр до 30°), все трещит, скрепит, на палубе, на носу стоять невозможно, окатывает всего брызгами и водой, многих уже «укачало», о поварихе уже говорить нечего, готовим сами, наворачиваем больше консервы¹⁰⁹. С 4 вышел на вахту, интересно смотреть на разбушевавшуюся водяную стихию из иллюми- // [Л. 36 об.] натора, то вода уйдет далеко, то вдруг захлестнет иллюминатор, ажно весь иллюминатор трещит под напором. Красивые валы, целые горы, весь корпус содрогается и дрожит. В 7-м часов, то появляясь, то исчезая, появилась на горизонте земля — остров Диксон. Шторм не унимается, рокошет и вое, но мы прем¹¹⁰ полным ходом и никаких гвоздей¹¹¹. А вот и бухта, волны начинают стихать, но

¹⁰⁷ Автор газетной публикации путешествует по Карскому морю, пишет о красотах природы, в описаниях использует эпитеты, которых так не хватает С. Чертищеву.

¹⁰⁸ Судя по отрывку текста на обратной стороне вырезки фото лесовоза взято из брошюры или книги, посвященной Великому северному пути.

¹⁰⁹ Повторяющийся мотив бури — посыл к гомеровскому сюжету, вме-

сте с мотивом морской болезни. На этот раз ситуация кажется особенно серьезной, поскольку отражается на питании.

¹¹⁰ От глагола «переть» — просторечие в значении «идти вперед вопреки обстоятельствам».

¹¹¹ «Никаких гвоздей» — маркер пафоса, характерный для советского человека, знакомого с лирикой советского поэта В. Маяковского.

ветер сильный. Высокие каменистые берега совершенно голые, покрытые частично в расщелинах снегом, вот и все. Красиво наблюдать за волнами. Волны налетают на 4–5 саженную скалу, пытаются смыть ее со своего пути, но им это не удается, и вода как взрыв намного выше взлетает берега и медленно рассыпается веером¹¹². На берегу показалась высокая мачта и два домика, и штуки 3 старых складов... // [Л. 37]

[Текст заметки:]

«Порт на острове Диксон

В 1875 г. судно известного полярного исследователя Норденшельда вошло в гавань небольшого острова у входа в Енисейский залив. Гавань эту Норденшельд назвал гаванью Диксона. Впоследствии это название было присвоено острову. «Я надеюсь, — писал в дневнике Норденшельд, — что гавань эта, ныне пустая, в короткое время превратится в сборное место для многих кораблей»...

С тех пор прошло более шестидесяти лет, и только за последние годы Диксон — один из северных островов СССР — действительно стал «сборным местом для множества кораблей», узловым пунктом Великого северного морского пути.

Теперь на острове Диксон вырастает большой образцовый порт — центральный порт в западной части Полярного моря. На острове построен мощный радиоцентр. Подземный телефонный кабель длиной свыше 5 километров соединил радиостанцию с поселком зимовщиков. Ветродвигатель приводит в действие основную электростанцию. В порту сооружаются причалы для стоянки судов, радиомаяк, угольная и производственная базы, выводится рейдовый флот — катеры и баржи.

В капитально построенных домах живут почти 200 зимовщиков. У них есть уже больница, две бани. Впервые появились здесь лошади, коровы, свиньи и кролики. Организована животноводческая ферма»¹¹³. // [Л. 38.]

[Вклеена фоторепродукция с изображением полевого лагеря на о. Диксон]. // [Л. 39] Зимовка. На берегу видна куча бочек. На берегу стоит пароходик Убекосибиря с лихтером¹¹⁴.

¹¹² Это предложение отмечено удачными сравнениями, олицетворением, т.е. свидетельствует о литературном таланте автора записок.

¹¹³ Вырезка из газеты воспринимается как часть путевых заметок: оба автора ведут дневники путешествия.

¹¹⁴ Лихтер — несамостоятельное морское судно, предназначенное для перевозки грузов и обеспечивающее их обработку при отсутствии прича-

лов, а также выполнение грузовых операций на рейде с судами, которые не могут войти в порт из-за большой осадки. Лихтер имеет вес около 300 тонн и благодаря герметичному корпусу может находиться в воде самостоятельно, как баржа. Для передвижения такого контейнера необходим лишь буксир, а его низкая осадка позволяет как можно ближе подтащить к берегу.

[На странице вклеена фотография с изображением вида на остров с корабля. Под фотографией читаем:]

Остров «Диксон» снят 1930 г.¹¹⁵

Дует очень холодный, пронзительный до костей ветер. Даже в тулупах продувает насквозь. «Советская Сибирь» завезла для Чухновского продукты, мясо, масло и т.д., и мы зашли за компанию, да и шторм, идти дальше нельзя.

[В нижнем правом углу страницы вклеена марка с изображением острова Диксон «50 лет арктическому поселку Диксон»¹¹⁶]. //

[Л. 39 об.] **17 августа**

Стоим на якоре, сильный холодный ветер и туман, его раздувает. Скучно здесь на этих голых камнях. Погода как зимой, интересно, какая погода сейчас дома и что там делается сейчас, жалею, что в телеграмме не дал своего адреса, ребята сегодня получили телеграммы ответные на «Югорский Шар Карская, теплоход Комсеверопуть».

Прошло уже 50 дней, как я выехал из дому (из Тюмени). Кругом тишина, глухой север¹¹⁷.

18/VIII

Все стоим на том же месте, только лишь ветер повернул нас несколько раз вокруг носа. Холодный ветер, вчера и сегодня выпускал стенгазету, сегодня потратил на нее часов 5. Думаем завтра выпустить. Приехали к нам промышленники из палатки, что видно на берегу неподалеку от нашего теплохода проплыл морской лев, который // [Л. 40] то высунется, то скроется под водой. На острове у зимовщиков имеются пойманные два медвежонка, сидят в клетках. Одного медведя промышленники убили у самой палатки, подошел к ним в гости. Промышленники здесь из Архангельска и Красноярска, Усть-порта и т.д. Помы-

«Убекосибири», правильнее «УБЕКО Сибири» — название парохода по названию специального подразделения, занимавшегося обеспечением безопасного плавания в прибрежных водах и устьях рек Сибири — Управление безопасности кораблеводства Сибири. В 1918–1932 гг. существовали подобные службы во всех морских бассейнах страны.

¹¹⁵ Надпись сделана печатными буквами, подчеркивание — красным карандашом, авторские кавычки акцентируют внимание на названии.

¹¹⁶ Марка могла быть выпущена в преддверии юбилея, т.е. в 1964/1965 гг. Диксон был основан в 1915 г. Это вновь возвращает нас к вопросу о времени работы автора над дневником.

¹¹⁷ Тема дома на фоне некомфортных условий и отсутствия возможной связи с родными (не получил ответную телеграмму по оплошности) отсылает к гомеровскому сюжету, где испытанием для героя становится удаленность от дома и безветрие. Скука и тишина, тоска по дому — суть испытаний С.Ч.

лись у нас в бане, ловят они здесь рыбу белуху, здоровая, сажени по 1,5, белая какая-то, привезли они плавник от детеньша — здоровый, а с детеньшей они снимают одного жира пудов по 8. Снабдили промышленников хлебом, хлеб у нас белый — пресной¹¹⁸.

Сейчас в 4 часа ездили на «Советскую Сибирь» капитан, 2-й помощник, я и масл[енщик] Марцулан (он мала-мало очухался) на шлюпке промышленников. Сильно бросает, по волнам трудно грести и приставать к борту.

Пароходик «Неупокоев»¹¹⁹ двинулся с лихтером отсюда, а в 20 часов вслед за «Советской Сибирью» вышли и мы, догнали пароход, идем далеко от берега.

Холодный ветер. // [Л. 40 об.]

Промышленники махали шапками. На берегах много нанесло леса рекой.

21-го думаю получить из дома долгожданное письмо. Уже скоро 2 месяца как я не получал известий из дома.

19/VIII

Здесь стало уже значительно теплее. Сначала то исчезая, то появляясь¹²⁰, виден один берег, а затем показались оба берега. У села «Голь-

¹¹⁸ «Пресной хлеб» — замешанный не на опаре, а на воде.

¹¹⁹ Корабль назван в честь Константина Константиновича Неупокоева (1884–1924), потомственного русского морского офицера, мореплавателя, гидрографа, исследователя Восточной Арктики. Неупокоев был начальником Управления безопасности кораблевождения Сибири, руководил гидрографическими работами, участвовал в открытиях архипелага Северная Земля, пролива и острова Вилькицкого, островов Малый Таймыр, Старокадомского и Новопапенного (с 1926 — о-в Жохова). Его записи легли в основу первых лоций Енисейского залива «Материалы по лоции Сибирского моря» (1922). Инициатор возрождения Гидрографической экспедиции в апреле 1918 г. В годы Гражданской войны на Севере командовал специаль-

ным отрядом экспедиции Западно-Сибирского района Северного ледовитого океана под руководством Б.А. Вилькицкого. Сразу же после разгрома войск адмирала А.В. Колчака Неупокоев развернул в Красноярске подготовку к гидрографическому обеспечению плавания судов Хлебной экспедиции из Архангельска в устья Оби и Енисея. В навигацию 1919 г. по заданию Северного правительства организовал и перевёл из Архангельска в устье Оби и Енисея отряд из пяти гидрографических судов. В 1922 г. был назначен в Омске начальником УБЕКО Сибири. Обеспечивал безопасность плавания судов Карских товарообменных экспедиций.

¹²⁰ Синтаксическая конструкция «то исчезая, то появляясь» встречается в записках несколько раз как оборот, используемый для описания моментов приближения к берегу.

чихи»¹²¹ к «Советской Сибири» пристал пароходик, пересадил лоцмана. Река стала здесь еще поуже, по берегам изредка попадают домики. В Усть Енисейске будем завтра утром. Берег по правую сторону снова скрылся с горизонта на довольно долгое время. На встречу попал винтовой пароходик¹²². Левый берег виден, он покрыт зеленью, по-видимому, мох, лесу нету, а на Диксоне и моху нету.

В пресную цистерну накачали соленовой воды, пьем соленый чай и теперь беспрерывно хочется пить, это уже такая небрежность не в первый раз¹²³. // [Л. 41]

Красивый был закат солнца. В одном месте встретили чумы инородцев, которые с лодок промышляли рыбу. Здесь стало много теплее, даже сейчас в 22 часа, открыты иллюминаторы, закрыли паровое отопление и тепло. Завтра утром должен Усть порт. Качки не заметно никакой, лишь судно содрогается от работы машин. Только что вымылся в бане, уже темно, не то, что было в Норвегии.

Дует свежий ветер.

В 4.30 прошли Усть Енисейский порт, где сделали короткую остановку для посадки на «СС» [*«Советскую Сибирь»*] двух каких-то личностей, которые подкатили на моторе. Сегодня самостоятельно работала на левом дизеле.

В 11 часов проехали самое большое село в Туруханском крае Дудинку, в котором, как говорят // [Л. 41 об.] когда-то отбывал т. Ленин ссылку¹²⁴.

В селе 28–30 домов и маленькая церковь.

Дудинка расположена на правом берегу Енисея в красивом месте.

¹²¹ Ныне не существующее село в устье одноименной реки, правого притока Енисея.

¹²² Фиксация событий друг за другом в настоящем времени, в связке со словом «сейчас» могут свидетельствовать о том, что записки могли писаться во время вахтовой службы.

¹²³ Дефицит пресной воды — серьезное испытание в море. Небрежность такого рода — лейтмотив экспедиции капитана Татаринова из романа В. Каверина «Два капитана».

¹²⁴ Здесь память подводят автора. В.И. Ульянов (Ленин) отбывал ссылку в селе Шушенском Минусинского округа, располагавшегося значительно южнее Дудинки и Туруханского края вообще. В Туру-

ханском крае, в с. Монастырском и станке Курейка, ссылку отбывал И.В. Сталин (Джугашвили) с 1913 по 1916 гг. Неуверенные знания будущего армейского политработника могут быть отражением неформальности советской мифологии. «Краткий курс истории ВКП(б) будет издан только в 1938 г., а рубеж 1920–1930-х гг. знаменателен не только индустриализацией и коллективизацией, но и тем, что партия брала под свой контроль сферу духовной жизни: школьное образование, массовое краеведческое движение, законом 1929 г. создавались невыполнимые условия для деятельности религиозных общин.

Берега пошли, покрытые небольшим лесом. Пошел мелкий дождик, кругом темно, на теплоходе ярко светит электро, в каютах тепло и уютно. В виду того, что туман и темно, мы в 10 часов встали на якорь.

21-го/VIII

Утром в 2.30 снялись с якоря и пошли в порт «Игарка». Потом сплошной лес — тайга (ельник). В 6 часов показался порт Игарка, узенький пролив (протока). В порту стоят и грузятся штук до 10 иностранцев. На левом берегу стоят штук 7 казарм (бараков), в которых живут грузчики Карской. На правом две лесопилки, одна Комсеверопути, вторая лесотреста, штук 20 домов. //

[Лл. 42–45] *[Между страниц вклеены фотографии и вырезки из газет, даже листок из отрывного календаря¹²⁵.]//*

[Л. 46.] В 7 часов встали на якорь. В 9 часов приехали к нам предправления Комсеверопути и уполномоченные ГПУ, которые принимали теплоход. Сначала шла проверка документов, а затем осмотрели вещи. Закончили осмотр в 12 часов. Затем на воду спустили моторку, возился с мотором и катался на моторке. Съездил на почту, но, к сожалению, ничего нет.

Моторку у нас отобрали для обслуживания порта. Морское командование высадило, командиром теплохода стал вр. исп. боцман И.А. Чарушников¹²⁶. Прибыли гости на чай-какао. В 2 часа дали первый гудок. Искушался сейчас Глеб Коротковский и машинистка порта при посадке в лодку.

¹²⁵ Вклеена фотография с изображением порта, возможно, Игарка. Размещение фотографий и вырезок из газет, книг в дневнике не хаотичное, подчинено основной цели — иллюстрации текста. Поддерживают эту версию и другие дополнительные материалы, вклеенные рядом, — вырезки из газеты, листок отрывного календаря. Все они посвящены Игарке. Газетная вырезка, озаглавленная «Игарка», является рассказом очевидца, возможно, участника, Карской экспедиции 1920–1930-х гг. Красным карандашом выделено заглавие заметки и строки, в которых говорится об «открытии» Игарки в 1927 г., о начале строительства порта в 1929 г. и о первом караване судов Карской экспедиции, пришедших в грузовой

порт во главе с ледоколом «Красин» за лесом. Внизу, уже спустя, видимо, немало лет, шариковой ручкой автор дописал дату этого события: «В 1930 году». По косвенным признакам можно предположить, что вырезка была сделана из газеты, вышедшей не ранее декабря 1965 г. В тексте на обороте вырезки встречается упоминание комитета народного контроля. Такие комитеты в СССР появились в декабре 1965 г. А вот листок отрывного календаря родом из 30-х годов. Об этом нам говорит упоминание о шестидневке, т.е. шестидневной рабочей неделе, основе советского революционного календаря, по которому страна жила с 1 декабря 1931 г. по июнь 1940 г.

¹²⁶ См. сноску 2 на с. 295.

В 2 часа пошли снимать с мели плоты. В 2.30 подошли к плотам и встали на якорь возле них. // [Л. 46 об.] Плоты громадные, на них два дома, лошади, автомашина. Ночь плоты сколачивали, мы ждали.

22¹²⁷

Утром в 2 часа плота сняли с мели и повели вниз в протоку. К вечеру снова вернулись с «Советской Сибири» за остальными плотами и пароходом Енисей. Дал домой телеграмму о приезде в порт и об окончании морского плавания.

23-го

С утра помогали «Советской Сибири» сталкивать с мели плоты. С большим трудом стащили их с мели, пошли в порт. 2 иностранных парохода отправились из порта, нагрузились тесом. Сегодня проводим ревизию «Н.З.».

Ездил на берег за продуктами. На вахте возился с фильгром, муторная работа. // [Лл. 47–51].

[Вклеены фоторепродукции о буднях Игарского порта¹²⁸.]//

[Л. 52] **24-го**

Все еще стоим в порту Игарка, после вахты работал в комиссии по дележу и отпуску продуктов «НЗ». Вчера делали промывку котла. Один из теплоходов должен зазимовать здесь в Игарке. Последний рейс забирает продукты и остается здесь в Игарке коротать полярную ночь, кажется, наш «Кошевой».

Но я твердо решил ехать домой, надо сдать практическую работу в ФЗУ и получить аттестат. Так как это время мы отбывали практику летнюю.

¹²⁷ Датировка дня записи сокращена до цифр. Такой тип датировки в совокупности с торопливостью почерка может свидетельствовать о том, что в некоторые дни записи велись в спешке, в промежутках между работой.

¹²⁸ Вырезки фоторепродукций о буднях Игарского порта из печатного сборника, возможно, из серий, издававшихся Обществом изучения Сибири и её производительных сил. Об этом говорят некоторые косвенные данные из текстов на обороте репродукций. В частно-

сти, упоминается резолюция Общества изучения Сибири и её производительных сил (ОИС) по докладу В.А. Итина о проекте «Великого северного пути» в связи с выходом на Урал и Северным морским путем. Судя по фрагментам текстов, в которых критикуется проект строительства Северосибирской железнодорожной магистрали А.А. Борисова, их можно датировать 1931–1932 гг., когда этот проект был окончательно отвергнут в пользу развития морского варианта пути.

25-го

Утром дует сильный ветер. Изредка моросит мелкий дождик, идем вверх по течению. Утром прошли речку Курейку¹²⁹, что расположена на правой стороне. По берегам тянется лес и довольно густой.

26-го

Ночь стояли на якоре. Рано утром в часа 2 начал моросить дождик. На вахте стоял у левой машины, пускал, останавливал, сбавлял ход и т.д. // [Л. 52 об.]

В 10 часов наш теплоход наскочил на мель, в 12 снялись, маленько не нажало плотом. Ночь была очень темная. Вечер играли в домино.

27-го

Утром в 3 часа стали производить маневры с плотом и затем пошли с ним вниз к Игарке. Утро очень хорошее, тепло, тихо, солнце, но к 10 часам заморосил мелкий дождик. В 11 1/2 нас обогнал пароход «Иртыш» с 4-мя лихтерами. В 5 часов прошли «Курейку», эта река, граница полярного круга (+ 50% полярных)¹³⁰.

28-го/VIII

Утром с 5 до 8 вели плоты, в 8 часов встали у берега на якорь рядом с плотом, ввиду сильного ветра, разбившего плот. После вахты напившись чаю, пошли с Глебом в лес (тайгу) на экскурсию. // [Л. 53] Лес здесь довольно густой, берег высокий, как у нашей р. Туры, но хоть и высок, а в лесу болото, в лесу много свежих и старых лосинных следов, особенно их видно хорошо на берегу, также встретили следы присутствия медведя и подались на берег, потом ходили к плотовщикам с 2-мя ружьями, но никого не встретили, а далеко от берега не пошли. Растительность здесь ель, кедра, сосна, попадает малинник, но малины мало, шишек нет совсем, хотя и масса кедровнику.

В 17 часов получили по радио телеграмму, о том что моторно-парусное шхуна¹³¹ «Зверобой» потерпело аварию, наскочив на камни, за островом «Диксон» в заливе Пясино. По всей вероятности нам придется идти спасать ее и попутно забрать рыбаков-промышленников¹³².

¹²⁹ Курейка — одна из самых протяженных и полноводных рек Красноярского севера, правый приток Енисея. Ее исток лежит на склонах базальтовых гор Путорана. До прихода русских поселенцев местные жители называли Курейку Люмой или Нумой. В своем верхнем течении является горной рекой, в среднем и нижнем течении она выходит

на равнины. Протяженность составляет 863 километра.

¹³⁰ Уточнение по процентам — аргумент в пользу практичности автора записок, одновременно связка с гомеровским Одиссеем.

¹³¹ Склоняет по среднему роду как «судно».

¹³² О миссии спасения шхуны сообщается сдержанно, хотя автор за-

Дует очень сильный ветер. // [Л. 53 об.] В шестом часу мы получили телеграмму, чтобы нам экстренно сняться и идти в Игарку. Сильный ветер, идем в Игарку, немного покачивает. В 8 ¹/₂ часов у правого берега повстречали п/х [пароход] Труханца с двумя лихтерами, с ним мы будем меняться лоцманами. У Труханца штормом оторвало один лихтер, он его оставил без помощи на произвол судьбы, сам смазал запятки¹³³. Ночь темная.

29-го

В три часа утра начало светать, мы тронулись в путь (Игарку). Сильный ветер — килевая качка. В 8 часов пришли в порт Игарку, здесь на якоре стоят штук 7 новых заграничных пароходов. Два грузятся. Встали и мы на якорь. Командир и механик уехали на берег в правление для выяснения дальнейшей нашей работы. // [Л. 54] Пошел и я на берег, сходили с Марцуланом на почту. Нет долгожданного письма. Послал домой открытку¹³⁴.

Обошел весь порт. Работа везде кипит. На этой болотистой, на аршин талой почве строят новые домики, силовую станцию, лесопилку и т.д., работа идет во всю, сейчас работают две лесопилки, в одной приспособлена силовая установка, что освещает Игарку. На берегу лежат три большие котла для новой электростанции. Из цемента и опила делают кирпичи, вероятно, для фундамента, но они непрочные, рассыпаются. Вообще работа кипит, этот порт работает всего 2-й год, а разрастается быстро, у него богатая будущность. Года через 4 его будет не узнать. сейчас кругом построек лес-болото, в порту сделаны мостовые из плах, иначе работать нельзя, болото. // [Л. 54 об.] Сегодня здесь шел снег, первый в этом году. Скоро и осень, как быстро пролетело время, сегодня уже 29 августа, прошло 2 м-ца со времени моего выезда из Тюмени, и я до сих пор не получил известий из дому¹³⁵.

Лег после обеда спать, уснул я, меня будит помощник механика Миша и подает письмо, я ему очень обрадовался, оказывается от Нади и Лели¹³⁶, письмо перевязано шпагатом, но быстро накатал ответ на двух открытках, домой и Наде, время уже 10 часов, и мы, вероятно, скоро пойдем, а поэтому я поспешил отнести открытки на почту.

писок не мог отнестись к этому факту как к рядовому событию.

¹³³ Переложение известного фразеологизма «намазать пятки».

¹³⁴ Мотив дома в записках часто реализуется как ожидание вестей от родных, автор дневника ждет письма и сам активно шлет открытки.

¹³⁵ Тоску по дому усиливает отсутствие вестей. Через этот мотив ав-

тор записок сближается с гомеровским Одиссеем. Вместе с тем становится крайне интересно, почему ему никто не пишет. За всю экспедицию он получит только одно письмо.

¹³⁶ Возможно, именно это письмо от 2–5 августа 1930 г. хранится в специальном конверте на внутренней стороне нижней корки переплета.

Стоим у правого берега протоки, с левого борта нам грузят и подвозят 40 бочек (железных) бензину для тов. Чухновского¹³⁷, всю палубу загрузили. // [Л. 55]

[Вклеена фотопрепродукция с изображением судна. Под фотографией читаем:]

«Река Енисей доступна по своим глубинам для больших морских судов на многие километры от устья. На снимке: пароход «Ульмус» (6000 тонн) на Енисее близ Усть-порта». // [Л. 56]

30 августа

Вчера спрашивал командира о том, поедет ли в Пясино, он ответил уклончиво, что нет, а это он, оказывается, на бога взял для того, чтобы народишко кой-какой не разбежался, а у нас были такие.

Ночью погрузили продукты, а утром я уже в часа 3 узнал, что мы идем в Пясино спасать «Зверобой» и его команду, состоящую из человек 30–35. А нашей команде не хотелось туда ехать, там шторма, местность незнакомая, сядем еще где-либо на мель, там нас должен встретить ледокол «Малыгин», к месту аварий он подойти не может, т.к. большая осадка у него.

В эту спасательную экспедицию с нами едет начальство Главн. уполномоченный ГПУ порта, пред. правления Комсеверопути т. Лавров¹³⁸,

¹³⁷ Чухновский Борис Григорьевич (1898–1975) — один из первых полярных лётчиков. В 1917 г. окончил школу морских лётчиков в Ораниенбауме и начал службу во флоте. Участвовал в Гражданской войне на стороне красных в составе Воздушной бригады Волжско-Каспийской военной флотилии. В 1922 г. поступает в Военно-морскую академию. В 1924 г. Чухновский убедил руководство Северной гидрографической экспедиции в том, что самолет может оказывать помощь в ее работе. Борис Григорьевич был включен в состав экспедиции. Ему выделили гидросамолет Ю-20. Так было положено начало широкому использованию авиации в Арктике. Для экспедиции 1925 г. было запланировано использование уже двух самолетов. В 1928 г. он вошёл в состав экспедиции по спасению экипажа потерпевшего катастрофу

в Арктике дирижабля «Италия». Самолёт Чухновского «Юнкерс» ЮГ-1 был погружен на ледокол «Красин», совершал разведывательные полёты, 10 июля достиг лагеря Нобиле и сбросил на льдину припасы. 11 июля Чухновский обнаружил итальянцев — Мариано и Цаши, которые за месяц до того вместе с Ф. Мальгреном покинули лагерь и пытались добраться до Шпицбергена. Участвовал в ледовой разведке Северного морского пути, в поисках самолета С.А. Леваневского и в прокладке воздушных трасс для полярной авиации. Во время войны заместитель командира авиаполка Северного флота. Вел воздушную разведку и бомбежку вражеских позиций и военных объектов. После войны Б.Г. Чухновский в полярной авиации.

¹³⁸ См. сноску 3 на с. 295.

председатель печати (корреспондент ТАСС), он же фоторепортер т. Зингер и другие. Вообще публики много. Замечательная погода стоит в настоящий момент, ветер стих, светит солнце, // [Л. 56 об.] редкий день для этой местности. День сегодня не спал, до обеда занимался стиркой, а после писал письма.

Подходим к Устьпорту. Приставали очень долго, около часу. Занял у радиста 10 к[опеек] купить марку и пошел на п/х [пароход] «Сталин», что стоит за баржой. Сильный иней, подстыло, застыли пеньковые веревки и канаты. Холодок жгуч до костей, ветер, а я в сандалиях и душегрейке. П/х «Сталин» довольно грязный, товарно-пассажирский, с двумя машинами (двухцилиндровые). Лег спать в полпервого.

31-го

Сегодня, погрузив на т/ход кой-какой груз, отправились в 2 часа дальше.

Утром после вахты играл с фоторепортером в домино (в козла). Обыграл его несколько раз¹³⁹. До обеда спал. Вышли уже в широкую часть Енисея, и поэтому покачивает, дует холодный ветер. // [Л. 57]

Репортер хвалится, что не боится никакого шторма, летал де на самолете и т.д., не иначе хвастает, ему что-то не верят. Виден только один правый берег. Вечером выдали полушубки.

1-го сентября 1930 года

На берегу виднеется нерастаявший снег, идем на Диксон. В 7-м часов остановились у «Ефремова камня»¹⁴⁰. В 8 пошли дальше. На «Е.К.» остановилась экспедиция, приехавшая сюда в июне-месяце из г. Красноярска и до сего времени ждала здесь попутного парохода до Пясино, а здесь построили дом.

Скоро Диксон, виднеются уже знакомые камни-островки.

В 10 ¹/₂ часов начали занятия по проработке 16-го партсъезда¹⁴¹.

В 11 показался о. Диксон, стало видно мачту Диксоновской радиостанции. Затем я выглянул в иллюминатор (занимался в Красном угол-

¹³⁹ Мотив превосходства и везения — атрибут эпичности героя — появляется в записках неоднократно. Здесь он связан с мотивом игры.

¹⁴⁰ Ефремов Камень — мыс в Енисейском заливе, у которого в 1918 г. погиб ледокольный транспорт «Вайгач». По распоряжению Временного правительства он должен был доставить оборудование для постройки радиостанций в Усть-Енисейском порту (ныне

Усть-Порт) и в Дудинке, но наскочил на камни и затонул. Сегодня на мысе стоит крест и старый бакен с облупившейся надписью, что здесь покоится легендарный «Вайгач». В 1910-м, во время гидрографических работ в Чукотском море, «Вайгачом» командовал А.В. Колчак.

¹⁴¹ Одна из реалий советской эпохи — политминутки, политчасы, обсуждения материалов съезда.

ке // [Л. 57 об.] и увидел, как мне сначала показалось, пароход-транспорт, подходим ближе, оказалось, что стоит ледокол «Малыгин», а не-вдалеке от него гидросамолет Чухновского «Комсеверопуть». Ну, занятия пришлось отменить.

Подошли в плотную к «Малыгину» и встали на якорь, «Малыгин» по типу совсем не похож на «Красина» и «Ленина», он представляет из себя транспорт с особо острым носом¹⁴². Только остановились и увидели, что самолет буксируется моторкой в нашу сторону.

[На странице приклеена любительская фотография с изображением буксируемого самолета. Внизу под фотографией подпись печатными буквами, но от руки: «Самолет Чухновского». // [Л. 58] Между страниц вклеен фрагмент статьи:]

«Но мало кому известно, что нынче, летом 1969 года, авиаторы наши отметили три юбилейные даты, связанные с Крайним Севером.

8 августа 1929 года в бухте Варнека на острове Вайгач опустился двухмоторный гидросамолет с надписью на фюзеляже «Комсеверопуть». Комбинат Северного морского пути, созданный в начале первой пятилетки, строил лесоэкспортный порт в Игарке на Енисее, вел туда караваны иностранных судов. Дорогу для них надо было разведывать с воздуха. И поручалось это Борису Григорьевичу Чухновскому, летчику уже тогда всемирно известному. Это он, Чухновский, в 1928 году разведал дорогу для ледокола «Красин», шедшего на спасение затерянных во льдах итальянцев». // [Л. 59]

Скоро можно было различить лица сидевших в моторке. Чухновского я узнал сразу (хотя раньше и не видал), он стоял у руля¹⁴³. Подъехали к корме нашего т/хода. Из моторки летчики и Чухновский в том же числе, забрался на т/ход¹⁴⁴. Я стоял и наблюдал за ними. Затем они направились в наш салон, где их ожидал т. Лавров, капитан «Малыгина». Самолет привязали к корме. Устроили заседание, на котором присутствовал и я¹⁴⁵.

Самолет у Чухновского сильный, 1200 сил, но второй летчик расказывал мне, что он порядочно потрепан, но летает еще хорошо. У него появилась течь, в день попадает в лодку 120 ведер воды. «Малыгин» силой превосходит нас в 2 раза, т.е. у него 2800 сил, стоит вертикальная трехцилиндровая машина, но этот ледокол по-видимому ста-

¹⁴² Слои профессионального дискаursa, сквозной в записках, содержит описания технических возможностей кораблей, сравнения их.

¹⁴³ Для автора записок Чухновский — герой. Узнавание и обретение героя происходит в русле сказочной традиции: герой стал центром внимания, объектом восхищения.

¹⁴⁴ Выбор форм глагола свидетельствует о том, что среди прочих лиц именно Чухновский является главным объектом внимания.

¹⁴⁵ Автор записок дважды делает акцент на своей роли свидетеля событий, указывая на собственную значительность и важность события.

рый, наш много // [Л. 59 об.] изящнее. На ледоколе потрошат белого медведя.

Летчики убили тоже одного, у них есть с собой ружье маузер и винтовка 7,6 мм.

[Слева на странице приклеена фотография Чухновского, вырезанная из газеты, справа — текст с описанием его внешности.]

Чухновский немного худощав, волосы не черные, но и не блондин, начинает лысеть, энергичный, веселый, вносил на совещании дельные предложения и его все внимательно слушали.

На левом боку у него прицеплен орден «Красного Знамени».

В 14 часов мы покинули «Малыгин» и пошли ближе к берегу для выгрузки бензина.

На «Малыгине» команда все молодежь, комсомольцы, есть и девчата, обследовал я его, побывал везде на нем. // [Л. 60]

[Между страниц вклеена вырезка из газеты, которая может быть датирована послевоенным временем¹⁴⁶.]

Памяти друга

Есть люди, чьи подвиги еще при жизни называют легендарными, и поэтому эти люди сами становятся легендами. Таков был скончавшийся летчик Борис Григорьевич Чухновский.

В первые дни Великой Октябрьской революции Борис Чухновский приходит в ряды красной военно-морской авиации Балтийского флота. Он формирует дивизион морской авиации и становится его командиром. А ему в то время было всего 19 лет. В марте 1918 года дивизион ведет ледовую разведку во время героического перехода кораблей Балтийского флота из Гельсигфорса в Кронштадт.

После Гражданской войны Борис Чухновский посвящает себя полностью полярной авиации. В 1924–1925 годах участвует в работах советской гидрографической экспедиции. На небольшом одномоторном самолете с двигателем мощностью меньше, чем у современного автомобиля, он пересекает тогда Баренцево море, совершает отважные полеты над суровыми льдами Арктики.

Летом 1928 года весь мир облетела весть об аварии во льдах Арктики дирижабля «Италия», экипаж которого возглавлял знаменитый генерал Нобиле. Советское правительство отправляет для спасения ледокол «Красин» с самолетом на борту, первым пилотом которого был Борис Чухновский. Именно ему удалось разыскать во льдах группу экипажа «Италии». После этого моряки ледокола «Красин» смогли пробиться сквозь льды и спасти итальянцев.

¹⁴⁶ Судя по тексту, написан он в связи со смертью Б.Г. Чухновского или с

годовщиной этого события. Значит не ранее 30 сентября 1975 г.

В годы первых пятилеток Б.Г. Чухновский активно участвует в освоении Северного морского пути. Он стоит у истоков нашей полярной авиации. Наряду с полетами на ледовую разведку Чухновский организует конструирование самолетов для работы в Арктике.

С начала Великой Отечественной войны полковник Б. Чухновский — в рядах боевой авиации. Он сражается вместе с летчиками авиации Северного морского флота, участвует в бомбежках немецко-фашистских баз, охраняет транспортные суда.

После войны Борис Григорьевич опять в полярной авиации, где он трудился до последних дней своей жизни.

Борис Григорьевич Чухновский беззаветно служил делу народа, партии Ленина. Он станет в нашей памяти как мужественный рыцарь полярной авиации, много сделавший для освоения Советской Арктики.

М. Шевелев,
Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант авиации

[Л. 61] Подошли к радиостанции, спустили свой мотор, но долго не могли завести.

Бочки скидали в воду, зачаливали шток по 7–8 и перетаскили на малыгинской моторке.

[Под текстом по диагонали вклеена фоторепродукция с изображением гидро-самолета. Под репродукцией печатными буквами: Самолет «Комсеверопуть» Чухновского.] //

[Л. 61 об.] Выгрузили и остальной груз Чухновскому, консервы и т.д. В 5 часов гидроплан от «Малыгина» перебежал к нам и привез нашего радиста, приехал по делам и Чухновский. Я стоял на вахте, но ввиду того, что делать было нечего, я взял у Жукова фотоаппарат и решил заснять Чухновского. Дождал, когда он пойдет, но не дождался, а уже сумерки.

Попросил его пойти на корму для засьемки (к самолету), где я их и заснял, пригласив еще летчика, с которым имел продолжительную беседу. Чухновский поблагодарил меня, затем поговорили немного, он попросил сделать им по снимку, распростились и он поехал на самолете в бухту (где сгрузили бензин). А мы в 6 часов 45 м тронулись на Пясино. Орудую у дизеля самостоятельно. // [Л. 62]

2-го сентября

Утром, в 6 часов утра, на горизонте показались берега залива реки Пясино (устье), а вскоре можно было разглядеть и самого «Зверобоя», неподалеку от которого стояла шхуна «Диксон».

«Зверобой» стоит неподалеку от берега, на боку приблизительно на 45–50°, зачерпнув одним бортом воду.

[На странице вклеена вырезанная из газеты фотография корабля с надписью: «Недалеко от устья Пясины стоял “на мертвом якоре” опустевший Зверобой»]

В 8 часов мы подошли к судну с правого борта его своим левым бортом, подходили, да и вообще шли, очень тихо, измеряя дно, т.к. здесь много подводных камней, на котором и сидит «Зверобой». // [Л. 62 об.] «Зверобой» — большая морская шхуна, длиной немного меньше нашего теплохода.

Вот что написала газета «Комсомольская правда» об аварии «Зверобоя»:

[Далее вклеена вырезка из газеты.]

Через пару часов были на месте катастрофы... // [Лл. 63–64]

[Вклеены страницы из какой-то книги. На л. 63 две фотографии: 1-я с надписью: «Красноярский рабочий» пытается спасти «Зверобоя»; под 2-й фотографией читаем: Люди покинули «Зверобой».]

[Лл. 65–69]. [В тетрадь вклеены страницы из книги¹⁴⁷, повествующие об операции по спасению «Зверобоя» с участием Чухновского.] //

[Л. 69 об.] [Еще одна фотография затонувшего «Зверобоя» с надписью: «Так Пясино отомстила человеку за его первую попытку узнать ее фарватер и водную дорогу к норильским платиновым месторождениям».] //

[Л. 70]. Пристали и сразу же стали готовиться к откачке воды из трюма «Зверобоя».

Я на «Зверобое» совершил экскурсию, облазал палубу, а Зингер так тот залез на мачту фотографировать, в день снимков по 40 делает и говорит, что если хотя бы один-два пройдут из них в печать, то это хорошо.

Весь корпус «Зверобоя» залит водой. Запустили в трюм приемный рукав, вытащили часть груза и пустили оба насоса «Вортингтона»¹⁴⁸.

¹⁴⁷ По всей видимости, вклеены разделы «Прощай, “Зверуха”!»; «Путь “Белухе” закрыт» и часть раздела «Недогруз и перегруженность» из книги: Зингер Макс. Штурм Севера: Полярная экспедиция шхуны «Белуха». Гибель «Зверобоя» («Браганды»). Жизнь зверобоев-зимовщиков на Крайнем севере Советов. Полет воздушного корабля «Комсомолец 2» с острова Диксон в Гыдомя. Карский поход ледокола «Мальгин» в 1930 году. М., Л.: ГИХЛ, 1932. 150 с. Автор книги — Макс Эммануилович Зингер (1899–1960), советский писатель-маринист, журналист, путешественник. В 1920–1930 годах работал корреспондентом газет «Известия» и «Правда», участвовал в Арктических

экспедициях на ледоколах «Ермак», «Красин», ледокольном пароходе «А. Сибиряков», ледорезе «Ф. Литке». С 1932 г. зимовал в районе Певека, откуда на оленях и собачьих упряжках совершил переход через полосу холода Верхоянск в Якутск. С 1942 г. — военный корреспондент на Северном флоте.

¹⁴⁸ Вортингтон (Worthington) Генри Россистер (1817–1880), американский инженер и изобретатель вертикального парового насоса. В 1859 г. в Нью-Йорке построил завод по выпуску таких насосов. Усовершенствовал сдвоенный паровой подающий насос, который до сих пор широко используется в нефтяных трубопроводах и для перекачки воды.

Чтобы увеличить откачку воды, вытащили пожарную машину и все ведра, и принялись за откачку, что называется во всю.

Неподалеку от теплохода плавают тюлени, здесь их много, один охотник стрелял несколько раз в тюленя прямо с теплохода, но все мазал, тюлень быстро уныривал, как утки из породы нырков. //

[Л. 70 об.] В 10 часов я с 1-м помощником отправился кататься на моторке. Направляли и выверяли работу мотора, он производил регулировку, а я следил за работой мотора и управлял рулем. Далеко уходили в море, гонялся за тюленями, он вынырнет, направишь моторку на него, унырнет и смотришь где-нибудь взади, высунет морду и наблюдает, интересуется, здорово — любопытные. Тюлени подпускают на близкое расстояние, летают стаями утки. На весельной лодке в море охотились на тюленей двое промышленников, я у них из-под носу спугнул нерпу, объехав их несколько раз вокруг. Стреляют, но, по-видимому, мажут.

Замерзли руки да и ноги стали скучать, поехали на теплоход обедать.

После обеда получили сапоги // [Л. 71] и пошли работать на авариной работе.

На моторке покатался хорошо, с берега привезли рыбу «омуль», рыба крупная, больше язей, но похожа на них, здесь ее масса.

Вечером играли в домино (в козла) с геологом, который летал вместе с Чухновским и сейчас возвращается с зимовки домой. Сели они к нам в Пясино, здесь и зимовали.

Пересказывал он мне много интересного, об утонувшем судне «Вайгач», на котором он давно, еще в царское время работал, о полетах на гидре и т.д.¹⁴⁹

Проявлял снимок Чухновского, но ничего не вышло, по-видимому было уже темновато, а я обещал им карточку, они прилетят сюда, вероятно, через два дня, придется заснять еще раз¹⁵⁰. Я узнал от геолога, что второй пилот Чухновского Доронин, пом[ощник] Чухновского, как летчик, не уступает Чухновскому. // [Л. 71 об.] Но Чухновский дове-

¹⁴⁹ «Вайгач» — российский и советский ледокольный пароход. Заложен в 1907 г. в Санкт-Петербурге на Невском судостроительном заводе, спущен на воду в 1908 г., вступил в строй в 1909 г. В проектировании специальных ледокольных судов «Таймыр» и «Вайгач» принимал участие А.В. Колчак, тогда капитан второго ранга. Весной 1910 г. суда прибыли во Владивосток, затем отправились в картографическую экспедицию к

Берингову проливу и мысу Дежнёва, вернувшись к осени обратно во Владивосток. В 1914–1915 годах вместе с транспортом «Таймыр» первым из русских судов прошёл Северным морским путём из Владивостока в Архангельск. Участвовал в Первой мировой войне. 17 февраля 1918 г. экипаж судна перешёл на сторону Советской власти.

¹⁵⁰ Теперь понятно, почему нет снимка, о котором так много говорилось!

ряет ему самолет только лишь во время полета, а взлет и посадку производит лично сам.

А Доронин славный парень, разговорчивый, я его много расспрашивал о полетах, он охотно рассказывает. Рассказывал, как они садились на гидросамолете в тундре, а после взлетели с земли (с болота) и т.д. Пилот он уже немолодой, довольно опытный, был, говорит, инструктором, в летной школе и т.д. Очень жаль, что снимок не удался, а хороший бы вышел, позади них за кормой теплохода стояла ихняя «гидра». Чухновский, как говорит геолог, оказывается тоже большой любитель играть в домино. Бывало, говорит, и холод стоит, а мы жарим в домино, самодельное, сделанное из оленьих рогов.

На днях сюда должен прийти т/х «Красноярский рабочий», его ушел встречать ледокол «Малыгин». //

[Л. 72] При откачке воды всеми нашими отливными средствами, она убыла только лишь на одну четверть, по-видимому, большую пробоину сделал «Зверобой».

В 8 часов вечера мы для ночевки покинули «Зверобоя» и встали на рейд в открытое море.

3 сентября 1930 г.

Сегодня весь день стоим на рейде, поджидаем теплоход «Красноярский рабочий», который, по сообщению, вышел с о. Диксон в 10 часов утра. В 9 часов я отправился вдвоем с Глебом на рыбалку, на берег. Сегодня ночью боцман и лоцман наловили 3 мешка рыбы — омулей, омуль — красивая рыба, четверти на две, две с половиной, и корреспондент Зингер отправился с нами.

Промышленники разрешили воспользоваться ихними сетями. Сети расставлены, и мы на лодке едем потихоньку и перебираем // [Л. 72 об.] сети, вынимая эту глупую рыбу, которая самовольно лезет в петлю, но рыбы было мало, т.к. сети только что просматривали до нас.

На берегу поселилась команда «Зверобоя» и тут же живут местные русские зверобои¹⁵¹. По берегам очень много наносного леса, большинство валежник, часть уже трухляя.

4-го

Сегодня в 7 утра, выйдя из машины, я заметил на горизонте судно, в котором сразу без труда узнал «Красноярского рабочего». В восемь ровно он подошел к нам, я в это время собирался с Глебом на рыбную ловлю.

Встретил на т/х «Кр. рабочий» Мишу Голубева, который передал мне письмо из дому¹⁵², посланное с Андреем, поговорили с ним, а за-

¹⁵¹ Посыл к книгам Ф. Купера о приключениях Зверобоя в прериях, которые в советское время читал почти каждый мальчишка.

¹⁵² Долгожданное и единственное за всю экспедицию письмо из дома С.Ч. получил 9 сентября и хранил на протяжении жизни.

тем с Глебом поехали // [Л. 73] на берег на простой лодке. До берега далековато, дул встречный ветер, и мы с трудом добрались до берега, да и течение «Пясины» сказывалось. Подъехали к сети и приступили к рыбалке, рыбы в сети было порядком, только успевай таскать, сильно препятствовал этому ветер (который нас сносил) и холод, руки заоченели да и ноги (промокли). Обратное вернулись в 12 часов и начали потрошить рыбу.

В 9 часов шхуна с водолазами, которых привез «Красноярский рабочий», направилась к «Зверобоя», а в час дня пошли за «Кр. раб.» и мы. Подошли с двух сторон и приступили к откачке воды, на т/х «Красноярский рабочий» поставили мощный центробежный насос с «Малыгина», он качает хорошо, но вода в трюме убывает очень плохо, водолазы то и дело // [Л. 73 об.] лезят в воду и затыкают у «Зверобоя» паклей пробойны. Наблюдал работу водолазов. К ночи насосы остановили, ввиду того, что их бесполезно гонять.

5/IX

С рассветом вновь заработали все насосы, корму «Зверобоя» поднимают на стелах, сделав из них козлы, водолазы же продолжают путешествовать под воду. Погода направляется. «Красноярский рабочий» пробовал тянуть за нос «Зверобоя», один буксир порвал (трос), второй вырвал с деревом, видать «Зверобой» «сел» крепко. Затем потянули мы за одну из матч — обломили ее, а до этого все, что путное, забрали с «Зверобоя» и решили, что «Зверобой» пропал.

Вечером в Пясино подошла к нам «Белуга» и пересадила к нам часть команды. Вероятно, завтра уходим обратно, не успел подробно побеседовать с Михаилом.

6/IX

Утро пасмурно. В 8 часов утра, перегрузив на «Кр. рабочий» цемент и т.д., покидаем это пустынное место и, дав прощальные гудки, уходим на о. «Диксон». «Красноярский рабочий» остался еще у «Зверобоя», Лавров тоже.

К 18 часам подошли к Диксону. Немного покачивало, от 12 до 15°. В 19 часов пошли дальше. На «Диксоне» стоит ледокол «Малыгин» и в бухточке два самолета, один Чухновского. Идет снег. Попадают каменные острова. // [Л. 74 об.]

7/IX

Утром идем полным к Игарке, ночью шли средним. В 11 часов прошли Гальчиху¹⁵³. Идет сильный снег. Голые каменные берега, растительности никакой. В 21 час встали на ночевку на якорь.

¹⁵³ Правильнее Гольчиха — название в её устье, в котором осуществлялась перегрузка товаров.

8/IX

Утром в 4 часа подняли якорь и дали полный ход к Игарке. 11 часов — проходим мимо Усть-порта, в котором стоят два парохода («Иней»¹⁵⁴ и другой) и несколько лихтеров. На берегу много груза. Здесь работает консервный завод «Комсеверопути». В 17.30 подошли к Дудинке, а «Советская Сибирь» подалась от Дудинки вверх по Енисею, в Усть-порт «Советская Сибирь» привела плоты. В Дудинке к нам с пароходов («Коператор», 700 лош. сил и «Ангара», 600 л.с.) приходила команда на экскурсию. // [Л. 75] Ночью догнали «Советскую Сибирь» и встали на якорь. Рано утром двинулись с «СС»¹⁵⁵ дальше, пошли в перегонки самым полным, до 250 оборотов, и обогнали «СС». В 14 часов вошли в Игарскую протоку и подошли к берегу. При подходе к берегу матрос Сухомликов бросал канат да перевернулся в воду, хорошо выкупался.

Пошел с ребятами на берег по корреспонденцию и т.д. да чуть было не отстал от теплохода, едва успел уже после третьего гудка.

Пошли вверх за плотами, за нами направилась и «Советская Сибирь». Подошли к плотам в 15 часов, подали им буксир и повели их в Игарку, «Советская Сибирь» взяла также огромный плот, забуксировав его в Игарку. Идет мелкий снег.

10/IX

Утро, 4 часа, стоим у причала рядом с баржей, которую поведем в Красноярск. Всю вахту возились с установкой // [Л. 75 об.] 3-хтонного сволотка, снятого со «Зверобоя», вместо снятого одного — однотонного.

С 8 часов начались маневры.

Сегодня чувствуется холод. На баржу идет погрузка лошадей, загрузили их около 40 шт., стоим коло баржи. К нам перебрались пассажиры: Кулагин (управляющий портом Игарка), уполномоченный ГПУ с женой и т.д.

¹⁵⁴ «Иней» — небольшое гидрографическое судно Главсевморпути. Бывшее норвежское китобойное судно «Хальден». Построен в 1909 г. В 1916 г. куплен Морским ведомством и включен в состав флотилии Северного Ледовитого океана в качестве посылного судна. Участвовал в Первой мировой войне. 17.02.1918 г. перешел на сторону советской власти, но в августе 1918 г. был захвачен в Архангельске белогвардейцами и продан частному владельцу. Национализирован в

апреле 1920 г. К началу Великой Отечественной войны входил в состав плавсредств Главсевморпути. Во время Великой Отечественной войны обеспечивал действия флота. 16.07.1942 г. возвращен Главсевморпути. Погиб 15–16.11.1951 г. во время шторма в Чешской губе.

¹⁵⁵ Сокращение названия «Советская Сибирь». С. Чертищев часто пользуется таким сокращением. В дальнейшем оно не раскрывается и специально не оговаривается.

В 6 часов во время моего дежурства к нам в машинное заходил морской офицер, который ни с кем не разговаривал, посмотрел все и вышел с теплохода¹⁵⁶. Затем пришел паренек, машинист с лесовоза «Искра», рассказавший о путешествиях «Искры». «Искра» — транспорт, мощность машины 980 сил, делает 80 оборотов, сейчас с лесом, направляется в Лондон. «Искра» приписана к Архангельску, но в Архангельске не бывала больше году. //

[Л. 76] «Советской Сибири» где-то не видно, вероятно, она ушла вниз за плотами. На «СС» ушли вниз, вернее уехали, два моториста в Красноярск (практиканта), на их место поставили кочегаров, на место кочегаров взяли одного Англичанина¹⁵⁷, видел его, славный такой парень, но по-русски ни бум-бум. На английском судне он снял свой национальный флаг и бросил его, а после удрал с судна. В 7 часов, взяв на причал две баржи, мы тронулись в Красноярск.

Вечер и ночь сегодня очень чудесные, это первый такой вечер, который я вижу в этих краях, стоит теплая тихая погода (и это за полярным кругом). Ясная полная луна отражает себя в воде¹⁵⁸. К утру выпал иней.

Вечер до поздней ночи слушал рассказы одного из Пясинской экспедиции, который рассказывал о своей зимовке. // [Л. 76 об.]

11/IX

Идем, развивая полный ход, день обещает быть хорошим. Из-за леса блеснуло лучами и выплыло ясное солнце, тихо, ветру нет. Так и вышло: день наступил замечательный. Очень красивую картину представляет из себя лес-тайга. Наступила золотая осень¹⁵⁹.

Когда мы ехали в экспедицию в Карское море, то кругом было еще зелено, а сейчас лиственные деревья¹⁶⁰ пожелтели-покраснели, в общем лес покрылся различными цветами, представляя из себя замечательную картину, от которой не можем отвести свой взор¹⁶¹, а лес здесь дикий — густой, по обоим берегам все лес и лес.

¹⁵⁶ Этот загадочный морской офицер — деталь, указывающая на осторожность и наблюдательность автора записок.

¹⁵⁷ Указание на национальность здесь воспринимается в качестве имени собственного.

¹⁵⁸ Некоторое косноязычие в пейзажных зарисовках воспринимается как дополнительная примета старания автора записок быть литератором, выразиться возвышенно.

¹⁵⁹ Подчеркивание красным карандашом фиксирует эстетически яркий момент в переживаниях С.Ч.

¹⁶⁰ «Лиственные деревья» — словосочетание, которое выбивается из книжного стиля описания. Неудачная попытка поиска формы.

¹⁶¹ Последние обороты отмечены возвышенной лексикой, которая, по мнению автора записок, наиболее подходит для описания природы.

В 10 часов играли в домино и из иллюминатора увидели на берегу трех диких оленей, бежавших параллельно с ходом теплохода и никак не отставая от нас, делая еще небольшие остановки и поворачивая // [Л. 77] к нам свои головы с ветвистыми, красивыми рогами. Затем они затерялись в гуще леса. Сегодня проехали реку Курейку¹⁶².

Проехали реку Курейку (граница сев.-пол. круга).

12-го

В 4 часа подошли к Новотруханску, оставив напротив города, на противоположном берегу, баржи и лихтер. Сами пошли к городу за пассажирами, но их здесь оказалось очень много, начальство распорядилось никого не садить. В 7 часов отправились дальше, навстречу попали пароходы «Ян Рудзутак» и «Тобол». Местность пошла красивой, пошли небольшие горы, покрытые лесом.

13-го/ IX

Идем полным. Утро 4 часа. Чем ближе к Красноярску, тем темнее и длиннее ночи. Всего от Красноярска до Игарки 1904 километра. //

[Л. 77 об.] Сейчас¹⁶³ по берегу, параллельно нашему движению ехали двое людей на двух собаках, собаки бегут по берегу и тащат за собой довольно быстро лодку, не отстают от нас, и так они ехали до какой-то деревушки.

Потом мы догнали еще лодку, буксируемую человеком и собакой, в лодке два человека, здесь собак используют во всю как вид транспорта.

14/ IX

В два часа снялись с якоря, идем вперед, лес здесь пошел значительно крупнее, правый берег высокий, сажень на 15–20. Моросит дождик. Весело бурлят за кормой винты. Машина работает четко, слегка сотрясая корпус в машинной хорошо, тепло, дым только едва заметный от выхлопов «MaNa»¹⁶⁴.

Сейчас делал отчет на судкоме¹⁶⁵ о работе по своему сектору, работа признана хорошей.

Подцепили еще две баржи, стоящие у левого берега, сейчас наш караван 4 баржи и один лихтер. //

[Л. 78] Часто стали попадаться деревни по 20–10–25 домиков, говорят, что в них живут большинство промышленники, старoverы-кержаки.

¹⁶² Граница северного полярного круга.

¹⁶³ Слово указывает на факт ведения записок во время путешествия.

¹⁶⁴ Искаженное название известного немецкого автомобильного концерна MAN, который в том числе

занимается производством двигателей для морских судов. Дизелями его производства были оснащены пять теплоходов-буксиров серии «Первая пятилетка».

¹⁶⁵ Сокращение от «судовой комитет».

Вечером играли, как всегда, в домино, а потом слушали рассказ зимовщиков, которые все еще продолжают путь с нами. Ночь очень темная.

15/ IX

Утро замечательное, красивый правый берег (высокий, весь покрыт цветным лесом, начали попадать сосны). Изредка попадают каменистые берега, Енисей стал уже. В 14 часов получилась авария с правой машиной, идем на одной. День сегодня очень теплый, в каютах жарко, боюсь, что рыба моей засолки, что стоит на корме в ящике, попортится.

На вахте меняли клапан и форсунку. // [Л. 78 об.]

16/ IX

С утра на вахте возились с клапанами, притерли их, в 6 часов снялись с якоря и пошли дальше, к осиновокскому порогу¹⁶⁶.

Высокие каменистые берега, на красивом берегу расположилась после порога деревня Осинино.

Через порог ведем только две баржи, а три остались внизу, сейчас эти баржи подведем к берегу и думаю поехать с ребятами на охоту.

На охоту пойти не пришлось. Лег отдохнуть и уснул, проснулся и мы идем уже книзу¹⁶⁷.

17/ IX¹⁶⁸

Захватив баржи, стоящие ниже порога, мы пошли вверх, к баржам, которые уже провели.

Дорогой повстречали т/х «Петровский», который просил провести его баржи, оставленные выше.

Командир отказывался, ссылаясь на то, что у нас только один лоцман, но переночевав мы // [Л. 79]

[Между страниц вклеена вырезка с изображением берегов Енисея и надписью:]

«Щеки» Енисея близ устья Подкаменной Тунгуски. Здесь воды Ангары и Енисея, разливающиеся выше по течению в ширину до 25 клм., суживаются высокими каменными берегами до 1/2 километра. //

¹⁶⁶ Одно из наиболее опасных мест на Нижнем Енисее. Судовой ход очень узок и неглубок — 2–2,5 метра. Получил название в честь ныне заброшенной деревни Осинино, в которой с 1828 по 1840 годы отбывал ссылку декабрист Авраамов.

¹⁶⁷ Возможно, записи в дневнике иногда велись в течение дня, в несколько заходов.

¹⁶⁸ Столь лаконичная датировка записок встречается редко, но может свидетельствовать о занятости пишущего в дни, особенно насыщенные работой, в некоторой степени может свидетельствовать о ведении записей в реальном времени, поскольку при переписывании автор мог обратить внимание на отсутствие единообразия в оформлении и, скорее всего, исправил бы это.

[Л. 80] с утра повели эти баржи, груженные экспортным лесом.

Одну из них посадили на камень, и она не вытерпела — раскололась.

Дело было так: в 8 часов, я был еще на вахте, раздался треск, я подумал, что «отдают» буксир, а, оказалось, сломался гак¹⁶⁹.

Одна из барж села на камень и сразу же осела на 2 метра в воду, залив край палубы, а вторая дала трещины и стала ниже аварий, подошли к аварийной барже, приготовились к откачке воды.

Снизу подошел «Петровский», встретил на нем Сергея Веденева.

Подвели к аварийной барже одну из своих, высадили для перегрузки экспорт леса, пассажиров и матросов, сами пошли к деревне за пассажирами с оставшихся барж.

Получили распоряжение от Кулыгина о том, чтобы нам следовать в Игарку с баржами. //

[Л. 80 об.] Утром пришли из деревни к месту аварий. Пошли с баржами вниз, в Игарку, пересадив всех Пясинских пассажиров.

Утром в 5 часов пошли дальше к Игарке. Утро было очень хорошее, но к обеду погода изменилась, пошел мелкий дождик.

Вниз двигаемся очень¹⁷⁰ хорошо, быстро, лес пошел более мелкий. Надвигается осень-зима. Встали на якорь в 7 1/2 часов вечера.

Утром в 5 пошли дальше, теперь каждую ночь будем стоять на якоре. Моросит мелкий дождик.

Снялись в 4 1/2 часа.

В 5 часов навстречу попал пароход «Иний» с лихтером (с гидроразведкой). Затем навстречу попала «СС».

В 10 часов прошли мимо реки Нижняя Тунгуска и г. Труханска¹⁷¹. //

¹⁶⁹ Стальной кованый крюк на корабле для подъема грузов и т.п.

¹⁷⁰ «Очень» — еще одно слово, популярное в записках, характерное в такой частотности для разговорного стиля.

¹⁷¹ Искаженное Туруханск — поселение на севере Красноярского края. Основано в начале XVII в. как зимовье на западном берегу Енисей в месте впадения реки Турухан. К середине XVII в. оно превращается в альтернативу угасающей Мангазее. После пожаров, почти полностью уничтоживших «златокопьящую», Туруханск становится административным и экономичес-

ким центром обширного района, специализирующегося на северных добывающих промыслах. В начале XX в. центр перемещается в село Монастырское (название связано с Туруханским Свято-Троицким монастырем, основанным в 1660 г.), расположившееся на восточном берегу Енисея у впадения Нижней Тунгуски. В советское время село было переименовано в Туруханск, а первоначальный Туруханск именуется с тех пор и поныне Старотуруханск. В дальнейшем авторское написание названия города и одноименного парохода будет сохранено.

[Л. 81] Листья с берез здесь уже все попадали, и деревья потеряли прежнюю красоту, которую имели 1 $\frac{1}{2}$ – 2 недели тому назад. В Игарке будем, вероятно, завтра, думаю, из дома получить письма.

В 11 $\frac{1}{2}$ часов вечера (стояли с 7 на якоре) к нам подошел «Красноярский рабочий». Мы в это время играли в домино. Я так увлекся, что и не слышал, как он к нам пристал, приходил к нам Михаил Голубев в каюту, но меня не застал там, играли до часу ночи.

А когда я вышел на палубу, что «Красный рабочий» уже ушел, жалею, что не увидел Михаилу.

Ночь была теплая и светлая.

«Красный рабочий» идет за плотами, которые мы встретили в осиновском пороге.

22/IX

Снялись, как всегда, в нашу вахту в 4 $\frac{1}{2}$ утра. Сегодня дует сильный холодный ветер. // [Л. 81 об.]

В 17 часов загромыхала якорная цепь и якорь полетел на дно Игарской протоки.

В Игарке стоят новые парохода, два из них наши: «Сакко» и «Крестьянин».

К нам сразу же прикатил нач. порта Кулагин, Лавров и др.

В 22 часа ездили на почту¹⁷², было очень темно, ездили с электрофонарем, получили на т/х только одно письмо, мне нет ни шиша.

В 11 часов по распоряжению начальства снялись с якоря и пошли вверх встречать плоты.

23

Утро шли полным, в 10 часов попал на встречу с т/х «Сов. Сиб.» с плотами, нам идти снова к Осиновскому порогу, проходим туда и обратно, вероятно, с неделю.

В 18 часов повстречали матку¹⁷³, состоящего из 3 больших плотов, подошли к ней, подаем буксир. В 19 пошли обратно к Игарке. В 1.30 ночи встали на якорь. // [Л. 82]

24-го

С 4 $\frac{1}{2}$ часов стали вытаскивать буксир и подовать его нам. После долгой возни с ним в 7 часов пошли дальше. Идем полным ходом.

Температура газов в цилиндрах доходит до 370°, вода, как всегда, 35–40°.

Весь день с перерывами идет снег, чувствуется холодок. Большие стаи уток и гусей летят в противоположную нам сторону. Очевидно, скоро зима.

¹⁷² Поездка на почту — событие, связанное с воспоминанием о доме, об отсутствии из него вестей..

¹⁷³ В лесосплаве матка — большой плот, на котором обычно располагались плотогоны.

25/IX

Всю ночь шли, освещая ночь прожектором. Утром выпал большой снег. В 10 обогнали пароход «Северный» с плотами.

Мы ведем, оказывается, не 3, а 4 плота, в каждом больше 1000 бревен. Идем тихо, вероятно, по 5 в час. Утром будем в Игарке. // [Л. 82 об.]

26/IX

В 2.15 встали на якорь.

Вышло совсем случайно, по вине лоцмана, шли около берега и около Игарской протоки, по ошибке вышли в другую и пошли вверх по течению, прошли большое расстояние и только, потому что шли тихо, и по брошенным поленьям с т/х поняли, что идем не туда, в общем лоцман заплутал ночью¹⁷⁴.

Утром в 4 снялись и пошли дальше. В 8 снова в Игарке, поставив плоты, идем к пристани, где нас встречает Кулагин.

Совершил экскурсию на «Крестьянина». Он привез очень много муки, которую прямо складывают на берег.

Союзфото снимает для кино Игарку, пароходы, снялся и я.

4 парохода пошли из Игарки и один сел на мель (иностранец) и сполз только с нашей помощью. // [Л. 83]

В Игарке много импортного оборудования для графитного завода.

Стоим до утра в ожидании дальнейшего распоряжения. Дали распоряжение забрать нефть с «Красноярского рабочего», потом изменили: «Идти за плотами». В 5 часов пошли встретили «Красноярский рабочий» с двумя баржами. В 18 часов встретили матку и около ее п/х «Енисей». Возмися около плота, освещая прожектором. Оборвали буксир.

27/IX

Ночь простояли около плотов, в 7 часов, подав пеньковый буксир, пошли дальше (к Игарке). С 9 до 11 часов проводили партсобрание. В 12 пришли в протоку, очень долго возились, выбирая буксир. К «Кр. раб.» подошли уже в 16 часов, в мою вахту. Зашел ко мне Миша в машинную, поговорили с ним. С 17 часов приступили к перекачке нефти с «Кр. раб.», // [Л. 83 об.] нефть качали до 12 часов ночи.

Здесь в Игарке стоит самолет Чухновского, а сам он на «Кр. раб.», спросил я его, куда они летят, оказывается, завтра в Красноярск.

Пароходов транспортов осталось только 7 шт., грузятся лесом.

Стали у пристани: сначала «Крестьянин», затем баржа, «Кр. раб.», мы, «Енисей» и «Тобол», чуть ли не половину протоки заняли. Кулагин сообщил нам, что мы завтра выходим к Труханску встречать «Поллярного» с 4-мя матками.

Красивый был вечер, все пароходы в огнях, Игарка тоже там, день и ночь идет работа, стоит тепло.

¹⁷⁴ Потеря дороги, маршрута — типичный сюжет путешествия.

28/IX

Встал на вахту, как всегда, в 3.40 и о, ужас, снег, холод, вихрь и т.д., прямо зима, все снегом замело. Дует сильный ветер, в общем унылая картина.

Сбегал на «Кр. раб.», простился с Михаилом, им повезло, идут в Красноярск. // [Л. 84]

[Вклеена черно-белая фотография, скорее всего, вырезанная из книги (если судить по оборотной стороне фрагмента), с надписью: «Реки Сибири охватывают своими притоками всю Северную Азию. Экспортный лес может быть доставлен дешевым сплавом к лесовозам и полярным портам Сибири.»]

[Л. 85] В 6 часов подошли к «Сакко», который перегрузил наш запасный вал на баржу с теплохода.

В 9 часов мимо нас промчался полным ходом «Кр. раб» в довольно узком проходе между нами и плотами. В 10 часов пошли и мы, холод, ветер. Лоцман говорит, что до Красноярска нам не дойти и придется, по его расчётам, зазимовать дорогой. До Красноярска 1904 километров. Командир Чарушников рассказал сегодня план нашего маршрута. Идем навстречу «Полярному», лихтер оставим дорогой, заберем его по пути в Красноярск. Баржу ведем до Курейки, где ее возьмет «Енисей» и поведет ее под погрузку графита, верст за 120 от устья, а мы с плотами идем до Игарки, забираем караван, весь народ, около 300 чел. и идем в Красноярск.

В салоне и Кр. уголке¹⁷⁵ у нас помещают канцелярию Комсеверопути, // [Л. 85 об.] где они будут подводить итоги Карской, идем в Красноярск вместе с «Сов. Сибирь», выгружая попутно на факториях муку-овес, привезенную «Сакко» и «Крестьянином», а привезли они очень много.

Из Красноярска навстречу нам выходит «Кр. раб.» с караваном продовольствия для Игарки (оно очень запоздало и навряд ли успеет до заморозков).

«Сов. Сибирь» забирает караван у «Кр. раб.» (меняются) и идет обратно в Игарку, а мы продолжаем путь, а «С.С.» бросает караван в Игарке и полным ходом (на ура) дует в Красноярск, но можно с уверенностью сказать, что она не дойдет, т.к. пройдет всего больше месяца, а река через 2–3 недели покроется льдом.

Темная ночь, время 22 часа, подошел «Енисей», его взяли за буксир, идем дальше. // [Л. 86]

29/IX

В 4 утра «Северный» увел баржу в Курейку, вернулся, прицепился к лихтеру, пошли дальше. В 11.30 стояли напротив Труханска (монастыря) рядом с «Кр. раб.». Сегодня выпускал стенгазету¹⁷⁶.

¹⁷⁵ Место заседаний, где, как правило, висели портрет вождя и другие атрибуты советской власти.

¹⁷⁶ И в этот раз о содержании стенгазеты автор дневника ничего не говорит.

30/IX

Утро 4 часа. «Кр. раб.» дает гудки, но мы еще стоим, очень темно, а он трогается в 5 часов, вскоре и мы пошли, обогнав его.

День ясный, но холодный.

Ночью остановились в 21.30 недалеко от «Сов. Сибири», сначала далеко показались огни (а ночь темная), «Сов. Сибирь» была освещена, огней много, пассажирские так не освещаются, как мы.

1/X 1930 г.

Проснулся в 3.40, в 5 часов «С.С.» загудела, в 5.30 отправляемся и мы. В 7.30 показались плоты во главе с парходом «Полярный». Подошли к нему и стали делать маневры, помогая ему стащить с берега плоты (сидят на мели).

В 8 часов начался очень сильный // [Л. 86 об.] ветер, пришлось встать у плотов, сходим на берег в лес.

Лес довольно глухой и дикий, побродил, наткнулся на большой муравейник, разрытый, по следам увидел, что это дело медведя и след свежий (поцарапана одна сосна) и пошел ближе к берегу¹⁷⁷. Мимо идет «Кр. раб», дал два гудка, «Полярный» побежал к нему. «Красный рабочий» прошел дальше.

К вечеру ветер стихает.

2/X

В 5.30 пошли от места нашей стоянки, сегодня весь день сыплет крупный снег. Деревья покрылись сплошь снегом, красиво. В 12 часов над нами низко пролетел Чухновский с Кулагиным, летят в Красноярск, помахали нам.

Купили сегодня у самоеда двух осетров, за 25 рублей, громадные, метра по 2 каждый, икра в них крупная — черная. В 2 часа попал двухтрубый п/х Сталин с 2 баржами. //

[Л. 87] Ночевали неподалеку от Труханска, повстречали «Иртыш», который ведет лихтера с рыбаками. Машины работали всю ночь, дело в том, что течение большое и отданные оба якоря не держат, плот и нас сносило течением, сорвали бакен белый.

В 8 часов прошли около Труханска. Затем обогнали «С.С.», которая стоит с плотами у берега, от плотов плывут бревна, по-видимому расстрепало.

Холод, идущий снег не тает, t воды = + 4°.

¹⁷⁷ Выход в лес, вынужденная стоянка — настоящее приключение героя, образ которого складывается из деталей. И первый штрих — способность распознать след зве-

ря. Автор записок пишет о себе как опытном человеке, знающем лес, что может не совсем соответствовать правде (по факту, это городской житель).

5/X

Всю ночь шли без остановки малым ходом до утра, а затем полным. Идет крупа, берега в снегу, лес здесь не особенно крупный, мт на 7–5. Сосна, кедр, ива и ель. «Сов. Сибирь» простоит в ожидании плотов из Курейки (которые ведет «Северный») вероятно, сутки двой. //

[Л. 87 об.] На т/х «Сов. Сибирь» ребята бузят, просят расчета, не желают зимовать (это передал радист). Кулагин передал телеграмму на «С.С.» следующего содержания: «“Красноярский рабочий” идет в Красноярск, я на гидросамолете вылетаю туда же готовить продукты (караван) для Игарки и факторий и с караваном выезжаем на “Красн. Раб.” из Красноярска, вы идете навстречу нам, меняетесь караванами и идете в Игарку. Там мы возьмем опытного капитана, лучшего лоцмана и порожняком мчимся в Красноярск. Рейс рискованный, возможна зимовка, приготовьтесь. В Игарке предполагаю будем 17-го. Бодритесь, не падайте духом. Кулагин».

Ну их эта телеграмма и взволновала и они подали телеграмму в Новосибирск, Игарку, Красноярск. // [Л. 88] У них почти вся команда омичи, просят в Омск.

Обогнали массу бревен, плывущих вниз, очевидно, где-то разбило плоты, ну да это здесь бывает частенько. В 11 часов прошли Курейку (сев. нал. кр?¹⁷⁸).

Ввиду сильного ветра в 3 часа пришлось оставить плот, который прибило к берегу, а самим выйти на середину и встать на якорь. Плот немного подразбило ветром. Вечер и ночь стоим.

Готовил дневник — практическое задание из школы ФЗУ в[одно-го]/т[ранспорта].

6/X

По-прежнему дует сильный ветер. По Енисею ходят большие валы. Ветер пронзительный, нас качает. В 4.30 измеряли тводы = + 3,8°, а сейчас в 7 часов тводы = 3°, даже чуть меньше, вода на палубе застывает.

Беспокоит меня мысль, как домочадцы мои поживают. Имею на руках 100 рублей, но как их передать? // [Л. 88 об.]

Палуба вся обледенела.

В 9 часов получили радиотелеграмму от начальства из Игарки о том, чтобы во что-нибудь ни стало в 7.30 с плотами или без плотов быть в Игарке. В 10 часов снимаемся с якоря, проходим мимо плотов, сплошь на 20–30.

Чарушников бросает им бутылку с телеграммой, идем дальше, сильный ветер, плот представляет неважное впечатление, очень много бревен из него выбило, хотя он и был крепко связан, один из домиков развалился.

В 5.30 мы были уже в притоке Игарки.

¹⁷⁸ Сокращение не поддается интерпретации.

В это время уходили два последних морских парохода. Первый «Сакко», за ним «Крестьянин». Дают прощальные гудки, мы отвечаем. // [Л. 89]

В Игарке сейчас 4 больших баржи — карские, которые мы поведем в Красноярск.

Здесь стоит пассажирский пароход «Ян Радзутак»¹⁷⁹ (такой же, как наш, III-й интернационал), затем п/х «Тобол» (который идет последним в Красноярск, снимая на своем пути бакена и мигалки). У берега стоит гидро № 2 такой же, как у Чухновского.

Ночь темная, кругом обледенело, t воздуха — 2°.

7/X

Утро, пришел сюда с о. Диксона п/х «Енисей» и шхуна «Диксон».

По Игарской протоке идет крупный лес (стапеля-доски), в общем валюта уплывает мимо в море, безобразия и никто мер не принимает, загружены, говорит, и без того. Идет спешная подготовка к отплытию, трюма грузовые срочно переоборудуются под жилье (для пассажиров). // [Л. 89 об.]

«Ян Рудзутак» отошел от нас и грузится мукой. Вечер холодный, вчера побывал на «Яне», большой пароход. Длина его 74 мт, ширина 8,4 мт, высота 3 мт 400 индик.сил. Строился в Тюмени на заводе Курбатова (билет I-го [класса] Красн[оярск] Игар[ка] стоит 30 руб., II-го кл. 24 руб. и III-го 11.30)¹⁸⁰.

Вечер холодный, сменился с вахты и снес на «Яна» грамоф[онные] пластинки, которые брал на прокат.

Ночь лунная, грязь вся на берегу застыла, обледенело, кругом снег, уши даже мерзнут, ну да я в шубе, в сапогах так ничего. Ветру нет, тихо, только мороз потрескивает. У «Яна» толпится очень много народу, всем хочется уехать. Весь берег усеян людьми с багажом, здесь же собралась вся милиция, и армейцы, пытаясь навести порядок. // [Л.90.]

Порядка никакого, ругаются, сталкивают друг друга в воду (в общем напоминает картину бегство белогвардейцев из Новороссийска), а на пароходе понасело и пройти почти нельзя. Это последний пас[сажирский] пароход в эту навигацию, отправляющийся в Красноярск.

¹⁷⁹ Пассажирский колесный пароход постройки 1902 г. Имя «Ян Рудзутак» носил с 1930 по 1937 г., затем был переименован и до 1959 г. именовался «Мария Ульянова». До революции назывался «Владимир» и затем «Барнаул». По некоторым сведениям, был построен в Тюмени. Работал на Оби. В 1926 г. кор-

пус с машиной и колесами передан на Енисей. После строительства новой надстройки работал на Енисее. Упомянут в очерках В.П. Астафьева «Русская мелодия».

¹⁸⁰ Информация о стоимости билетов — деталь, указывающая на практическую точность автора записок.

В 21 час «Ян» пошел. В Игарке выпало много снега, красива зимняя ночь, зима настоящая, вода начала замерзать, а мы от Красноярска за 1900 км.

Видел здешних ссыльных кулаков, что они из себя представляют, не стоит и писать об этом¹⁸¹.

Ходил сейчас на почту, принес два письма, мне нет, не нашел, почта новая лежит в тюках, не разобрана, говорят, что и разбирать до зимы не будут, т.к. сама п-т¹⁸² контора не работает, зашилась, работает только сберкасса, // [Л. 90 об.] у которой с вечера стоят очереди. Ну, в Красноярске, вероятно, получу уже письма.

А безобразий здесь много, плохо работают организации. Грузчики работают плохо, не слушаются, даже себе жилье не помогают делать. Последние пароходы лесом («Сакко» и «Крестьянин») грузили служащие, в том числе и Чахлов, Лавров и др. по 13 [часов] в сутки. Все же погрузку закончили. Оказали помощь и мы.

8/X

Стоим, идет в трюмы погрузка¹⁸³, грузятся и в баржи. В 12 дня дали первый гудок. В 2 часа дня к нам в Кр. уголок¹⁸⁴ переехала контора Северлеса. Пошли из Игарки в 17.30. Сегодня мимо плывет тоже много хорошо обработанного леса (стлинера¹⁸⁵ по 7 рублей штука), // [Л. 91] плывут клетками шт[ук] по 35.

Вот она где бесхозяйственность, но со временем это безобразие ликвидируется¹⁸⁶. Светит полная луна, холодно и светло.

В 12 часов подошли к реке «Курейке», оттуда на наши гудки подошел «Енисей» (на нем Лавров). В Курейке стоят две баржи (вмерзли в лед, Курейка встала). «Енисей» не мог пробиться вверх по Курейке. Канцелярию пересадили на баржи. Команду «Енисея» снабдили теплой одеждой, и он снова подался в Курейку.

Идет шуга (лед), шумит. Ночь темная. Сегодня отправил телеграмму домой¹⁸⁷.

¹⁸¹ Обусловленное идеологической пропагандой того времени негативное отношение к кулакам не удивляет читателя записок, но что именно увидел автор? Как жилось ссыльным кулакам в Игарке? В дневнике эта тема не затронута.

¹⁸² Скорее всего, «почтовая».

¹⁸³ Неосознанная инверсия — так может быть обозначена одна из особенностей построения предложений, на основе которой формируется возможность уловить не-

кую специфичность языковой личности.

¹⁸⁴ Сокращение «Красный уголок».

¹⁸⁵ Возможно, искаженное «слипер» — сосновый или лиственничный брус 10 x 10 дюймов.

¹⁸⁶ Вот одна из характерных для человека советской эпохи установка: взгляд на негативное как на временное, которое обязательно в перспективе исправится.

¹⁸⁷ Эта телеграмма будет вклеена в конце путевых записок.

10/X

В 5 часов утра пошли дальше. В 6 часов уже были около г. Т[у]руханска, встали на якорь. (В город поехал нач. ГПУ т. Иванов)¹⁸⁸. Ждем конца расчета // [Л. 91 об.] рабочих для того, чтобы по окончанию перевести канцелярию в город. Н-Т[у]руханск — маленький городишко, церковь, две большие мачты, штук 60–70 домов¹⁸⁹.

В 12 часов, дав три гудка, пошли дальше. Идет туча, подул сильный холодный ветер.

11/X

Ночь шли без остановки, сейчас проходим мимо села Верацагино, до Красноярска осталось еще 1366 км. Вечер лунный.

12/X

Утром в 2.30 встали на якорь для перегрузки печеного хлеба. В 6 пошли дальше. Погода здесь стала теплее, снегу меньше. «Кр. Раб.» еще не дошел до Красноярска. «Сов. Сибирь» вчера вышла из Игарки. В 7 часов встретили п/х «Спартак» с баржей, на котором ехал Кулагин // [Л. 92] (это я, Кулагин, возьмите меня к себе!). Пароход повернулся, и Кулагин перебрался. На баржах едут украин[ские] кулаки работать в Игарку¹⁹⁰. Вечером было заседание судкома, на которое пригласили Кулагина и представителя ГПУ. Кулагин сделал информацию, Кулагин наметил на обратный рейс в Игарку наш теплоход¹⁹¹. Лег спать в 12 часов.

13/X

Погода здесь хорошая, ясно, тепло, снегу нет, с каждым оборотом винта ближе к дому¹⁹². В 10 часов обогнали «Яна», который грузил дрова. Идем красивыми местами, берега высокие, каменистые. Вечером подошли к порогу и встали на якорь, вскоре нас обогнал и встал на ночевку у порога «Ян».

¹⁸⁸ Информация, данная в скобках, получает особый смысл. Примечательно, что о присутствии человека из ГПУ говорится на протяжении всех записок как о норме.

¹⁸⁹ Новый Туруханск — бывшее село Монастырское, сформировавшееся возле Туруханского Свято-Троицкого монастыря, созданного на восточном берегу Енисея в середине XVII в. В начале XX в. в село был перемещен административный центр Туруханского уезда, после

революции оно получило и название старого центра, который, в свою очередь, стал именоваться Старотуруханск.

¹⁹⁰ И снова лишь упоминание о ссыльных кулаках.

¹⁹¹ Употребление штампов — знак некоторой неряшливости в ведении записок, возможно, обусловленные усталостью автора.

¹⁹² Мотив дома уже конкретизируется в несколько ином варианте: «возвращение».

14/X

Утром тронулся «Ян Радзутак», а за ним и мы с одной баржей, по дороге умудрились сести¹⁹³ на мель. // [Л. 92об.] Провели баржу, вернулись ко второй, и встали на ночевку.

15

Провели через порог обе баржи благополучно и тронулись дальше.

16

В 9.30 подошли к селу Ерцово¹⁹⁴. Кулагин объявил новое известие, не совсем интересное¹⁹⁵: «т/х наш идет в Игарку, необходимо доставить продукты в Игарку, значит и зимовка»¹⁹⁶. Пассажиры уже готовятся к пересадке, скоро нас встретит Ангара.

Сейчас было заседание бюро ячейки ВКП(б).

Начинается и здесь зима. Спешно заканчиваю практические работы (летнее задание). Кулагину заявил вместе с ребятами-студентами, что по случаю окончания практики высаживаемся. // [Л. 93]

[Между страниц вклеена вырезка из книги или брошюры с изображением реки и берегов, внизу надпись:]

«Река Енисей и ее притоки прорезают величайший в мире лес.

[На снимке: один из плесов Енисея между Красноярском и Енисейском.]

// [Л. 94.] Промышленники уже поехали на охоту (промысел) на лодках ввиз с нартами и собаками, везут и припасы, едут¹⁹⁷ много. Кулагин в отношении нас хотел переговорить с Лавровым.

17/X

Шли ночь полным [ходом], река стала уже, берега каменистые. В 6 часов обогнали «Туруханска», который тащит лихтера.

Кулагин получил от Лаврова телеграмму, что целесообразнее послать пароход «Северный» с небольшой командой, нежели посылать теплоход с командой в 29 человек.

«Северный» пойдет хотя бы до монастыря, т.к. протока Игарки уже застыла.

Ведем на буксире «Енисея». В 1 час «Енисей» подошел к нам, забрал начальство и ушел вперед в г. Енисейск. // [Л. 94 об.]

¹⁹³ Просторечие.

¹⁹⁴ Правильно Ярцево — село в Енисейском районе Красноярского края. Расположено в среднем течении Енисея между двумя крупными левыми притоками — реками Касом и Сымом; у южной окраины находится устье реки Галактионики.

¹⁹⁵ Скорее всего, в значении «не совсем приятное, желательное».

¹⁹⁶ Зимовка — событие, которое будет препятствовать скорому возвращению домой.

¹⁹⁷ В строке — от руки рисунок с изображением лодки, в которой сидят люди и собаки.

Кулагин, согласно полученной телеграмме от ГПУ и правления «Комсеверопути» и Сибкрайкома, сообщил, что наш теплоход в Игарку на зимовку не пойдет¹⁹⁸. Ночь шли малым ходом.

18/X

Обогнали караван рыбаков, второй стоит в Енисейске.

В 9 часов показался вдаль пароход «Партизан Щетинкин», идущий с караваном продуктов. Он начинает разворачиваться, думая, что мы заберем караван¹⁹⁹. Кулагин говорит Черушкину (ком), чтобы делал отмашку, сам садится на моторку и идет на «Щетинкина».

Пошли дальше, вскоре показался и гор. Енисейск, который расположен на левом берегу, в нем 8 штук церквей, // [Л. 95] но сам городишко небольшой.

Есть в нем большие каменные дома б[ывших] купцов-золотопрмышленников. Сходил в город и обошел его весь минут за 30. У пристани стоит «Иртыш» с караваном рыбаков. «В Майнер» — буксир с реки Оби, белый винтовой пароход. Побывал в магазине, нет ничего, кроме духов да пудры. В 19 пошли дальше, обогнав «Иртыша».

19/X

В 6.15 пошли дальше, ночь стояла очень темная, пришлось стоять на якоре. Красивые берега, каменные и отвесные. Идет снег, деревья все в снегу. Скоро и зима, скоро надеюсь получить почту из дому²⁰⁰. //

[Л. 95об.] 20/X

В 3.30 утра тронулись дальше. В 9 часов прошли хитрое место (Узкий пролив), а затем подошли к семафору, что стоит у начала порога. Порог занят, стоим, ходим, рядом стоят 3 лихтера, четвертый лихтер «Сталин» увел через порог, вскоре он вернулся, сверху спускается «Крупская» с двумя баржами.

В 1 час пошли и мы с одной баржей, провели, пошли за второй, стемнело.

Здесь на пороге стоит Туер²⁰¹, который цепью тянет баржи и мало-мало пароходы. Вода здесь быстрая, бурлит.

Пароход «Ленин» наскочил на камни. Получив новое приказание от начальства, // [Л. 96]

¹⁹⁸ Радостное предчувствие, что угроза длительной разлуки с домом миновала.

²⁴⁰ Вновь возникает вероятность плыть на Игарку.

²⁰⁰ Рассуждения о временах года, как правило, связаны с ожиданиями

вестей из дома и завершением путешествия.

²⁰¹ Особый тип речного судна-буксира, который двигался вдоль цепи или каната, уложенного по дну. В 1908–1964 гг. на Казачинском пороге Енисея работал туер «Ангара».

[Между страниц вклеена почтовая открытка. На одной стороне: пейзаж в цвете, река и высокие берега, по реке плывет лодка²⁰².] //

[Л. 97] идти нам до встречного парохода, опростать баржу (людей пересадить на пароход), с порожней баржей двигаться вниз до стрелки за хлебом. В 8.30 пошли с баржей дальше вверх, ночь шли тихим и средним, встали на якорь в 3 часа утра.

21/X

В 6 утра тронулись дальше. В 8 подошли к баржестроительной верфи, выгрузили груз и в 10 пошли дальше. Места очень красивые. Сыплет снег во всю — зима.

22/X

Утро стоит холодное, вышли в 5 ч. Холодно. В 9 встретились с «Яном»; пересадили на него публику. Послал с «Яном» открытку домой²⁰³. Отсюда пойдём вниз с баржей. Взяли баржу с оставшимися пассажирами и пошли вверх встречать пасс. п/х «Амура». // [Л. 97 об.]

У дерев. Атомановой повстречали «Амура», оставив баржу у села для выгрузки. Сами пошли к барже, утопленной «Амуром» с оборудованием драг союз золота. Приступили к откачке воды. Баржа затоплена вся, на палубе вода. Ночью подошел «Амур», помогает качать. Но безрезультатно.

23/X

Утром в 7 часов пошли дальше, вернее вниз, к каравану. У села Юксеевка²⁰⁴ помогли «Сталину» сойти с мели. Взяли один лихтер, пошли вниз, ночевали у порога, у села Залив, где пристали к самому берегу.

Выменял 4 огурца у крестьян на кусок мыла²⁰⁵. // [Л. 98]

24/X

Утром в 7 часов пошли через порог и наскочили на камень, но обошлось благополучно, на камни налетаем частенько. В 4 часа пошли

²⁰² На оборотной стороне следующие данные: место для марок, художник В.М. Нечаев — Выход из Дедушкиного порога. Енисей. Издательство «Советский художник». 29.IV–54 г. Тир. 50 т. Тип. Изд-ва «Советский художник». Цена 20 коп.

На основе описания этой открытки можно говорить о том, что рукопись была значима для ее автора и пополнялась материалами на протяжении многих лет. Купленная после апреля 1954 г. она вписалась

в контекст событий, произошедших более 24 лет назад.

²⁰³ Подчеркивание красным карандашом указывает на значительность события. Позже эти открытки и письма будут вклеены в тетрадь.

²⁰⁴ Юксеево — село на левом берегу Енисея в Большемуртинском районе Красноярского края.

²⁰⁵ Любопытная деталь, указывающая на обычную для длительных морских экспедиций нехватку овощей на судне.

навстречу п/х «Петровскому» порожняком. В 7 часов повстречали «Петровского» и повели его через порог. В 21 ночевка.

25/X

Утром в 5 ч. пошли дальше, в 8 прошли «хитрое» (узкое место), в 8.25 встали у семафора в ожидании «Иртыша». Вода сильно сбывает, $t + 2^{\circ}$, сегодня хотя и солнце, но холодно. Берега скалистые покрыты снегом. Сегодня мимо нас прошел «Ян Рудз.», идет вниз. Ночь холодная.

26/X

Утро стояли. В 11 часов взяли две баржи и пошли к «Заливу».

В 12 часов, подходя к д. «Залив» сели на мель, галька, глубина 14 метров, при помощи барж // [Л. 98 об.] удалось сняться с мели.

Подошел п/х «Петровский». В т/ходе в кормовом танке обнаружили течь, за сутки прибывает вода на 30 см. Воду выкачали, оказалась большая выпучина, вылетели заклепки, забили деревом, залили цементом. Ночь простояли на якоре, ходил на «Петровского», к Сергею Веденеву, осмотрел пароход.

Ночь очень холодная.

27/X

Утром в 4 часа с 3-мя баржами пошли вверх к Юксейвой.

t воды $1/2^{\circ}$

В 9 часов прошли около баржестроительной верфи, несколько раз умудрились сесть на мель и поскоблить камни. В 4 часа дня встали у д. Юксейвой. Прошел мимо «Ленин»././

[Л. 99] Начались забережники²⁰⁶.

В 2 часа прошли камень, пробороздив корпус, сделали большую выбоину. Лихтер оставили внизу, а с баржами пошли вверх, немного выше села налетели на камень, я уже лег спать, услышал сильный шум и толчок.

Пропоролы дно в носу, в трюме вода хлещет фонтаном. Начали заделывать пробоину²⁰⁷. Подвели пластырь, заделали цементом (залили). Воду выкачали, для заделки использовали мешки с мукой.

Сегодня холодно, идет шуга, подстыла вода, $t = 0,5^{\circ}$.

Сильный туман, встали на якорь.

²⁰⁶ Лед, настаивающий у берегов в заморозки, особенно осенние.

²⁰⁷ Подчеркивание красным карандашом указывает на значительность события. До этого момента пробоины помогали чинить дру-

гим кораблям, аварии были у других, на этот раз проблема возникла у судна, на котором следовал автор записок, причем пробоина за несколько дней до конца плаванья.

«Этот смех будет последним и роковым приговором Вашему творчеству»

Письмо Антону Сорокину

В предыдущем номере «БГ» было немало отведено места творческой биографии омского писателя Антона Семеновича Сорокина, сотрудничавшего с тюменской газетой «Свободное слово». Чередование перфомансов, которыми автор удивлял не только литераторов, вызывало резкое неприятие творчества А. Сорокина уже современниками.

Николай Янков, чей сборник стихов издал омский прозаик без разрешения автора, написал резкое письмо Антону Семеновичу, в котором попытался, с одной стороны, понять логику поступков писателя, а с другой — объяснить себе, что значат для коллеги по цеху все перфомансные выкрутасы, автора которых сегодня бы назвали хайпозором.

Николай Янков
г. Петропавловск Акм. обл.
почт. ящ. № 66

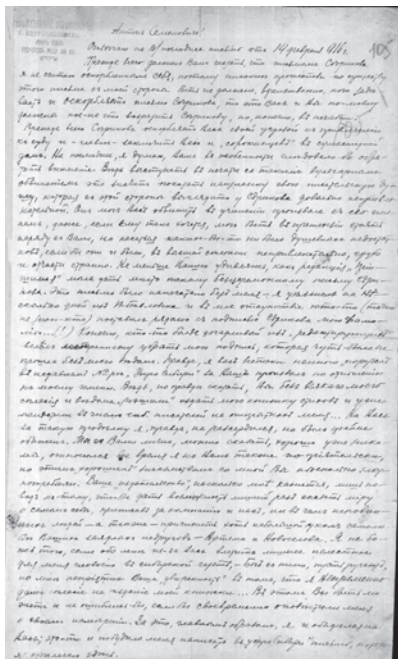
Антон Семенович!

Отвечаю на в/последнее письмо от 14 февраля 1916 г.

Прежде всего должен Вам сказать, что письмом Серикова¹ я не считаю оскорбленным себя, поэтому никаких протестов по существу этого письма с моей стороны быть не должно. Единственно, кого задевает и оскорбляет письмо Серикова, то это Вас и Вы по-моему должны кое на что возразить Серикову, но, конечно, в печати.

Прежде всего Сериков оскорбляет Вас своей угрозой по привлечению к суду и — главное — заключить Вас и «сорокинцев» в сумасшедший дом. На последнее, я думаю, Вам в особенности следовало бы обратить внимание. Ведь выступать в печати с таким вульгарным обвинением — это значит показать наизнанку свою писательс-

¹ Сериков И. А. Сорокин и К° // Приишимье. 1916. № 26, 6 февр.

кую душу, которая с этой стороны выглядит у Серикова довольно непривлекательной. Он мог Вас обвинить в учинении произвола с его именем, даже, если ему так хочется, мог быть в претензии стоять наряду с Вами, но касаться каких бы то ни было душевных недостатков, если бы они и были, в высшей степени непривлекательно, грубо и отчасти странно. Не меньше Вашего удивляюсь, как редакция «Приишимья»² могла дать место такому бесцеремонному письму Серикова. Это письмо было напечатано без меня — я уезжал на несколько дней из Петропавловска и в мое отсутствие кто-то (точно не знаю кто) поставил рядом с подписью Серикова мою фамилию...(!) Конечно, кто-то более догадливый из редак-

дирующих велел метранпажу убрать мою подпись, которая чуть было не прошла без моего ведома. Правда, я Вас все-таки немного «поругал» в недавнем №-ре «Утро Сибири»³ за Ваш произвол по отношению к моему имени. Ведь, по правде сказать, Вы без всякого моего согласия и ведома «решили» издать мою книжку стихов и уже поместили в числе сиб. писателей на открытках меня... На Вас за такую проделку я, правда, не рассердился, но был крайне обижен. Мы с Вами лично, можно сказать, хорошо уже знакомы, относился все время я к Вам также по-приятельски, но этим «хорошим» знакомством со мной Вы несколько злоупотребили. Ваше «издательство», насколько мне кажется, лишь повод к тому, чтобы дать возможность лишний раз сказать миру о самом себе, приписав за компанию и нас, ни в чем не повинных людей — а также — причинить

² Издавалась в г. Петропавловске Акмолинской обл. (1913–1919). Редактор Л.С. Ушаков.

³ Янков Н. Антон Сорокин: письмо в редакцию // Утро Сибири. 1916. № 32, 10 февр. — Газета издавалась в Томске (1911–1917). Редактор В.Е. Воложанин.

хоть небольшой укол самолюбию Ваших заядлых недругов — Артема⁴ и Новоселова. Я не боюсь того, если обо мне из-за Вас влетит лишнее нелестное для меня словцо в сибирской газете, — Бог с ними, пусть ругают, но мне неприятна Ваша «уверенность» в том, что я непременно дам согласие на издание моей книжки... В этом Вы быть может и не ошиблись бы, если бы своевременно оповестили меня о своем намерении. За это, главным образом, я и обиделся на Вас; это-то и побудило меня написать в «Утро Сибири» письмо, которое прилагаю здесь.

Про Тупикова⁵ Вы написали справедливо. Он в особенности не должен был ничего писать против Вас, — ведь он Вам многим, очень многим обязан. Читал я его «рассказы» и нашел, что все они без исключения навеяны Вами; и темы, и слог, и даже некоторые специфические особенности схвачены у Вас. За это он должен бы быть Вам только благодарен. В данном случае я всецело на Вашей стороне.

Но... Ваши «письма в редакцию» в «Приишимье» не пойдут. Ушаков только сегодня мне ответил на мое предложение поместить Ваши опровержения — отрицательно. И он сказал это, как я полагаю, далеко не искренне. Дело в том, что он находится в Вас большой литературный талант, но не расположен к Вам, как к явно рекламирующему себя писателю. Отчасти же — Ушаков боится осуждения печати, которое может повлечь за собою сближение с Вами. «Утро Сибири» в особенности к Вам нерасположено и в разных статьях и заметках старается подчеркнуть и Вашу «бездарность», и «графоманство», и «саморекламу» и пр. и пр. А приишимцы к «Утру Сибири» относятся чуть ли не с благоговейным трепетом, т.к. редактором «У.С.» является Воложанин — человек, к которому — не знаю почему — и Ушаков, и Сериков питают уважение...

Несколько слов о Вашей «саморекламе». Вы пишете: «Когда я не занимался рекламой, мои рассказы возвращались обратно, теперь же печатаются»... Ведь это же неправда. Когда Вы не были еще «Гордостью Сибири» и не рассылали по редакциям своих биографий и

⁴ В некоторых авторитетных справочниках (даже фамилию не решаюсь назвать) значится как псевдоним Александра Ефремовича Новоселова (1884–1918), писателя, этнографа, сибирского общественного и политического деятеля. Если это так, то дальнейшее упоминание фамилии Новоселова нецелесообразно. Возможен вариант: автор письма не знал, что за псевдонимом скрывается омский литератор.

⁵ Тупиков Павел Георгиевич (псевд. Павел Низовой), беллетрист, автор нескольких книг (все после 1920 г.)

проекта своего памятника, то Вас печатали, как я знаю — и «Приишимье»⁶, и «Курганский вестник»⁷, и «Сибирский студент», и «Ленские волны», и киевские «Огни», и «Весь мир» и пр. и пр. Теперь же я Вас не встречаю нигде. Бывает, что нет-нет, да и промелькнет где-нибудь «Антон Сорокин», но в довольно нелестной обстановке, то назовут Вас «Сорокой-Белобокой»⁸ («Утро Сибири»), то «претендентом на умалишенного» (письмо Серикова) и даже «дураком» (Журнал журналов)... Ведь это же, Антон Семенович, даже для человека скептически смотрящего на отношения людей — может подействовать дурно, — неужели же Вас это не задевает. Судя по Вашим письмам в редакции (к сожалению, непечатаемым), у Вас есть глаза, которые видят, есть уши, которые слышат, и есть душа, которая чувствует. Неприятностей, как видите, Вам причиняют много, но Вы сами виновник — и выходит, что все это Вам поделом. Возьмите, например, мое письмо в ред. «У. Сиб.» Как Вам известно, я до сих пор уважал Вас как человека и как писателя, но Вы вынудили меня назвать Ваш поступок неблагоприятным и нагло-бесцеремонным. Могли быть я Вам благодарным за этот «трюк» — как я назвал Вашу новую выходку в саморекламе? Конечно, нет. Я буду в данном случае или обиженным или еще хуже — возмущенным. А что касается Вашей «⁹помощи начинающим писателям в продолжении себе дороги на ниве литературного творчества, то это также я считаю неправдоподобным. Вы, видимо, заблуждаетесь сами. Своей рекламой Вы не только не «расчищаете тернистого пути молодым талантам», а наоборот, засоряете его еще больше и делаете этот путь еще более трудным и тернистым. Во-первых, за Вашу последнюю проделку со мной в частности и с другими kollega'ми вообще — нас, начинающих, облаяли и причислили к «сорокинщине», что в сибирской прес-

⁶ Сворцов А.М. Антон Сорокин и Леонид Андреев // Приишимье. 1915. № 54, 8 марта; Сорокин А.С. И ужасает бога... // Приишимье. 1915. № 25, 31 янв.; Сорокин А.С. Цветы земли плачут // Приишимье. 1915. № 30, 8 февр. (оба рассказа также печатались в «Откликах Сибири», г. Красноярск); Сорокин А.С. Умер человек вечности: Из книги «Хохот желтого дьявола»... // Приишимье. 1915. № 119, 6 июня; Сорокин А.С. Божья елка // Приишимье. 1915. № 275, 25 дек.; Сорокин А.С. Митькина мысль // Приишимье. 1916. № 1, 1 янв.

⁷ Сворцов Н.М. Народ обреченный: Из книги «Критические заметки о сибирских писателях // Курганский вестник. 1915. № 65, 9 июля; Сорокин А.С. Оцененные мысли // Курганский вестник. 1915. № 50, 17 мая;

⁸ Зарницын Н. Антон Сорокин // Утро Сибири. 1915. № 183, 22 авг

⁹ Вторая кавычка, отделяющая выделенную часть текста, в письме отсутствует.

се (и даже в российской) подвергается теперь всеобщему бойкоту. Конечно, при таких обстоятельствах возможны и кружковщины, раз навсегда отмежевывающие нашего брата-сорокинца. Вы своим поступком как бы создаете новую литературную секту сорокинцев, — обойкотированных всеми писателями.

Недалеко то время, когда сгруппировавшаяся в кружки писательская кампания при входе в состав членов своего кружка нового литератора — будет предлагать ему предварительные «экзаменационные» вопросы:

- Сорокина знаете?..
- Знакомы?
- Вы не сорокинец?.. и т.п.

И горе тому литератору, который необдуманно сознается, что знает Сорокина, знаком с ним и даже принадлежал когда-то или принадлежит к сорокинцам. Этому литератору властно сорокино-фоб укажет на дверь...

Если же Вы, Антон Семенович, так «неизлечимо» склонны к саморекламе — то я бы предложил Вам проявлять эту склонность не так явно и нагло. А что Вы нагло¹⁰ рекламируете себя — об этом я неоднократно слышу от своих знакомых не только писателей, но и людей — простых смертных. Зачем Вам проектировать себе памятник и присваивать «титул» «Гордость Сибири», если Вы можете скромно печататься в изданиях, подписываясь «Антон Сорокин». Это так мило. И заметьте — Вас больше будут знать, как писателя, а не как «¹¹бесцеремонного рекламиста. А поругать или похвалить Вас всегда сумеют, лишь бы читали Вас. Прочтут и напишут. Вот Вы готовите издание своих произведений в 20-ти томах, но я еще не читал Вас как следует, ибо Ваши творческие заслуги далеко беднее «успехов саморекламы». И встретить Вашу биографию, портрет и пр. легче, чем найти хоть небольшой рассказец для прочтения... На рекламу Вы употребляете больше труда и фантазии, чем на творчество. И это — заметный у Вас минус. Факт, как видите, очень печальный.

Случись Вам умереть сейчас (что я, конечно, от души не желаю), какое бы осталось у Вас литературное наследие?

— Куча рекламных открыток. Плакатов. Склад ругательных писем от знакомых... и — только.

А где же Ваши двадцатитомные собрания сочинений? Где Ваши мысли и творческое наследие? — Их нет. Они умерли вместе с Вами.

¹⁰ Слово подчеркнуто автором письма.

¹¹ Вторая кавычка, отделяющая выделенную часть текста, в письме отсутствует.

И за эту кучу ругательных писем, за кипу объявлений, саморекламных открыток Вам, думаете, поставят памятник, проект которого известен всем? — Нет. Над Вами только посмеются.

И этот смех будет последним и роковым приговором Вашему творчеству.

Итак, Антон Семенович, как бы хотелось послушать Вас, Ваши песни — прочувствовать Ваши душевные переживания, поплакать Вашими слезами и посмеяться Вашим смехом!?

— Что стоит бросить Вам свои «открытки» и заняться только творчеством, посвятить себя всецело этому святому служению слову. В Ваших же литературных способностях никто сомневаться не может. «Всяк верует — но молчит», боится сказать из-за того только, что Вы — рекламист!

Это — трагедия. Горькая трагедия писателя, — что может быть ужаснее? Что может быть преступнее?

И поверьте — мои слова не пустые, не ложная сказка, а настоящая истинная правда. Сердечно желал бы Вашей перемене к лучшему.

Итак — в добрый час!

Искренне уважающий Вас Н. Янков.

1916. 17/II.

Р.С. Надеюсь, что мое настоящее письмо Вы [примете за]¹² чистую монету, так как никакого фиглярства [и никакой] несправедливой лжи я со своей стороны не допуска[аю.]

Пусть будет все вышесказанное между нами [и поможет] Вам.

Прочитав приложенное здесь письмо в редакцию «Утро Сибири», Вы вправе воскликнуть:

— И ты, Брут!...

Но — еще раз повторяю — литература и личные счета — [это] вещи разные. Если я к Вам лично отношусь с уважением, [то в] печати могу протестовать и не соглашаться с Вами, т.к. я рекламы подобного рода избегаю, о чем предупреждаю Вас.

Н. Янков.

ИАОМО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 371. Л. 207–209.

¹² На странице имеется дефект, который вынуждает публикатора к смысловой реконструкции текста письма.

«Душа — алтарь без божества...» *О музейных экспозициях в тюменском отеле «Восток»*

Да, заголовок взят из пронзительного пушкинского стихотворения:

«Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам!»

«В Западной Сибири, близ г. Тюмени, есть большая деревня Кулаково. Расположенная на берегу славной реки Туры, построенная она, как всякая деревня в Сибири, из крупного соснового леса, дома и избы покрыты тёсом и драницами, и лишь недавно появилось несколько домов покрытых железом, окрашенных зелёной малахитовой краской». Так начинается книга «Мои воспоминания» Николая Мартиниановича Чукмалдина. Музей в отеле «Восток» родом из этой деревни.

Позже, когда коллекции отеля приобрели мало-мальски приглядный вид, я осознал, что то было не совпадение, а providение — дар великого человека и мецената. Музей стал собираться с первых двух наличников полумёртвого кулаковского дома от 1825 года, как заверили хозяева деревянных раритетов. Начало было положено. Продолжение получилось несколько неожиданным.

«Детство я провёл в Тюмени. Тюмень тогда ещё не славилась как столица нефтеносного края. Это был город с деревянными тротуарами на центральных улицах, довольно зелёный летом и тонувший в грязи осенью. Наш дом номер пятьдесят девять стоял в самой середине улицы Герцена. Одноэтажная и не мощёная, эта улица по тогдашним масштабам считалась очень длинной. Начиналась она у старого Текутьевского кладбища, которое синело вдали, как неведомый лес, а кончалась у Земляного моста через лог, недалеко от района Большое Городище. По вечерам над крышами Городища и дальними тополями горели очень яркие закаты. Со стороны за-

ката брели с пастбища коровы. Я каждый раз поражался, из какой дальней дали шагают эти невозмутимые Милки, Машки и Зорьки.» Из рассказа В. П. Крапивина «Далеко-далеко от моря...».

А вот из книги профессора А. А. Кононенко: « Но Тюмень — город мигрантов, практикующий образ жизни и традиции, характерные для сельской местности. Повседневная тюменская жизнь была связана с ежедневными базарами, молениями в церквях, выгоном скота, вечерними прогулками по улице Царской, щёлканьем семечек и орехов».

Идея создания музея родилась одновременно в двух головах, но в каждой по своему. Я поступил на службу в отель в 2010 году. Вскоре среди персонала, работающего давно, стали ходить разговоры о том , что в 2012 году отель «ВОСТОК» должен справлять своё сорокалетие. Это стало ещё одной отправной точкой поиска материалов по истории отеля и гостиницы «ВОСТОК». Напршивался вопрос и о создании выставки отражающей «вехи» заведения. Затем сработал системный принцип: «Событие или явление немислимы без обуславливающих его причин». Начались поиски материалов по истории гостиницы, о традициях местного гостеприим-

ства, о жизни целого города. Работа из отеля перетекла в работу с архивами, экспедициями по трактовым деревням и сёлам, налаживанию знакомств с краеведческой средой города.

По-своему смотрел на этот вопрос генеральный директор. Ему хотелось иметь этакую «антикварную изюминку» в отеле. Она заключалась в том, что холлы «ВОСТОКА» могут быть оформлены под «Антикварные» бутики. В славном городе Кургане существует реставрационная артель. И вот с обоюдного согласия представителей городов-соседей закипела работа.

Двумя фурами был доставлен антиквариат. Чего тут только не было: гарнитуры, стулья, столы, комоды, буфеты, часы и зеркала, даже две бронзовых статуэтки — Гёте и Шиллера. И «пошла торговать губерния». Мебель продавалась плохо, и спустя год поставщик стал всё забирать. Но «природа не терпит пустоты». В освобождённое пространство очень робко, с некоторым стеснением стали заходить вещи из «экспедиционного сундука»: кросно, прялки другие предметы крестьянского и мещанского быта. Появилась возможность создавать тематические экспозиции.

Так появились номера, в которых мы оформляли экспозиции не только о местной элите. Среди них встречаются и имена знамени-

тых сибиряков. Областник Григорий Потанин и тоболяк Петр Ершов, тюменец Василий Князев и автор знаменитого «Описания Западной Сибири» Ипполит Завалишин, учившийся в Александровском реальном училище Михаил Пришвин и детский писатель Владислав Крапивин, проезжавший через Тюмень Антон Павлович и герой Анатолия Омельчука Константин Носилов. Оба Словоца, Иван Яковлевич и Петр Андреевич.

Гости именных номеров благодаря экспозициям познакомятся с биографиями знаменитых сибиряков и литераторов, чьи имена так или иначе связаны с Тюменью.

Из отзыва гостей: «То маленькое великолепие, которое у Вас представлено на этажах, заслуживает восхищения. Удачи в ваших собраниях». «Сергей Иванович! Восхищаюсь Вашим энтузиазмом, энергией и любовью к родному краю! Вы делаете колоссальное дело!». «Отель — неотъемлемая часть быта гостей города, которая формирует впечатление о нём. И Вам, уважаемые хозяева отеля Восток, удалось создать неповторимый колорит из гостеприимства, традиций и истории вашего края. С уважением и благодарностью гости из Казани». «Благодарю за трепетное отношение к культурному наследию России!»

Ну вот, немножко себя похвалили, опираясь на письменные источники. Поскольку экспозиции не могут претендовать на название «Музей», логика их бытия несколько иная. На определённом этапе весь процесс останавливается и уходит в отпуск, и тогда наступает импровизация.

Таким событием стали «литературные номера», эдакий интегральный опыт литературы, крае- и музееведения. Поскольку город Тюмень — важный транспортный и транзитный узел, он собрал о себе огромное количество впечатлений, зафиксированных в разных жанрах и литературных стилях, проезжих, приезжих, да и простых горожан. Количество таких «литературных памятников» не поддаётся подсчётам. Часть до сих пор не опубликована и не переведена.

Более пятидесяти лет назад этой историей стала заниматься Лариса Георгиевна Беспалова, доцент Тюменского пединститута. Это стало новым и захватывающим словом в полумёртвом краеведении тех лет. Эту эстафету подхватили и продолжили. В том числе и мы.

На мой взгляд, о результатах наших «музеестроительных» работ интереснее всего написала Оля Ожгибесова в ироничном стихотворении:

Номер имени Чехова. В окнах теплится день...
Я недавно приехала из столицы в Тюмень.
Из вагончика тесного, выпадаю без сил.
И в гостиницу местную, еду я на такси.

Нет, для края медвежьего, очень милый отель,
Вроде встретили вежливо, предложили постель.
Мол, вы сможете здорово, отдохнуть до утра,
И дорожкой ковровою повели в номера.

Только, что это, мамочки!? То ли явь, то ли сон,
Сплошь портретные рамочки, не отель, пантеон.
Нет, конечно же, лестно мне, я ж — читатель простой!
Что писатели местные, мой лелеют покой.

Только выйду из душа я, миль пардон, в неглиже,
Наблюдают и слушают, может, пишут уже.
Просыпаюсь под утро я, никаких перемен,
Лишь писатели мудрые, строго смотрят со стен.

Вот тебе и приехала! Вот сюжетец каков!
Хорошо хоть, что Чехов, а, мог бы быть и Ольков.

«Для писателя Родиной является детство» — эти или примерно такие слова приписываются Владимиру Набокову. Я не писатель, хотя немного пописываю, но под ними готов подписаться. Нестерпимая боль и тоска по той самой детской Родине заставила создать себе окружение из предметов, которые видел, о которых слышал, которые возникли в моём воображении. Так стал появляться музей. А ещё хотелось поделиться с людьми переживаниями о Родине, похвастаться какая она красивая, умная, но немножко забытая. Получилось что-то вроде игры, и в неё стали играть люди и гости и по мере увлечённости вовлекали других живущих за тысячи километров от места, где они видели Родину незнакомого им человека.

На снимках: экспозиции в холлах на этажах отеля «Восток».

«Кипящий бульон» *медленно превращается в Гольфстрим*

Последние годы на свой день рождения я уезжаю к океану. С самого утра Люба готовит мне яичницу на несколько персон, которую я съедаю сам. Это блюдо из детства. Где-то там, позапоза...вчера, к столу приглашались соседские мальчишки Никола и Василий. И мы ложками ковыряли глазунью, прямо из сковородки, посыпая крупной солью ярко-оранжевые желтки. Только вместо подсолнечного масла тогда, по бедности, мы всё готовили на топленом сале — смальце. Родителям некогда было заниматься приготовлением даже пирожков с белой свеклой — символом незначительности события в жизни семьи...

После завтрака, бродим по берегу океана, вглядываясь в обнажающиеся во время отлива камни, любимся растущим на песке завораживающими, наверно, все-таки сорняками, здороваемся со всеми бегающими, высунув язык собаками... И разумеется, с людьми. И те, зачудительно улыбаясь нам, отвечают на всех языках мира. А потом садимся на автобус или поезд и едем в ближайший город, забредаем в первый попавшийся ресторан отмечать мою днюху вдвоем. И с красным вином тоже. Во всем этом одиночестве супружеской пары и есть торжество дня рождения.

Когда меня спрашивают, почему такой день провожу не в кругу близких по духу людей? я всегда уверенно отвечаю, что не хочу знать, кто придет на похороны канувшего в Лету года. Потому что ряды присутствующих действительно редеют. И даже тот, кто еще недавно сравнивал меня с кипящим бульоном, в котором есть еще желющие поварится, стыдливо ищет причину, отказывая даже в «по чашечке кофе вдвоем в ближайшем кафе». Понимаю, что медленно выпадаю из обоймы. Обычный процесс, и я к нему тщательно приспособливаю свое существование. Нет никаких обид на отношение вчерашних добрых знакомых, для которых общение со

мною стало лишним. Я и сам с годами вряд ли становлюсь лучше. А отношения с некоторыми авторами смело называю отработанными. У них ведь тоже всегда находится повод обидеться на меня... Иногда я даже рад этому.

Правда, в последнее время традиционную яичницу с соседями по Земле заменил FaceBook. Стадность пришедших на твой юбилей столь ощутим, что я начал протестовать. Мол, не надо обо мне помнить! Я еще живой! Слова, которые я читал о себе на ленте, говорят людям только на похоронах. И хотя поздравляющих почти не было, а слова, сказанные ими электронкой, были так приятны, свое фэ я в минувшем году все-таки не сдержал.

С каждым годом число поздравляющих уменьшается. Как говорил поэт Роберт Рождественский: «Похудела моя книжечка, где канат, там теперь ниточка... Дело к осени».

Перечитывая сегодня поздравления с 65-летием, я подумал, что все люди, приславшие мне признание в любви, дороги мне. И никто не помешает мне в альманахе еще раз пережить юбилей с ее фейсбушной яичницей.

Помню, когда стукнуло полвека, в «Лукиче» опубликовал сценарий капустника, написанный талантливым Валерием Чупиным. Было весело на том празднике. Но нашелся добрый человек, который любезно сообщил мнение одного очень местного, как он себя называет, поэта: «Мандрика совсем омаразмел! Печатает в журнале сценарии личного торжества».

Отвечу всем сразу. «БГ» — не журнал, а элитный клуб, где печатаются очень избранные. И на своей площадке я готов поклониться каждому, кто прикладывает усилия для ее процветания.

Спасибо всем за поддержку старого человека, одиноко бредущего у края океана...

Флэшмоб «Юбилей Лукича»

Из ленты ФБ. И не только...

Надежда Антуфьева:

Юричек !!! С днем рождения!!! Поздравляю со счастливым появлением на свет Божий. Ты украсил его и кучу людей вдохновил. Я маленько влюбилась в талант и мальчишескую непосредственность. Может ещё в чё, не знаю. Желаю радости, здоровья покрепче и новой книги. «Тюменская область сегодня» соединила две даты, а Югра заранее сообщила о событии. Ангела хранителя во всех путях-дорогах и ежедневно.

Думаешь, я письмо пишу? Я посылаю третье отчаянное послание. Не получилось отправить с телефона. Поэтому всё варианты переписываю заново. Эмоции сбиты, но вот так... Получится длинно.

Юричка, с днём рождения, с тем прекрасным днём, когда Вы на свет появились. Мамочке вашей спасибо и папочке! А я в Вас влюблена давненько.

Не зная Вас, видела книги. Ваши. Тогда вы еще не были Мандр и К^а. И не было ребятёнка «Лукичка». Да не знаю почему... Может, потому что Вы мальчишка и повзрослеть Вам не грозит. Имею я право симпатизировать умному и талантливому человеку?! Посмотрите, на первой полосе «Тюменской области сегодня» мы рядом. Ой-ой! Что-то завспоминала своими усталыми мозгами, как через отдел регистратуры выяснила, где вы живете и принесла вышедший «Календарь знаменательных дат Тюменской области», позвонила, объяснилась с женой. Вручила ей Календарь. Вот такие дела... Я хочу, чтоб в Вашей жизни было всё хорошо, побольше радостей, поменьше лекарств, чтоб накопалось побольше неизведанных фактов, которые прячутся в архивах. И вышла новая книги.

Да, кстати, я забралась в архив ФСБ. Раскрыто для пользователей одно дело архиепископа Синеокова-Андреевского и связанных с ним церковнослужителей в деле «Союза освобождения русского народа». А начала искать священника Владимира Хлынова, который в марте 1917 г. единственный в Тюмени (как прочитала у А. Кононенко) выступил в защиту Николая II. И он там, в деле есть. Ну, вот.

Жил у нас неделю малыш из Сургута, пока мать его летала в Питер к старшему — студенту. В воскресенье вечером уехали. Я потеряла счет времени и реальности. Сейчас на работе. И Вас обнимаю.

Павел Девайкин:

Юрий Лукич, с днем рождения! Помните, у итальянцев есть *genius loci* или *spirit of place* у англичан. То бишь «Гений места». Это про вас. Очень круто, что у Тюмени и Западной Сибири есть ваши книги и ваши мысли. Посреди здешних топей и комарья важно понимать, что мы тут все не просто так собрались. И до нас люди жили и после нас будут. Это здесь в Обдорске особенно чувствуется... Творческих вам успехов и здоровья!

P.S. Читал вчера в ночи «Большое городище». Пока не закончил — не успокоился. Сегодня чуть в аэропорт не проспал. Ну, реально держит! Спасибо!

Людмила Кайгородова:

Поздравляю с Днем рожденья, он же юбилеем!. Здоровья и счастья! Денег!. Новых поисков и открытий в архивных хламных закатках!

Намедни заглянула в Большое городище (№2) и похихикала: я балдею, когда читаю твои статьи! За общим научным текстом взблескивают «перлы» из твоих словечек, афоризмов, остроумных оскорблений и иронии! «Наркотик архивного поиска» меня просто восхитил. Мандрика, ты умница. Остроумный, как бес.

Живи долго и счастлив, дружок. Тюмень тебя помнит и иногда любит!

Людмила Караваева:

«Однажды Юрий Лукич...» — так может начаться множество историй о Мандрике (Юрий Мандрика (Yury Mandrika)). Меня, конечно, безумно щекочет то, что приключилось сколько-то лет назад в мирной женской газете благодаря Лукичу. Одна маленькая ошибка в подписи к портрету (ладно, две, но в коротеньком слове) — а какой эффект! Увы, не расскажу¹. Как говорит моя подруга Лена, слишком много людей еще в своем уме на этой земле.

¹ Светкой Шевченко я был принят ответственным секретарем в газету «Сударья». Мой сын, студент не помню какого курса, но младшего, факультета журналистики МГУ приехал ко мне в гости. Параллельно помогал на работе. Сдавали номер, посвященный 8 Марта. Первополосным снимком женщины-милиционера поздравляли «сильную половину» с пред-

Сегодня Лукич юбилеит. Это плюс. Но далеко-далеко. Это минус. Но как же здорово, что ему в ФБ пишут друзья-подружки (Иветта, Лизетта, Мюзетта, Жанетта, Жоржетта... Вся жизнь наша вами, как солнцем июльским, согрета...) разные добрые слова, не просто приличествующие красивой дате, но идущие от самого сердца.

Вот и наша крошечная ячейка общества вылетает голоса в общий хор. Юрий Лукич, даешь много чашек кофе у французского окна! Даешь вкусных сосисок под душевные разговоры на разных кухнях и кухоньках! Даешь морей и океанов волнистых и пенистых! Даешь тортиков и цветочков, дачных топинамбуров и пончиков! Радости и здоровья, дорогой Юрий Лукич..

Иван Мальцев:

С днем рождения, Юрий! С днем рождения, Лукич! С днем рождения, Мандрика! Уважаю. Уважаю твой подвижнический труд по собиранию и сохранению подлинной (а не деформированной сиюминутными официальными толкователями) истории нашей. За твоей сто-двенадцатиперстной язвительностью как за самодельными латами Дон Кихота живет наивная душа просветителя-народовольца, ведомого

стоящим праздником. В двенадцатом часу ночи фото оставалось без подписи. Я попросил Мишку сделать ее, назвав лишь фамилию героини-символа. Зная патологическую грамотность сына я не стал перечитывать его подпись.

Утром редактор пригласила меня к себе, ткнула свежим номером в нос и сказала, показывая на фото женщины-милиционера: «Читай!» Не надо было разглядывать буквы. Подпись была штампом пятьдесят седьмого калибра. Начав читать первое слово, можно было сказать чем закончится предложение: «За долгое время службы она не заработала ни высоких чинов, ни званий...» Никаких неприятностей для себя в подписи я не видел. Меня заставляли читать вновь и вновь, пока я не обнаружил звучную ошибку: «За долгое время службы она не заработала ни высоких членов, ни званий...»

Начался скандал. Супруг героини заявил, что ее оскорбили, обозвав проституткой. На месте службы также раздавалось зловоение... Сотрудников «Сударыни» всех уволили. В выигрыше оказался один Михаил. На экзамене по теории и практике партийно-советской печати рассказ этой истории был удостоен отметки «отлично».

Был еще один положительный момен: весь номер раскупили. И редактор газеты С. Шевченко шуточно предложила учредить орден Высокого члена и временами награждать своих героинь, дабы газеты лучше расходилось издание...

Правда, Lusi до сих пор не верит, что ошибка сублимировалась где-то в голове молодого человека...

утопической надеждой на то, что кто-нибудь когда-нибудь в конце концов возможно возьмет да и начнет извлекать из истории уроки. Уважаю (точка) Поздравляю (восклицательный знак) Иван Мальцев (абзац через кегельный отступ, курсив, выключка вправо, без точки)

Александр Новопашин:

С юбилеем, Лукич! Всяких-разных историй тебе сегодня понарасказывали пруд пруди. А я, старик, буду всегда тебе благодарен, что ты сделал первую мою книжечку со стихами. Добро, как ты понимаешь, далеко не всегда возвращается. Так вот, это не тот случай. Несмотря на всю вредность и заковыристость твоего лукичевского характера, я готов тебя терпеть ещё столько же! Будь здоров, дружище!

Светлана Павлова:

К предыдущему юбилею я подготовила выставку книжных изданий Юрия Лукича Мандрики в Тюменской областной Думе. Мне не пришлось изыскивать эти книжные сокровища в библиотеках или просить у издателя — за нашу многолетнюю дружбу у меня собралась уникальная библиотека, подаренная Лукичём. Эти книги востребованы, мои дети и племянники писали курсовые, мои друзья выискивают необходимые исторические факты. Юрий Лукич уже послал свою весомую посылку в будущее! Так что, памятник, задуманный Мирославом Бакулиным из папье-маше, уже есть — многократно книжный!!!

Юлька Речкалова:

Юрий Лукич! Утром проснулась с чудесным настроением — день рождения Лукича! Трудно описать — всё, что чувствую, что переживаю — это переполняет, но когда озвучиваешь, кажется неискренним. Лучше, чем написал Вам Володька, не скажешь. Я долго думала, почему чувства мои к Вам такие сильные. А он все расставил по местам — в Вас нет лжи. Такая редкость в наши дни! И такая удача — встретить такого человека и хоть немного пройтись рядом по жизни... по улице... Вспоминала сегодня наши регулярные случайные встречи на углу Республики и Водопроводной, вечерние, почти ночные, прогулки от Володькиного дома, как Вы с ЛюбПалной приходили ко мне в гости на пирог. Это — счастливые часы, минуты, дни. И я за многое Вам благодарна! Творите, дерзайте, живите полной жизнью, радуйтесь дождю и солнцу, штормам и ромашкам. И не забывайте тех, кому Вы очень дороги и близки. Любила, люблю и буду любить! С днем рождения, родной мой человек!

Володя Соловьев:

Юрий Лукич, огромные поздравления! Этот человек научил меня работать в программе PageMaker 23 года назад. На журфаке этому не учили. А Мандрика все доходчиво объяснил всего за несколько часов. Поэтому желаю только одного. Пусть все добро, которое вы сделали людям, вернется к вам в десятикратном размере!

Наталья Суворова (Омск):

Единственный и неповторимый Лукич (в принципе других Лукичей не знаю)! Счастлива за вас, почему то верю, что у нас тоже будет наш остров! Пусть вас будет всегда много и очень надолго!

Михаил Мандрика (г. Москва):

Папка, мой дорогой! Ну вот ты и дожил до 65. Это сегодня редкостная удача. Жить с тобой и сложно, и просто. Сложно, потому что твой компас земной настроен самым индивидуальным образом. А просто — потому что тебе нет дела до других компасов. Ну... Или почти нет... Я давно пытался подобрать тебе типажа из литературы. Знаешь, кем бы ты был для меня, если бы я перебрал свою книжную полку? На ней ты бы был Исааком из «Плодов земли» прекрасного Кнута Гамсуна. Шел бы в своей колее за плугом...

Ты ехидная, талантливая шляпа, пап. Или шляп. Сказочник, как говорит мама. Ты очень много для меня сделал, — без шуток и сказок. Я постараюсь помнить об этом.

Самая лучшая история, связанная с тобой, это, безусловно, поездка в Узбекистан, на границу с Афганистаном, — город Термез, где ты месяц работал в местной газете. А пара твоих несовершеннолетних детей были счастливо предоставлены сами себе, разгуливали по Термезу в сорокаградусную жару, купались в грязных арыках, ели абрикосы ведрами и потом мучались от этого. Нам предлагали ананшу, о назначении которой мы тогда даже не догадывались — настолько несовершеннолетними мы были. И только сейчас я понимаю, насколько свободными!

Ты разрешил нам взять несколько букв из типографского набора, а мы затем спасались бегством от вахтера, который заподозрил нас в том, что мы будем выпускать самиздат.

Мы получали от тебя на карманные расходы один рубль в день и приходили есть плов в местных кафе. Сколько было веселья и искреннего детского счастья! И даже два дня в общем вагоне по пустыне не сломили детские души. Мы знали, что рядом ты, и ты всегда найдешь персик для своих чад.

Я радуюсь, когда вижу, с каким энтузиазмом вы с мамой живете и готовитесь к поездкам в заморские страны. Люблю вас обоих!

С днем рождения, отец!

Владимир Темплинг:

Доброго времени суток, Юрий Лукич!

Вы наверно еще спите себе, сны смотрите всяческие непроизводственные шумом прибоая навеванные и не подозреваете, что в далёкой и почти родной Вам Сибири под весеннюю веселую капель уже пишутся поздравлялки, экспромты, оды, панегирики там разные. Искусством плетения словес я не владею, но графоманства не лишен, поэтому будет Вам и от меня. Придется потерпеть!

Весенний авитаминоз обострил чувство чего-то недостающего, важного, но в настоящее время отсутствующего по непонятным причинам. Долго копался и наконец понял, как же ужасно давно Вы с Любовью Павловной не забегали ко мне в гости на пять минут попить кофе после горячего источника или после поездки в лес., или просто так ... ни почему, ни потому что, ни для того чтобы... просто по-человечески, по свойски, по-семейному. Есть в Вас такой талант — быть Человеком, для которого дружба понятие круглосуточное. Мне кажется один из самых редко встречающихся талантов. Помню, как однажды Вы подняли меня среди ночи телефонным звонком и попросили предупредить родственников солдатика, задремавшего на ступеньках знаменитой лесенки, что на Республике. А лесенка знаменита не только тем, что вела в святая святых тюменского краеведения — в издательство Великого Мандра, — но и тем, что с неё был спущен не один неудачливый краевед. Вот такой он наш Юрий Лукич. Может напоить, накормить, на ночлег устроить, поделиться последним куском хлеба с незнакомым человечком, а может и с лестницы спустить родную кровинушку-краведа! Всё есть в Вас, Юрий Лукич, кроме лжи. Большая редкость по нынешним временам. И я бесконечно благодарен судьбе, что имею возможность общаться с Вами, благодарен Вам и Любовью Павловне за теплоту, отеческую заботу и внимание.

От всего сердца желаю Вам здоровья, долгих лет жизни, наполненной поисками, творчеством, созиданием, юмором, свежестью восприятия мира и людей и конечно путешествиями, отчетами о которых Вы будете баловать всех нас — «мандрияков» разных диаспор.

Ольга Ушакова:

С Юрием Лукичом мы стали дружить на почве «приветов Хорольского». Виктор Васильевич через него передавал мне приветы, а я с удовольствием их принимала. Как правило, происходил сей ритуал

по дороге на работу. Встречала на Республике галантнейшего Мандрику и вместе с бонусным поцелуем ручки мне вручался поклон от VVN. Стоит особенно отметить, что Юр.Лукич (несмотря на мой упитанный вид) проявляет неусыпную заботу о моем полноценном и калорийном питании, прикармливая пролетарку умственного труда пирожками и пончиками. Подходит он к этому мероприятию степенно и серьезно, забирая мадемуазель с работы и доставляя ее к «Раневской» или еще в какое-нибудь заведение, славящееся своими сдобно-пирожковыми традициями. Вот такой нежный, теплый, щедрый и душевный человек наш Юр.Лукич. Про его краеведческую, исследовательскую, журналистскую, издательскую деятельность просвещенное общество в курсе. Предмет это обширен и требует глубокого погружения в Сибирскую Ипокрену. Лично я с большим энтузиазмом и удовольствием прочитала его книгу «Цензура поэтики и поэтика цензуры. Коллекция сведений о сибирской частной печати конца XIX-начала XX века в жанре patchword». Ну а больше всего я люблю добряка и интеллектуала Юр.Лукича за его отменное чувство юмора и умение «саркастизировать» без угрюмости и надрыва. Многая лета, дорогой Юрий Лукич! Здоровья, вдохновения, новых творческих свершений, теплого попутного атлантического ветра и всегда и везде — вкусных пирожков в достатке!

Виктор Хорольский (г. Воронеж):

***Юрий Лукич Мандрика как мистический феномен
и столп медиаландшафта***

(научно-туристический обзор)

Даже в жанре юбилейного поздравления мне трудно отвергнуть штампы квазинаучного изыскания, чтобы не дать капризной памяти навсегда унести нас в туманную даль сибирского медиаландшафта 1970-х годов, где в тюменских общагах время от времени лопались канализационные трубы и брел по коридору в мистической темноте Володя Рогачев с тряпкою в руке, мечтая добраться до сорта... Кто этого не помнит, тот не знает, как много всего утекло с тех пор в унитазы Истории!!! Тому не понять исследовательского фанатизма филологов и краеведов прошлого, не понять упертого энтузиазма журналистов, колесивших по области... И первым трудоголиком среди нашей братии был Юрий Лукич, юбилей которого является вехой и столпом... И поводом...

Потом жажда туристических впечатлений швырнула меня в украинские степи, где в общаге Сумского пединститута и застал меня Ю.Л., появившийся по обыкновению без предупреждения и внезапно, как Остап Вишня из Ахтырки. Как и я, Ю. Мандрика колесил по Рос-

сии и Украине, наблюдая неизглаголемые нравы народа и традиционно-ожидаемое самодурство власти, чтобы позже показать всю нашу наваристую дурь в своих газетно-журнальных публикациях, а потом в снятом виде отразить в научных статьях и диссертации, к которой автор этих строк имеет некоторое касательство как член совета. Маленький член большого Совета по защитам. Приезд Ю.Л. в Воронеж стал лучом света в академическом болоте тулуповского факультета и словом незамысловатой правды о Сибири в контрастном обрамлении жидомасонской риторики. Лукич рисовал публицистику г. Тобольска, как Остап Бендер, вещающий о Нью-Васюках...

Сидя на его защите, слушая пламенную речь о журналистах былых дней, я вспоминал мистическую речь Ю.Л. на моей защите в 1995 году, когда он что-то сказал, вроде бы цитируя меня, хотя я давно запамätтовал свои же слова, сказанные в Тюмени в 1975–1979 гг, но тогда, в МГУ, все зааплодировали, а я по привычке выпал в осадок, чтобы не расплескаться... Ничего не помню, но уверен, что он сказал обо мне лучше, чем я сам. Его талант говорить и даже думать о других лучше, чем они того стоили, принес Ю.Л. немало административных аплодисментов.

А уж о его поездках по Европе даже моя жена, которая очень редко говорит о людях хорошее, сказала, что это «результат труда и личных достижений», сказала намекая и на свои поездки по болгариям и турциям... Не имея основания похвалиться своими поездками, — разве что в старый Оскол и славный град Мичуринск (город Козлов во всех смыслах слова), — я тем не менее желаю юбиляру быть легким на подъем, здравствовать многия лета и посещать города и веси, не забывая друзей и некоторых Наташ из болгарской деревни Златия!!! Ведь я там буду, и мне есть что сказать!

Надеюсь на продолжение бесед не только за пределами нашего брэнного и брехливого мира, от всех Хорольских и их друзей еще раз — счастья и гармонии в душе! До встречи...

Виктор Шаповал² (г. Москва):

Юрий Лукич! Пусть всегда и везде, но в меру!

² В бытность мою редактором университетской газеты «Ленинец» (ТюмГУ) Виктор Васильевич работал на кафедре русского языка, приехав в город после окончания Новосибирского пединститута. Сотрудничал с многотиражкой, писал интересные заметки. Однажды ректор Г.Ф. Куцев, проходя по коридорам третьего этажа основного корпуса застал преподавателя, сидящим на подоконнике, да еще и в головном уборе. «Вы в кого учились, молодой человек?», — спросил начальник подчиненного. «Слава Богу, не у Вас!», — неучтиво ответил молодой специалист. Таким прозаичным был финал деятельности В.В. Шаповала в ТюмГУ.

*Надежда Швейбельман:**Мой друг Мандрика*

У меня есть друг. Его зовут Юра. Беря в расчет его подступающие годы, вполне могу позволить себе называть его Юрием Лукичом. Под такими выходными данными он известен в официальных издательских и других, еще более официальных, кругах. Лукичом я его никогда не называла, и, наверное, никогда так не назову. Для меня это преимущественно вариант обращения, к которому прибегают мужчины. Если я к нему вдруг вздумая так обращаться, я умучаюсь от некоторого чувства неловкой фамильярности, которое может возникнуть. А оно мне надо, чтобы после стольких лет дружбы, простой и ясной, я бы себя умучила таким смутным и неловким чувством? Тем более, что я женщина, давняя его знакомая и, надеюсь, что и он считает меня другом, и я привыкла называть его Юрой...

Но мне нравится, что эта часть его имени (Лукич) обыграна в названии его многочисленных изданий. Выходит, что как издатель, он крепко доверяет самому себе, если в качестве названия своего издания выдвинул часть своего имени... Как многолетний преданный читатель могу сказать, что всё, что выходило из-под его опытной гуттенберговой руки, было высокого (и содержательного и оформительского) качества и имени его не посрамило... Хотя есть в этом активном «потреблении/употреблении» своего имени и веселый, провокационный, но такой трезво-ироничный, почти швейковский нарциссизм (См.: Лукичок Мандрика: записки бумажного солдатака». Сер.: «Великие в кармане»!)

Пришлось вернуться ему вернулся в родные пенаты.

Как-то я спросил у профессора Елены Дергачевой-Скоп, знает ли что-нибудь о судьбе бывшего сотрудника «Ленинца».

Ответ ее меня не удивил. Оказалось, что Виктор Васильевич в день рождения своего руководителя, уважаемого в научных кругах человека, прочитал написанный им ироническую поэму, которую шеф и иже с ним посчитали пасквилем. По этой причине автора «панегирика» уволили не только из вуза, но нигде в Новосибирске, по словам Елены Дергачевой-Скоп, не взяли...

Российская научная корпоративность умеет дружить против кого-то. Хотя был написан не пасквиль, а пародия на «Слово о полку Игореве» (по другим источникам), в которой именинник был выставлен явно не в образе коня. Но профессорская дружба оказалась настолько сильна, что Виктор и сейчас читает методику преподавания истории. Правда, уже в Москве. Имея кучу изданных книг и пособий, включая словарь цыганского языка. Но, выпустив, на защиту докторской по филологии, его там успешно завалили. Вот что значит подражать классикам древнерусской литературы.

Я эту книжку получила «исключительно по знакомству» и считаю её подлинным паспортом Юрия Лукича Мандрики — «тюменского — человека, издателя, просветителя, подвижника и краеведа». В ней всё так тонко продумано, так искусно собрано, так изумительно оформлено, такой впечатляющий визуальный ряд, а какие подписи к фотографиям! В ней так восхитительно правдиво «прочитывается» «Мандрика подлинный»: талантливый, веселый, задиристый, критичный и самокритичный, поддерживающий таланты и осмеивающий культурный снобизм и административно-высокомерное жлобство... На вид вроде бы книжка-малышка, этакий издательский сувенир, но и она не отменяет верности «магистральному ориентиру», которого Юра, как человек и как издатель, никогда не терял. Он всегда с душевным трепетом писал о талантливых и самобытных людях, восхищался их творческим даром... И от него всегда «доставалось на орехи» тем, кто активно, но безответственно «пописывал», графоманил и жаждал славы и признания... И тогда общественность имела возможность видеть неистового, яростного, бичующего Мандрику (*Mandrika furioso!*)

И он имел на это право: он много работал, знал цену своей работе и труду своих сотрудников. Он так тепло, с признательной благодарностью, и с таким восхищением говорил о тех, кто работал рядом с ним! Мне это в нем очень нравилось. А еще мне нравилось и нравится, как он бережно относится к авторам: и ныне живущим, и уже ушедшим. Наверное, были нюансы в их отношениях, но обе стороны, как правило, были людьми ответственными и добросовестными, и в результате таких отношений читатель неизменно получал издательский продукт высокого качества... Если учесть, что в этом деле «сроки всегда поджимают», то остается только удивляться, как они умудрялись не убивать друг друга в этом непрерывном производственно-творческом процессе.

Чувствую, что я никогда не завершу моего «Похвального слова Мандрике», потому что мне хочется с восхищением и читательской признательностью написать обо всём, что издал Юра. У меня есть «почти весь Мандрика»: он был щедрым дарителем, а я по мере сил старалась честно все прочесть. Так я прочитала Надежду Лухманову (и даже кое-что перевела с немецкого и французского в этой книге), Ивана Словоцова, открыла для себя поэзию Кости Михайлова, прозу Виктора Стrogальщикова, удивительные статьи Сергея Кубочкина о «Тюмени забытой», с благодарностью встречала любое упоминание о В.А. Рогачеве, с интересом читала прозу С. Н. Буровой, делилась монолитным изданием «Тобольских губернских ведомостей» с коллегами-языковедами, и они находили в них какой-то ценный для них фактический материал, открыла для себя удивительного художника Сашу Кухтерина и т. д. Добиралась ли я в этом чтении до той самой «деликатесной

кочерыжки», о которой Юра упоминает в предисловии к своей книге «Цензура поэтики и поэтика цензуры», я не знаю, но мне всегда было интересно читать то, что он издавал. Он всегда был строг, требователен и избирателен в выборе темы, автора и необычайно ответственен в способе подачи «материала».

Но я хочу сказать совсем о другом... О том, какое место занимает в моей жизни Юра Мандрика. Все пишут о том, что они «знают Мандрику более тридцати лет». И все претендуют на то, что они знают «настоящего Мандрику»... Я не берусь утверждать, что я знаю «настоящего Мандрику»: я его знаю разного.

Меня с ним познакомил Виктор Васильевич Хорольский, худой и вечно не высыпавшийся, в то время, коллега по кафедре. Ласково глядя на меня, он попросил меня принять зачет по зарубежке у его друга-заочника... Пришел друг-заочник и так отвечал на вопросы, что я подумала, что с такими знаниями и такой формой подачи он вполне мог бы быть преподавателем вместо меня... А заочник весело и лукаво поглядывал на не очень опытную ассистентку, но щадил её, и прямолинейных «проверочных» вопросов, на которые она бы не смогла ответить, не задавал...

Так я познакомилась с Мандрикой, и было это, тут тюменские хроникеры не врут, более тридцати лет назад.. Тогда Мандрика начинал осваивать Тюмень. Моему сыну в этом году будет 35 лет, а когда ему было 3 года, он, после трёх дней посещения детского сада, заболел пневмонией, осложненной обнаруженной аллергией на некоторые лекарственные препараты... Я была в страхе и отчаянии. Пришел Юра, посмотрел на всё происходящее в семье, и строго сказал, что мне надо учиться делать уколы, чтобы не таскать ослабленного ребенка на уколы в поликлинику... И он мне это так правильно и спокойно объяснил, что я потом всю жизнь уверенной рукой делала уколы своим близким сама. Он мне сказал: «Мать, жизнь — она разнообразная; уколы надо уметь делать, на всякий случай».

В течение этих тридцати лет он мог не появляться год, два, три года, но когда он неожиданно материализовывался из пространства, то всегда было чувство, что мы не виделись неделю или чуть больше. И никогда не было ощущения, что он «не ко времени». Он всегда был в нашем доме «ко времени и к месту». Однажды я его спросила, почему он дружит со мной. Он немного подумал, или сделал вид, что подумал, и решительно ответил: «Ты такие вкусные пирожки делаешь...». Мне ответ очень понравился. Я же понимала, что я — одна из многочисленных его «тюменских девушек»!.. И были даже девушки, которые хотели заручиться от него приватным, личностным к ним отношением... Я ни на что такое не претендовала, и в семье нашей за Юрой закрепился и утвердился статус друга семьи.

Наш дом наполнен подарками от Юры. Вот маленькая, изящная шкатулка из Испании, украшенная голубым бисером и крохотными зеркальными кусочками. На её крышке стоит небольшая семейная иконка, которую я привезла из Иерусалима. Она невероятно красивая в своей невычурной простоте, но её так украшают несколько бирюзовых камушков. Вместе с Юриной шкатулкой они образуют крохотный иконостас, к которому я атеистически робко подхожу утром и вечером... Эта предметная пара вызывает у меня эстетический восторг и душевный трепет... Люблю подаренные Юрой яркие и радостной расцветки салфетки из Франции: про себя я их называю «приветом из Ниццы», хотя, может быть, они и куплены в Париже... У меня каждый раз дух захватывает от восторга, когда я беру в руки букинистическую книжку, которую Юра привез из Парижа! Сто шестьдесят избранных сонетов на французском языке! Сама себе завидую, что у меня есть такая книга. Мечта библиофила! Для меня она — «наикнижнейшая Книга-Княгиня», такая она красивая, статусная (если так можно сказать о книге), с кожаным переплетом, а края страниц позолочены: и смотрится всё это, как говорят французы, *noble, tres noble* (благородно, очень благородно)! И трепетная шелковая ленточка-закладка... Высочайший образец книгоиздательского дела XIX века. Не смогла ни где найти год выпуска, но судя по авторам сонетов, — это середина XIX века (Нерваль и Верлен завершают авторский ряд этой книги). И еще одна книжка, астрологическая, посвященная знаку Девы, на французском языке. Необычного формата: узкая, вытянутая в вертикаль, красивого (кофе с молоком) цвета, а на обложке серебристым тиснением изображена Дева: с виду кроткая, как монашка, но в то же самое время неуловимо похожая на Жанну д' Арк. Узнала в этой фигуре себя, из любопытства почитала: лексически и смыслово постигать было несложно. Порадовалась, что оказалась в хорошей компании: Агата Кристи, Жорж Кювье (основатель палеонтологии), Иоганн-Вольфганг Гёте, Жан Огюст Доминик Энгр, французский художник-романтик, Альфред Жарри, предшественник сюрреалистов и абсурдистов, Ман Рэй, знаменитый фотограф-сюрреалист, Мать Тереза, Лев Толстой... Наши люди!

И еще цветы: в букетах и горшках. Дорогие по цене, красивые по виду, но декадентские (по истории культуры) орхидеи, какое-то время героически поддерживали мои усилия по сохранению их жизни, но в конце концов контрреволюционно молчаливо погибали... Я страшно переживала по этому поводу, но факт остается фактом: цветущие цветы у меня почему-то не задерживались, оставалось только то, что просто-напросто оптимистично и неприхотливо зеленело...

Цыган Мелькиадес, герой романа Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», однажды заметил: «Вещи, — они тоже живые, надо

только уметь видеть в них душу»... Мне кажется, я что-то угадала про душу тех вещей-подарков, которые принес в наш дом Юра... И он с подарками угадал...

Я до последних дней моих буду помнить, как Юра мне помог с публикацией второй монографии, которую по новым правилам необходимо было иметь для выхода на защиту докторской диссертации. В этой истории задействованы трое мужчин: проректор по науке А.Д. Шалабодов, проректор Е.Б. Заболотный и мой друг Ю.Л. Мандрика.

Шалабодов сказал, что его удивляет, что филологи так боятся обращаться в серьезные издательства. При мне позвонил одному из редакторов издательства «Наука» и попросил принять докторанта, которому надо срочно издать вторую монографию для защиты. Ему сказали номер телефона, по которому мы сможем всё обговорить. Я стала «хлопотать» по оформлению командировки.

Заболотный чуть не задохнулся от ярости, когда я изложила причину, по которой мне нужна командировка в Москву. Он метался по кабинету и грозно кричал: «Ишь, чего удумали! В издательство «Наука» им понадобилось... У меня жена докторскую пишет и ни в какую «Науку» не просится!» Я устыдилась непотребству и неуместности своих запросов, купила билеты за свой счет и поехала в столицу.

О том, что произошло в Москве, надо писать отдельно... Коротко скажу, что как-то неожиданно всё сложилось хорошо... Как будто кто-то вел... Я не верила, что это происходит со мной, что я могу сама что-то сделать в таком серьезном месте и по такому серьезному вопросу: кабинеты, серьезные люди, договор и... конверт с узнаваемым символом издательства «Наука», на который я смотрела с одновременным восторгом и ужасом: мне предстояло найти место и людей, которые помогут мне завершить эту авантюру... и опубликовать книжку. Радовало только одно, что редактор, которой поручили прочесть мою монографию, прочла её за ночь и на обсуждении сказала, что давно «ничего такого, написанного человеческим языком, не читала». Я не верила своим ушам... В поезде я почти не спала, и боялась, что коварные недруги украдут у меня науковский символ...

И только Юра знал, как распорядиться этим волшебным символом. И скоро он привез из Кургана необходимое количество экземпляров моей выстраданной «Поэтики блужданий» во французской литературе XIX века». В ней было всего 142 страницы, но это было научное издание, и по оформлению она получилась невероятно красивой. Издательство «Наука» и не ожидало, что я так быстро пришлю им «готовый продукт», они очень хвалили издательскую культуру... А про меня после этой истории по филфаку пошла дурная слава. Говорили, что «у этой Швейбельман и в Москве всё схвачено», хотя до этого у меня была устойчивая репутация «Тюти из тють»... «Ну и пусть говорят, — успо-

каивала я себя. — Должна же и у меня быть хоть какая-никакая мифология»... Но без Юры я бы это травматичное мероприятие не завершила, это точно... Кланяюсь и благодарю по сей день...

В нашей дружбе с Юрой ценю то, что мы аккуратно «соблюдаем границы», «не вторгаемся на чужую территорию». Мы довольствуемся тем, что каждый из нас хочет сказать о своих близких. Жену Юры я видела два раза, и это было давно: один раз мы были у них в гостях, один раз они парой были у нас в гостях... Перед ней я немного робела из-за её обозначенной профессии... Сексолог — это звучало так неожиданно, инновационно и пугающе-вызывающе в те времена, когда всё ещё считалось, что секса у нашего народа нет... Мне казалось, что она знает что-то такое про людей, что людей не красит... «Опасная женщина, разрушит последние идеалы, а мне в моей профессии без идеалов никак нельзя», — думала я в то давнее время. Больше мы с ней не встречались, но знаем, что они вместе, и это хорошо.

Про детство Юры и про его родителей, Марию Федоровну и Луку Павловича, про его сестер и брата я неожиданно прочитала на первых страницах его монографии «Цензура поэтики и поэтика цензуры». Бог мой! Какие проникновенные и пронзительные слова он нашел о своих близких! Несколько страниц, но каких... Каждый родитель мечтал бы о таких словах признательности и сыновней благодарности... Меня почти разнесло в клочья от этого посвящения, потому что я, как никто другой, понимала, о чем пишет Юра.

В детстве я жила в Казахстане, в населенном пункте под названием «Политотдел» (и мне такое название казалось таким же обычным, как Онохино, Антипино или Ново-Казанка). Там жили ссыльные немцы с Поволжья, молдаване, калмыки, румыны и чеченцы, которые держались особняком и мало с кем общались. Взрослых чеченцев мы побаивались, но с детьми дружили. Мама была звеньевой, а потом и бригадиром: выращивали ту самую кукурузу. Папа летом возил на грузовике пшеницу с целины... Когда я пошла в школу и сознание мое понемногу стало социализироваться, я как-то по-другому стала относиться к слову «плен», потому что из разговоров родителей я поняла, что это слово касается нашей семьи... С младшим братом Вовкой мы помогали маме писать работу по математике и русскому языку, чтобы у неё был документ об окончании начальной школы... Самым обидным словом, которым мы обменивались в детстве, было слово «сексот», но мы то думали, что оно пишется «сиксот». Это еще надо интонационно представить, как мы его произносили... Каково же было мое удивление, когда в Публичной библиотеке, в Ленинграде, читая Солженицына, я обнаружила, что это слово надо писать «сексот», а заодно узнала и его идеологическую этимологию... И образ объездчика на коне, от которого мы прятались в кустах у арыка, это тоже из того времени...

А я у папы ничего не успела толком расспросить про войну и плен, но первое немецкое слово, перевод и смысловую многозначность которого мне папа объяснил, было слово Ordnung — «порядок»... Значимое такое слово... Да и город Караганда, куда «мама ездила к папе», наверное, не случаен. Оттуда мама привезла будущую меня...

Наверное, мы и дружим с ним так методологически вроде бы и «беспричинно», но на удивление долго, крепко и взаимоотзывчиво, что исторически и хронологически мы «из одного времени». И мне нравится, что он «кустарь-одиночка». Независимый индипендент, либертен в квадрате... Он сам себе директор и курьер, сам себе дает поручения и сам их выполняет. По сути дела, он человек-Лаборатория, краеведческая лаборатория, о создании которой многие годы непродуктивно и вяло грезил филфак университета... Он архивный сталкер, охотник, первооткрыватель редких материалов, которые он оживляет и придает им современную форму. Он много ходит пешком, ходит динамично и темпераментно. Так же быстро и темпераментно он мыслит и говорит. Говорит ясно и образно, иронично и самокритично. С ним надо уху держать остро, с ним не расслабишься.

А еще мне нравится, как темпераментно он ест! Я люблю его кормить, потому что он — гость благодарный, не скупится на похвалы хозяйке. И когда сытый и довольный, сидя на диване, он дурашливо кричит: «Швейбельманы, усыновите меня, я остаюсь у вас жить!», — мы не пугаемся, а расцениваем его слова как знак нашей продолжающейся дружбы и как один из немногих факторов стабильности бытия мира, в котором в последнее время происходит черт знает какой кавардак... И мы думаем: «Слава Мандрике! Многие ему лета!»

И напоследок. Посылаю тебе тот самый стих, который я тебе несколько лет назад наговорила (да чуть ли не напела!) на автоответчик... Обещала дать письменный вариант, да как-то не сложилось... Перерыла кучу бумаг, но нашла. Он по-прежнему «совершенно несовершенный», графоманский, нулевая степень художественности, но чувства — самые искренние. И еще один грешок в нем проявляется: выпирает «литературщина», но я с этим ничего не могу поделать, потому что с головы до пят набита этими «литературными топосами». Так сказать, издержки профессии...

Мандрика, друг!

Проснись и пой!

Сегодня день рождения твой!

Желаем жить, не унывать,

И ежедневно сознавать,

Что мир прекрасен и велик:

Он жить нам радостно велит!

Ты — мужчина умный,

Хоть большой проказник!
Ты большой и мощный,
Для кое-кого — несносный...
Ты — друг по человечеству,
Ты — Рыцарь Типографии,
Ты — целователь ручек
Знакомых дам и девушек...
Ты — мифотворец, жаждущий
Фактажа, авантажа и доли эпатажа...
Ты — гость ночной с авоськами и книжками,
С шикарною закускою под крепкую перцовую,
Перцовую-медовую..!
Голиард пустынных улиц,
Ты — фланёр неутомимый...
Никакой ты не фальшивый,
Самый подлинный, ранимый..!
В ночи пришел, и в ночь ушел,
Как пилигрим, как бедуин...
Как будет время, приходи,
Ты нам как Друг необходим!
Живи, шуми, твори
На благо человечества и не во вред себе!

(28 марта 2017 года)

Одна из твоих вечных « девушек ».

P.S. Слава Богу, получилось!

Не будь строг по поводу синтаксиса и пунктуационных знаков: что-то выверила, а чего-то не заметила... Давно хотела написать тебе про тебя. Ни про кого не писала, а про тебя вот написала. Подумала, время выводит нас на финишную линию, надо успеть сказать хорошему человеку хорошие слова... Я так благодарна тебе за годы прекрасной и качественной дружбы, и за душевную приязнь, которую Ты всегда проявлял к нашей семье...

Будь здоров и счастлив!

Содержание

	Слово редактора
<i>Юрий Мандрика</i> . Хроники «желтого» рева	2
	Сенсация № 1
<i>Юрий Мандрика</i> . Канцелярия Гражданской войны	10
Документы XX века	
Канцелярия Гражданской войны. <i>Сост. Юрий Мандрика</i>	13
Приказы по гарнизону гор. Тюмени (январь — начало марта 1918 г.)	24
Приказы по гарнизону г. Тюмени (август 1918 г.)	30
Приказы по войскам Тюменского гарнизона (1 января 1919 г. — 29 июня 1919 г.)	32
Приказы по 6-му Сибирскому Степному кадровому полку (ноябрь—декабрь 1918 г.)	59
	Сенсация № 2
Возвращение имени	
<i>Юрий Мандрика</i> . Судьба офицерства красного и белого: Автор «Кonya бледного» В. Ропшин бывал в Тюмени	85
Документы XX века	
Скандал сибирского масштаба: История из жизни белых офицеров, служивших в Тюменском военном округе (в документах)	91
Читалка «БГ»	
<i>Константин Язвин</i> . Герои и предатели нашей Родины	93
<i>Вениамин Рычков</i> . Как они оправдываются?	100
	Сенсация № 3
<i>Юрий Мандрика</i> . Еще раз о таинственном событии, которое произошло 13 марта 1919 г. в г. Тюмени	114
Документы XX века	
<i>Приложение 1</i>	117
<i>Приложение 2</i> . Событие глазами его участника — военного руководителя	130
<i>Приложение 3</i> . Расследование заезжего начальника	137

I. Обстоятельства, предшествующие восстанию	138
II. Восстание мобилизованных в Тюмени	142
III. Ликвидация восстания	157
Заключение	165
<i>Приложение 4. В прокрустовом ложе официоза:</i>	
Событие в приказах	166

Сенсация № 4

Возвращение имени

Елена Долгушина, Надежда Никулина, Владимир Темплинг.

    Андрей Степанович Аржиловский: Голос из прошлого .....

Читалка «БГ»

Андрей Аржиловский. Голос бывшего человека .....

Сообщения

Александр Петрушин. Кто вы, маршал Блюхер? .....

Ольга Волкоморова. Брошюры Льва Толстого в Тобольской губернии... ..

Марина Волкова. Тюменский клад доктора В.Д. Петрова .....

Людмила Кайгородова. Мешок волшебных кружев... ..

Сергей Егоров. «Душа — алтарь без божества...» .....

Библиография периодики

Юрий Мандрика. Пока еще некомплект...: В поиске номеров

    «Свободного слова», издававшегося в Тюмени в годы

    Гражданской войны .....

Краеведение

Юрий Мандрика. По накатанной колее: Степан Мамеев

    в другой ипостаси .....

Читалка «БГ»

Степан Мамеев. Из писем книготорговцу Павлу Петровичу

    Шибанову .....

Владимир Темплинг. «Добрососедство» с историей, культурой, природой... (тюменские краеведы советской эпохи:

    А.Л. Емельянов) .....

Читалка «БГ»

Через сибирскую границу в 1860-х: Критически настроенные журналисты, колониальные офицеры, польские изгнанники и иностранцы из Китая / Переводчик и сост. Ф. Корандей .....

1. 1861, июль. *Poussieltgüe, Achille. Voyage en Chine et en Mongolie de m. de Bourboulon, ministre de France, et de madame de Bourboulon, 1860–1861* .....

2. До 1859? *Завалишин И.И. Описание Западной Сибири*. Т. 1. Москва, 1862; 1861, конец августа. *Завалишин И.И. Путевые заметки (Тобольская губерния)* // ТобГВ. 1863. Часть неоф. № 41–47; 1863?, апрель–май. *Завалишин И.И. По сибирским дорогам* // Якорь. Петербург, 1864. № 8–10 232
3. 1862, июнь. *Шелгунов, Н.В. Сибирь по большой дороге* // Русское слово. 1863. Февраль. I отд. 236
4. 1862, август. *Кропоткин П.А. Дневники*. Тетрадь № 1. От Петербурга через Москву и Калугу до Иркутска // Дневники разных лет. Москва, 1992 248
5. 1862, август. *Турбин, С.И. Страна изгнания и исчезнувшие люди*. Сибирские очерки. Санкт-Петербург, 1872 250
6. 1863, лето. *Wylie, Alexander. The Overland Journey from St. Petersburg to Peking* // Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society. New Series. № I. 1864. Shanghai, 1865. Pt. IV 255
7. 1863, ноябрь. *Michie, Alexander. The Siberian overland route from Peking to Petersburg, through the deserts and steppes of Mongolia, Tartary, etc.* London, 1864 256
8. 1864, июль. *Tabenska, E. Z doli i niewoli: wspomnienia wygnanki*. Kragow, 1897. S. 88. 257
9. 1865, февраль. *Pumpelly, R. Travels and adventures of Raphael Pumpelly: Mining Engineer, Geologist, Archaeologist and Explorer*. New York, 1920 258
10. 1865, март–июнь. *Czernik, W. Pamietniki weterana 1864 r.* Wilno, 1914 259
11. 1865, март–июнь. *Kowalewska, Zofja. Ze wspomnien wygnanca z roku 1863*. Wilno, 1911 261
12. 1865, июль. *Гейнс, А.К. Дневник 1865 года. Путешествие по Киргизским степям* // Гейнс А.К. Сб. литературных трудов. Санкт-Петербург, 1897. Том I 266
13. 1866, июнь. *Пантелеев, Л.Ф. Дела давно минувших дней* // Пантелеев, Л.Ф. Воспоминания. Москва, 1958 268
14. 1866, лето. *Флеровский Н. (Берви В.В.). Три политические системы: Николай I, Александр II, Александр III*. Лондон, 1897 270
15. 1867, январь. *Knox, T.W. Overland through Asia. Pictures of Siberian, Chinese, and Tartar life*. Chicago, 1871 271
16. 1867(?), летнее время. *Borowski, Konstanty. Na obcym chlebie (Wspomnienia powstanca i sybiraka z 1863 roku)* // Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Wroclaw, 1998 273
17. 1869, август. *Неизвестный путешественник. Rough Notes of Journeys made in the years 1868–1873 in Syria, down*

**the Tigris, India, Kashmir, Ceylon, Japan, Mongolia, Siberia,
the United States, the Sandwich Islands, and Australasia.**

London, 1875 276

Архивная пыль

<i>Надежда Никулина, Владимир Темплинг.</i> Одиссей советской формации. Предисловие к дневнику нежертвы	290
Сергей Чертищев. Дневник 1930 г.	306

Продолжение темы

<i>Николай Янков.</i> «Этот смех будет последним и роковым приговором Вашему творчеству»: Письмо Антону Сорокину	382
---	-----

Юбилей «БГ»

<i>Юрий Мандрика.</i> «Кипящий бульон» медленно превращается в Гольфстрим	394
Флэшмоб «Юбилей Лукича»: Из ленты ФБ. И не только.....	396
Надежда Антуфьева, Павел Девайкин, Людмила Кайгородова, Людмила Караваева, Иван Мальцев, Александр Новопашин, Светлана Павлова, Юлька Речкалова, Володя Соловьев, Наталья Суворова (Омск), Михаил Мандрика (г. Москва), Владимир Темплинг, Ольга Ушакова, Виктор Хорольский (г. Воронеж), Виктор Шаповал	
<i>Надежда Швейбельман.</i> Мой друг Мандрика	404

Всякая всячина

Замеченные ошибки в № 3 «Большого городища»	416
Авторы номера	416

Замеченные ошибки в № 3 «Большого городища»

Следует читать:

С. 14, сноска 15, 2-я строка сверху —
«ника областной Думы Сергея Трофимова, затеявшего электронное изда-».

С. 106, 2-я колонка, 2-й абзац снизу, строки 4–5 сверху —
«ного состава второго омера ушел семиклассник. Кроме П. Ки-».

С. 279, 2-я колонка, 2-й абзац сверху, строка 2 сверху —
«сентябре 1837 года в Виленской».

Приношу всем читателям свои извинения.

Редактор-издатель.

Авторы номера

Волкоморова Ольга Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Тюменского государственного университета.

Кайгородова Людмила Владимировна — выпускник исторического факультета. Работала в различных библиотеках, преподавала в Тюменском государственном институте культуры. Сейчас на пенсии. Живет в Тюмени.

Егоров Сергей Иванович — историк по образованию. Работал в школе. В настоящее время занимается пропагандой краеведческих знаний на базе отеля «Восток» (г. Тюмень).